Анатолий Терещенко

ТАЙНЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

МИР ШПИОНАЖА

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ
www.argumenti.ru • ВЫХОДИТ ПО ЧЕТВЕРГАМ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена судьбам наших соотечественников первой волны белой эмиграции из России, возникшей вследствие событий Первой мировой войны 1914–1918 годов, русских революций — Февральской и Октябрьской 1917 года и почти шестилетней Гражданской войны 1917–1923 годов, в которой погибло более 10 миллионов российских граждан. Первое советское правительство, так называемая ленинская гвардия, состоящее в большинстве из пришлых людей, инородцев, поделило Россию на «белых» и «красных», что можно считать своеобразным российским холокостом. Это и есть тот ящик Пандоры, из которого по России разлетелись многие несчастья. О миллионных жертвах православных россиян в ходе этого «забытого» явления, перед которым меркнут сталинские репрессии, до сих пор не хотят ни говорить, ни писать. Для широкого круга читателей.

- Анатолий Терещенко
  - Предисловие
  - Век утраченных иллюзий
  - Две революции
  - Севастопольская побудка
  - Гражданская сшибка
  - Колчаковцы
  - Кровавый Дон
  - Смерть Корнилова
  - Уходили мы из Крыма…
  - «Философские пароходы»
  - Белый Берлин
  - Парижские штабы
  - Две удачные зацепки
  - Таинственная Матильда
  - Поэт казачьего зарубежья
  - Казак — убийца президента Франции
  - Охота на «хорьков»
  - Гибель Кутепова
  - Тайны Сержа Лифаря
  - Своя ли среди чужих?
  - Олимпиада 1936 года
  - Заигрывание с Гитлером
  - «Агент над потолком»
  - Плевицкая и Скоблин

- Мастер, Гений и Маргарита
- Эфрон, Ариадна и Цветаева
- Куприн — операция по выводу
- Миллер в западне
- Казаки на чужбине
- Кровавый шабаш Кононова
- Группа Паннвица
- Казачий коллаборационизм
- Французский легион и русские
- Послесловие
- Список литературы

Анатолий Терещенко
Тайны серебряного века

Предисловие

Убегая за море, мы меняем небеса, но не душу.

Овидий

В конце XIX — начале XX столетия Россия переживала не столько промышленный бум, сколько интеллектуальный подъем, особенно ярко проявившийся в философии, публицистике и художественной литературе — прозе и поэзии. Многие деятели культуры этот процесс называли русским ренессансом. Николай Бердяев определил это время как серебряный век после золотого века эпохи А. С. Пушкина.

> *«Сейчас с трудом представляют себе атмосферу того времени, — писал Бердяев о серебряном веке в своей философской автобиографии «Самопознание». — Многое из творческого подъема того времени вошло в дальнейшее развитие русской культуры и сейчас есть достояние всех русских культурных людей. Но тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов. В эти годы России было послано много даров. Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии, обострение эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувство заката и гибели с надеждой на преображение жизни. Но все происходило в довольно замкнутом кругу…»*

С другой стороны, XX век в буквальном смысле взорвал планету войнами и дал столько исторических событий, память о которых, особенно в России, должна и будет будоражить пытливые умы еще долго.

Первая мировая война высветила не только отсталость России, но и национальный вопрос. Она дала трактовку современной формы национального движения и вывела на арену истории те массы народа, которые как бы крепко спали до этого историческим сном.

Поражение России в Крымской и Русско-японской войнах осталось «незамеченным» царями, принявшими трагические

события за слабость народного возмущения и нежелание «как следует воевать».

В истории отношений России с Западом на протяжении многих веков отчетливо проявлялись две диаметрально противоположные тенденции. Одна — на сближение с западным образом жизни, создание того, что сегодня называют «единое европейское пространство». Другая тенденция была обращена в сторону востока — к степным и таежным просторам: Уралу, Сибири и Дальнему Востоку. Она проповедовала самобытность отечественной культуры, желала отгородиться занавесом, в том числе и железным, от всего того, что несет Запад.

Запад всегда смотрел на Россию враждебно, подло называя ее азиатчиной, бесправной окраиной Европы. Ничего в этом вопросе, к великому сожалению, не изменилось до сих пор. Западу выгодна слабая, обездоленная, разоруженная Россия.

Еще в 80-х годах XIX века креатура Бисмарка — Э. Гартман, выступая с программой германской политики на Востоке, доказывал, что все политические, экономические и культурные задачи России лежат не в Европе, а в Азии. Он же в связи с этим предлагал европейскую часть оторвать от России и создать в ходе ее раздела два государственных образования: «Балтийское королевство» на территориях, лежащих к западу от Москвы и прилегающих к Балтийскому морю, и «Киевское королевство» — на территориях юго-запада России с Украиной и Крымом.

По его мнению, граница должна была проходить по линии Витебск — Днепр — Курск — Саратов — Волга — Астрахань.

В соответствии со взглядами Бисмарка действовали и кайзеровское правительство, и его разведка. Политика «Дранг нах Остен» — это вовсе не гитлеровское новаторство, она проводилась еще раньше. Одним из ее проявлений стал рост числа немецких колонистов в России — «пятой колонны» Германии в нашем Отечестве…

Но вернемся к двум диаметрально противоположным тенденциям.

Первая доминировала во времена Киевской Руси и в периоды правления династии Романовых, а также мига недалеких и амбициозных политиков Горбачева и Ельцина, потерявших не только совесть, но и честь, а с ними и великую страну.

Вторая генерировалась с золотоордынским владычеством, сохранилась в эпоху собирания русских земель, в века Третьего Рима, Смутного времени и существования красной империи.

Правящий класс России накануне XX века не был связан в единый узел с народными массами, живущими в собственном мире доиндустриальной эпохи, ведь страна была в основном

крестьянская.

Элита императорской России не обладала уверенностью в себе, ясным пониманием ситуации, энергией патриотического спасения, которая позволила, скажем, британской аристократии образовать союз с нарождающейся буржуазией, создать жесткую и прочную основу нации, не потерявшей самоуважения и в то же время восприимчивой к ценностям технической цивилизации.

Аристократия Санкт-Петербурга доказывала своими действиями, что для русской буржуазии дело реформирования России безнадежно. И никогда в России не создавался основательный средний класс — гарант стабильности, противник революций.

Хранить и защищать святую Русь предоставили не авангарду ее народа, а государству, западное происхождение которого вызывало едва ли не естественное отчуждение…

Гордость России — ее интеллигенция никогда не признавала себя тем, чем она фактически являлась, то есть прозападной интеллектуальной элитой, самоотверженной и почти воспринявшей отчуждение от народа как естественное состояние… Интеллектуально их родиной был Запад, хотя эмоционально, разумеется, горячо любимая Россия…

Год 1914-й сделал предположение правилом, предчувствие — аксиомой. Поражение царской России в Первой мировой войне стало началом ее конца. Для 18 миллионов одетых в серые суконные шинели русских их западная граница стала кордоном глубоко и жестоко враждебного мира. Это и привело к советской изоляции.

Таким образом, в одном народе, в одной нации было практически два народа, две нации, взаимоисключающие «синтез» духа Запада и русского духа. Царь Николай II надеялся, что, победив в Первой мировой войне, Россия с союзниками, Францией и Англией, войдет в Центральную Европу и Средиземноморье. Войдет победительницею. Но этот союз, созданный недальновидной дипломатией и продажным генералитетом, оказался совсем не прочным. После 1917 года эти страны пошли войной теперь уже на Советскую Россию.

По мнению многих историков, России же нужен был союз с Германией в большей степени, чем с Францией и Англией. Германия в начале прошлого века являлась лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германской технологии, в германских капиталах и в германских специалистах, в инженерах и организаторах, которых сегодня мы называем менеджерами. Дипломатическое замыкание России на Запад в пику Германии делало ее заложницей не контролируемых

ею политических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие, всегда к ней враждебные руки.

Последние дни Первой мировой войны, которая началась в августе 1914 года и закончилась в ноябре 1918 года, остались в памяти у начальника германской военной разведки полковника Вальтера Николаи как дни позорного крушения, которого можно было избежать. По его мнению, войну проиграло политическое руководство страны. Именно оно и начавшиеся революционные события «вонзили нож в спину» фронтовикам, которые, если бы этого не было, продолжали бы сражаться пусть не до победы, но до заключения почетного мира наверняка. Страсти угомонились бы как в Германии, так и в России. И кто знает, может быть, и не было бы ни 1917-го, ни 1933 годов.

Расплата пришла в конце войны: для Германии — Версальскими позорными договоренностями, а для России — Февральской и Октябрьской революциями, унизительным Брестским миром, Гражданской войной, построением социализма и многими десятилетиями разобщения с Европой, искавшей на восточнославянских просторах только выгоду.

Интерес к забытой трагедии России и размышления многих ее участников, как шла Первая мировая война и почему она закончилась гибелью Русской армии и Российской империи, должны послужить нам и уроком, и путеводной звездой на пути к воссозданию нового, стабильного и социально ориентированного государства.

Две революции 1917 года и Гражданская война 1917–1923 годов вздыбили Россию. Новые правители поделили ее на «красных» и «белых». Началась кровавая рубка. Непринятие разных идеологий породило террор, а за ним массовый уход и выдворение на Запад элитарной научной и творческой среды серебряного века.

О тайных пружинах в деятельности представителей русской эмигрантской интеллигенции в Париже и других городах Европы и пойдет речь в этой книге.

Век утраченных иллюзий

Начавшаяся в 1914 году Первая мировая война — самое неосмысленное безумие нового века. Без всяких веских причин и без всяких жизненных целей три великие европейские державы — Германия, Россия и Австро-Венгрия — сцепились насмерть, чтобы двум империям уже не восстановиться, не выздороветь в этом веке, а третьей — рассыпаться на осколки. Вся Европа утратила свой авторитет как водителя человечества, а колониальная система посыпалась из ее ослабевших рук. А как все хорошо начиналось — люди надеялись в новом столетии обрести спокойствие.

Нечто подобное происходит и в настоящее время между Западом и Россией, которую пытаются поднять на дыбу санкций ее недоброжелатели. Но вернемся к теме настоящего повествования.

Накануне войны произошло два знаменательных события. Одно считалось многообещающим, другое — взрывоопасным.

Первое.

Май 1914 года, Гаага. Здесь в торжественной обстановке в присутствии представителей практически всех стран был открыт Дворец мира. На этом всемирном сборе XX век провозглашался золотым веком — веком мирного сотрудничества народов, столетием без войн и потрясений. Его еще называли веком единения и дружбы людей, независимо от их вероисповедания и места проживания.

Второе.

В Сараево 15 июня по злой воле погибают австрийский эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга. Убийцей был студент-гимназист — боснийский серб Принцип. Австро-Венгрия 12 июля предъявила ультиматум Сербии. А Сербия все свои надежды возложила на Россию, так как выдержать удар начавших уже мобилизацию 11 австро-венгерских корпусов она не могла.

На обращение сербского престолонаследника Александра российский император Николай Второй лаконично и твердо ответил:

— Россия никогда не останется равнодушной к судьбе Сербии.

Царь Николай Александрович 13 июля 1914 года приказал ввести «предмобилизационное положение», которое должно было начаться 17 июля, а уже на следующий день он объявляет полную мобилизацию, никакой опасности для Германии не представляющую.

В Германии эти меры были приняты за пять суток до этого, а 17 июля Вильгельм II провел у себя полную мобилизацию.

Он объявил войну России 19 июля в 19:00 и стал требовать того же от колеблющегося венского правительства. Начальник Генерального штаба германской армии граф Мольткемладший потребовал от австрийского генерала Конрада общей мобилизации австро-венгерской армии против России. Ждать ответа от австрийцев долго не пришлось — 24 июля Австро-Венгрия объявила войну России, мотивировав тем, что «Россия объявила войну ее союзнице — Германии!»

* * *

Попытки австро-венгров нанести удар в спину сербам сильным отрядом албанцев потерпели неудачу, так как итальянцы запретили отправку со своего побережья оружия и боеприпасов балканским мусульманам.

Германия в борьбе с Францией и Россией уповала на так называемый план генерала (с 1911 года фельдмаршала) Шлиффена — военного стратега, начальника немецкого генерального штаба с 1891 по 1905 год.

По существу, к разработке плана войны немецкие военные приступили еще в 1895 году и продолжали совершенствовать его вплоть до 1914 года.

В генштабе среди разработчиков плана проходили урапатриотические и исторические диспуты, сводившиеся к оценкам окружения Германии. Выступая перед офицерами, Шлиффен констатировал:

— С самого начала германской истории мы вследствие неблагоприятного географического положения в центре Европы были более подвержены опасности нападения. Нашим западным соседом был и есть французский народ — самый беспокойный, честолюбивый и тщеславный из всех европейских народов.

На востоке нас окружали славянские народности, исполненные неприязнью к немцу, который был для них учителем высшей культуры и которого они преследовали с той жестокостью и злобной ненавистью, какую питает непокорный и грубый воспитанник к своему серьезному учителю…

Взаимоотношения между нами и англичанами в течение столетий подвергались разным изменениям. В общем и в целом Джон Буль всегда придерживался той точки зрения, что бедному немецкому родственнику можно оказывать покровительство и протекцию, при случае использовать его для черной работы, но

никогда нельзя становиться с ним на равную ногу. По существу, нас никто не любит. Больше могу сказать, такая антипатия существовала еще до того, как зависть к созданной Бисмарком мощи и благосостоянию нашей страны обострила неприязнь к нам.

Вот почему мы должны быть вооружены реальным планом обороны и нападения…

А начинался этот процесс так.

После подписания в 1904 году англо-французского союзнического соглашения канцлер Вильгельм попросил Альфреда фон Шлиффена разработать такой план, который позволил бы Германии вести войну на двух фронтах одновременно, и в декабре 1905 года фон Шлиффен приступил к работе. В основе плана лежала идея быстрого, в течение 42 дней, захвата Франции. Считалось, что Россия не сможет помочь своей союзнице, так как ей для мобилизации потребуется не менее 100 суток, а значит, она успеет поставить под ружье только половину своей армии.

План Шлиффена предусматривал спокойную «работу» на Западном фронте с сосредоточением там до 90 % немецких дивизий: пока германские войска будут осуществлять антифранцузскую операцию, российские силы должна сдерживать австро-венгерская армия вместе с незначительным количеством немцев на фронте в Восточной Пруссии.

Были приняты меры для недопущения связи Сербии с Россией. Для этого диверсанты разрушили телеграфную линию Ниш — Кладово, через которую поддерживался контакт Белграда с Петроградом. Но главное заключалось в том, чтобы не допустить перевозки по Дунаю русских войск, вооружения, боеприпасов и фуража. В сербские порты направлялись банды для разрушения пристаней, депо, ангаров, складов и пароходов.

А на улицах и площадях, скверах и во дворах Белграда уже больше недели, как начали рваться австрийские снаряды.

Царская Россия вступила в войну, выполняя союзнические обязательства перед Францией. Кроме всего прочего, она захотела решить еще одну задачу — остановить Германию на пути к полной и неделимой гегемонии в Европе. Но эта война, сокрушившая миллионы человеческих судеб, не принесла ожидаемой победы ни одной из сторон.

На первый взгляд, Россия, заключившая союз 4 сентября 1914 года с Западом в Лондоне, обезопасила себя вовне, но царь не учел одного — критического состояния внутреннего фактора. С одной стороны, крестьянская масса с ее нищетой. Это был заряд страшной разрушительной силы, сразу же взрываемый стихией в

случае военных неудач. А с другой стороны, болезнь, загнанная внутрь Столыпиным, снова стала проявляться. Забастовки и рабочие волнения принимали стихийный характер. Их география постоянно расширялась.

Почему не был спрогнозирован такой поворот событий окружением монарха, правящего, по существу, аграрной страной? Так невольно закладывался царской верхушкой мощный заряд под саму Россию. На вопрос качества заряда и временных рамок его подрыва давно уже дан ответ историками и писателями. Большевики же умело вставили взрыватель и подвели бикфордов шнур к этому заряду.

Нужно отметить, что смелость в принятии решений о войне с Россией придавала Германии и Австро-Венгрии обильная информация об экономическом, политическом и оборонном не столько состоянии, сколько несостоятельности противника.

За период с 1901 по 1911 год в России были учреждены 184 иностранные компании с капиталом 267 656 тысяч рублей. Больше половины этих компаний было в горной промышленности. К началу войны общая сумма иностранных капиталовложений в русскую промышленность составляла 1322 миллиона рублей, это 47 % всего акционерного капитала.

Опасно для страны было еще то, что в руках иностранного капитала, главным образом английского, французского и бельгийского происхождения, находились такие важные отрасли промышленности, как металлургическая и топливная. Так, на долю акционерных обществ с иностранным капиталом приходилось свыше 70 % всей добычи такого стратегического сырья, как уголь на шахтах в Донбассе.

Английскому капиталу была подчинена почти вся цветная металлургия России. Немецкий капитал держал около 90 % действовавших в стране электротехнических предприятий, почти всю химическую промышленность и значительную часть предприятий военной промышленности.

В частности, в его руках находились Невский судостроительный и механический завод, предприятие Крейфтона (Охтинское адмиралтейство), завод Ланге (в Риге), завод Беккера, общество «Ноблесснер», завод «Феникс», предприятия Лесснера — «Русский Уайтхед», заводы Гартмана, Коломенский машиностроительный завод, акционерное общество «Треугольник», Шлиссельбургский пороховой завод, «Русское общество артиллерийских заводов» и др.

Французский капитал распоряжался двумя важнейшими производственно-стратегическими обществами: «Общество русско-балтийских заводов» с капиталом 15 миллионов рублей, а

также «Русское общество для производства артиллерийских снарядов и военных припасов».

Анализ появившихся за последний период открытых источников по этому сегменту российской экономики того времени показал, что во время войны влияние и удельный вес иностранного капитала в хозяйственной жизни страны еще больше повысились. Фактически произошло даже усиление экономической зависимости России от иностранного капитала с долей более 50 % акционирования промышленности.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

— в Первую мировую войну Россия вступила не только в результате собственных побуждений и мотивов, но и под влиянием английского и французского капиталов;

— экономическая зависимость России от своих партнеров — Англии и Франции — позволяла последним навязывать ей в ходе войны, особенно за предоставляемые займы и поставки вооружения, такие условия, которые сводили фактически на нет ее самостоятельную роль в этой войне. Они же заставляли Россию воевать не столько за свои империалистические интересы, сколько за чужие намерения и планы;

— усилившееся перед войной, и особенно за время войны, вторжение иностранного капитала, захват им командных высот в промышленности и банках, хищническое истребление природных богатств, вывоз огромных прибылей за счет эксплуатации дешевого наемного труда русских рабочих создавали условия, при которых Россия легко могла превратиться в полуколонию иностранного империализма.

От этого царскую Россию спасла Октябрьская революция, ликвидировавшая капиталистическую частную собственность, в том числе и собственность иностранных монополий, займы и долги иностранным государствам, с помощью которых они держали страну в узде.

* * *

Нечто подобное творится сегодня в современной России. Запад до сих пор не разрешает нам поставлять новые технологии, на что рассчитывали вожди «новой российской демократии», всякого сорта либералы. Они согласились только с вывозом прибыли от своего работающего капитала в виде инвалюты.

Современные события на Украине, порожденные Западом, и в первую очередь США, ударили по РФ политическими и экономическими санкциями. Но это другая очень серьезная тема.

Однако вернемся же к началу XX века.

Деятельность, которую осуществляли австрийская и германская разведки, носила широкомасштабный характер. Успеху этих спецслужб способствовал тот факт, что их агентура проникла в самые верхи государственного руководства и военного управления России. В руки обеих разведок систематически попадали важные госсекреты. Дошло до того, что они получили даже копию плана подготовки России к войне 1914–1918 годов.(!!!)

Поэтому вред, причиненный русской армии, был настолько огромен, что он, естественно, губительно сказывался на протяжении всей войны.

Вокруг военного министра Сухомлинова и жандармского подполковника Мясоедова крутились подозрительные личности. В конечном итоге царская контрразведка доказала причастность этих типов к агентуре противника. Выстраивалась целая галерея мастеров «плаща и кинжала», занимающихся почти открыто шпионской деятельностью.

Ими были:

· отец и сын Альтшиллер,

· братья Фрейдберг,

· корреспондентка ряда берлинских газет Аурих,

· доктор философии Поли-Полачек,

· баронессы Зейдлиц и Штемпель,

· полицейские офицеры барон Гротгус и Фейнат,

• начальник отделения главного интендантского управления генерал Грейфан,

· русский подданный Шиффлер,

· вторая жена военного министра России Бутович,

· убийца Столыпина Богров, и другие.

Работу против России германский генеральный штаб вел по разным направлениям. Так, согласно его директивам № 2348 и № 2348-бис, предписывалось, что каждое германское предприятие в России должно было принять на работу определенное число агентов германской разведки. Те предприятия, на которых активно работала немецкая агентура, получали дополнительное финансирование из особых фондов генштаба. Все 439 фирм и предприятий с австро-германским капиталом в России в той или иной мере были привлечены к шпионской деятельности.

И уже к концу 1913 года германская и австрийская разведки обладали широким диапазоном шпионской информации: о состоянии промышленного производства в России, о пропускной способности железных дорог, заказах военного ведомства, производственных мощностях заводов по производству

боеприпасов и т. п.

В 1914 году германский генеральный штаб получил из России секретнейший документ — «Перечень важнейших мероприятий военного ведомства с 1909 года по 20 февраля 1914 года». Документ был настолько секретным, что о нем могли знать только четыре человека в государстве: царь, военный министр, начальник Главного управления Генерального штаба и председатель Совета министров.

Однако все действия вражеской агентуры оставались безнаказанными. Сказывалось преступное покровительство подозреваемых в шпионаже со стороны высоких инстанций — царя, его супруги — немки, военного министра и других госчиновников. Правда, в конце концов Мясоедов был разоблачен, арестован и 19 марта 1915 года повешен.

Сухомлинова взяли под стражу 21 апреля 1916 года, но царь уже 11 ноября его освободил, отправив министру юстиции телеграмму с таким текстом:

> *«Ознакомившись с данными предварительного следствия верховной комиссии, нахожу, что не имеется оснований для обвинения, а посему дело прекратить.*
>
> *Николай. 10 ноября 1916 г.».*

И это несмотря на то что арестованный в 1915 году австрийский шпион Ярош, он же Мюллер, дал показания о том, что Сухомлинов был австрийским шпионом, от него получено много ценных сведений, но не лично, а через приближенных к нему людей. Допрос Мюллера проходил в Ставке, и царь Николай знал его показания о Сухомлинове, но они были, как видите, проигнорированы правителем России, истекающей кровью не только из-за бездарности некоторых генералов, но и вследствие шпионажа и предательства.

Интересная деталь. Судьба все же еще дважды поднимала над Сухомлиновым меч правосудия. Его арестовывало Временное правительство, но Керенский спас предателя, а потом советское руководство его амнистировало якобы по возрасту — бывшему военному министру исполнилось 70 лет. В 1918 году он выехал через Финляндию в Германию, где и умер в Берлине в 1926 году…

* * *

Однако вернемся к событиям в стране накануне Большой

войны.

В газетах и журналах, на листовках, расклеенных на стенах домов и заборах, появилось воззвание, подписанное Главкомом Николаем Николаевичем Романовым.

«Братья. Творится суд Божий. Терпеливо, с христианским смирением, в течение веков томился русский народ под чужеземным игом, но ни лестью, ни гонением нельзя было сломить в нем чаяний свободы.

Как бурный поток рвет камни, чтобы слиться с морем, так нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению.

Да не будет больше подъяремной Руси. Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой, нераздельной России.

Да свершится Промысел Божий, благословивший дело великих собирателей земли Русской.

Да поможет Господь царственному своему помазаннику Императору НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ Всея России завершить дело великого князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на

сретение русской рати. Освобожденные русские братья! Всем вам найдется место на лоне Матери-России.

Не обижая мирных людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья в притеснении иноземцев, как это делали швабы, обратите меч свой на врага, а сердца свои к Богу с молитвой за Россию, за русского царя.

Верховный Главнокомандующий

генерал-адъютант НИКОЛАЙ

3 августа 1914 года».

Территория Российской империи к концу XIX века составляла 22,4 млн кв. км. Это одна шестая часть суши. Она занимала второе место в мире, после Британской империи. По единственной в истории страны переписи 1897 года, население составляло 128,2 млн человек, в том числе население Европейской России — 93,4 млн человек.

Летом 1914 года все военнослужащие действующей армии, а с октября того же года все военнослужащие на территории России

надели полевые погоны. Хотя парадная и повседневная формы одежды отменены не были, но последовали примеру царя, надевшего с началом войны простую солдатскую гимнастерку с погонами пехотного полковника и не снявшего ее вплоть до своей трагической гибели.

Носить золотые погоны мирного времени с 17 июля 1917 года считалось дурным тоном. В конце 1914 года производство золотого и серебряного галуна для погон было вообще прекращено и более уже никогда не возобновлялось в царской России.

Для шинелей погоны шились из сукна защитного цвета, а для мундиров, гимнастерок — из зеленого молескина. Нашивки нижних чинов были темно-оранжевого цвета. Цвета шифровок — номера полка или вензель шефа полка — были установлены следующие:

— желтая — пехота,
— малиновая — стрелковые части,
— голубая — кавалерия,
— красная — артиллерия,
— коричневая — инженерные войска,
— синяя — казаки,
— светло-зеленая — железнодорожные войска,
— белая — обоз.

Вслед за введением полевой формы вводился режим строжайшей экономии, но российское руководство словно забыло об ответственности перед своим народом, жившим совсем не так, как жили граждане союзнических стран.

Николай II считал, что своим участием в фактически общеевропейской гражданской войне он наберет очки для авторитета на политическом подиуме Европы. Холодный душ, пролившийся на царя после поражения России в Русскояпонской войне, не остудил его воинственного пыла.

Хотя военные реформы 1909–1914 годов и сделали русскую армию более современной, но лишь по сравнению с 1905–1907 годами, однако военный министр Сухомлинов не раз докладывал императору о конкретных слабостях русской армии, не достигшей мощи основного противника — Германии. Да, царь мог слушать собеседника, но всегда поступал по-своему, как говорится, игнорируя совет Конфуция: посылать людей на войну необученными — значит предавать их.

Надо признать, что начало войны в России было встречено с патриотическим подъемом. Что-то великое, напоминающее 1812 год, чувствовалось в народе. Особенно после обещания царя не заключать мир, пока хоть один вооруженный неприятель

останется на русской земле. Благодаря объяснимой приподнятости в обществе мобилизация протекала практически без шероховатостей.

Запасников пришло во вновь сформированные части на 15 процентов больше нормы. Понятно — заступничество за православную Сербию нашло широкий отклик в сердцах россиян. Вчерашние космополиты становились националистами. В народе появилась даже ранее невиданная ярость против засилья всего немецкого. Но интеллигенция осталась в стороне. Она только болтала о патриотизме в салонах и клубах, на балах и в ресторанах, в кабинетах и усадьбах. На алтарь Отечества ложились жизни только серой солдатской и большей частью офицерской массы. И все же всей стране так и не удалось на деле слиться с армией.

Две революции

Тяжелое, если не катастрофическое положение на фронтах к 1917 году заставило некоторых политиков и генералов усомниться в правильности экономического и политического курса императора Николая II. Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 годов, незавершенность первой революции 1905–1907 годов, в ходе которой не был решен главный вопрос демократического общества (именно к нему призывали либералы всех мастей и оттенков) — созыв Учредительного собрания. Рабочие тоже к властям предъявляли требования о необходимости введения 8-часового рабочего дня. Несмотря на реформы Петра Столыпина, аграрный вопрос тоже повис в воздухе. Главное требование крестьян — разрешить, наконец, проблему с землепользованием — тоже осталось всего лишь обещанием. Неосуществимыми оказались и другие демократические преобразования.

Главными же предпосылками к Февральской 1917 года революции были неудачи на фронтах — гибель миллионов солдат, проблемы с боеприпасами, оружием и питанием. Заметно ухудшились условия жизни в стране. Политический кризис в ходе войны обострился еще больше. Роль Распутина, вмешивающегося в семейную жизнь венценосцев, а через них и в дела государя, выводила из себя монархистов, что предопределило трагичный исход «державного старца». Он был убит и спущен в Неву под лед в прорубь, где горожане брали воду.

«Сваи империи зашатались, — рассуждала раздраженная царица Александра Федоровна, — однако не все потеряно. На силу надо силу, силу, силу, иначе все будет потеряно».

Она прошла в кабинет и тут же быстро набросала текст депеши своему супругу, которая пришла 24 февраля Николаю II из Царского Села, от императрицы:

> *«Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально.*
>
> *Аликс».*

Внимательно прочитав телеграмму, царь приказал командующему Петроградским военным округом генерал-лейтенанту С. С. Хабалову сделать все возможное, чтобы на

корню пресечь беспорядки силами воинских частей. Он шлет, в свою очередь, такую депешу:

«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией.

Николай».

Прочитав телеграмму царя, Хабалов находился в растерянности. Несмотря на то что генерал видел реальную картину необратимости событий, он пытался повлиять на обстановку изданием двух приказов о запрете уличных демонстраций под угрозой их разгона силой и приказ бастующим рабочим в срок до 28 февраля вернуться на заводы под угрозой отправки на фронт. Но листовки с приказами срывались революционерами, сразу же после того как их расклеивали.

Председатель IV Государственной думы М. Родзянко, этот, как его называли, «толстячок» или «самовар», претендующий на роль «второго человека в государстве», 26 февраля 1917 года, после очередного жаркого спора с представителями думских фракций и групп, лидеров партии октябристов и т. д., буквально ворвался в свой кабинет. И на одном из листов зарегистрированного в канцелярии блокнота размашистым почерком написал шапку обращения к царю:

«Телеграмма председателя IV Государственной думы М. В. Родзянко Николаю II о положении в Петрограде.

(26 февраля 1917 г.)».

Несколько задумавшись и проворачивая ход мыслей, начальную фразу телеграммы он придумал мгновенно: «Положение серьезное» — и поставил точку, уткнувшись в нее пером, отчего она расплылась на бумаге кляксой. А потом буквально полился поток жестких, нелицеприятных для монарха слов:

«В столице — анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление

смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

После этого он резко поднялся и отправился в канцелярию для отправки телеграммы. Надо сказать, что накануне Февральской революции популярность Родзянко была столь велика, что он нередко воспринимался как лидер или символ оппозиционных сил. Неспокойная натура председателя Госдумы не могла безразлично созерцать процесс распада российской государственности.

Обладая широкой и глубокой информацией о состоянии государства, он на следующий день готовит и тут же отправляет текст телеграммы от своего имении в адрес главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Рузского.

В ней он 27 февраля 1917 года пишет:

«Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийные и угрожающие размеры. Основа их — недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику; но главным образом полное недоверие власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве несомненно разовьются события, сдержать которые можно временно, ценой пролития крови мирных граждан, но которых, при повторении, сдержать будет невозможно.

Движение может перебросится на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту. Заводы, работающие на оборону в Петрограде, останавливаются за недостатком топлива и сырого материала, рабочие остаются без дела, и голодная, безработная толпа вступает на путь анархии, стихийной и неудержимой.

Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28 ввиду отсутствия подвоза топлива и необходимых материалов. На Урале из 92 доменных печей остановились 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов.

Население, опасаясь неумелых распоряжений власти, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением.

Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить

нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное признание лица, которому может верить вся страна и которому будет вручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. За таким правительством пойдет вся Россия, одушевленная вполне верой в себя и в своих руководителей. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода на светлый путь нет, и я ходатайствую перед вашим превосходительством поддержать это мое убеждение перед его величеством, дабы предотвратить возможную катастрофу.

Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно.

Председатель Государственной думы Родзянко».

И 27 февраля начался военный мятеж.

Восстали части Петроградского гарнизона — подразделения Волынского, Литовского и Преображенского полков. Солдаты приняли решение не стрелять в демонстрантов. Они присоединились к толпам разъяренных рабочих. Начались погромы, убийства городовых, освобождение заключенных из городских тюрем «Кресты», «Литовский замок». Вскоре пал «Арсенал» — Петроградский главный артиллерийский склад.

Возле тумбы для объявлений стояли и курили два вояки — фельдфебель Михаил Ольшанский и чин рядового состава Николай Грубошерстьнев.

— Откуль будешь? — спросил Николай соседа.

— Преображенец.

— А ты?

— Из учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка.

— Вперед, на дом Окружного суда, — заорал долговязый прыщавый солдат с винтовкой наперевес.

— Ура, вперед на Шпалерную, — подхватил призыв солдата пожилой рабочий в задубевшей спецовке паровозника. Именно на этой улице в доме № 23 и располагалось здание военного суда.

— Предварилка нас ждет, — торопились люди, называющие себя революционерами.

Вскоре толпа подошла к суду. Николай и Михаил были в активистах. Задымились факела. Брошенные в окна бутылки с горючей смесью сделали свое дело — здание запылало с четырех сторон. Таким же способом был сожжен дом предварительного

заключения. Выстрелы и звон разбитого стекла слышались повсюду, — это хозяйничали мародеры и грабители. В стороне от Николая трое солдат разоружали городового. Потом его раздели, повалили на спину и, обвязав шею куском телефонного кабеля, потащили за собой. Он сопел, задыхался, бился ногами, а руками пытался освободиться от удавки. Скоро страж закона затих — задохнулся. Только после этого его бросили.

— А, сука, попался и окочурился праведно, — заметил Михаил, выплевывая шелуху пахучих жареных семечек подсолнечника. Многие лузгали эти деликатесы, засоряя тротуар и мостовую. До этого экспроприировали целый мешок у торговца-украинца у Московского вокзала.

— Собаке собачья смерть, — закричал кто-то из толпы. Тело городового быстро остывало на холодных торцах серого, заплеванного шелухой булыжника. Это был апофеоз гражданской сшибки в агонизирующем государстве.

По словам «великого коктебельского затворника» поэта Максимилиана Волошина, россияне того времени действительно «пролузгали» Россию. Он с горечью по этому поводу в стихотворении «Мир» со временем напишет:

С Россией кончено. На последях,
Ее мы прогалдели, проболтали.
Пролузгали, пропили, проплевали.
Замызгали на грязных площадях.
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пришли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с Запада, Монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

К сожалению, многие россияне тогда оказались словно неродными в России.

* * *

И 27 февраля в 19:22 в Ставку приходит телеграмма от военного министра Беляева, в которой говорится:

«Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается. Напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств.

Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города».

Царь заволновался за судьбу семьи. Он приглашает в вагон генерал-адъютанта при особе его императорского величества Н. И. Иванова, успешного укротителя Кронштадта в 1906 году.

— Николай Иудович, обстановка в Петрограде обострена до предела. Назначаю вас командующим войсками Петроградского военного округа. Думаю, вы, и только вы, сможете прекратить волнения в столице.

Генерал ничего не мог возразить государю. Иванов с войсками направился по железной дороге в сторону Петрограда и Царского Села. А в ночь с 1 на 2 марта он получил телеграмму:

«Царское Село. Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать.

Николай. 2 марта 1917 г. 0 часов 20 минут».

Генерал отвел свой батальон в Вирицу.

Это было начало генеральского предательства. По одной из версий, эту телеграмму написал не царь, а генерал-адъютант Н. В. Рузский, главнокомандующий Северным фронтом, активный участник Февральского переворота. Сделал он это с одной целью — не допустить соединения отряда Иванова с верными государю частями гарнизона Царского Села. Рузский сыграл одну из главных ролей в отречении царя от престола.

Судьба всех предателей незавидна — 25 марта он потерял пост главнокомандующего фронтом. Убыл в Кисловодск, 11 сентября 1918 года генерал оказался в Ессентуках, где его арестовали красные. Следствие продолжалось до 1ноября, после чего его вывели на Пятигорское кладбище и там казнили.

Он был зарезан черкесским кинжалом лично Г. А. Атарбековым (Атарбекяном) — одним из местных руководителей Военно-Революционного Комитета, а в последующем Кавказской ЧК.

Но вернемся к царю, преданному и брошенному многими

соратниками, которые жаждали только одного — перевести стрелки обвинения в неудачах на войне, в миллионных потерях личного состава на полях сражений, разбалансировке государственного управления, развале армии на главнокомандующего.

Литерный поезд с царской свитой, не пробившись к Царскому Селу из-за восставших, повернул назад и оказался в Пскове. О самом процессе отречения написано много книг и воспоминаний. Не стоит повторяться. Борьба судьбоносных мотивов в ночь с 1 на 2 марта 1917 года не давала возможности уснуть. После этого Николай II записывает в дневнике:

> *«Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц. — дем. партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев (начальник штаба Ставки. —* Авт.*) — всем главнокомандующим. В 2. 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин (депутаты IV Государственной думы. —* Авт.*), с которыми я поговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».*

Неужели он не знал, что на Руси (и разве только лишь на Руси?!) так часто было, есть и будет, — предают только близкие и ближние.

Текст самого отречения (правописание и стиль изложения сохранены. — *Авт.*):

> *«Ставка*
> *Начальнику Штаба.*
> *Въ дни великой борьбы съ внешнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бедственно отразиться на дальнейшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего*

отечества требуетъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія Наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отрѣчься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ, 2 Марта I5 час. 5 мин. 1917 года.

Николай.

Министр императорского двора

генерал-адъютант граф Фредерикс».

В ночь со 2 на 3 марта 1917 года в два часа ночи царский поезд отбыл в Могилев. Перед отъездом Николай отправил своему младшему брату великому князю Михаилу Александровичу телеграмму:

«Его императорскому величеству МИХАИЛУ.
Петроград.
События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если

огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.

НИКИ».

В Могилеве царь 8 марта попрощался с армией. Он издал прощальный приказ войскам, в котором завещал сражаться до последней капли конечно же чужой крови и повиноваться Временному правительству, которое заявило о взятии власти в свои руки.

Генерал Алексеев передал этот приказ в Петроград, однако Временное правительство под давлением Петросовета отказалось публиковать его.

В этом приказе были такие слова:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения моего за себя и за сына моего от престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять Россию от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает о мире, кто желает его — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог, да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

8-го марта 1917 г.

Ставка. НИКОЛАЙ».

Что касается самого текста отречения, теперь, как пишет царь, уже не его Родина, а меньшего брата, на которого старший возлагает надежды по выведению России из кризиса. Но рок событий развивался по своим правилам. Россию ждали две революции — Февральская и Октябрьская с Временным правительством Керенского и советским с Лениным. Династия Романовых, на крови пришедшая, кровью умылась при подлом, конечно, расстреле последней венценосной семьи в Екатеринбурге.

Михаил Александрович тоже погиб. После его ареста в Гатчине и высылке по приказанию Ленина «…в Пермскую губернию вплоть до особого распоряжения», он оказался в Перми со своим секретарем и другом Н. Н. Джонсоном.

В ночь с 12 на 13 июня 1918 года они были похищены из гостиницы «Королевские номера» в Перми группой местных милиционеров. Возглавлял эту группу некий Г. И. Мясников. Затем пленников отвезли и убили в районе местечка Малая Язовая.

Так угасала монархическая Россия…

Севастопольская побудка

Наших далеких предков из Киевской Руси всегда привлекали соседние земли в целях обеспечения безопасности своих границ, расширения земель и обложения данью близлежащих княжеств. На особом месте стояло южное направление, и в частности восточный осколок Священной Римской империи — Византия с ее столицей Константинополем или, в южнославянской трактовке, Царьградом.

В дальнейшем этот город, находившийся в прямом и переносном смысле на стратегическом мосту между Золотым Рогом и Мраморным морем, на границе Европы и Азии, являясь столицей христианско-православной империи, был объектом интересов Российского государства как ключ к черноморским проливам Босфор и Дарданеллы, соединяющих Черное и Средиземное моря.

В «Повести временных лет» имеется описание двух походов князя Игоря на Царьград. В 941 году русские были сильно биты византийцами, что повторилось ровно через тысячу лет, когда на Советскую Россию напало германское войско. Вначале нас тоже сильно били, но уже через три с лишним года — в 1944 году легионы гитлеровских опустошителей были вышвырнуты за пределы отечественных границ.

Второй поход состоялся в 944 году, когда практически без борьбы посланцы Киевской Руси получили большую дань от византийцев и отправились жировать в стольный град на Днепре.

Для того чтобы показать жестокость славян, летописец почему-то, словно под рекламу, заинтересованно рисует зверства своих соотечественников:

> *«А кого захватили — одних распинали, в других же, расставляя их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли…»*

И все же с использованием «греческого огня» византийцы пожгли многотысячный флот Игоря и побили много воинов. Пришлось нашим древним предкам спешно отступить.

В том же году Игорь решил снова наведаться в Византию. Он собрал огромное войско из «…варягов, Русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов…».

Русские отправились двумя колоннами — по воде и сушей на

лошадях. Получив сведения о приближении неприятельских колонн, император Роман послал к ним своих послов-парламентариев с предложением о выделении дани:

«Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани».

Русские получили свои дары от императора и отправились в Киев. А через год с империей был заключен мирный договор, регулировавший политические и экономические аспекты Руси и империи.

* * *

История взаимоотношений России с Османской империей — государством, созданным в 1299 году османскими племенами Османа Первого в северо-западной части Анатолии, складывалась неоднозначно. После падения Константинополя в 1453 году Османское государство стало именоваться империей. Оно с годами и веками расширялось. Янычары — регулярная пехота рабов турецкого султана Османской империи — покоряли земли в Европе, Азии и Африке. Правление империи достигло вершины своего могущества в 1590 году и длилось 623 года: с 27 июля 1299 года по 1 ноября 1922 года, когда монархия была упразднена.

К концу XIX — началу XX века Османская империя напоминала шагреневую кожу. Ее называли «больным человеком Европы». Первая мировая война, оккупация Константинополя и Измира войсками Антанты привели к началу турецкого национального движения и победы турок под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка.

Султанат был упразднен 1 ноября 1922 года. Через 17 дней последний султан Османской империи Мехмед VI покинул страну. Великое национальное собрание Турции 29 октября 1923 года объявило о создании Турецкой республики, а 3 марта 1924 года был упразднен и халифат.

Эти события будут потом, а пока полыхнула Первая мировая война. Как ни сопротивлялся младотуркам, оседлавшим вершины государственной власти, 35-й, предпоследний султан Турции Мехмед V, он вынужден был покориться им и войти в союзнические отношения с Германией.

Германо-турецкий союзный договор, по которому турецкая армия практически отдавалась под командование немецкой военной миссии, состоявшей из нескольких сотен офицеров, подписывается 2 августа 1914 года.

Руководитель миссии генерал Лиман фон Сандерс практически руководил турецкой армией, так же как его морской коллега адмирал Сушон — турецким флотом. Несмотря на объявленный Турцией «бумажный» нейтралитет, 10 августа в пролив Дарданеллы вошли немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау». Они уходили от преследования британских кораблей в Средиземном море. Видя недальновидную политику военного министра Турции младотурка Энвер-паши, фактически начавшего вместе с немцами войну против России, султан Мехмед V с возмущением воскликнул:

— Неужели вы не понимаете, что одного трупа России достаточно, чтобы задавить слабую Османскую империю!

Но к его словам никто не прислушался.

Несколько дней спустя к Новороссийску подошел турецкий крейсер «Гамидие». Руководство российского гарнизона внимательно наблюдало за действием команды турецкого военного корабля, от которого внезапно отделилась шлюпка с двумя морскими офицерами. Моряки гребли спокойно, но напористо. Вскоре янычары высадились на вражеский берег.

— Цель вашей миссии? — поинтересовался руководитель местной власти, стоя на пристани вместе с военными.

— Наше командование приказало нам передать вам ультиматум…

— Какой еще ультиматум? — чуть ли не хором ответили россияне — представители властей Новороссийска.

— Сдать город, передать все казенные суммы и все имущество казны, — нагло заявили турки.

Они тут же были арестованы, а шлюпка конфискована. Крейсер долго стоял на рейде — ждал возвращения своих офицеров. Не дождавшись, капитан, несолоно хлебавши, приказал сняться с якоря. Боевой корабль развернулся и ушел назад.

А 29 и 30 октября 1914 года турецкий флот, подошедший с открытого моря, обстрелял ряд наших форпостов — военных укреплений в Севастополе, Одессе, Феодосии и Новороссийске и жилые кварталы вышеперечисленных городов.

Уже 2 ноября Россия объявила войну Турции, а 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция. Таким образом, возник Кавказский фронт. Неофициально эти события назвали «Севастопольская побудка».

Город русской славы Севастополь разбудил дремавшую власть.

* * *

В ноябре русская армия, преодолев турецкую границу, перешла в наступление, но, натолкнувшись на сопротивление противника, была вынуждена перейти к активной обороне. В то же время турецкие войска вторглись на нашу территорию и при помощи предательства аджарцев захватили всю Батумскую область. Сказалось единоверие — ислам: аджарцы ведь мусульмане.

С января 1915 года командование русской Кавказской армией принял генерал Н. Н. Юденич, который вместе с доблестными войсками остановил наступление 3-й турецкой армии под командованием Энвера-паши на Карс, а затем наголову разгромил янычар.

Потом русские очистили от турок южную Аджарию и всю Батумскую область. В дальнейшем в ходе побед над превосходящими силами турок в Сарыкамышской, Эрзурумской, Трапезундской и в других операциях, в отличие от вялых действий и серьезных поражений русских на австро-германском фронте, генерал Юденич воспринимался союзниками по Антанте как «думающий полководец, умеющий продуманно воевать».

Военные действия российской армии на Кавказе свидетельствуют сами за себя — турецкая армия лишилась только на Эрзурумском направлении 350 тыс. человек, из них 100 тыс. пленными. Русский солдат показал себя храбрым воином, а Россия засветилась в лучах долгожданной победной славы. Союзники, получившие существенную поддержку от армии Юденича, отреагировали своеобразной щедростью. В мае 1916 года в Лондоне было заключено секретное соглашение (договор Сайкс — Пико), по которому союзники дали обещание России выполнить англо-франко-русское соглашение 1915 года о проливах: присоединить к России Константинополь, проливы Босфор и Дарданеллы и примыкающие к ним районы европейской и азиатской части Турции, а также передать России области Эрзурума, Трапезунда, Ванна, Битлиса и части Курдистана.

Мало кто знал в то время, что благодаря Юденичу Российская империя должна была обрести проливы Босфор, Дарданеллы и Константинополь — колыбель православия. Этого не случилось при Екатерине Великой, но должно было свершиться при Николае II.

Генерал Юденич не числом, а умением одержал победу над Турцией, развязавшей войну на Кавказе, не числом, а умением, по-суворовски, громил турецких янычар.

Анализируя действия Н. Н. Юденича в сражениях за Сарыкамыш и Эрзурум, генерал-квартирмейстер Кавказской армии генерал Е. В. Масловский спустя некоторое время после

тех событий писал:

> *«Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях и при штурме Эрзурума.*
>
> *Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца».*

Но вмешались события Октябрьской революции, организаторам которой помогали немцы. Теперь Россия, ставшая Советской, из союзницы Антанты превратилась в ее врага. Договор о проливах, о которых так долго мечтала Россия, естественно, аннулируется. Планы России по освоению «Византийского наследства» совместно с восточно-христианскими народами провалились, но тенденции еще долго оставались. Страна из Первой мировой войны постепенно вползала в гражданскую бойню.

Начало Нового, военного 1917 года для генерала Юденича, как и для всех фронтовых командующих, прошло под знаком разложения российской армии. Он сталкивался с ситуацией, когда его деятельность по руководству войсками пытались парализовать различные общественные комитеты, растущие как грибы после дождя в его частях и подразделениях.

Грозой с внезапным громким раскатом грома почти что среди ясного неба для Юденича стал день 2 марта 1917 года — отречение государя Николая II от престола. Это известие, встреченное им в своем штабе, повергло его в уныние. Главком Кавказского фронта великий князь Николай Николаевич Романов срочно выехал из Тифлиса в Ставку Верховного главнокомандования в Могилев.

Обстоятельства с динамично развивающейся обстановкой на фронтах диктовали быстрые решения. Генерал Юденич приказом Временного правительства назначался командующим Кавказским фронтом на место своего великокняжеского тезки по имени и отчеству.

Как писал Владимир Черкасов-Георгиевский, смута, вознесшая Юденича в главкомы, сказалась и на его скоропостижном дальнейшем падении.

Началось с того, что экспедиционный корпус генерала

Баратова, наступавший в помощь англичанам в долине реки Диялы, стал испытывать трудности с провизией.

Юденич, получив такой опасный по последствиям рапорт-приказ, обратился за помощью к союзникам, но получил отказ. В ответ в войсках «революционные массы» организовали и подняли бунт. На следующий день генерал Баратов прислал командующему фронтом очередную телеграмму, в которой говорилось:

«Созданный в корпусе солдатский комитет самочинно арестовал представителя английского военного атташе при корпусе капитана Грея».

Начавший раздражаться самостоятельностью нижних чинов, Юденич решил прекратить наступление и отвести эти части в районы, где было бы меньше поводов для митингов.

Чиновники Временного правительства в Петрограде забеспокоились и в депешах потребовали уладить отношения с союзниками и солдатскими комитетами с целью дальнейших наступательных действий.

> *«Как можно наступать, — рассуждал опытный генерал, словно советуясь с собой и задавая сам себе вопросы, на которых ответа не находил, — если солдаты постоянно недоедают, а в отдельных частях даже испытывают голод? Как можно воевать, если союзники игнорируют жизненные просьбы? Как можно воевать без четкой субординации подчиненных командирам? Как может существовать армия, когда свержение старого строя уничтожило в войсках дисциплину?»*

Юденич встал из-за стола. Подошел к окну, потянулся и крутанул кончики своих длинных усов, после чего направился снова к столу и стал быстро набрасывать четкий и аргументированный доклад о положении на Кавказском фронте.

В своем документе он высказывался с грустью об опасных перспективах в случае продолжения демократизации армии. Он пытался убедить февралистов, которых называл не иначе как правительством выскочек и недальновидных и случайных людей, завладевших властными полномочиями в управлении разболтанной Россией.

Телеграмма ушла так же быстро, как пришла реакция на нее.

Что касается дальнейшей судьбы Николая Николаевича Юденича, последнего российского кавалера ордена Святого Георгия 2-го класса, глава Временного правительства Керенский снял с должности командующего Кавказским фронтом как сопротивляющегося некоторым приказам нового Верховного

Главнокомандующего и вызвал в столицу.

Его назначают руководителем инспекции по казачьим областям для ознакомления с царящими там настроениями. Николай Николаевич сначала вернулся на свою родину — в Москву, куда приехала с Кавказа его семья. Здесь он побывал на параде войск Московского гарнизона, проходившем на Девичьем поле. Повстречался с однополчанами.

Автору, живущему недалеко от этого памятного места, не раз приходилось бывать там и живо представить плац и армейские парадные коробки. Сейчас вместо плаца там сквер, засаженный деревьями, с лавочками для отдыха и сценой «Зеленого театра».

Николай Николаевич хорошо знал историю Девичьего поля, названного по Новодевичьему монастырю, к которому оно примыкало. Кстати, оно было пожаловано монастырю царским указом от 1685 года. Поле вытянулось длинной полосой от Садового кольца до Новодевичьего монастыря. Здесь находился двор царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены царя Петра Великого. Сейчас стоят тут разные клиники и здание мединститута им. Сеченова.

* * *

Но вернемся к событиям, связанным с опальным генералом.

Из Ставки никому не нужный генерал Юденич вернулся в Москву, где его застала Октябрьская революция.

В январе 1919 года Юденич под чужими документами вместе с женой и адъютантом Н.А. Покотило пересек финскую границу и прибыл в Гельсингфорс. Именно здесь «Русский комитет», созданный в Хельсинки в ноябре 1918 года, провозгласил Юденича лидером Белого движения на северо-западе России. В гельсингфорсской газете «Северная жизнь» (1919. № 40) он писал:

> *«У русской белой гвардии одна цель — изгнать большевиков из России…»*

Вскоре после того как в Киеве на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому выстрелом в спину петлюровцем был убит командующий Русской добровольческой и монархической Северной армией генерал от кавалерии, граф Ф. А. Келлер, основным кандидатом возглавить северо-западное Белое движение стал Н. Н. Юденич. Если Келлер в борьбе с большевиками надеялся на помощь германофильской группы Трепова, то Юденич стал ориентироваться исключительно на помощь Антанты. В первую очередь он решил прощупать

финнов, — безотлагательно нужно было оружие, боеприпасы, продовольствие и фураж.

Юденич 5 января 1919 года в Гельсингфорсе в очередной раз встречается с Маннергеймом.

— Для освобождения Петрограда от большевиков нам позарез нужна ваша помощь, — почти молит генерал Юденич вчерашнего тоже царского генерала, волею судьбы оказавшегося регентом, а вскоре ставшего руководителем будущей независимой страны, поделиться необходимым для «боевой службы».

— Я знаю ваши сложности, но…

— Ладно, тогда я поставлю вопрос несколько иначе: на каких условиях вы можете эту помощь оказать? — насторожился командующий Северо-Западной белой армией.

— Мои условия — безоговорочное признание вашей будущей властью государственной независимости Финляндии и некоторых территориальных уступок, — смело глядя в глаза Юденичу, промолвил Маннергейм…

— Мы обсудим ваши предложения, — ответил побледневший генерал, который отдал большую часть своей жизни в борьбе за независимую и неделимую Российскую империю. Как он мог согласиться на такие условия, зная, что даже большевистская верхушка на такое требование тоже не согласилась.

Войска и мирное население северных территорий России ждали от нового командующего своего видения военной программы.

И вот в интервью корреспонденту газеты «Северная жизнь» он кратко очерчивает круг задач, стоящих перед Белым движением:

> *«У русской белой гвардии одна цель — изгнать большевиков из России.*
>
> *Политической программы у гвардии нет. Она не монархическая и не республиканская. Как военная организация, она не интересуется вопросами политической партийности. Ее единственная программа — долой большевиков. Поэтому мы принимаем в нашу организацию людей независимо от их политических взглядов, лишь бы они не были большевики или коммунисты. Когда большевики будут низвергнуты, белая гвардия займется восстановлением порядка».*

Но для победы в любом сражении нужны кроме усиленных фронтальных сил надежно обеспеченные фланги и тылы, а еще лучше союзники, думающие, как вы. У Юденича с его идеями православного монархизма в борьбе с советской властью союзниками могли быть две страны — Франция и Германия. Но

если первая олицетворяла республиканские идеалы, на фасаде которых развевались транспаранты «Свобода, равенство и братство», то вторая была тверда как кремень в отстаивании принципа имперских начал. Оба эти «союзника» солидарны были в одном: они совсем не хотели появления сильной России и желали на очередных переменах в «краю березового ситца» набить собственные карманы.

Трудно быть хорошим соседом в плохом соседстве — сосед всегда делает что-то такое, чего вы не можете себе позволить. Отсюда метание и разброд в Белом движении.

Так, донской атаман генерал от кавалерии П. Н. Краснов выбрал сотрудничество с немцами, а командующий белым югом генерал-лейтенант Генштаба А. И. Деникин видел панацею от всех бед — снадобье Антанты, связывая свою судьбу и судьбу своих войск только с нею. Но судьба не предопределение, судьба — это результат, а его надо было еще добыть. Это хорошо понимал Юденич.

Был еще один фактор, бьющий по его самолюбию. В бытность, когда он командовал Кавказским фронтом, командующий Черноморским флотом адмирал А. В. Колчак подчинялся ему. Нынче последний значился Верховным правителем России, признанным большинством в белых кругах.

Теперь их роли качественно менялись. Конечно, это било по самолюбию полководца. Однако обстановка требовала действий, и 21 января 1919 года Юденич информировал Колчака о своей деятельности на территориях северо-запада России и обратился за финансовой помощью, но в своей записке даже намека не было о своем подчинении Верховному правителю. В ответ — относительно длительное молчание. И тогда генерал Юденич пишет письмо генералу Деникину, в котором с обидой говорит:

> *«Если моя личность не угодна адмиралу Колчаку, Вам или союзникам, сообщите, я отойду в сторону, передав дело другому, но не губите само дело».*

На «само дело» Колчак откликнулся миллионной рублевой помощью. Деникин тоже поддержал действия Юденича. А уже 10 июня 1919 года в Гельсингфорс, где находился штаб белых, пришла телеграмма от Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака о назначении генерала от инфантерии Н. Н. Юденича главнокомандующим всеми российскими сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против большевиков на Северо-Западном фронте на территории Прибалтики. Так Северо-Западная армия обрела своего «узаконенного» главкома. В конце лета и начале осени Юденич

стал получать от союзников давно обещанные поставки продовольствия, обмундирования, оружия и боеприпасов.

Армия Юденича, взяв Царское Село, скоро уже дралась на улицах Павловска. Таким образом, она вплотную подошла к Петрограду. Перепуганный Ленин бросает в массы лозунг:

«Все на борьбу с Юденичем!»

Он включает для борьбы с белыми «мотор революции» — Троцкого, зная его решительность, безжалостность и кровожадность.

В письме к Троцкому 22 октября 1919 года он пишет:

> *«Покончить с Юденичем, именно покончить — добить, нам дьявольски важно. Если наступление начато, нельзя ли мобилизовать еще тысяч 20 питерских рабочих, плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади пулеметы, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича?»*

Идет спешная мобилизация питерских рабочих, которые для красных вождей не что иное, как пушечное мясо. Заранее организуются заградительные отряды.

Прочитав телеграмму, он начинает действовать.

— За отступление — расстрел на месте! — кричит он перед строем необстрелянного рабочего воинства.

Под Свияжском Троцкий применил принцип групповой ответственности. Там по его приказу расстреливали каждого десятого красноармейца из числа покинувших позиции. Он призывает красные заградотряды не жалеть пуль на неопытных в военных делах рабочих. И их стреляли, стреляли, стреляли…

Стреляли и белые и красные.

Писатель А. И. Куприн, участник этих боев на стороне белых, написал автобиографическую повесть «Купол Святого Исаакия Далматского». В ней он тепло отзывался о мужестве и стойкости солдат и офицеров армии Юденича. В частности, он писал:

> *«Я пламенный бард Северо-Западной армии. Я никогда не устану удивляться ее героизму и воспевать его…*
>
> *Страшная стремительность, с которой С.-З. армия ринулась на Петербург, действительно вряд ли имела примеры в мировой истории, исключая разве легендарные суворовские марши…*
>
> *Мне лишний раз хочется подтвердить о полном доброты, нелицеприятном, справедливом отношении*

Северо-Западной армии ко всем мирным гражданам, без различия племен и вероисповеданий. Доблестные офицеры и солдаты похода легендарны…

Расстреливали только коммунистов…»

Поражение в Первой мировой войне, отречение царя от престола, ставшее одной из причин развала Российской империи, а потом казнь Романова и его семьи, распропагандированная большевиками армия, особенно на уровне «рядового состава», вскрытые сразу после революции конкретные факты о кровавых действиях царских властей в период своего правления, «распутинщина» и много другого негатива стали той ледяной глыбой, которая разорвала стеклянный сосуд Юденича.

«Морозила и морочила» Северо-Западную армию и Антанта, в особенности Англия — самый треклятый друг России во все времена, закидывая белых непотребной продукцией и ставя в колеса армии Юденича палки. Сегодня Запад занимается тем же самым на постсоветском пространстве, в том числе и в России.

В подтверждение этого приведу слова Куприна из уже выше упоминаемой повести о причинах поражения:

«Ружья англичан выдерживали не более трех выстрелов, после четвертого патрон заклинивался в дуле. Танкисты отсиживались. Ревельские склады ломились от американского продовольствия: продовольствие предназначалось для Петрограда после его очищения… Недоедали… Англичане сносились с большевиками…

Происки англичан, эстонцы заигрывали с большевиками. Англичане не подкрепили своим флотом наступление на Петроград, лишь когда отступали, перед Красной Горкой английский монитор (класс низкобортных броненосных кораблей с мощным артиллерийским вооружением. — Авт.*) послал несколько снарядов издалека без вреда…*

Эстонцы — 80 тысяч обещали помочь армией при наступлении на Петроград…»

Все бросили истекающую кровью Северо-Западную армию, живущую и умирающую по формуле рыцарского кодекса: «Душу — Богу, сердце — Даме, жизнь — Государю, а Честь — никому».

Поход на Петроград провалился, и 22 января 1920 года Юденич вынужден был объявить о роспуске Северо-Западной армии. Он окончательно покинул Россию и через Эстонию прибыл в Ригу, а потом переместился в Лондон. От общения с прессой отказался, встретился только с Уинстоном Черчиллем.

Затем Юденич перебрался во Францию и обосновался в Ницце, купив дом в предместье этого города Сен-Лоран-дю-Вар.

Остатки белых, около 15 тысяч воинов, плюс семьи отступили в Эстонию и там стали беженцами. Одни тут же попали в концлагеря, огороженные колючей проволокой, где содержались в основном тифозные больные, другую часть россиян отправили на лесоповалы.

За это эстонцы от большевиков по мирному договору получили преференции в виде отчуждения и передачи им более тысячи квадратных километров русских земель. Дружить с Эстонией ленинскому руководству стало выгодно, потому что надо было скрывать русскую принадлежность вывозимого через Ревельский порт в другие страны державного золота и других драгоценностей.

А что делал сам Юденич во Франции?

От политической деятельности он отошел, занимался историческими науками. Скончался 5 октября 1933 года в Каннах, но впоследствии его гроб был перенесен в Ниццу на русское кладбище Кокад. На серой плите под намогильным крестом выгравированы две фамилии: Николай Николаевич Юденич и Александра Николаевна Юденич (Жемчужникова), супруга генерала.

Так закончилась на чужбине жизнь русского полководца.

А ведь он мог бы стать кавалером ордена Св. Георгия всех степеней. Таких кавалеров в истории русской армии было всего четверо: фельдмаршалы Кутузов, Барклай-де-Толли, Дибич и Паскевич.

Если бы не внутриполитические обстоятельства, генерал от инфантерии (пехоты. — *Авт.*) Николай Николаевич Юденич мог не только стяжать лавры «второго Суворова», но и славу лучшего русского полководца XX столетия. Но, как говорится, при оценке исторических процессов некорректны вставки «если бы», ибо история не терпит и не знает сослагательного наклонения. Историю надо осмысливать, извлекая полезные уроки!

А «машина времени» фантастов — выдумка. Свершившегося не изменишь.

Прошлое принадлежит Богу!

Гражданская сшибка

Первая мировая война закончилась для России и Германии позором поражения. В этой вселенской бойне выиграли только англосаксы — Англия и США. Солдатские массы как в Германии, так и в России выразили крайне отрицательное отношение к продолжению войны «до победного конца», «до последней капли крови», «до окончательного одоления супостата».

Джеймс Ферон, изучавший гражданские войны в Стэнфордском университете, определял гражданскую войну как «насильственный конфликт внутри страны, как борьбу организованных групп, которые стремятся захватить власть в центре и в регионе с целью изменения государственной политики».

Женевские конвенции определяют четыре критерия, по которым тот или иной конфликт может быть призван «вооруженным конфликтом не интернационального характера»:

— стороны восстания должны обладать частью национальной территории;

— восставшие гражданские власти должны де-факто обладать властью над населением в определенной части территории страны;

— повстанцы должны иметь некоторое признание в качестве воюющей стороны;

— правительство «обязано прибегнуть к регулярной военной силе против повстанцев с военной организацией».

Это было время военной интервенции против молодой Советской республики.

После выхода России из Первой мировой войны германские и австро-венгерские войска в феврале 1918 года оккупировали часть Украины, Белоруссии, Прибалтики и юга России, что привело к заключению в марте 1918 года Брестского мира.

В марте того же года англо-франко-американские войска высадились в Мурманске, в апреле — японские войска во Владивостоке. В мае начался мятеж чехословацкого корпуса. Это были узловые проблемы в жизни молодого государства. К лету 1918 года 75 % территории России было занято враждебными большевикам силами. Советское правительство срочно приступило к формированию Красной Армии и перешло к политике «военного коммунизма».

Что же входило в понятие внутренней политики Советского государства, проводившейся в 1918–1921 годах? Это, прежде всего, крайняя централизация управления экономикой,

национализация крупной, средней и даже мелкой промышленности, государственная монополия на многие продукты сельского хозяйства, продразверстка, запрещение частной торговли, свертывание товарно-денежных отношений, уравниловка в распределении материальных благ, милитаризация труда. Ликвидировались частные банки, проходила конфискация вкладов. Вводилась принудительная трудовая повинность.

Россия из Первой мировой войны вышла обескровленной. Миллионы молодых, крепких, работоспособных мужиков были выбиты на фронтах в борьбе непонятно за какие идеалы. Получая приказы идти вперед в штыковую атаку, предварительно беря под козырек и обещая «высокому благородию» выполнить обещанное действие, солдатская масса вначале не задумывалась над «государственным вампиризмом». Это потом у этой самой шинельной массы стало появляться бессознательно, непроизвольно, инстинктивно понимание, что прихоть надуманной свободы мостится трупами — «пушечным мясом» соотечественников, как правило, низших чинов.

Тут не надо было никакой пропаганды, чтобы пришло понимание, что такая война для российской армии, состоящей из крестьянской в своей основе массы, — это антинародное явление.

С другой стороны, помазанник Божий на земле Российской — царь Николай II стал раздражителем для многих своим Манифестом об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года, за десяток лет после которого было пролито в стране море невинной крови. Поэтому никакой свободы люди не почувствовали.

А вот тот народ, который был одет в солдатские шинели из грубого сукна, уловил, что свобода — это хлеб, который они должны зарабатывать в поте лица не в траншеях, а дома — на заводах и пашнях. Свобода не спускается народу. Народ сам должен подняться до уровня такого съедобного плода. Это благо, которое должно быть сначала сорвано с ветки жизненного древа, а потом уже им можно наслаждаться. Если заткнуть рот меньшинству, то и большинство онемеет, — поздно брыкаться, если дал себя стреножить. Скотство доводит до бойни.

Именно так рассуждали и правые, и левые, которые потом разделились на белых и красных. Все внимали, все были окормлены словами своих вождей, призывающих бороться за свободную и за неделимую Россию. Каждая сторона обвиняла другую в предательстве Отчизны.

Белые упрекали красных в том, что они продались германскому генеральному штабу, красные обвиняли белых в том, что на обескровленную Россию направили полчища бывших

союзников по Антанте — англичан, французов и американцев.

Каждая сторона зверела в борьбе с соотечественниками.

* * *

Персонаж романа «От двуглавого орла к красному знамени» атамана войска Донского Петра Николаевича Краснова революционер Стоцкий Лев Давидович (явно герой писан с Троцкого) утверждал, что общество управляемо:

> *«Голод даст нам толпу, толпа даст силу. Надо все то, что составляет ценность и смысл жизни, взять в свои руки: вот и все. Право жизни и смерти — раз, распределение хлеба — два, ничего своего, потеря собственности — три. Все наше. Мы говорим, что все принадлежит обществу, народу, но все возьмем себе и станем всесильными. Когда мы возьмем на себя право жизни и смерти, мы получим возможность заставить повиноваться себе большинство…*
>
> *Надо, чтобы народы устали повиноваться своим владыкам. Нужна война. Война научит людей презирать жизнь, научит убивать…*
>
> *Кто теперь верит? Храмы пустеют. Туда ходят одни старушки, священники сами ни во что не верят… Свобода должна быть только у вождей, но не у народа…*
>
> *У нас, в России, говорят: было бы болото, а черти найдутся… — была бы власть, а подлизы и подхалимы найдутся. Прикормим. Помните одно, что человек самое подлое животное в мире, а русский особенно. Не только найдутся, но руки нам целовать будут и славословить будут…»*

Присутствующий в беседе Бурьянова и Стоцкого революционер, борец с офицерством в армии, некий Коржиков, заметил про себя:

> *«Да — это вождь, и я пигмей перед ним. Но почему же я иногда колеблюсь? Кажется, отрекся давно ото всего, стал на высшую точку презрения к морали и буржуазным предрассудкам, а вот временами — как под пучиной стою. Голова кружится. Жутко… Так-таки ничего? Ни религии, ни веры, ни Бога, ни истории, ни прошлого, ни будущего, что тогда?… Одна кровь. Но что, если кровь живая? Что, если мы делаем не общее дело, не человеческое дело, а дело*

одного лица? Кого? Дьявола?…»

Эти страшные слова приверженцев мировой революции, «знаменосцев и лидеров нации», а по существу смуты в России, ее уничтожения ради «порулить народом», актуальны и сегодня.

События на Украине тому подтверждение. Порулить Украиной пожелали многие из тех, кто ненавидит Россию и презирает свой народ, считая его за быдло, которое легко превратить в «пушечное мясо».

* * *

Общеизвестно, что Гражданская война в России имела четыре этапа:

1) лето — осень 1918 года. Этот период характеризуется стадией эскалации — мятеж белочехов, десанты Антанты на Севере России и Японии, Англии, США — на Дальнем Востоке, формирование антисоветских центров в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Северном Кавказе, Дону, расстрел царской семьи, объявление Советской республики единым военным лагерем;

2) осень 1918 года — весна 1919 года — стадия усиления иностранной военной интервенции. Здесь и аннулирование Брестского договора, и усиление красного и белого террора, и растерянность красных вождей;

3) весна 1919 года — весна 1920 года — стадия военного противоборства регулярных Красной и белых армий. Походы войск А. В. Колчака, А. И. Деникина, Н. Н. Юденича и их отражение, а уже со второй половины 1919 года — решающие успехи Красной Армии;

4) лето — осень 1920 года — стадия военного поражения белых армий, война с Польшей и разгром П. Н. Врангеля.

По самым скромным подсчетам ученых, в ходе только чисто гражданской сшибки на полях сражений между белыми и красными погибло около 3,5 млн человек. Но это только от пуль, снарядов и мин. А если присовокупить к этому жертвы бандитизма, голода в Москве, Петрограде и в других крупных городах Советской России, а также страшного голодомора в 1921 году среди сельского населения, эпидемий брюшного тифа и «испанки», то получится страшная «вилка» — от 9 до 13 млн граждан.

Стремясь преуменьшить число жертв, в партийной литературе советского периода называлась цифра 5 млн. Нынешние либералы доводят число жертв до уровня безумства —

20 млн россиян. Но это крайние оценки, а поэтому, вероятнее всего, они неверны. Истина где-то посередине.

Экономические потери специалисты разных степеней и лагерей оценивают опять же в «вилке» от 400 млрд до 2 трлн американских долларов того времени. В современных долларах это будет примерно в 20 раз больше.

Территориальные итоги трудно оценить — Российскую империю порвали на части. Польша оторвала Западную Украину и Западную Белоруссию. Румыния забрала Бессарабию. Потеряны были более 500 тыс. кв. км территории с населением более 25 млн человек. Численность населения на оставшихся территориях едва достигала 135 млн человек.

Как это все напоминает 1991 год, правда, без большой крови!!! Большая появится на Северном Кавказе…

Оторвались от России Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, часть Закавказья, Русский Китай, Карская область в Армении и другие территории.

Политические «дивиденды»: до Первой мировой войны Российская держава рассматривалась как одна из европейских стран. В ходе Гражданской войны ее исключили из числа победителей в Великой войне. Все партии, все политические силы в России на Западе, в частности в Европе, перестали считаться «своими». На территории России появилось государство нового типа с романтиками и рабами. Руководители его претендовали на завоевания всех стран путем проведения мировой революции.

К 1921 году Россия буквально лежала в руинах. Во время военных действий пострадали промышленные области, особенно Донбасс, Бакинский нефтяной район, Урал и Сибирь. Были разрушены многие шахты и рудники. Из-за нехватки топлива и сырья остановились заводы и фабрики. Голод черной тучей смертей надвигался на города. Рабочие были вынуждены бежать для спасения семей от голодной смерти к родственникам в села, деревни, станицы и хутора.

Вот интересные цифры.

Уровень промышленного производства сократился в 5 раз. Станочный парк и разного вида оборудование на заводах и фабриках давно не обновлялись. Дошло до того, что металлургическая промышленность давала стране металла столько, сколько его выплавляли при царе Петре Великом. Сельское производство сократилось на 40 процентов.

И все же большевистская власть выстояла, — народ ей поверил, особенно крестьяне, с появлением права селян на землю.

В конечном счете были и итоги, которые большевики записали в свой актив. Это разгром всех антисоветских,

антибольшевистских сил, поражение войсковых формирований Белой армии и войск интервентов.

Сохранение, в том числе и силой оружия, значительной части территории бывшей Российской империи (могли потерять еще больше. — *Авт.*), подавление попыток ряда национальных регионов отделиться от Республики Советов.

Свержение национальных правительств на Украине, в Белоруссии и Молдавии, на Северном Кавказе, в Закавказье (Грузия, Армения, Азербайджан. — *Авт.*), в Средней Азии, а затем в Сибири и на Дальнем Востоке, установление там советской власти. Это фактически заложило основы созданного в 1922 году федеративного государства под громким названием — СССР, вскоре, если рассуждать историческими масштабами, через пару десятилетий ставшего сверхдержавой.

Победа в Гражданской войне создавала геополитические, социальные и идейно-политические условия для дальнейшего укрепления большевистского режима. Она означала победу коммунистической идеологии, диктатуры пролетариата, государственной формы собственности и смела те тенденции, которые вели Россию в сторону западного пути развития.

Колчаковцы

Верховный правитель России адмирал Александр Васильевич Колчак являлся незаурядной личностью: ученый, участник ряда полярных экспедиций, Русско-японской войны, обороны Порт-Артура, командир минной дивизии Балтийского флота, командующий Черноморским флотом, автор целого ряда научных статей и работ. И вот этого интересного человека потянуло в политику — он стал руководителем Белого движения как в общероссийском масштабе, так и непосредственно на востоке России.

После Февраля 1917 года и бунта моряков в Севастополе Колчак был вызван на доклад в Петроград Временным правительством. Адмирал четко обрисовал обстановку, обозначил причины происшедших событий с хаосом на флоте и нелицеприятно заявил, что непродуманная политика правительства привела к разложению флота.

Как ни странно, комиссия признала правильность многих его обобщений и призвала его вернуться к руководству флотом. Адмирал категорически отказался.

В Зимнем дворце 17 июня состоялась встреча А. В. Колчака с пригласившим его американским адмиралом Дж. Г. Гленноном. Колчаку было предложено принять участие в Дарданелльской операции американского флота. Он дал принципиальное согласие. План являлся секретным, и официально русский адмирал ехал как специалист по минному делу и борьбе с подводными лодками.

Отправить Колчака в США выгодно было в первую очередь Керенскому, видевшему в его лице своего соперника в борьбе за власть.

Но, прибыв в Вашингтон, он понял, что никакой операции в проливе Дарданеллы американцами не планируется. В одном из своих писем 12 октября 1917 года он напишет:

> *«Мое пребывание в Америке есть форма политической ссылки и вряд ли мое появление в России будет приятно некоторым лицам из состава настоящего правительства».*

Конечно же он имел в виду Керенского и Львова. Потом череда перемещений: Россия — Петроград, Англия — Лондон, снова США — Вашингтон, Япония — Йокогама, Китай — Шанхай, Харбин, Пекин… Именно в Японии он узнал о свержении

Временного правительства и захвате власти большевиками. В его душе поднялась буря негодования. Одни и те же мысли то и дело ходили по кругу:

> *«Быть русским, быть соотечественником Керенского, Ленина… Целый мир смотрит именно так: ведь Иуда Искариот на целые столетия символизировал евреев, а какую коллекцию подобных индивидуумов дала наша демократия, наш «народ-богоносец»…*
>
> *Я оставил Америку накануне большевистского переворота и прибыл в Японию, где узнал об образовавшемся правительстве Ленина и о подготовке к Брестскому миру. Ни большевистского правительства, ни Брестского мира я признать не мог, но, как адмирал русского флота, я считал для себя сохраняющим всю силу наше союзное обязательство в отношении Германии. Единственная форма, в которой я мог продолжать свое служение Родине, оказавшейся в руках германских агентов и предателей, было участие в войне с Германией на стороне наших союзников. С этой целью я обратился через английского посла в Токио к английскому правительству с просьбой принять меня на службу, дабы я мог участвовать в войне и тем самым выполнить долг перед Родиной и союзниками».*

Комментарии, как говорится излишни.

* * *

На службе у англичан Колчак получил назначение на Месопотамский флот. Однако политический вихрь так закрутил самолюбивого, с диктаторскими наклонностями адмирала, что он скоро оказался в Омске, где встретился с бывшим депутатом Думы, представителем Московского Национального центра, кадетом В. Н. Пепеляевым, который предложил ему пост военного и морского министра России. С этого трамплина он прыгнул на пьедестал правителя России.

В марте 1919 года войска Сибирской и Западной армий белогвардейцев развернули генеральное наступление в направлении на Самару и Казань. В апреле заняли весь Урал и приблизились к Волге. Однако получился облом. Вместо того чтобы идти на соединение с войсками Миллера на севере и Деникина на юге, наступление проходило по концентрически расходящимся направлениям.

Все трое «полководцев» остались внакладе. Каждый мнил себя главным спасителем России. Получилась затея по известной басне Крылова «Лебедь, рак и щука». Каждый тянул политическое одеяло на себя.

Части армий, подконтрольных Колчаку в Сибири, проводили жесточайшие карательные операции против большевиков и им сочувствующим из числа местного населения через казни.

Красные партизанские отряды не давали покоя колчаковцам.

А вот что касается крестьянства Сибири, оно не желало воевать. Не хотело идти ни в Красную, ни в Белую армии. Избегая мобилизаций, местные жители бежали в леса, организуя «зеленые» шайки. В ответ белые сжигали дома и целые села, вешали и расстреливали местных жителей.

Так, в Кустанае в апреле 1919 года белые за один день расстреляли около 700 человек. Усмирителям восстания Колчак адресовал такой приказ:

> *«От лица службы благодарю генерал-майора Волкова и всех господ офицеров, солдат и казаков, принимавших участие при подавлении восстания. Наиболее отличившихся представить к наградам».*

Под напором красных Колчаку пришлось отступать в так называемом Втором Ледяном походе. После отбытия правительства и адмирала в Омске начался бардак под названием «эвакуация». В душе у каждого белогвардейца тяжело ворочался ком вины за содеянное. Надо было спасать свои жизни, превращенные кровавыми рубками в шкуры. В этом можно было без натяжек винить и красных. В гражданских сшибках правых не бывает, как не бывает победителей. Поэтому сознание каждого кричало: «Спасайся, кто и как может!»

По воспоминаниям очевидцев и с красной и с белой стороны, зрелище было неприятное до гнусности. Начальники, большие и малые, пеклись за сохранность награбленного барахла. Его пытались всеми силами загрузить в вагоны, — а они ведь не резиновые, — и переправить на восток. На Транссибирской магистрали эшелоны с награбленным барахлом и его новыми хозяевами то и дело застревали в пробках, образуя многокилометровые стальные тромбы. Железнодорожники-стрелочники за взятки пропускали нужные составы, имея свой гешефт от стремления начальства быстрее улизнуть от «красной заразы».

А рокадными большаками, тропами, кюветами, параллельно чугунке топали в том же направлении армейские пешие колонны, составленные из отрядов, рот, батальонов и разрозненных частей.

На них часто нападали и красноармейцы, и сибирские партизаны, и шайки бандитов.

Помощник Колчака по снабжению Д. Филантьев вспоминал:

> *«Численность войск никому известна не была, наугад ее принимали в 60 тысяч человек. На самом деле едва ли было и 30 тысяч, по крайней мере. До Забайкалья дошло только 12 тысяч, да столько же примерно осталось добровольно под Красноярском, итого около 25 тысяч, которых, однако, отнюдь нельзя было назвать «солдатами».*
>
> *Мужики, ехавшие на санях по два-три человека, хотя и имели при себе винтовки, но пользоваться ими готовы были не вылезая из саней. Покинуть сани никто не хотел ни при каких обстоятельствах. Каждый знал, что сойдешь — дожидаться не станут и бросят на произвол. Такова была психология «едущих». Я испытал ее на себе: ночью подо мной свалилась лошадь и придавила меня в сугроб; мимо проехали сотни саней с солдатами, и ни один на крики о помощи не отозвался, а некоторые отвечали — «нам не до тебя». Полчаса бился, пока удалось выбраться из-под лошади, а затем поднять и ее. Орудий не было вовсе, пулеметов тоже, за исключением двух-трех, сохранившихся у воткинцев.*
>
> *Из Красноярска, для прегражденния нашего пути, была выслана полурота пехоты с пулеметами, которая заняла высоты к северо-западу от города верстах в трех от него. На противоположном плато собралось несколько тысяч саней с сидящей на них нашей «армией». Тут же верхом Каппель и с ним несколько всадников.*
>
> *Прогнать красноармейскую полуроту можно было обходом влево и ударом в лоб. Однако ни один солдат из саней выходить не пожелал. Тогда посылается рота офицерской школы, она открывает огонь вне действительности выстрела, красные, конечно, из-под такого огня не уходят и тоже продолжают палить в воздух. «Противники» замирают друг против друга до темноты, и ночью все, кто хотел, свободно прошли в обход Красноярска и даже через самый город».*

На совещании с начальниками колонн генерал-лейтенант В. О. Каппель предупредил их, что в дальнейшем целесообразно обходить города.

— Владимир Оскарович, я уверен, там впереди сейчас нет краснопузых, они у нас за спиной — преследуют. Обходить — это

значит петлять и терять время, — обратился один штабс-капитан.

— Нет, Петр Иванович, — он знал этого офицера еще с германского фронта, — вы глубоко ошибаетесь. Красноармейцев может и не быть, а партизан и недовольного нами народа

полно. Оружие у сибиряков всегда было. В минуты нерешительности действуй быстро и старайся сделать первый шаг, хотя и лишний. Осторожность — хорошая вещь, но даже черепаха не сделает ни одного шага, если не высунет голову из панциря. Данные нашей разведки требуют от меня выполнения всеми моего приказа, — мудро ответил штабс-капитану опытный военачальник…

Несколько слов о судьбе этого генерала. Владимир Оскарович Каппель — участник Первой мировой войны. В декабре 1919 года назначен главнокомандующим Восточным фронтом. Под его командованием войска совершили исторический Сибирский ледяной поход. После тяжелых поражений, потери Урала, Омска, Томска, Новониколаевска, Иркутска, Красноярска и многих других городов и районов, отступая в Забайкалье, во время перехода по льду через реку Канн — приток Енисея — отморозил ноги, перенес в полевых условиях их частичную ампутацию. Через несколько дней заболел воспалением легких. Последним приказом от 21 января 1920 года передал командование генерал-лейтенанту С. Н. Войцеховскому. Умер от ран и болезней 25 января 1920 года в деревне Верхнеозерская в районе Верхнеудинска. Похоронен в Иверской церкви города Харбина в Китае. Установленный на его могиле памятник снесен в 1955 году по требованию советских властей.

Потом была череда предательств — чехословацкого корпуса, союзников. Там, где есть большие деньги, там не может быть дружбы. (Имеется в виду часть золотого запаса России — 505 тонн, которые в 40 вагонах перевозил Колчак.)

Когда 27 декабря 1919 года штабной поезд и поезд с золотом прибыл на станцию Нижнеудинск, представители Антанты знали, что теперь Колчак без армии — гол как сокол, и приказали отказаться от прав Верховного правителя России и передать эшелон с золотым запасом под охрану чехословацкому корпусу.

В Нижнеудинске 4 января 1920 года адмирал подписал свой последний указ, в котором объявлял о передаче полномочий «Верховной Всероссийской Власти» А. И. Деникину, а «вся полнота военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Окраины» предоставлялась генерал-лейтенанту Г. М. Семенову.

Чехословаки 15 января передали Колчака эсеровскому политцентру, а те спустя несколько дней — большевикам.

С 21 января по 6 февраля 1920 года велись допросы адмирала Чрезвычайной следственной комиссией. Перед расстрелом Колчак обратился к сотруднику ВЧК С. Г. Чудновскому:

— Я прошу сообщить моей жене, которая живет в Париже, что я благословляю своего сына.

— Сообщу, — буркнул Чудновский.

В ночь с 6 на 7 февраля адмирал и глава правительства В. Н. Пепеляев были расстреляны без суда по постановлению Иркутского ВРК большевиков после прямого указания Ленина.

* * *

Однажды при встрече в Совете ветеранов военной контрразведки мой сослуживец по Львову и начальник особого отдела КГБ СССР по ПрикВО генерал-майор Николай Кириллович Мозгов рассказал о женщине — старшем оперуполномоченном на Балтике Федосье Федосьевне Борисовой.

Кстати, Балтфлоту Мозгов посвятил нелегкий кусок своей службы в годы войны. Потом он подарил сослуживцу по Прикарпатью книгу «Чекисты Балтики», где публиковались его воспоминания «Тревожные дни на Ханко». В этой книге упоминалось и имя Борисовой. Ей была посвящена отдельная статья Елены Серебровской «Женщина с наганом».

Говоря о деятельности, географии службы и ее характере, Мозгов назвал сотрудницу военной контрразведки «женщина-метеор» из-за того, что объездила по службе почти весь Союз.

Родом она была с Украины.

Родилась в образованной и большой семье, в которой было восемь детей. Отец — Федосий Третьяченко был учителем в большом селе Старая Буда Киевской области. В конце двадцатых годов на Украине жилось не сладко. И люди срывались с родной земли и отправлялись за счастьем в Сибирь и на Дальний Восток. Уехала осваивать алтайские земли и семья учителя. Любимой дочери Федосье было всего десять лет.

Это было время свирепствования на Алтае остатков белогвардейских банд колчаковцев. Они расправлялись с учителями, военными, коммунистами и вообще сторонниками советской власти.

Вот как вспоминала наша героиня тот период:

— Банда Шишкина налетела днем откуда-то из лесу, оставляя за собою кровь, трупы, слезы, наводя ужас на местных жителей. Бандиты были из Волочаевского района.

Черная слава бежала впереди них. Бандиты прошли рядом с

селом Егорьевка, в котором учительствовал отец.

Первым бандиты схватили локтевского судью Василия Муромцева. Привязали за ноги к хвосту коня и погнали. Бился живой человек о дорогу, об ухабы да камни. В кровавое месиво превратилось его лицо. В таком виде он и принял смерть мученика. И братьев его убили эти звери. А секретарю райкома комсомола Павлу Локтеву голову шашкой срубили. Откуда такая ненависть лютая бывает у людей? Наверное, оттого, что они превращаются в такие моменты в звероподобные существа.

Отец в тот период в Змеиногорске оказался. Совещание там проходило учителей и директоров школ. Все учителя да заведующие школами собрались. Бандиты откуда-то прознали об этом. Налетели, ворвались в здание, арестовали педагогов и заперли в тюрьму. Расправа готовилась чуть позднее. Но нашлись смелые люди. Из Рубцовки на конях поскакали в Усть-Каменогорск, где красные стояли. Успели предупредить, — красноармейцы разгромили банду. Заключенных освободили. Так отец остался живым, но от стресса стало сердце болеть, и в 1931 году его не стало.

И вот тут-то Феня остановилась на человеческой подлости. Она вспомнила, что за две недели до нападения банды приезжал к ним инспектор школ. Принимал его отец дома — накормил, напоил. Говорили о школьных делах. Отец партийным был, инспектор знал это. А оказалось, что этот человечишка с бандитами заодно. И совещание-то учительское собрано было по его указанию. А может, он сам и был этим Шишкиным.

— Когда наши освободили арестованных, — рассказывала Борисова, — отец вспомнил, как «инспектор» на коне прискакал с бандой. За одной лошадью труп локтевского судьи, весь в крови, волочится, а «инспектор» гарцует на своем коне да показывает, кого из учителей брать. Увидев отца, пообещал ему: «Вечером расстреляем».

Сегодня мы, по вине партийного руководства СССР лишенные Большой Родины, которую предали и разломали, часто от перекрасившихся под либералов-рыночников и их последователей слышим, что Советам власть досталась легко, — она, мол, валялась на дороге. Глупость все это. Слишком прост и слеп тот человек, который думает, что Советская власть нам даром досталась, вроде подарка новогоднего. Нет, за нее жизнями плачено.

* * *

Помнятся из далеких теперь школьных лет частушки про Колчака:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский…

Пели их и в Гражданскую войну. Его, вчерашнего любимца России, покорителя Арктики и героя Севастополя, теперь ненавидели не только «красные», но и «белые» в России. Его предали все — союзники, собственная армия, правительство, даже личная охрана. Верными оставались лишь две женщины, потому что обе любили его, каждая по-своему.

Да, только две женщины отмечены в судьбе Колчака.

Жена — Софья Федоровна Колчак (Омирова) (1876–1956), выпускница Смольного института благородных девиц, круглая сирота, скромная, знавшая пять иностранных языков, подарившая мужу трех детей: двух дочерей, умерших в детстве и сына Ростислава. Жила с мужем — искателем острова-призрака, земли Санникова, потерявшим полрта зубов от цинги в экспедициях, а теперь начальником дивизии — в Гатчине, затем в Либаве.

После обстрела немцами порта 2 августа 1914 года бежала, бросив все, кроме нескольких чемоданов. Ростислав в это время был на ее родине в Каменец-Подольске. Казенная квартира Колчака была разграблена, все имущество погибло.

Из Гельсингфорса она переехала к мужу в Севастополь, где во время Гражданской войны ждала мужа до последнего. В 1919 году не без помощи англичан ей удалось иммигрировать сначала в Констанцу, а потом перебраться в Париж, куда привезли добрые люди и ее сына Ростислава.

Умерла она в 1956 году в Париже и похоронена на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Сын Ростислав, 1910 года рождения, участник французского движения Сопротивления был пленен немцами, отсидел в концлагере и в 1945 году был освобожден. Умер в 1965 году и похоронен рядом с матерью.

Второй женщиной Колчака была Анна Васильевна Тимирева (Сафонова) — вечная жена и вечная любовь адмирала. Она родилась в Кисловодске в 1893 году. Спустя несколько лет семья переехала в Петербург. В 1911 году она вышла замуж за морского офицера Тимирева. Родила сына, а потом произошла встреча, перевернувшая всю ее жизнь, несмотря на то что была моложе любимого на 19 лет.

Почти год они переписывались. А потом решилась и

рассказала об этом мужу. Разошлись мирно. Оставив прежнюю семью, молодая женщина стала гражданской женой адмирала, его ангелом-хранителем. Когда Сашеньку, так она обращалась к нему, арестовали, она пошла в тюрьму вслед за ним. На следующий день после расстрела спросила у одного из тюремщиков:

— Скажите, он расстрелян?

— Его увезли, даю вам слово, — ответил комендант, пряча глаза от стыда.

— Спасибо за честность.

Анна хотела просто услышать правду. Не потому, чтобы вычеркнуть его из реальной жизни. Сердце не могло смириться с забвением — любовь в нем все жила.

После смерти адмирала Тимирева провела в следственных изоляторах, тюрьмах, лагерях, ссылках, на этапах, под наблюдениями в общей сложности около тридцати лет. От безысходности вышла замуж, но это была не любовь, так как счастья в этом браке она не ощутила.

Ее реабилитировали в 1960 году. Умерла в 1976 году, когда к ней приближался 82-летний рубеж.

Полвека она писала ему вслед стихи. Вот одно из них, которое мне удалось найти в Париже на одном из небольших книжных базаров вместе со сборником стихов подъесаула — белого казака Туроверова:

Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.
А я осуждена идти,
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.
Но если я еще жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе!

А в одном, посвященном 7 февраля 1920 года (день расстрела), потрясли такие слова: «И каждый год Седьмого февраля /одна с упорной памятью моей / твою опять встречаю годовщину./ А тех, кто знал тебя, — давно уж нет, / а те, кто живы, — все давно забыли./ И этот для меня тягчайший день, — / Для них такой же точно, как и все, — / оторванный листок

календаря».

О, подлая фурия — политика. Сколько ты сгубила людей с высокой нравственной планкой, рожденных для иных жизненных целей.

Неужели все те, кто называл себя патриотами как с «белой», так и с «красной» стороны, считали, что они любят Отечество? Нет, затеяв кровавую общегражданскую сшибку, они любили не Россию — они любили только себя.

Нечто подобное сегодня творится и на Украине…

Кровавый Дон

Первый Кубанский, или Ледяной, поход Добровольческой армии с 9 февраля по 30 апреля 1918 года проходил с боями в направлении от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон в станицы Егорлыцкая и Мечетинская. Это был, по существу, первый армейский маневр зарождающейся Добровольческой армии под руководством генералов Л. Г. Корнилова, М. В. Алексеева, а после гибели первого — А. И. Деникина.

Корнилов предполагал, что в результате похода он создаст мощный армейский кулак в лице Добровольческой армии, соединившись с кубанскими белыми отрядами, которые практически предали «добровольцев». Уже после того как колонны Добровольческой армии двинулись на Кубань, они покинули Екатеринодар.

Планировались большие и важные события.

По прибытии в Новочеркасск 2 ноября Алексеев опубликовал воззвание к офицерам, призывая их «спасти Родину». Как известно, в это время на Дону существовало военное положение, введенное 26 октября 1917 года атаманом Войска Донского генералом А. М. Калединым в связи с сообщением о красной революции в Петрограде, в результате которой ликвидировались все Советы казацкого типа в городах Донской области. Новая власть готовилась создать свои — красные Советы, которые в прямом и переносном смысле, и не только на Дону, были окрашены, а скорее, обрызганы при своем утверждении братоубийственной кровью.

В Новочеркасске Алексеев практически приступил к созданию добровольческого вооруженного формирования. В декабре к этой работе подключился и прибывший на Дон генерал Корнилов. Он горел желанием поскорее навести военный порядок не только на подконтрольных территориях, но и в самих белых отрядах.

Корнилов видел в своих начинаниях первые ростки возобновления Русской армии, которую потерял слабовольный царь.

В один из холодных ноябрьских вечеров генерал-лейтенант Алексеев под влиянием своих мыслей о создании так называемой «Алексеевской организации» в номере гостиницы пишет письмо Дитериксу — начальнику штаба Главковерха Духонина. В нем он утверждает, что «приехал в Новочеркасск, имея в виду не только найти временный приют, но и начать работу…

Как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности… из этой цитадели должна

затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца… создать сильную власть сначала местного значения, а затем общегосударственного… приступить к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы, вооруженной для будущей активной политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемарин из разгромленных училищ… наконец, добровольцы…

Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью».

Атаман Каледин, с которым генерал Алексеев обсудил при встрече свои планы относительно «приюта русскому офицерству», поставил определенные условия, сообразуясь с обстановкой.

— Михаил Васильевич, что касается «приюта русскому офицерству», даю принципиальное согласие, но вместе с тем хочу уведомить вас с учетом местных настроений — не задерживаться в Новочеркасске более недели. Поймите меня правильно, время неспокойное, лихое, холодное и голодное. Семьи станичников на нищенском пайке. Они одни — без хозяев.

— Алексей Максимович, голубчик, вы герой знаменитого Луцкого прорыва, храбрейший из воинов, которых я знал, что-то не понимаю вашего предложения, — слегка возмутился всегда спокойный и выдержанный Алексеев.

— А что тут не понимать? Казачество, возвращающееся домой, к семьям, не хочет воевать ни с немцами, ни с Советами, — навоевалось. Больше того, скажу вам, оно, вдохновленное первыми декретами Советской власти, почти полностью перешло на ее сторону. У меня сил мало — молодежь, юнкера, отряд генерала Попова и части полковника Чернецова. Пару сотен наберется от силы. Красноармейцы уже совсем рядом, а у них сил в десятки раз больше. Да-да, не на порядок, а в несколько порядков. Конкретнее — они уже недалеко от Новочеркасска…

«Как меняют людей обстоятельства! — подумал Алексеев и внимательно взглянул в глаза донскому атаману. — Но он должен же понимать, что обстоятельства переменчивы, принципы — никогда. Разумный человек применяется ко всяким обстоятельствам. Ловкий человек создает их. Деятельный тип умеет использовать их. Нерешительный человек дает им ускользнуть».

* * *

Красные кавалерийские отряды, словно лава вулкана, выжигали любые очаги сопротивления в округе. Алексеев находился в растерянности. Он знал, что мужественный Каледин зря паниковать не будет. От тягостных раздумий Алексеева отвлек крик, доносившийся с улицы. Он подошел к окну и увидел жуткую картину, как солдат отнимал у женщины узелок с хлебом. Она сопротивлялась, кричала, царапала его, зовя на помощь, но вояка резким рывком все-таки выхватил у нее паляницу, от чего она упала наземь. А грабитель, выбросив платок, стал убегать, заталкивая добычу за пазуху под шинель.

Через мгновение он скрылся за углом соседнего дома.

«Вот до чего мы докатились!» — возмутился седой генерал.

На него нахлынули воспоминания, бессвязно возникали полузабытые картины детства и быстро промелькнувшей юности. Потом, словно прогрохотал в памяти длинный тяжеловесный поезд, — военная служба, бои под Плевной с ранением в бытность ординарцем у легендарного генерала Скобелева, учеба в Николаевской военной академии, получение генеральского чина, участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов и Русско-германской с последней должностью начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего. А потом череда революций и конец России. И вот он здесь в качестве Верховного руководителя Добровольческой армии.

Утром 29 января 1918 года на Войсковом круге царило уныние.

Дежурный по штабу принес телеграмму от Л. Г. Корнилова. В ней говорилось об отходе Добровольческой армии на Кубань.

Атаман Каледин понял — это конец вольнице, потому что ни сил, ни желания у станичников воевать, а тем более одолеть красную лавину нет. Рассчитывать на чудо атаман не мог, так как считал, что взывать к чуду — развращать волю. Он медленно поднялся из-за стола и тихо промолвил руководителям станичников:

— Дальнейшая борьба бесполезна. Лично я полагаю, что нам всем нужно сложить полномочия и передать власть городскому самоуправлению. Мы должны всегда помнить, что у дьявола есть свои чудеса. У нас этих чудес сегодня нет.

— Атаман, надо обсудить создавшееся положение, может, найдем выход из тупика, — предложил один из членов Круга.

— От слов погибла Россия, — возразил атаман. — Заболтали ее длинноязыкие. Дело, понимаешь, дело должно быть на кончике слова.

На Круге решили в 16:00 подписать акт о передаче власти. Сдав всю казну, в 14:00 Каледин объявил перерыв совещанию,

прошел в свой кабинет.

«Пока смерть подвластна нам, — подумал атаман, — мы никому не подвластны».

Резким движением правой руки он расстегнул рыжую кобуру, достал револьвер…

Через несколько минут в опустевшем атаманском дворце раздался глухой выстрел. Это был акт бегства неудачника от себя самого. Перед удачливыми людьми открыты все двери за собой. Такой человек уже выпрыгнул в окно и оказался в объятиях смерти.

Каледина почему-то не пожалели. Его стали осуждать за это малодушие. В жизни так нередко случается: когда судят о конкретном поступке, то, прежде чем объективно оценить его, надо учесть разные обстоятельства и принять во внимание весь облик человека, который совершает его.

Да, атаман был смел и решителен в бою с открытым противником на поле большой брани. Здесь была гражданская бойня, в водоворот которой затягивались не только казаки сильного пола, но и их семьи — жены, дети, внуки, старики. Он был в цейтноте и не видел выхода из возникшего ситуационного тупика.

А как обстояло дело с Алексеевым?

Его начинания продолжили другие военачальники.

Алексеев сильно хворал. Сначала болезнь никаких осложнений не предвещала — насморк от простуды. Появившийся кашель свидетельствовал уже о бронхите, а потом резкое прогрессирование болезни. Боли за грудиной, вялость, потливость, бессилие и, наконец, сердце не выдержало из-за отека легких.

> *«Неужели это конец? — обратился он к себе. — Стоит ли жизнь того, чтобы жить? Это вопрос для эмбриона, а не для мужчины. Умереть сегодня страшно, — а когда-нибудь — ничего. Как прав Гораций — всех ожидает одна и та же ночь».*

Алексеев скончался от воспаления легких 8 октября 1918 года и был похоронен в Войсковом соборе Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре. При отступлении белых войск в начале 1920 года его прах по настоянию вдовы был перевезен в Сербию и перезахоронен в Белграде.

* * *

В кабинете Алексея Максимовича Каледина было найдено письмо, датированное 29 января 1918 года. Оно адресовалось генералу от инфантерии, генерал-адъютанту Михаилу Васильевичу Алексееву. В нем атаман писал видному полководцу и прославленному генштабисту:

> *«Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов и отходят от него…*
>
> *Мне дороги интересы казачества, и я Вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России… избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность…»*

Самоубийство атамана потрясло Тихий Дон. Потом его преемник генерал П. Н. Краснов о Каледине скажет:

> *«Гулким эхом раздался по Донской земле калединский выстрел и пробудил совесть казачью».*

А она, эта самая совесть, пробудилась от зверств Троцкого и ему подобных, ненавидевших казачество и православную веру. Казаки, недавно примирившиеся с мыслью о переводе стрелок на мирную жизнь, поняли по поведению красноармейцев и быстро насаждающейся местной власти со своими жестокостями, неизбежность скорой расплаты. Многие поняли, что в таких условиях возможности выжить у них нет. Одни считали, что надо сопротивляться, другие — уходить в партизанку, а потом к белому офицерству.

Каледина похоронили со всеми почестями 2 февраля 1918 года. Супруга — Мария Петровна пережила его на год. Могил не сохранило время, а главное — люди и события. Их сына в одиннадцатилетнем возрасте принял водоворот тихого Дона, — он утонул. Личные материалы Каледина побывали в Югославии и Чехословакии. После войны пражский архив атамана был возвращен в СССР и в настоящее время находится в спецхранении.

После этого на Дону развернулась полная героизма и драматизма, замешанная на кровавом трагизме борьба белого и красного казачества. Это была война, на которой отец мог убить сына, сын — отца, брат — брата. Идеология стравливала людей

для кровавых сшибок. Народные массы, крестьянство и мятежное казачество «проголосовали на выборах» за Советскую власть, после чего люди убивали несогласных, агитируя друг друга с оружием в руках, где земляк стрелял в земляка, сосед — в соседа, где вчерашние закадычные друзья становились заклятыми, непримиримыми врагами.

Дон требовал крови, и она полилась ему в угоду…

* * *

В феврале 1918 года в городе Новочеркасске собрался Четвертый Малый круг Войска Донского. Под давлением пружины Красной Армии его делегаты практически единогласно приняли решение незамедлительно начать переговоры с командованием советских войск.

Красноармейские отряды 23 февраля вступили в Ростовна-Дону, а через два дня красный отряд Голубова без всякого сопротивления вошел в город Новочеркасск. Войсковой круг был разогнан, атаман А. М. Назаров и председатель круга Е. А. Волошинов были арестованы и вскоре расстреляны.

Понимая, что пощады от Советской власти им не светит, более полутора тысяч донских казаков ушли в партизаны с походным атаманом П. Х. Поповым, ушли в Сальские степи, чтобы продолжить борьбу с большевиками.

Петр Харитонович Попов (1867–1960) — донской атаман, Генерального штаба генерал от кавалерии, исследователь истории донского казачества. Активный участник Гражданской войны на стороне белых. Его путь — типичный для многих из белой эмиграции: Турция, Болгария, Франция, США, Чехословакия.

В 1939 году арестован германскими властями за отказ участвовать в формировании казачьих частей в составе германской армии, однако через короткий промежуток времени его выпустили из застенков гестапо с запрещением заниматься какой-либо общественной деятельностью. В 1946 году он снова переехал в Америку, где дважды переизбирался Донским атаманом. Неудачно пытался создать Зарубежное Донское правительство.

Последние годы проживал в доме престарелых россиян Толстовского центра. Скончался от инсульта 6 октября 1960 года в Нью-Йорке.

Похоронили его на Свято-Владимирском кладбище в городе Касвилл, штат Нью-Джерси.

В Новочеркасске соответственно в 1911 и 1912 годах были опубликованы его исторические произведения: «Герои Дона» и «Донские казаки и их заслуги перед отечеством».

Рукописи книг «Борьба за свободу Дона» и «Дон в изгнании» были сожжены администрацией дома престарелых.

Но вернемся к событиям на Дону.

Советская власть в этом крае была установлена весной 1918 года, а уже 23 марта 1918 года провозглашается Донская советская республика.

Согласно рекомендации Москвы, 9 апреля 1918 года в Ростове-на-Дону собрался Съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Донской республики, который избрал органы местной власти — ЦИК под председательством В. С. Ковалева и Донской Совнарком под руководством казака станицы Усть-Хоперской, активиста в установлении Советской власти на Дону Ф. Г. Подтелкова.

В мае 1918 года, в период осуществления операции по принудительной мобилизации казаков северных округов Донской области в Красную Армию, Ковалев и Подтелков со штабом были окружены и пленены восставшими против Советской власти казаками.

Тут же был совершен суд, который обвинил их в предательстве интересов казаков и приговорил к смертной казни. Скорый приговор тут же был приведен в исполнение, — красных казаков повесили свои же станичники. Суд был, конечно, неправый. Но, как говорится, не показывайте мне кодекс — покажите судью. Судья был противником красных.

В ответ на эту дерзость белых партизан Советская власть ответила красным террором, повальными обысками, широкой реквизицией, расстрелами офицеров, юнкеров и всех других, которых подозревали в связях с партизанами.

Как только показалось весеннее солнце, сигнализирующее крестьянину — пора браться за поля-огороды, начались захваты и переделы помещичьих и войсковых запасных земель.

И тут основная масса казачества не вытерпела — ответила восстаниями. К середине мая 1918 года в руках восставших было всего 10 станиц, но восстание стремительно ширилось. В Новочеркасске восставшие казаки открыли 11 мая Круг спасения Дона. Круг избрал нового Донского атамана, которым стал Петр Николаевич Краснов, проявивший себя в годы Первой мировой войны как один из лучших кавалерийских генералов русской армии, пройдя путь от командира полка до командира корпуса. Обладал он и творческим талантом — держателя острого и вдумчивого пера.

Область Войска Донского провозглашалась демократической республикой под названием Всевеликое войско донское. Всего в ряды войска было мобилизовано около 100 тысяч человек. Чтобы накормить, обмундировать, обучить и вооружить такое войско, нужны были средства. Краснов их увидел не у Антанты, а у немцев, стоящих на западных рубежах области. Он обещал им в продолжавшейся войне нейтралитет и предложил наладить «правильный товарообмен». Немцы получали от донцев продовольствие, а взамен снабжали казаков захваченным на Украине русским оружием и боеприпасами.

Генерал А. И. Деникин понимал несколько иначе эту помощь. Он считал, что германская ориентация атамана, так же как ориентация на казачьи интересы, является изменой национальным нуждам России.

Ориентация Краснова на союзников была до конца не понята «добровольцами» Деникина. Атаман на самом деле считал, что ни немцы, ни англичане, ни французы Россию не спасут, а лишь разорят ее и зальют кровью. Для него они были временными союзниками. Явными врагами Краснов считал большевиков.

Он говорил, что, пока большевики стоят у власти в России, Дон в состав России не войдет, а будет жить по своим законам, правилам и традициям.

К концу лета казаки вытеснили большевиков с Донской области и стали на ее границах. Но неоднородность населения на Дону создала среди казаков полярность мнений и взглядов на саму проблему дальнейшего построения жизни. Большевиков поддержали донские иногородние и крестьяне. Именно сельское сословие выдвинуло из своих рядов военачальников, ставших впоследствии полководцами красной конницы, — Б. М. Думенко и С. М. Буденного.

В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, Первая мировая война закончилась, и германские войска стали возвращаться на родину. Сразу же поставки оружия и боеприпасов на Дон прекратились. Казачьи полки стали отступать. На Дон покатилось красное колесо террора с расказачиванием и, к сожалению, не холодной местью…

Замечено по жизни, что самое жестокое мщение — это пренебрежение возможностью мести. Это пренебрежение скоро ощутили на себе мстящие красные. В гражданских сшибках месть превращается в сильный припадок лихорадки, в наслаждение души мелкой и низкой. О такой мести прекрасно написано у Михаила Шолохова.

А он ведь хорошо знал Дон!

Смерть Корнилова

Крови требовал не только Дон. Свидетель этого времени русский писатель Иван Алексеевич Бунин в дневниковой книге «Окаянные дни» напишет:

«Москва. 1918 г. 1 января.

Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже, наверное, так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, – кого ни встретишь на улице, просто сияние от них исходит:

– Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же совестно будет… Бодро, с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше.

Нынче опять такая же встреча – Сперанский из «Русских Ведомостей». А после него встретил в Мерзляковском старуху. Остановилась, оперлась на костыль дрожащими руками и заплакала:

– Батюшка. Возьми ты меня на воспитание! Куда же нам теперь деваться? Пропала Россия, на тринадцать лет, говорят, пропала!

7 января.

Был на заседании «Книгоиздательства писателей», – огромная новость: «Учредительное собрание» разогнали!

О Брюсове: все левеет, «почти уже форменный большевик». Не удивительно. В 1904 году превозносил самодержавие, требовал (совсем Тютчев!) немедленного взятия Константинополя. В 1905 году появился с «Кинжалом» в «Борьбе» Горького. С начала войны с немцами стал ура-патриотом. Теперь большевик.

5 февраля.

С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое.

Вчера был на собрании «Среды». Много было «молодых». Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямотой суждений, был в мягкой рубахе без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужнике.

Читали Эренбург, Вера Инбер. Саша Койранский сказал про них:

Завывает Эренбург,
Жадно ловит Инбер клич его, —
Ни Москва, ни Петербург
Не заменят им Бердичева…»

Да простит меня читатель за длинноты цитирования, но без этих бунинских откровений нельзя почувствовать дух того тревожного времени.

* * *

Приверженцы монархии, воевавшие «за царя», не приняв двух революций, двинулись на юг России. Сначала они обозначались в Ростове-на-Дону, потом стали перемещаться в сторону Екатеринодара. Многие из них участвовали в Ледовом походе. Были они и у истоков формирования Добровольческой армии и свидетелями гибели командарма № 8 по Юго-Западному фронту генерала Л. Г. Корнилова.

Путь генерала отразил в себе судьбу русского офицерства в трудный и переломный период российской истории. Он испытал на себе любовь и ненависть людей: его любили военные и ненавидели революционеры. Генерал не стремился к славе, так как был венчан общечеловеческой совестью и офицерской честью и являлся своеобразным Моисеем в степях.

О нем слагались стихи, которые с удовольствием распевали солдаты-казаки и офицеры. В одной из маршевых песен были такие слова:

Дружно, корниловцы, в ногу!
С нами Корнилов идет.
Спасет он, поверьте, Отчизну,
Не выдаст он русский народ!

Корнилова носим мы имя,
Послужим же честно ему.
Мы доблестью нашей поможем
Спасти от позора страну!

Одним из таких воителей был родной брат моего деда по отцовской линии — командир эскадрона, ротмистр Павел Степанович Терещенко. Он был весь в раздумьях даже тогда, когда по пояс брел в ледяной воде. Он, спешившийся, чтобы посадить на лошадь раненого сотоварища, размышлял о долге перед Родиной, которую отбирали у него непонятно откуда взявшиеся иммигранты, годами сидевшие за границей.

«Как быстро большевички одурачили народ, — размышлял Павел. — А если взглянуть на эту проблему несколько под другим углом зрения, то в этом была неизбежность.

Никакого вооруженного захвата Смольного не было, а было предательство, безразличие, усталость и беспомощность тех, кто стоял у временного (!!!) руководства такой огромной страной. Нужно было давить бузотеров — в этом залог светлого бытия земли русской. Теперь непонятно какое государство создадут большевики. Одним словом, крови будет много из-за земли и имущества».

* * *

Люди шли и шли, словно в пустоту, — в ни-ку-да…

Преодолев одну водную преграду, оказывались перед очередным, с трудом покорявшимся барьером. Лед был настолько тонок, что проваливался под ногами, а тем более под копытами лошадей. Портянки в сапогах примерзали к коже. Задубелые шинели от мороза топорщились и звенели, как жестяные, и часто ломались на изгибах.

После преодоления одного из водных рубежей отряд, в котором шел ротмистр Павел Терещенко, напоролся на засаду. Пулеметы буквально за считанные минуты выкосили авангард, а потом принялись за переправлявшиеся по «льду» подразделения. Это был ад — вода и взломанные льдины быстро окрашивались в красный цвет. Павлу такой лед напоминал праздник Крещения в родном селе на реке Суле, когда вырубленный со льда крест поливали свекловичным соком или квасом, и он играл кроваво-

красным отливом в лучах зимнего солнца. Такой праздник, только не на свекольной краске, а на крови белых солдат и офицеров, устроили себе красногвардейцы.

В очередной раз пуля-дура пощадила жизнь засидевшегося в должности ротмистра. Она обожгла только правое плечо.

«С таким ранением можно сходить и в атаку, но шашкой или саблей на коне орудовать уже нельзя», – подумал Павел и, укрывшись за валуном, вел прицельный огонь из карабина.

– Раз — и полетел краснопузый в ад. Два — еще одного не стало. Три — отправил и этого в бессмертье, – считал после каждого удачного выстрела ротмистр.

– Даешь Екатеринодар! — заорал один из рядом лежавших офицеров.

Цепь поднялась и с криком «Ура-а-а!» выбила красногвардейцев из небольшой станицы. Казаки дали возможность добровольцам помыться, подсушиться и отдохнуть, предварительно угостив кто чем мог…

Павел зашел в станичную церковку. Вонь от дерьма в притворе поразила его. Все без исключения иконы были порваны, исцарапаны и простреляны. У царских врат находилась большая икона с изображением Иисуса Христа. В его уста, очевидно проткнутые штыком, какой-то вандал вставил окурок. На престоле лежала пристреленная черная кошка, а на окровавленной шкуре покоилось Евангелие, раскрытое на главе «Послание к евреям святого апостола Павла».

– Жидовская работа, – кто-то крикнул из вошедших корниловцев.

– Нет, это могли поработать и свои – наши русские «товарищи», – заметил Павел.

– Дьяволы на такое способны, – пробасил высокий черноусый казак, начавший сразу же неистово креститься. — Это дети сатаны. Они пируют по-своему – только там, где святость, где чистота духовная. Она их раздражает.

– Получат эти изверги рода человеческого за свои грехи сполна, – заключил коренастый крепыш с погонами поручика.

– Посмотрите, посмотрите, что делается у шелковицы, – закричал вбежавший в церковь офицер. — Комиссары прикончили священника. Станичники рассказывали, что батюшка отказался отдать золотую утварь храма и был заподозрен в связях с нами. Да как убили?! Разрезали живот, а кишки намотали толстым слоем на ствол дерева.

Все бросились на улицу. Действительно, у шелковичного комля лежал бледный и вытянутый священник. Конец кишки был прибит гвоздем. Глаза почему-то у него были открыты. Бледное

лицо спокойно.

— Видно, Бога просил… простить этих уродов… простить за причиненную ему мученическую смерть, — проскрипела рядом стоявшая старушка.

Все снова перекрестились…

Лицо Павла было белое, как полотно. Глаза горели тем огнем ярости, которая способна на мгновенное мщение.

* * *

Добровольческая армия, возглавляемая генералом от инфантерии Корниловым, дважды атаковала Екатеринодар, но взять его так и не смогла — силы были не равны. Армия несла тяжелые потери. Заканчивались боеприпасы. Не хватало продовольствия. Кони ржали от голода и холода…

Здесь же 31 марта 1918 года ее командующий генерал Корнилов и сложил свою голову в результате прямого попадания снаряда в штаб армии.

Во время так называемого второго Кубанского похода Добровольческая армия Деникина, усиленная трехтысячным отрядом полковника Михаила Дроздовского, прибывшего с румынского фронта, 4 августа 1918 года, разгромив 100-тысячную группировку красных войск, взяла столицу кубанского казачества — Екатеринодар.

Спустя год после совершенной Октябрьской революции, при главнокомандующем Добровольческой армией на юге России была создана Особая комиссия, расследовавшая злодеяния большевиков. Она же расследовала и факт глумления представителей Советов над телом убитого генерала Корнилова.

Павел читал копию кем-то старательно переписанного сообщения, тяжело, слезы крупными градинами падали на пол и разбивались о бетон помещения, в котором находился его небольшой штаб отряда. Желваки на скулах ходили ходуном. Листы документа судорожно дрожали в такт нервного перенапряжения, передаваемого пальцам руки.

> *«Звери, звери мы, а не люди. До чего оскотинился народ! — рычал душой, негодуя, ротмистр. — Зло за зло, око за око. Ох этот русский беспощадный бунт. Он превратится в бойню — доселе невиданную братоубийственную гражданскую войну. Она уже началась.*
>
> *Подлость и мерзость творят большевики, мы им*

отвечаем или ответим тем же. На наше зло будет чиниться зло еще больших масштабов со стороны обманутой толпы, на их зло мы будем тоже отвечать большим злом. И длинный по времени кровавый шнек российского братоубийства закрутится в полную силу. Кто виноват, что делать? На эти типично славянские вопросы общество пока что вразумительно-созидательного ответа не находит. Аргумент в противостоянии один — бей, убивай, чтобы другие боялись».

Копия текста сообщения комиссии начиналась словами:

«31 марта 1918 года под г. Екатеринодаром, занятым большевиками, был убит Командующий Добровольческой Армией, народный герой Генерал Корнилов.

Тело его отвезли за 40 верст от города в колонию Гнадау, где оно и было 2 апреля предано земле, одновременно с телом убитого полковника Неженцева.

В тот же день Добровольческая Армия оставила колонию, а уже на следующее утро, 3 апреля, появились большевики — разъезды разведывательных подразделений Темрюкского полка.

Большевики первым делом бросились искать «зарытые кадетами кассы и драгоценности». При этих розысках они наткнулись на свежие могилы. Оба трупа были выкопаны, и тут же большевики увидели на одном из них погоны полного генерала. По этому определили, что это генерал Корнилов. Общей уверенности не могла поколебать задержавшаяся по нездоровью в Гнадау сестра милосердия Добровольчесой Армии, которая по предъявлении ей большевиками трупа для опознания хотя и признала в нем генерала Корнилова, но стала их уверять, что это не он. Труп полковника Неженцева был обратно зарыт в могилу, а тело генерала Корнилова, в одной рубашке, покрытое брезентом, повезли в Екатеринодар на повозке колониста Давида Фрука.

В городе повозка въехала во двор гостиницы Губкина на соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами. Воздух оглашался отборной бранью, — ругали покойного. Отдельные увещевания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, — не помогли. Настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое

время красноармейцы вывезли, взявшись за оглобли, на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель.

Один из представителей Советской власти по фамилии Золотарев появился пьяный на балконе. И, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез Корнилова, но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь доставки в город Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а темрюкцами.

Появились фотографы, сделали несколько снимков покойника, после чего тут же проявленные карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа сняли последнюю рубашку, которая рвалась на части, и обрывки разбрасывались кругом.

«Тащи на балкон, покажи с балкона», — кричали в толпе, но тут же слышались возгласы: «Не надо на балкон, зачем пачкать балкон. Повесить на дереве». Несколько человек оказались уже на дереве и стали поднимать труп. «Тетя, да он совсем голый», — с ужасом заметил какой-то мальчик стоявшей рядом с ним женщине.

Но тут же веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела. С балкона был отдан приказ — замолчать, и, когда гул голосов стих, то какой-то находившийся на балконе представитель советской власти стал доказывать, что привезенный труп, без сомнения, принадлежит Корнилову, у которого был один золотой зуб.

«Посмотрите и увидите», — приглашал он сомневавшихся граждан из толпы. Кроме того, он указал на то, что на покойнике в гробу были генеральские погоны и что в могиле, прежде чем дойти до трупа, обнаружили много цветов, «а так простых солдат не хоронят», — заключил он.

И действительно, приходится считать вполне установленным, что все это безгранично дикое глумление производилось над трупом генерала Корнилова, который был тут же опознан лицами, его знавшими.

Глумление это на Соборной площади, перед гостиницей Губкина, продолжалось бесконечно долго.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Толпа задвигалась, но в это время с балкона послышался грозный окрик: «Стой, буду стрелять

из пулемета», — и толпа отхлынула.

Не менее двух часов тешился народ. Отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Вновь тронулась вперед та же повозка, с той же печальной поклажей. За повозкой двинулась огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. Труп был уже неузнаваем: он представлял собой бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю и пр. Но этого все еще было мало: дорогой глумление продолжалось, к трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивая на повозку, наносили удары шашкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки, и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти. Языки пламени охватили со всех сторон обезображенный труп; подбежали солдаты и стали штыками колоть тело в живот, потом подложили еще соломы и опять жгли. В один день не удалось окончить все работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растаптывали ногами.

Имеются сведения, что один из большевиков, рубивший труп генерала Корнилова, заразился трупным ядом и умер.

Прошло несколько дней, — и вот по городу двигалась какая-то шутовская процессия ряженых, ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать похороны Корнилова. Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег «на помин души Корнилова».

В екатеринодарских «Известиях» 5 апреля на видном месте была помещена заметка, начинавшаяся следующими словами:

«В 12 часов дня отряд т. Сорокина доставил в Екатеринодар из станицы Елизаветинской труп героя и вдохновителя контрреволюции — ген. Корнилова».

Далее в заметке говорилось:

«После фотографирования труп Корнилова был отправлен за город, где и был предан сожжению».

Когда 6 августа 1918 года представители Добровольческой армии прибыли из Екатеринодара в колонию Гнадау для поднятия останков генерала Корнилова и полковника Неженцева, то могила Корнилова оказалась пустой; нашелся в ней один только небольшой

кусок соснового гроба.

Председатель Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем Вооруженными Силами на юге России».

Прочитав до конца жуткий текст сообщения, Павел вздрогнул, вытер слезы, встал с табурета и в присутствии других офицеров громко прорычал:

– Не будет предателям покоя, пока я живой. Немцам продали жиды-большевики благополучие России, разорили армию и растоптали своим безверием наше православие. У них своя вера, на нашу веру им наплевать. Я больше чем уверен, скоро они станут разрушать церкви и убивать священников, как убили того, с выпотрошенными кишками. Месть и только святая месть сможет успокоить и укрепить мое надорванное сердце…

– Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли, – неожиданно выдавил из себя пословицу курносый, с лицом в веснушках, молодой солдатик.

На него сразу все зашикали.

Он понял, что сморозил глупость, оказавшуюся не к месту и не ко времени…

Уходили мы из Крыма…

После гибели главнокомандующего Добровольческой армией бразды правления разношерстным объединением взял на себя один из основателей Белого движения в годы Гражданской войны и его лидер на юге России — Антон Иванович Деникин. В 1918–1919 годы он был командующим Добровольческой армией, а потом главнокомандующим Вооруженными силами юга России, заместителем верховного правителя и верховного главнокомандующего Русской армией адмирала А. В. Колчака.

Потом Колчак после поражения своих войск на фронтах с красными передал бразды правления всей Русской армией Антону Ивановичу в надежде, что тот справится с задачей разгрома большевизма.

В течение весны и лета 1919 года войскам Деникина удалось перехватить стратегическую инициативу в борьбе с красными, особенно в пределах Южного фронта. Разгромив в мае — июне большевиков на Дону, войска Деникина повели успешное наступление вглубь страны в сторону Украины и юга России.

Его войска берут города Харьков, Полтаву, Николаев, Одессу, Киев, Курск, Воронеж, Екатеринослав, Царицын, Орел… Намеревались взять Тулу и двинуться к Москве.

Южный фронт большевиков рушился. Красные вожди уже намеревались уйти в подполье. Был создан подпольный Московский комитет партии. Партийно-правительственные чиновники начали эвакуацию в Вологду.

Победы белых внушали советской стороне серьезные опасения. Не случайно в июле 1919 года Ленин пишет обращение с названием «Все на борьбу с Деникиным!», ведь под контролем белых находилось до двадцати губерний и областей.

Но с осени 1919 года началась перемена в обстановке. Тылы «добровольцев» разрушались рейдами повстанческой армии Нестора Махно по Украине.

Падало качество армии Деникина. Происходило это изза перехода с добровольческой на мобилизационную основу комплектования частей и подразделений. Крестьяне не хотели воевать, часто дезертировали из войск. Их ловили и расстреливали, что не прибавляло авторитета деникинским войскам. Кроме того, большевики заключили негласное перемирие с поляками и петлюровцами, высвободив тем самым силы для борьбы с беляками. Падала воинская дисциплина.

Интересны воспоминания в этом плане прапорщика Сергея Эфрона, мужа поэтессы Марины Цветаевой, в статье «О

добровольчестве».

Он о «добровольцах» писал:

> *«Погромы, расстрелы, сожженные деревни, грабежи, мародерства, взятки, пьянство, кокаин и пр. и пр. Кто же они или, вернее, кем они были — героями-подвижниками или разбойниками-душегубами?»*

И сам же ответит:

> *«И теми и другими!»*

Часто и то и другое соединялось в одном лице. Поэтому деникинцы и не получили народной поддержки и оказались разбиты. Статья написана в 1926 году, но, думается, Эфрон многое понял уже во время Ледяного похода. Однако низость и мерзость мародерства и жесткой мобилизации, творимые белыми, до поры до времени не заслонили для него главного — красного зла, предательства России. Святая борьба с ними стала первым лозунгом добровольчества.

Как известно, 28 марта 1918 года Добровольческая армия начала штурм Екатеринодара. Так и не взяв город, потеряв генерала Корнилова, убитого осколком в висок после прямого попадания артиллерийского снаряда в его штаб, армия отошла на Дон, где бушевало восстание казачества. Восьмидесятидневный поход протяженностью более тысячи километров, пройденный более чем с 40 боями, закончился 30 апреля. Прапорщик Сергей Эфрон был награжден знаком отличия 1-й степени. Вскоре поэт Максимилиан Волошин в Коктебеле получил письмо от Эфрона, датированное 12 мая:

> *«Только что вернулся из Армии, с которой совершил фантастический тысячеверстный поход. Я жив и даже не ранен — это невероятная удача, потому что от ядра корниловской армии почти ничего не осталось…*
>
> *Не осталось и одной десятой тех, с кем я вышел из Ростова…*
>
> *Живу сейчас на положении «героя» у очень милых местных буржуев. Положение мое очень неопределенно, — пока я прикомандирован к чрезвычайной миссии при Донском правительстве. М.б. (может быть. —* Авт.*), придется возвращаться в Армию, которая находится отсюда верстах в семидесяти. Об этом не могу думать без ужаса, ибо нахожусь в растерзанном состоянии.*
>
> *Нам пришлось около семисот верст пройти пешком по*

такой грязи, о какой не имел до сего времени понятия. Переходы приходилось делать громадные — до 65 верст в сутки. И все это я делал, и как делал! Спать приходилось по 3–4 часа, — не раздевались мы три месяца — шли в большевистском кольце — под постоянным артиллерийским обстрелом. За это время было 46 больших боев. У нас израсходовались патроны и снаряды — приходилось и их брать с бою у большевиков…

Наше положение сейчас трудное — что делать? Куда идти? Неужели все жертвы принесены даром?…»

* * *

В третьей части романа «Хождение по мукам» — «Хмурое утро» Алексей Толстой попытался воссоздать атмосферу тех дней такими словами:

«Деникин был на фронте. Прошло немного больше года с тех пор, как он, больной бронхитом, закутанный в тигровое одеяло, трясся в телеге в обозе семи тысяч добровольцев, под командой Корнилова, пробивавших себе кровавый путь на Екатеринодар.

Теперь генерал был полновластным диктатором всего Нижнего Дона, всей богатейшей Кубани, Терека и Северного Кавказа.

Обиженный на союзников Деникин решил совершить прогулку на фронт к генералу Кутепову с приглашением английских и французских военных дипломатов, чтобы устыдить их за Одессу, Херсон и Николаев, позорно оставленные большевикам.

Приглашая на этот спектакль, он со злорадством подумал:

«Ах, как было бы хорошо, если бы Красная Армия, состоящая из голодранцев, выбила оттуда французов и греков! Мужики на виду у французских эскадренных миноносцев изрубили шашками в Николаеве целую греческую бригаду. В панике, что ли, перед русскими мужиками отступили победители в мировой войне — французы, трусливо отдав Херсон, и эвакуировали две дивизии из Одессы… Чушь и дичь! — испугались московской коммуни».

Антон Иванович решил наглядно продемонстрировать прославленным европейцам, как

увенчанная эмблемой лавра и меча его армия бьет коммунистов.

У него затаилась еще одна обида: на решение Совета десяти в Париже о назначении адмирала Колчака верховным правителем всея России. Дался им этот Колчак. В семнадцатом году он сорвал с себя золотую саблю и швырнул ее с адмиральского мостика в Черное море. Об этом сообщили газеты чуть ли не во всем мире. В это время генерал Деникин был посажен в Быховскую тюрьму, — газеты об этом молчали. В восемнадцатом Колчак бежит в Северную Америку и у них, в военном флоте, инструктирует минное дело, — в газетах печатают его портреты рядом с кинозвездами…

Генерал Деникин бежит из Быховской тюрьмы, участвует в Ледовом походе, у тела погибшего Корнилова принимает тяжелый крест командования и завоевывает территорию большую, чем Франция…

Где-то в парижской революверной газетенке помещают три строчки об этом и какую-то фантастическую фотографию с бакенбардами, — «женераль Деникин»! И правителем России назначается мировой рекламист с манией величия и пристрастием к кокаину — Колчак!

Антон Иванович не верил в успех его оружия. В декабре колчаковский скороиспеченный генерал Пепеляев взял было Пермь, и вся заграничная пресса завопила: «Занесен железный кулак над большевистской Москвой».

Даже Антон Иванович на одну минуту поверил этому и болезненно пережил успех Пепеляева. Но туда, на Каму, послали из Москвы (как сообщала контрразведка) комиссара Сталина — того, кто осенью два раза разбил Краснова под Царицыном, — он крутыми мерами быстро организовал оборону и так дал коленкой прославленному Пепеляеву, что тот вылетел из Перми на Урал. Этим же, несомненно, должно было кончиться и теперешнее наступление Колчака на Волгу — ведется оно без солидной подготовки, на фу-фу, с невероятной международной шумихой и под восторженный рев пьяного сибирского купечества…»

Так оценивал и так описывал авторитет и возможности двух глав Белого движения в России и степень их поддержки Антантой Алексей Толстой.

Как уже подчеркивалось, недостаток личного состава в

Добровольческой армии осуществлялся насильственной мобилизацией, на что семьи новобранцев реагировали крайне болезненно, а нередко доходило до физического сопротивления или сокрытия сыновей и мужей матерями и женами будущих «добровольцев».

Люди понимали — гражданская война не рождает героев, а потому бросать свое родное дитя, брата или отца в мясорубку междоусобиц не хотели.

Установление военной дисциплины на милитаризованных фабриках и заводах, в мастерских и артелях, а главное, восстановление права собственности помещиков на землю обрекли Деникина на провал. Большевики же обещали землю крестьянину. А для селянина слово «земля» было так же священно, как слово «Бог». Сжатая пружина «наведения порядка» до предела в своем сопротивлении дала такой обратный ход, что деникинцев народ стал презирать почти так же, как и германских или австрийских оккупантов. Люди почувствовали запах свободы через элементы анархии, безделья и воровства, поэтому не захотели подчиняться снова искателям счастья в самодержавии, в божественном помазаннике — в царе с его огромной затратной свитой.

* * *

Добровольцы вместе с Донской армией начали повальное отступление в сторону Новороссийска, что обернулось катастрофой, которую многие историки и генералы Белого движения вменяли в вину Деникину. Дело в том, что из района Новороссийска морем в Крым удалось переправить чуть более 30 тысяч солдат и офицеров. Остальные стали жертвами красных. Сам же генерал Деникин со своим начштаба Романовским ступил в Новороссийске на борт миноносца «Капитан Секен» одним из последних.

А тем временем, как напишет в своих мемуарах Врангель, Кавказская армия — кубанцы, терцы и часть донцов, — не успев погрузиться, отходила вдоль Черноморского побережья по дороге на Сочи и Туапсе. За ними тянулось огромное число беженцев.

По словам генерала Улагая, общее число кубанцев, в том числе и беженцев, доходило до 40 тысяч, донцов — до 20. Части были совершенно деморализованы, и о серьезном сопротивлении думать не приходилось. Отношение к «добровольцам» среди не только казаков, но и офицеров было резко враждебное: генерала Деникина и «добровольческие» полки упрекали в том, что

«захватив корабли, они бежали в Крым, бросив на произвол судьбы казаков».

Казаки отходили по гористой, бедной местными средствами, территории; их преследовали слабые части конницы товарища Буденного, во много раз малочисленнее наших частей, но окрыленные победой. Большинство кубанских и донских обозов были брошены, запасов продовольствия на местах не было, люди и лошади голодали. Ввиду ранней весны подножный корм отсутствовал, лошади ели прошлогодние листья и глотали древесную кору. Казаки отбирали последние припасы у населения, питаясь часто прошлогодней кукурузой и кониной…

Дух был потерян не только казаками, но и начальниками… Рядовые чины, оборванные и озлобленные, в значительной степени вышли из повиновения начальникам…

Обосновавшись со своей ставкой в Феодосии в здании гостиницы «Астория», Деникин понял, что его армия бита. Оппозиционно настроенный генералитет через Военный совет Вооруженных Сил юга России (ВСЮР) принял рекомендательное решение о целесообразности передачи Деникиным командования Врангелю и 4 апреля 1920 года назначил последнего главнокомандующим ВСЮР.

Антон Иванович Деникин 5 апреля прибыл в Константинополь. Находившийся рядом с Деникиным его начштаба Романовский там был застрелен. Поняв, что вторая пуля может быть его, он в тот же вечер со своей семьей и детьми генерала Корнилова перешел на английское госпитальное судно. А через день на дредноуте «Мальборо» отбыл в Англию. Потом проживал в Бельгии, Венгрии, Франции, а с 1945 по 1947 год — в США.

Скончался он от сердечного приступа и был захоронен на кладбище в Детройте, а 3 октября 2005 года прах генерала А. И. Деникина и его жены Ксении Васильевны вместе с останками русского философа И. А. Ильина и его супруги Натальи Николаевны перевезли в Москву и захоронили на кладбище Донского монастыря.

* * *

Крымские дела нового главнокомандующего Русской армией и правителя юга России генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля тоже не заладились. Хотя в течение шести месяцев 1920 года он старался учесть ошибки своих предшественников — Корнилова и Деникина. Барон делал все мыслимое и

немыслимое, чтобы сплотить вокруг себя различные слои населения, предлагая проведение ряда политических, экономических и социальных реформ.

Однако ко времени прихода его к власти Белое движение походило на корабль с открытыми кингстонами или получившим гибельную пробоину. Белый корабль неумолимо тонул. Люди не хотели воевать. Этот момент уловили англичане. Они нанесли тяжелейший удар по моральному состоянию войск Врангеля предложением «прекращения неравной борьбы». Так «союзники» декларировали перекрытие крана помощи. Со временем в мемуарах барон напишет:

> *«Отказ англичан от дальнейшей нам помощи отнимал последние надежды. Положение армии становилось отчаянным. Но я уже принял решение».*

А решение было одно — не повторить той катастрофы, какая случилась по вине Деникина при новороссийской эвакуации. Он понимал, несмотря на ряд позиционных побед, что потенциал красных не идет ни в какое сравнение с его быстро редеющей армией.

В ноябре 1920 года командовавший обороной Крыма генерал А. П. Кутепов не смог сдержать наступление, и части Красной Армии под общим командованием М. В. Фрунзе прорвались на территорию Крыма. В заслугу Врангелю можно поставить то, что, приняв Добровольческую армию в обстановке, когда все Белое дело уже дышало на ладан, он тем не менее сделал все от него зависящее, чтобы максимально вывезти остатки своей армии и гражданского населения, не желавшего оставаться под властью большевиков, из Крыма.

Перед тем как самому покинуть Россию, Врангель на миноносце обошел все русские порты, чтобы убедиться, что пароходы с беженцами готовы выйти в открытое море.

Кстати, Врангель распорядился срочно готовить суда в Севастополе, Феодосии, Ялте, Керчи и Евпатории к отплытию за границу. По указанию ответственного за обеспечение эвакуации командующего ЧФ вице-адмирала М. А. Кедрова на корабли принимались: личный состав боевых частей, тыловых и гражданских учреждений, больные, раненые, особо ценное имущество, запасы продовольствия и воды.

Последний пароход с эвакуируемыми войсками Русской армии генерал-лейтенанта П. Н. Врангеля 14 ноября 1920 года вышел из Феодосийского залива. Через несколько часов отряд кораблей встретился с судами, вывозящими войска и беженцев из других городов Крыма, и они вместе взяли курс на

Константинополь.

Всего было 126 кораблей и судов, эвакуировавших, по архивным данным, 145 693 человека. Морской транспорт с людьми шел дружной цепочкой. Отсутствовал только эскадренный миноносец «Живой». Он накануне эвакуации находился в Керчи. На корабль было погружено более 250 пассажиров из числа Донского офицерского резерва и эскадрона 17-го гусарского Черниговского полка. Но из-за поломки двигателя «Живой» самостоятельно идти не мог и должен был двигаться на тросе у буксира «Херсонес».

В таком состоянии 5 ноября 1920 года «Живой» вышел из Керчи. В ночь с 6 на 7 ноября в море разыгрался шторм. Буксирный конец лопнул, и после этого о судьбе неуправляемого эскадренного миноносца никаких сведений не поступало. Из-за отсутствия радиосвязи о пропаже «Живого» стало известно лишь по прибытии кораблей в Константинополь. Врангель распорядился послать в район предполагаемого дрейфа миноносца несколько кораблей. На поиски ушли транспорт «Далланд», несколько посыльных судов, английские и французские миноносцы. Но найти какие-либо следы «Живого» не удалось.

В целом операция по эвакуации прошла успешно. А тем солдатам, офицерам и служащим, кто не захотел покидать Родину и поверил байкам большевиков, пришлось до конца испить чашу своих заблуждений.

* * *

А события развивались следующим образом.

Газета «Правда» 12 сентября 1920 года опубликовала «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля» за подписями Председателя ВЦИК М. И. Калинина, Председателя Совнаркома В. И. Ленина, наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого, главкома С. С. Каменева и председателя Особого совещания при главкоме А. А. Брусилова, в котором говорилось:

> *«Честно и добросовестно перешедшие на сторону Советской власти не понесут кары. Полную амнистию мы гарантируем всем переходящим на сторону Советской власти.*
>
> *Офицеры армии Врангеля! Рабоче-крестьянская власть последний раз протягивает вам руку примирения».*

Реввоенсовет Южного фронта 11 ноября по радио обратился

лично к Врангелю как главнокомандующему Русской армией с предложением о немедленном прекращении борьбы, грозящей бесполезным пролитием «новых потоков крови». В конце обращения говорилось, что «всем не желающим работать в Советской России будет обеспечена возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честным словом от всякого участия в дальнейшей борьбе против Советской России. Ответ по радио ожидается не позднее 24 часов 12 ноября 1920 года».

Ответа не последовало. Более того, П. Н. Врангель скрыл от личного состава своей армии содержание этого радиообращения, приказав закрыть все радиостанции, кроме одной, обслуживаемой офицерами.

На следующий день Реввоенсовет Южного фронта направил еще одно сообщение «Офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля». В нем информировалось о сделанном днем раньше Врангелю предложении о прекращении боевых действий и сдаче войск. Этот призыв советской стороны привел к тому, что некоторая часть военнослужащих и местного населения поверили в рыцарское обращение со стороны победителей и приняли решение остаться на полуострове. Но в принятом решении их скрывалась роковая ошибка. Сразу же после того как корабли Врангеля покинули Крым, начался кровавейший красный террор.

Выступая на одном из партийных совещаний в Москве, В. И. Ленин 6 декабря 1920 года, заявил:

> *«Сейчас в Крыму 300 тысяч буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим».*

Заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянский, сторонник Л. Д. Троцкого, в своей телеграмме в Крымский РВС Бела Куну писал:

«Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер». Венгерский еврей ему ответил:

> *«Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном развитии, то быстро подвинем его к общему революционному уровню России…»*

И стали продвигать расстрелами, повешеньем, утоплением.

Мне бы хотелось остановиться еще раз на свидетельствах той драмы «крымского затворника», поэта Максимилиана Волошина,

описавшего ее в стихотворении «Террор»:

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.
С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.
Снимал с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.
Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.
Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.
Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.
А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

21 апреля 1921 года Симферополь

Мог и желал предотвратить человеческую резню М. В. Фрунзе. Он надеялся поступить по-рыцарски, но вмешались Ленин, Троцкий, Склянский, Бела Кун, Землячка и другие красные вожди, потребовавшие «жесточайших мер», что равнялось призыву к «беспощадному красному террору» и истреблению русского люда.

Подобный гуманизм Фрунзе, проявленный к противнику, буквально взорвал Ленина. На следующий день вождь направил РВС Южного фронта секретную телеграмму такого содержания:

«Только что узнал о Вашем предложении Врангелю

сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и не выпускать ни одно судно. Если же противник не примет этих условий, то, по-моему, нельзя больше повторять их и нужно расправиться беспощадно».

Вскоре Фрунзе был переведен на другой участок службы, а «расправиться беспощадно» поручили Бела Куну, Розалии Самойловне Землячке (Залкинд), главному чекисту Крыма Михельсону, председателю Реввоенсовета 4-й армии — Лидэ, И. А. Акулову и другим красным руководителям Крыма.

Уже 5 декабря 1920 года в газете «Красный Крым» была опубликована статья Н. Марголина «Белый и красный террор», в которой автор писал:

«Беспощадным мечом красного террора мы пройдемся по всему Крыму и очистим его от всех палачей, эксплуататоров и мучителей рабочего класса. Но мы будем умнее и не повторим ошибок прошлого! Мы были слишком великодушны после октябрьского переворота.

Мы, наученные горьким опытом, сейчас не станем великодушничать. В освобожденном Крыму еще слишком много осталось белогвардейцев…

Мы отнимем у них возможность мешать нам строить новую жизнь. Красный террор достигнет цели, потому что он направлен против класса, который обречен на смерть самой судьбой, он ускоряет его гибель, он приближает час его смерти!

Мы переходим в наступление!»

Наступление было бурным и кровавым.

* * *

Все прибывшие в Константинополь корабли были переполнены людьми и имуществом. Хорошо, что море не штормило — стояла спокойная погода, а то многие суда не дошли бы до турецкого берега.

Дел о в том, что всех желающих убыть за границу пароходы забрать не могли — они и так были перегружены. Были и такие граждане, которые не хотели покидать родину, а некоторые просто не успели подойти к погрузке. Так, не могли погрузиться 1-я Кубанская казачья дивизия, 2-й армейский запасной батальон,

тыловые части 52-го пехотного Виленского полка, до 100 человек из Одесских пулеметных курсов, Сырецкий госпиталь Красного Креста, Феодосийский армейский эвакопункт, полевой эвакопункт № 16, а также солдаты, офицеры и служащие других частей.

Утром 16 ноября в Феодосию вошли части 9-й стрелковой дивизии Красной Армии во главе с Н. В. Куйбышевым.

В городе сразу же было взято в плен 12 тысяч человек. Начались массовые расстрелы.

И кровавый шнек репрессий начал активно вращаться на крымской земле. Красноармейцы 2-й Конной армии Миронова работали в основном саблями и шашками по госпиталям и лазаретам. Рубили больных и раненых прямо на кроватях.

В ночь с 16 на 17 ноября в Феодосии по приказу комиссара 9-й дивизии Моисея Лисовского были расстреляны офицеры Виленского полка. Для «эффективной» борьбы с оставшейся частью белых создается «особая тройка», наделенная неограниченными полномочиями судебной власти. Возглавляли ее председатель Крымского ВРК Бела Кун — венгр еврейского происхождения, а также его любовница, секретарь обкома партии Розалия Самойловна Залкинд — Роза Землячка и председатель местной ЧК Артур Михельсон.

По постановлению «особой тройки», все дороги из Крыма были перекрыты войсками, после чего началась «охота на ведьм». Землячка обратилась к Троцкому с предложением стать, помимо центральной должности, председателем Реввоенсовета Советской Республики Крым, на что тот ответил:

> *«Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца».*

Нужно понимать — живого… А его заместитель Склянский вторил:

> *«Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер».*

Почувствовав поддержку сверху, Бела Кун публикует заявление:

> *«Товарищ Троцкий сказал, что не приедет в Крым до тех пор, пока хоть один контрреволюционер останется в Крыму. Крым — это бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы*

быстро подвинем его к общему революционному уровню России…»

В Севастополь 15 ноября вошли части 51-й стрелковой дивизии под командованием В. К. Блюхера и 1-й Конной армии С. М. Буденного.

Крымревком 17 ноября 1920 года издал приказ № 4, согласно которому все офицеры, солдаты, чиновники деникинской Добровольческой армии и врангелевской Крымской армии должны в трехдневный срок зарегистрироваться. Не явившиеся или не зарегистрировавшиеся в установленный срок будут считаться шпионами, подлежащими немедленному расстрелу.

И ручейки доверчивых людей потекли на пункты регистрации. Образовывались многотысячные очереди. Несчастных с документами, удостоверяющими личность, заставляли писать автобиографии, затем одних тут же арестовывали, а других отпускали, как оказалось, на время. Надо же было распорядиться судьбами 300 тысяч человек по-хозяйски! Одних этапами погнали на лесоповал в сибирскую тайгу, что было равносильно гибели. Толпы обреченных на мучительную смерть шли раздетые и голодные…

Остальных, более 100 тысяч, служивших у Врангеля и Деникина, ночами расстреливали в крымских городах и поселках. Для усиления борьбы с контрреволюцией из Москвы на должность председателя Крымской ЧК прибывает С. Ф. Реденс. Комендантом и начальником отряда ВЧК по борьбе с бандитизмом в Крыму назначается И. Д. Папанин — будущий видный полярник. В основном под расстрелы шли горожане. Сельские жители составляли лишь 10 % от общего числа арестованных.

По данным советской историографии, за 1920–1921 годы было расстреляно: в Симферополе — 20 тысяч человек, в Севастополе — около 12, в Феодосии — около 8, в Керчи — более 7, в Ялте — до 5 тысяч.

Всего погибло более 50 тысяч человек. Улицы города морской русской славы – Севастополя — были буквально увешаны казненными. Качающиеся и вращающиеся то в одну сторону, то в другую под порывами ветра трупы походили на подвешенные волчки. Вздергивали людей на фонарях, деревьях, столбах и даже на памятниках. Офицеров обязательно вешали в форме и при погонах. С невоенных снимали одежду, и они болтались на веревках и проводах совершенно нагими.

Получалось – брат брату головой в уплату, суд прямой, да судья кривой. Вершилось Шемякино судилище.

В Севастополе войска Блюхера казнили около 500 портовых рабочих за то, что они оказывали помощь в погрузке на корабли врангелевским войскам. Многих вывозили за город на так называемую дачу Максимова. Могилы рыли в каменистом грунте себе обреченные на казнь. И там, под покровом ночи, косили их из пулеметов у каменной стены, а затем сбрасывали в ямы.

Кроме усадьбы севастопольского градоначальника, расстрелы проходили на Английском, Французском и Городском кладбищах, а также в Херсонесе.

* * *

Будучи в Форосе несколько лет назад, автору этих строк удалось познакомиться с некоторыми материалами о красном терроре в Крыму. По описанию местных свидетелей, там указывалось, что людей не только расстреливали и вешали, но и топили. Это началось после слов, сказанных Розалией Самойловной Землячкой, мол, «жалко на них тратить патроны, топить их в море». Поэтому привязывали камни к ногам своих жертв и бросали за борт. «Приговоренных стали связывать группами, — как писал по этому поводу Д. В. Соколов, — наносить им револьверными выстрелами и ударами сабель тяжкие раны, затем полуживыми сбрасывать в море. В течение нескольких лет на дне севастопольских бухт можно было видеть целые толпы утопленников, привязанных ногами к большим камням. Течением воды их руки приводились в движение, волосы были растрепаны. По свидетельству водолаза, спустившегося на свой страх и риск под воду одной из таких бухт, «среди этих трупов священник в рясе с широкими рукавами подымал руки, как будто произносил ужасную речь».

В хорошую солнечную погоду, когда над морем устанавливался штиль, некоторые толпы утопленников можно было разглядеть и с берега.

Красный террор, устроенный Бела Куном, поверг в шок некоторых высокопоставленных большевиков в Крыму. Они стали писать в Москву. Возмутился после этого даже сам Дзержинский, заявив, что «…мы никак не могли подумать, что они так используют эти полномочия».

Большевистское руководство вынуждено было срочно отозвать Бела Куна и Розалию Залкинд из Крыма. Она умрет в 1947 году, а вот венгерскому еврею повезет значительно меньше — в 1939 году его, как троцкиста, приговорят к ВМН и расстреляют.

* * *

Первые месяцы родной брат моего деда Петра по отцовской линии Павел жил вместе со своим новым другом, поручиком Николаем Демьяненко, в каюте на линейном корабле «Георгий Победоносец». Часто они вспоминали о своей родине, селах, хатах (оба были земляками — малороссами, как тогда величали украинцев). Однажды к ним в каюту зашли несколько моряков, рассказавших историю гибели миноносца «Живой».

– Забрало море несчастных не случайно, – многозначно заметил один из морских офицеров. – Я тоже когда-то служил на нем. Знаю многое из его истории. Там же, на эсминце, остался мой друг, лейтенант Женя Нифонтов. Погиб, наверное, царство ему небесное.

– Как — не случайно? — поинтересовался Павел.

– «Живой», как известно, шел без паров — до этого дизельная машина застучала. Его взял на буксир «Херсонес», дошедший до Константинополя. Управлялся же он практически командой «Живого», так как основной экипаж буксира забастовал и остался в Керчи. Пришлось почти всему экипажу миноносца во главе с командиром — капитаном 2-го ранга Павлом Эмеретли перейти на «Херсонес». Они и повели в море мертвый миноносец. Но шторм спутал все карты…

– Я слышал, что канат разорвался, и они из-за высокой волны не могли приблизиться к миноносцу, которого бушующее море и сильный ветер стремительно относили в сторону, — вставил Николай.

– От кого вы слышали? — спросил один из моряков.

– Об этом мне говорил сам Павел Эмеретли.

— Ну, тогда это из первых уст. Я снимаю шляпу, как говорится. А ну-ка, расскажите, что еще говорил капитан 2-го ранга, – настойчиво домогался говорливый гость.

– Он поведал один эпизод из истории корабля. В начале февраля 1916 года при подходе отряда кораблей ЧФ к болгарским берегам миноносцы «Живой» и «Лейтенант Пущин» были посланы в разведку. Последний наскочил на мину. Мощным взрывом его разорвало на две части, и он затонул в одно мгновение. С «Живого» для спасения людей спустили шлюпку. Но капитан корабля якобы заметил перископ вражеской подводной лодки и по непонятным причинам не только побоялся ее атаковать, но и на полном ходу ушел с места гибели «Лейтенанта Пущина». Нескольким офицерам и матросам удалось спастись, добравшись на шлюпке до болгарского берега. Их взяли в плен, – живо рассказывал поручик.

– Так это же мистика! Получается, гибель «Живого» есть кара за нарушение одной из воинских заповедей: «Сам погибай, а товарища выручай»! – воскликнул матрос. — Так и в мирной жизни бывает — судьба мстит…

Время шло.

Сухопутчикам Николаю и Павлу надоело жить в кубрике. И вот несколько офицеров уговорили их переехать во Францию.

Так Павел оказался в Ницце — одном из красивейших южных городов Франции, жемчужине французской Ривьеры.

«Философские пароходы»

Многим моим современникам, жившим в советскую эпоху, доводилась мысль, что по указанию Советского правительства во главе с Лениным был отправлен «в свободное плавание» пароход с не желающими подчиниться Советской власти. В постсоветском периоде либеральные писаки и говорящие головы, дабы напустить исторического тумана, пытались утверждать, что чуть ли не всю оппозицию из числа русской интеллигенции посадили на судно и затем загадочным способом открыли кингстоны. Все утонули, кроме злодеев. Но это все глупости.

Гражданская война — свидетельство распада страны, дошедшей до внутреннего вооруженного столкновения народа в результате социальной и классовой конфронтации. И как результат этой конфронтации — разделение общества. Оно делилось на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших», «белых» и «красных».

Как писал А. Климов, «врагов и противников вообще выводят в такие моменты из сферы морали, воспринимают как «нелюдей», на которых не распространяют общечеловеческие нормы. Именно это и создает возможность превратить аморальный террор в террор морально оправданный…».

Победу в Гражданской войне как крупномасштабном вооруженном противостоянии в стране между организованными группами населения, руководителями Советской России было решено использовать для окончательного сокрушения всех политических и идейных противников.

В конце 1920 года Ленин пишет народному комиссару РСФСР и члену Оргбюро ЦК, юристу по образованию Н. Н. Крестинскому:

«Тайно подготовить террор; необходимо и срочно».

Ленин на XI съезде партии 22 марта 1922 года в заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП(б) требует усилить красный террор и Наркомюсту узаконить расширение расстрела.

Ленин понимал одну истину, что человеколюбиво нельзя управлять, особенно в России, ибо любой народ по своей природе, как правило, подчиняется силе и мало может помнить о чувстве долга.

Все идеально было бы в государстве, если бы оно существовало исключительно из богов. Тогда бы оно управлялось демократическими способами. Но, увы, в государствах живут

люди, а поэтому насилие в управлении необходимо.

Николай Крестинский хорошо штудировал «Теорию и историю государства и права» и прекрасно знал предостережение немецкого мыслителя Иоганна Вольфганга Гете о том, что толпа хорошо разбирается во всем обыденном, но дальше завтрашнего дня, за редким исключением, ничего не видит. А если к тому же случится, что в каком-нибудь общем деле один выиграет, а другой проиграет, то нечего и думать о примирении интересов. Все истинно общеполезное следует поддерживать неограниченной силой власти. Что и делалось в стране победившего пролетариата.

В марте 1922 года Ленин по поводу столкновений во многих городах центральной России представителей властей с верующими, сопротивлявшимися изъятию церковных ценностей, со злостью и бессердечием убеждал членов Политбюро, что «… чем больше представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Ленинское указание, а по существу приказ, тут же взял под контроль особо уполномоченный ГПУ Яков Саулович Агранов (настоящая фамилия Янкель-Шевель Шмаев), который, как «друг интеллигенции», сыграет роковую роль в судьбах Есенина, Маяковского, Горького и других. Он же был одним из организаторов «Дела Таганцева», по которому расстреляли поэта Гумилева — мужа Анны Ахматовой.

Во многих городах прошли судебные процессы с расстрельными вердиктами…

В мае 1922 года Ленин «пожалел антисоветчиков», предложив заменить применение смертной казни, практиковавшейся в период красного террора, высылкой за границу.

В одном из своих писем «грозе революции» Дзержинскому по поводу сотрудников журнала «Экономист» в связи с публикацией массовых пасквилей на молодую Советскую республику, только что высвободившуюся из пут гражданской бойни, он негодует:

> *«Явный центр белогвардейцев… Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически высылать за границу».*

Сторонник Ленина Троцкий так прокомментировал это

начинание вождя:

> *«Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».*

Суть борьбы с инакомыслием цинично охарактеризовал лидер профсоюзов — «школы коммунизма» М. П. Томский. Он разглагольствовал, что в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, все остальные в тюрьме.

Потом во время «ежовской чистки» и он застрелится, чтобы не попасть в лапы кровавому карлику.

Уничтожалась прежде всего думающая часть народа — интеллигенция.

Горький не смог отмолчаться, видя надвигающуюся лавину бесправия, и в письме к Рыкову заметил, что «…за все время революции я тысячекратно указывал советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране».

Циничной откровенностью звучали слова ответа одного из лидеров большевизма, Георгия Леонидовича Пятакова, на вопрос высылаемого за границу некоего П. А. Сорокина, почему их изгоняют из страны. Пятаков заявил, что, мол, в России провалился эксперимент социалистического строительства, и сейчас идут два процесса: восстановление буржуазного общества и приспособление к этому Советской власти. Первый из них идет быстрее, чем второй, создавая угрозу самому существованию большевиков.

Цели предпринимаемых акций Пятаков сформулировал так:

> *«Наша задача — замедлить развитие первого процесса, а вы и остальные, кого мы высылаем, ускоряете его».*

«Философские пароходы» следует рассматривать в прямом и переносном смысле. В прямом — два немецких парохода «Oberburqermeister Haken» («Обер-бугомистр Хакен») (29–30 сентября) и «Preussen» («Пруссия») (16–17 ноября) 1922 года доставили из Петрограда в порт Штеттин(Щецин) более 160 человек из числа научной и творческой интеллигенции. Высылки также осуществлялись на пароходах из Одессы и Севастополя и поездами из Москвы в Латвию и Германию. Все это и называлось «философские пароходы».

Многие трезвомыслящие рассуждали тогда примерно так:

«Всех умных людей — кого в тюрьму, кого в Сибирь. А кому пуля в затылок. Удачливых и знатных умом — за границу. А в России кто останется? Одно, значит, неученое, покорное мужичье… Ясно для чего, чтобы легче командовать. Вот так и будем не жить, а выживать. Властители умных людей возле себя долго не держат…»

К сожалению, в России это наследственная, генетическая болезнь с отсутствием гражданского мужества у тех, кто у трона…

* * *

Кто-то из великих умников констатировал, что тоталитарные государства, которые стремятся к могуществу и требуют военной храбрости, стремятся не допустить моральной и гражданской храбрости. И таким образом воспитывают рабов-трусов, а поэтому существуют награды как за мужество на войне, так и за его отсутствие в мирное время.

Депортация при помощи так называемых «философских пароходов» в начале двадцатых годов растянулась на несколько месяцев по разным причинам. Шли поиски видных ученых, экономистов, врачей, литераторов и философов. Многие ведь поменяли место жительства из-за гражданской бойни в крупных городах, голода и холода в квартирах и скрывались по селам у своих родственников. Их надо было разыскать и «подготовить» к отправке.

Так была проведена практически вивисекция тогдашней русской культуры, которая привела к невосполнимым утратам, вырождению генофонда.

Считается, что высылке за рубеж из России было подвергнуто примерно более двух сотен человек, а если считать с семьями — до полутысячи. А к тем, кто по каким-то причинам остался на Родине, применялись репрессивные меры, которые «приучали к лояльности» властям, а всякое возражение выливалось в форму самоубийства.

С 1918 года российские университеты и институты были обязаны принимать на учебу в первую очередь членов коммунистической партии, работников советских учреждений и лиц пролетарского происхождения, даже если у них не было соответствующего документа о среднем образовании.

Декретом Совета Народных Комиссаров были упразднены все университетские ученые степени, закрыты юридические и

историко-филологические факультеты. Двадцать семь известных профессоров российских вузов были расстреляны большевиками за «антисоветские взгляды», в том числе всемирно известный химик профессор Тихвинский.

Малоизвестный факт: в 1922 году шесть профессоров Московского университета, включая декана физико-математического факультета Всеволода Стратонова, направили открытое письмо Ленину и Троцкому. В нем они заявили, что при большевиках российская наука влачит нищенское существование. Лечить и работать нечем. Преподаватели месяцами не получают жалованье. Шестьдесят три видных русских ученых и 10 из 40 российских академиков умерли от голода, некоторые, отчаявшись, покончили жизнь самоубийством.

Ленин, ознакомившись с содержанием письма, отреагировал по обыкновению резко.

— Включите декана Стратонова в список на высылку, — скомандовал он своему секретарю.

Европа к высылке ученых и деятелей культуры отнеслась как к неожиданному и щедрому подарку большевиков.

Оказавшись не по своей воле в изгнании, многие ученые, политические деятели, литераторы сразу же окунулись в бурную творческую жизнь Русского зарубежья. Они активно подключились и к общественной работе, издавали свои газеты и журналы, на страницах которых публиковали статьи, воспоминания, заметки, письма, читали лекции в высших учебных заведениях, тем самым знакомили Запад с русской культурой.

По имеющимся данным, до начала Второй мировой войны высланные из России ученые опубликовали на Западе более 13 тысяч научных работ во всех отраслях знаний, серьезно продвинув вперед научные разработки. А те, кто задержался в России, на несколько десятилетий остались с повторением глупого бахвальства: «Мы академиев не кончали».

С этого периода в России остались в основном безразличные интеллигенты — «одобрямсы». Политическая кастрация научной и творческой элиты, естественно, отрицательно сказалась на поступательном развитии страны.

Правда, незначительное количество командиров продолжали служить в армии и на флоте, а в промышленности — инженеров, окончивших до революции высшие учебные заведения. Это их потом назовут «спецы», но эти спецы, видя бесперспективность развития страны, настояли в начале 1930-х годов на закупке за границей более 200 проектов заводов, на которых потом смогли создать более-менее современную военную технику.

Именно эта закупка стала основой сталинской

индустриализации и практически решила исход Второй мировой войны. Если бы «загнивающий капитализм» не продал нам эти проекты — Челябинского тракторного завода, Горьковского и Московского автозаводов, Сталинградского тракторного и других не менее нужных заводов — и не помогли бы их построить, то войну 1941–1945 годов мы, безусловно, проиграли бы или откатились за Урал в пасть японским милитаристам, подготовившим вторую губку тисков с Востока. В данной ситуации Советский Союз был бы раздавлен.

Сталин оказался прозорливее Ленина в этом вопросе. Как писал Юрий Чашин в статье «Философские пароходы Ленина и наши потери»:

> *«Вот вам цена решений одного симбирского недоучки, брата террориста — цареубийцы, пошедшего другим путем, путем истребления не только царя, но всего народа… Это был бы такой случай, как если бы сейчас кто-нибудь посмел напасть на современный Китай. Ведь в политике нет самоубийц. Но русским ученым, высланным Лениным, пришлось трудиться на благо народов других стран, большинство из них преуспели и оставили после себя научные школы в Европе и Америке».*

Примером того может быть деятельность авиаконструктора, отца мирового вертолетостроения Игоря Ивановича Сикорского, правда, вытолкнутого негативными обстоятельствами из Советской России немного раньше. С его именем связаны разные и притом неожиданные достижения конструкторской мысли, всякий раз выводившие мировую авиацию на новый уровень.

И таких, как он, «философские пароходы» вывезли за границу сотни, если не тысячи головастых мужиков. То, что Сикорский сделал для Франции и США, он мог сделать для России. За свою жизнь авиаконструктор был удостоен множества почетных званий и наград, но главная его награда — это благодарность людей за созданные им машины. И среди этих благодарных людей — президенты Соединенных Штатов Америки, которые, начиная с Дуайта Эйзенхауэра, летают на вертолетах с надписью «Sikorsky» на борту.

Вот уж действительно, если бы мы все обладали разумной гордостью, в мире не было бы столько мерзостей. Гордость — железный стержень чести. Россия его отправила с гениями на Запад «философскими пароходами».

К сожалению, обозленный на советскую действительность Игорь Сикорский поддержал приход Гитлера к власти в 1933 году и его крестовый поход на Восток в 1941 году.

Белый Берлин

Именно Берлин, центр лагеря недавних противников в войне, неожиданно в начале двадцатых годов стал первым городом, принявшим огромный поток русских беженцев. Популярная немецкая газета «Vossische Zeitung», выходившая в Берлине, 6 января 1922 года в статье «Новое великое переселение народов» писала:

> *«Большая война вызвала движение среди народов Европы и Азии, являющееся, быть может, началом большого исторического процесса образца великого переселения народов. Особую роль играла русская эмиграция, подобных примеров которой нет в новейшей истории…*
>
> *Для Европы назрела необходимость рассматривать русскую эмиграцию не как временное происшествие… Но именно общность судеб, которую создала эта война для побежденных, побуждает к тому, чтобы задуматься кроме сиюминутных тягот о грядущих возможностях сотрудничества».*

В этом небольшом куске мысли просматриваются три оценочных явления происшедшего. Первое — огромная масса вчерашних врагов, не являющихся теперь таковыми, второе — призыв к объединению пострадавших, третье — сотрудничество не должно ограничиваться рамками Германии, а охватывать весь европейский континент.

Как известно, серебряный век русской культуры как один из лидеров мирового духовного движения был взорван политическими, военными и социальными потрясениями 1917–1922 годов. Вопросы белой и красной культуры серебряного века, несмотря на идеологические рогатки цензуры с той и другой стороны, продолжали интересовать читателей вплоть до 90-х годов прошлого века. С учетом развала Советского Союза и появления Российской Федерации оценки культурного наследия России 1920 — 1930-х годов более объективны по причине практически неограниченного доступа к материалам спора, где было больше «русскости», чем «эстетства».

Примером первого «диалога» могут служить два произведения, вышедшие почти одновременно, — одно за границей, а второе в Советской России. Это очерк А. Т. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции» и статья А. В. Луначарского

«Бывшие люди».

Белые не признавали развития культуры в несвободном обществе. Бытовавшая фраза среди эмигрантов «Мы унесли Родину на подошвах своих сапог» тому свидетельство. Хотя такие авторитетные лидеры мысли, как П. Н. Милюков и Н. А. Бердяев, искали точки соприкосновения русского «духа» в новой России и в России, ушедшей за рубеж.

С войсками за рубеж уходили политические деятели, бывшие члены Государственной думы, Временного правительства, Учредительного собрания, местных правительств, просто гражданские лица, попавшие на корабли в Новороссийске, Севастополе, Одессе. Они уходили из России, как правило, без денег, без будущего, с унижением и ожесточением в сердце.

За ними отправлялась за границу высылаемая интеллигенция. Дело в том, что решением XII конференции РКП(б) в августе 1922 года старая интеллигенция, намеревавшаяся занять позицию политического нейтралитета, приравнивалась к «врагам народа». Один из инициаторов выдавливания этой части «социально чуждого» образованного населения России — Лейба Троцкий цинично заявлял: «Этой акцией Советская власть спасает их от расстрела».

В состав «неблагонадежных», как правило, входила интеллектуальная элита России: профессора, философы, литераторы, журналисты, врачи… В первом списке значился 161 человек, в том числе ректоры двух столичных университетов.

Достаточно назвать такие имена, как историки Л. П. Карсавин, М. М. Карпович, философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, социолог П. А. Сорокин, публицист М. А. Осоргин, писатели В. Ф. Ходасевич, Ф. К. Сологуб, Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, художники М. З. Шагал, В. В. Кандинский, П. Н. Филонов, К. С. Малевич, певцы Ф. И. Шаляпин, Н. В. Плевицкая, А. Н. Вертинский, танцоры и балетмейстеры М. Ф. Кшесинская, А. П. Павлова, В. Н. Нижинский, Г. М. Баланчивадзе (Баланчин), композиторы И. Ф. Стравинский, С. В. Рахманинов и многие другие.

Это был королевский подарок для русской культуры за рубежом, у которой на родине не оставалось места для плодотворной работы — надо было всецело прислоняться к власти, что честный творец не мог себе позволить.

* * *

Германия 1920-х годов вместе со столицей Берлином

представляла жалкое состояние. Грабительский Версальский договор, навязанный Германии Антантой, еще более осложнил экономическое и политическое положение страны. Германская империя лишилась колоний. Страна была разорена. Население оказалось под двойным прессом — немецких и иностранных империалистов.

В условиях революционного подъема начала 1920-х годов главной заботой монополистических кругов было подавление освободительного движения масс и упрочение капиталистического строя. Весной 1919 года в Мюнхене свирепствовали контрреволюционные общества, которые вместе с нацистскими отрядами потопили в крови Красную Баварскую республику.

Германская рабочая партия (ГРП) возникла в Мюнхене на базе двух малочисленных политических организаций — Свободного немецкого комитета борьбы за немецкий мир и Политического рабочего кружка. Первая организация была создана в марте 1918 года слесарем А. Дрекслером и предназначалась для борьбы с прогрессивным крылом профсоюзов, вторая была основана журналистом К. Харрером и являлась филиалом тайной организации «фелкише» — Общества Туле. В это общество входили многие будущие видные деятели нацистской партии.

В пивной «Гофбройхауз» 24 февраля 1920 года состоялось первое массовое фашистское собрание, в котором участвовало ровно две тысячи человек. Здесь же была провозглашена программа партии, состоящая из 25 пунктов, которые Гитлер выработал совместно с Федером и Дрекслером.

Программа опиралась на лживое разграничение «хищнического» и «созидательного» капитала. На деле нацистская пропаганда была направлена не против капитализма, а против «недостатков» отдельных капиталистов. Основой ГРП являлся национализм как составная часть фашистской идеологии.

Постепенно военные во главе с Гитлером захватывают руководящие посты и оттесняют основателя ГРП Дрекслера на задний план. ГРП скоро становится немецкой рабочей партией (НРП), а потом превращается в НСДАП.

В декабре 1920 года Гитлер получил от рейхсвера и от промышленников 120 тыс. марок и на эти деньги приобрел газету «Фелькишер беобахтер», ставшую рупором нацистов. «То, чего можно добиться при помощи бумажных пуль, — говорил Гитлер, — не надо будет впоследствии завоевывать при помощи стальных».

Нацистская пропаганда на все лады повторяла: «Наша

главная цель — борьба с большевизмом», «вся мощь движения должна быть направлена против страшнейших врагов немецкого народа: еврейства и марксизма». А внутренним врагом для нацистов было рабочее движение. Но нацистская политика была направлена и против буржуазной демократии, стремилась к установлению открытой террористической диктатуры в Германии.

Именно в этот период стала распространяться гитлеровская концепция истории рас, в которой он упомянул и Россию:

> *«Кажется, сама судьба захотела нам дать тут знак. Беря на себя ответственность за большевизм, Россия отняла у русского народа ту интеллигенцию, которая до сего времени создавала и гарантировала ее государственную прочность. Ибо организация русской государственности была не результатом государственно-политических способностей славянства в России, а в большей степени лишь чудесным примером государствообразующей действенности германского элемента в неполноценной расе…*
>
> *Столетиями жила Россия за счет этого германского ядра своих высших руководящих слоев. Можно считать, что сегодня оно почти без остатка истреблено и уничтожено. На его место пришел еврей. Насколько невозможно для русского как такового сбросить собственными силами иго еврея, настолько же невозможно для еврея надолго удержать в своих руках могучую империю.*
>
> *Сам он не является элементом организации, а есть фермент разложения. Гигантская империя на востоке созрела для крушения. И конец еврейского господства в России будет и концом России как государства. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая явится мощнейшим подтверждением правильности расовой теории фелькише».*

Так начиналась в Германии година всеобщего зверства.

Ошибались нацисты и с евреями, и с концом России как государства. Под ударами Красной Армии, в которой воевали практически все народы и народности, населяющие территорию СССР, пришел конец на двенадцатом году «тысячелетнему» Третьему рейху.

* * *

После поражения Германии в Первой мировой войне и с подписанием позорного Версальского договора с разными ограничениями и оговорками со стороны Межсоюзнической военной инспекционной комиссии немецкий «промышленный гигант» в лице Круппа переключился на производство мирной продукции.

Теперь на стенах его компании появился лозунг: «Wir tun alles!» («Мы делаем все!»). Товары от самокатов до паровозов, от цепей и до кассовых аппаратов производились на конвейерных линиях.

Крупп даже стал выпускать новый тип затворных механизмов из нержавеющей стали. Они разрабатывались в период войны для палубных пушек на подводных лодках. Детали из обыкновенной стали соленая вода быстро съедала коррозией, что чревато было заклиниванием затворов и выходом их из строя во время боевого применения.

В то же время Густав Крупп осуществлял подготовку для массового перевооружения, согласуясь с идеями руководителя рейхсвера генерала Ганса фон Секта, который утверждал, что «война является высшим пределом человеческого подвига».

Это была парадигма перспектив Германии:

> *«Самое важное, что ни мирный договор, ни враг не могут отобрать у нас мужественную мысль. Когда судьба снова соберет немецкий народ под ружье, — а этот день неизбежно наступит, — тогда она отыщет людей не слабовольных, которые дружно возьмут праведное оружие. Не важна форма такого оружия, если им будут владеть стальные руки и железные сердца».*

В середине 1920-х годов Германия столкнулась с самым суровым кризисом. Это особенно ощутили простые граждане и эмигранты из России, побежавшие из Берлина в Париж. Местная валюта крайне обесценилась. В январе 1923 года при спорах о репарационных платежах французская армия оккупировала богатый углем Рур. Инфляция в Германии достигла такой высоты, что для покупки обычной буханки черного хлеба требовалась тачка, нагруженная немецкими марками.

Сепаратизм в Баварии, беспорядки левых в Тюрингии и Саксонии, забастовки и манифестации в Берлине заставили поволноваться президента Эберта. Он вызвал генерала Секта на экстренное заседание правительства.

— Скажите, генерал, пойдет ли с нами армия? — спросил президент с явным беспокойством у полководца.

— Армия, господин президент, пойдет со мной, —

самонадеянно ответил генерал.

— В чем сила армии?

— Ей верит народ…

Вскоре после этого Эберт ввел чрезвычайное положение, которое предоставило Секту почти диктаторские полномочия. В течение шести месяцев генерал практически возглавлял правительство. Его войска подавили мятежи и восстания крайних — левых и правых. Ликвидировали и путч, начатый в мюнхенском пивном зале Адольфом Гитлером и его национал-социалистами. Сект благосклонно отнесся к Советской России — русские не являлись участниками позорного для Германии Версальского договора и поэтому не были заинтересованы в его поддержке. Просторы и сырье, продовольствие и стремление к индустриализации Советов, одновременно удаленные места от любопытных глаз наблюдателей западных держав давали идеальные возможности для наращивания вооружений, запрещенных договором, и в подготовке личного состава для вооруженных сил — рейхсвера.

Кремль тоже был заинтересован в германских инвестициях для технического содействия в перевооружении и перестройке собственного военного потенциала. Особенно это было важно после позора поражения РККА в 1920 году под Варшавой.

Переговоры между Германией и Россией, состоявшиеся в 1922 году, привели к договору в Рапалло, восстанавливавшему торговые и дипломатические отношения между двумя столь разными партнерами. Следует заметить, что это соглашение стало основой, на которой выстраивался фундамент советско-германского пакта о ненападении и раздела Польши в 1939 году.

Генералом Сектом было создано отделение в генеральном штабе — «Sondergruppe R» («Специальная группа по России»). Цель — налаживание контактов с Красной Армией. Переговоры военных привели к созданию двух военных школ на советской территории — авиабазы в Липецке и танкового центра возле Казани. В них готовились будущие воздушные асы и танковые стратеги восстанавливающейся армии Германии.

Специальная группа по России, используя правительственные фонды, образовала в СССР частный торговый концерн, известный как ГЕФУ (GEFU). Расшифровывалась она безобидным названием «Компания для содействия промышленным предприятиям», а по существу выстроила и управляла в Советском Союзе рядом предприятий в обход Версальского договора. Так, один завод в Самарской области занимался производством отравляющих газов, в Подмосковье (в Филях) строились самолеты «ЮА-20» и авиамоторы, на заводах в Туле, Ленинграде и Шлиссельбурге

выпускали артиллерийские снаряды.

Одновременно с военно-промышленным сотрудничеством с Россией Сект дал простор для развития заводов промышленного магната Густава Круппа в Эссене, в центре немецкого индустриального Рура.

Несмотря на это, разразившийся всемирный кризис ударил и по пытавшейся встать на ноги Германии. Он привел в конце концов к нацизму и Гитлеру, тонко сыгравшему на этих трудностях своей страны.

* * *

Поражение белых в Гражданской войне в России выдавило из страны не только солидный по количеству офицерский корпус, но и большой пласт российской творческой интеллигенции, в том числе и представителей из писательской среды так называемого серебряного века.

В Берлине в разное время были и оказались Игорь Северянин и Константин Случевский, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Борис Башкиров-Верин и Ирина Одоевцева, Федор Сологуб и Николай Оцуп, Марина Цветаева и Александр Куприн, Андрей Белый и Владислав Ходасевич, Иван Бунин и Георгий Иванов, Сергей Есенин и Айседора Дункан и многие другие.

Больших денег у поэтов не было. Это была российская творческая богема, которая во все времена отличалась эксцентричным стилем жизни. Были деньги — они прожигались быстро, с купеческим замахом, не было — уныние таких людей не снедало. Потом многие из них за лучшей жизненной долей и показав себя в кругу прославленных бардов еще в России, особенно в Петербурге и Москве, попрутся в европейскую Мекку — в Париж. Именно в этой европейской столице родилось понятие «богема» в первой половине XIX века, особенно после появления популярного сборника Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», а также знаменитых опер Пуччини и Леонкавалло с одинаковым названием «Богема». Проживавшая в тот период в Берлине российская поэтесса Ирина Одоевцева вспоминала о таких богемных вечеринках, проходивших в дешевых кафе, ресторанчиках или барах:

> *«Модные танцы мы все в Берлине усердно изучаем. Ими увлекается и седовласый Андрей Белый, связывающий, как это делал и Ницше, с философией… Он в одной из «танцевальных академий» часами проделывает*

с вдохновенным видом особую «кнохен гимнастик» и пляшет, как фавн, окруженный нимфами.

Зрелище довольно жуткое, особенно когда эти пляски происходят в каком-нибудь берлинском «диле» — кафе, где танцуют. Там Андрей Белый, пройдя со своей партнершей в фокстроте несколько шагов, вдруг оставляет ее одну и начинает «шире, все шире, кругами, кругами» ритмически скакать вокруг нее, извиваясь вакхически и гримасничая. Бедная его партнерша, явно готовая провалиться сквозь пол от стыда, беспомощно смотрит на него, не решаясь тронуться с места. А благодушные немцы, попивая пиво, качают головами, посмеиваясь над verrücktem Heer Professor-ом (сумасшедшим профессором. — Авт.*), и даже иногда поощрительно аплодируют ему.*

За третьим столиком сидит скромная молодая женщина, вовсе не похожая на принцессу, в тесном платье с длинными рукавами, просто, по-домашнему причесанная и даже не напудренная — нос ее предательски поблескивает. Рядом с ней долговязый брюнет в длиннополом старомодном сюртуке. Черты его большого лица так неподвижны, что кажутся вырезанными из дерева. Он держится прямо, высокомерно закинув голову. Весь он какой-то чопорный, накрахмаленный, как его непомерно высокий, подпирающий подбородок воротник. Таких не только в Берлине, но и в Петербурге уже не носят.

Он сидит молча, с напряженно-беспокойным видом путешественника, ждущего на вокзале пересадки… Никто не обращает на него внимания. Никто как будто не знает, кто он. Неужели это на самом деле Игорь Северянин?…»

Это знак и примета любого эмигранта на чужбине.

И когда Одоевцева решилась познакомиться с поэтическим гением через поэта Башкирова, тот возвратился к ней смущенный и растерянный.

«— Представьте себе, он заявил, что привык, чтобы женщины сами представлялись ему, а он ходить знакомиться с женщинами не согласен. Ни в коем случае!

— Вот какой важный! Ну и бог с ним. Обойдусь без знакомства с гением Игорем Северяниным.

И я, даже не взглянув в его сторону, иду танцевать с пригласившим меня очередным партнером. Я танцую и больше не думаю о Северянине до самого конца бала, когда передо мной, уже уезжающей, в холле неожиданно

появляется он сам в сопровождении Башкирова. Я хочу пройти мимо, но он загораживает мне дорогу. Башкиров торжественно представляет его мне. Северянин кланяется, и я подаю ему руку. Он целует ее с таким видом, будто этим оказывает мне величайшую милость. Должно быть, по его понятиям, не он женщине, а она ему должна целовать руку.

— Вы уже уезжаете? А мне хотелось бы поговорить с вами. Не согласитесь ли вы, повременив с отъездом, посидеть со мной за моим столиком? — И подчеркнуто добавляет: — Очень прошу!

— Нет, спасибо, — говорю я. — Мне пора домой — я устала.

Мой отказ, видимо, удивляет его, тень недовольства ложится на его лицо.

— Не желаете? А я хотел поговорить, познакомиться с вами по-настоящему. — И уже с обидой: — Впрочем, не в моих правилах навязываться женщинам — уезжайте себе с Богом!

— Нет, нет, — вмешивается Башкиров, — этого так никак нельзя оставить. Можно организовать встречу, — он просительно оборачивается ко мне, — у вас. Завтра или послезавтра? Чудесно получится!

— Ничего против такого проекта не имею, — важно заявляет Северянин.

— Вот и отлично, — обрадовано вскрикивает Башкиров. Мне ничего не остается, как согласиться:

— Если вы свободны, Игорь Васильевич, приходите ко мне послезавтра, во вторник, чай пить — со своей женой, в четыре часа».

Он пришел, нет, скорее, приплелся к Одоевцевой, пьяный, с какой-то «принцессой» и Башкировым не в четыре, а в половине седьмого вечера и, запросив вместо чая вина, предложил пойти посидеть в ресторане. У поэтессы были другие планы на вечер. Она еле выпроводила разгоряченную компанию, обещая непременно зайти в ресторан. Хотя Северянин не знал, в каком баре или кафе он окажется.

Такие были нравы российской богемы в Берлине.

Таковыми они были и в Париже, куда в период экономического кризиса из Германии подалась та же самая богема, чтобы там немного успокоиться, страшась все той до сих пор им чужой России. А Советская Россия медленно, но верно вползала в оболочку важной державы, с которой стал постепенно

считаться остальной капиталистический мир через установление дипломатических, экономических и политических отношений.

* * *

Проблема о выборе между Советской Россией и Германией в эмигрантских кругах стала активно обсуждаться с середины 1930-х годов. Тезис о том, что чуть ли не вся русская эмиграция склонялась к поддержке установившегося нацистского режима и самого Гитлера, ошибочен и не выдерживает никакой критики. Надо отметить, что разразившаяся в этот период громкая дискуссия, возникшая на страницах зарубежной прессы, как раз говорила об этом феномене. Одни были «против» — Деникин, Бунин, Керсновский и другие, «за» — Миллер, Скородумов, Шатилов и другие.

Есть смысл послушать современников событий того времени. В полемических дуэлях скрестили перья, как шпаги, многие историки и писатели, военные и политики.

Довольно интересно уловить аргументацию в этом вопросе военного историка Антона Керсновского (1907–1944) и генерал-майора Михаила Скородумова (1892–1963).

Так, говоря о проблеме участия белого российского офицерства в вооруженных конфликтах в различных странах, военный историк с явным восклицанием утверждал:

> *«Когда, наконец, мы поймем, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци и итальянские фашисты — такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?»*

А вот как на этот же вопрос отвечал генерал Скородумов:

> *«Пускай сперва подохнут все большевики, а потом при первом же случае мы поговорим и все припомним иностранцам…»*

Припоминать бы не пришлось, если бы все русское воинство за рубежом поддержало Гитлера. Как всякий политикан, он часто забывал свои обещания. Тем более восточные славяне, они для него были недочеловеками, унтерменшами, скотом, которые, согласно его взглядам, подлежали уничтожению.

Выдающийся философ XX столетия Иван Ильин в письме

замечательному писателю Ивану Шмелеву, сына которого обманным путем пленили в 1920 году большевики, а затем расстреляли в Крыму, 10 октября 1938 года писал:

> *«Я покинул страну моего прежнего пребывания (Германию. —* Авт.*) совсем… Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только предателей и своих агентов».*

Военный в звании генерала Скородумов не мог понять гражданского соотечественника — философа Ильина и поплатился за свою неосмотрительность и недальновидность. Наверное, подвела одиозная фамилия, — надо было медленней думать. В начале осени 1941 года он, организатор только что созданного на территории оккупированной гитлеровцами Югославии Русского охранного корпуса (РОК), — какое мрачное пророчество! — за «вольные речи» о возрождении национальной России был отстранен от командования и арестован гестапо.

Почти месяц у него в тюрьме нацисты выбивали русофильство. А потом вышвырнули, как щенка, на прозябание. Ему пришлось до середины 1944 года зарабатывать себе на жизнь сапожным ремеслом в Белграде, где он пристроился в соответствующую мастерскую.

Как писал Леонид Решетников:

> *«Только когда поражение Германии стало неизбежным, немцы отказались от своих претензий к генералу (Скородумову. —* Авт.*), и тот записался рядовым в Русский охранный корпус, чтобы разделить судьбу тех, кого он привел под чужие знамена».*

Надо признать, что определенная часть белой эмиграции, особенно военной, прежде всего в Болгарии и Югославии, разделяла иллюзии Скородумова. Эти люди в промежутке между двумя мировыми войнами жили мыслями, что им еще придется схлестнуться с оружием в руках с большевиками. Вместе с тем они понимали, что самим с Советской властью им не справиться, и, помня, как англичане и французы предали Белое движение в годы Гражданской войны, определенная часть русской эмиграции строила планы в расчете на использование «стальных мускулов» возрождающейся после позора Версаля гитлеровской Германии.

Какую конечную цель ставил Гитлер против России, каковы его реальные устремления в этом вопросе, как и саму сущность нацизма, многие россияне за границей не знали, находясь в диком круговороте выживания.

Конечно, не знали они и взглядов идейного вдохновителя Русского общевоинского союза (РОВС) Ивана Ильина, его предупреждений об опасности нацизма после бегства из Германии, о запрете швейцарских властей заниматься политической деятельностью. Не ведали они, что Ильин написал Шмелеву о том, что нацисты преследовали его «за христианскую точку зрения, отказ от участия в подготовке похода на Россию и антисоветских выступлениях, за решительный отказ поддержать идею независимости Украины».

Непонимание сути нацизма, разочарование, утрата многолетних надежд на то, что Запад, в первую очередь Англия и Франция, помогут белым в борьбе с большевиками, подтолкнули на первых порах к сотрудничеству с гитлеровской Германией и такого русского патриота, «монархиста-имперца», каким был Иван Солоневич.

Эта ненависть мешала разграничить интересы России и интересы политического режима в Кремле. Поэтому он почти два года сотрудничал с пропагандистской конторой Геббельса, а прозрение пришло только в июле 1941 года. За какой-то месяц Солоневич понял, что Гитлер не собирается освобождать Россию от красных, он хочет ее уничтожить, захватив ее просторы.

А когда стал делиться своими мыслями с земляками о бессмысленности помощи немцам, тем более прямом участии в походе с немцами на Москву, наткнулся на глубоко внедренную в среду соотечественников агентуру гестапо. В результате его на месяц бросили на нары. Следствие шло по «профилактической программе» с последующей ссылкой в одну из глухих деревень в Померании до конца войны. Там Иван Лукьянович засел за написание книги «Народная монархия», в которой попытался разобраться в ситуации и дать ответ на вопрос, что такое Россия?

Он винит во всех бедах русскую интеллигенцию, традиционно «оторванную от народа», которая предлагает этому народу программы, совершенно оторванные от всякой русской действительности — и прошлой и настоящей.

Иван Лукьянович подчеркивал, что именно поэтому русская общественная мысль шатается из стороны в сторону так, как не шатается никакая иная общественная мысль в мире…

Каждый народ в мире стремится создать свою культуру, свою государственность и, наконец, свою империю. Если он этого не делает, то не потому, что не хочет, а потому что не может. Или потому, что понимает недостаточность своих сил. Оценивать это свойство с моральной стороны нет никакого смысла, — оно проходит красной нитью через всю мировую историю.

Говоря о русскости и ее индивидуальности, он пришел к

выводу: ни одна нация в истории человечества не строила и не постигла такой государственности, при которой все втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя одинаково удобно или неудобно, но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно — было удобно всем, если было неудобно — то тоже всем. Это есть основная черта русского государственного строительства.

Потом, правда, уже после войны Ильин воскликнет:

> *«Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам…*
>
> *Они враги России, презревшие русских людей последним презрением…*
>
> *Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом…*
>
> *Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?»*

Но нельзя забывать, что это были изгнанники, горячо любившие свою Родину и ненавидевшие новых правителей России, прибывших «иноверцев» с деньгами и оружием из-за рубежа и сразу же показавших свою жестокость к инакомыслию и православной вере.

Ленинская гвардия напугала и ожесточила первую волну эмигрантов, покинувших Россию после поражения в Гражданской войне. Поголовное большинство населения бывшей империи все же поддержало не белых, а красных, несмотря на то что первым помогала Антанта, а потом предала их.

* * *

Партизанская война на оккупированных территориях вынудила руководство фашистской Германии создавать из числа советских граждан особые вооруженные формирования. Немецкое воинство, привыкшее к «цивилизованной» войне в Европе, было плохо приспособлено к боевым действиям в труднодоступных, лесистых и горных районах России. По этой причине командованию тыловых районов разрешалось формировать во взаимодействии с соответствующими начальниками СС и полиции специальные охранные подразделения и части.

Читатель, интересующийся этой тематикой, очевидно, знает о таких крупных антисоветских войсковых организациях, как

Русское освободительное движение (РОД), Русский охранный корпус (РОК) генерал-майора Скородумова, Русская освободительная армия (РОА) генерал-лейтенанта Власова, Комитет освобождения народов России (КОНР), 1-я Казачья кавалерийская дивизия генерала Гельмута фон Паннвица, 15-й Казачий кавалерийский корпус СС генераллейтенанта Шкуро, Русский национальный союз участников войны (РНСУВ) генерал-майора Туркула, 29-я гренадерская дивизия СС Русской освободительной народной армии (РОНА) Каминского, Украинской повстанческой армии (УПА) «Полесская Сечь» Боровца, Украинская повстанческая армия (УПА) Клячковского, (1-я Украинская) — 14-я ваффен-гренадерская дивизия СС «Галичина» группенфюрера Шимана и Фрайтага и другие, более мелкие.

Иллюзии эмигрантов, ставших на путь сотрудничества с Гитлером, во многом объяснимы. В большинстве случаев это были офицеры-службисты, выпускники кадетских корпусов, станичники-казаки. Для них слово отцов-командиров и атаманов значило очень много. А такие генералы, как Краснов, Шкуро, Абрамов, Вдовенко, Шатилов, за долгие годы эмиграции «заигрались» в политику, запутались в связях с иностранными разведками стран пребывания, в своих собственных амбициях и подтолкнули часть эмиграции к ошибочному, а порой и погибельному шагу.

По этому поводу нельзя опять не вспомнить философа Ильина:

> *«Есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки интереса моей родины и экономии ее сил. В таких случаях показуется нейтралитет».*

В целом русская эмиграция в годы Великой Отечественной войны сделала нравственный выбор.

Нельзя было ожидать, что вся русская эмиграция, как один, вольется в ряды коммунистического сопротивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза.

Слишком тяжелы были воспоминания о Гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, прозябание в изгнании. Но эмиграция в большинстве своем сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо

любимой Родины.

Как писал Иван Ильин, «Гитлер пытался бороться и с коммунистами, и с русским народом». Большинство это поняли и не пошли за фашистской Германией. Лишь меньшая часть эмиграции приняла ее, говоря словами Ильина, за «друга и культурного освободителя» и «жестоко за это поплатилась».

Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты.

Но эти все события будут потом, а пока отправимся мысленно в Париж…

Парижские штабы

Париж 1920-х годов — это Мекка представителей не только серебряного века, но и столица «штабов контрреволюции». Сюда потекла двумя потоками интеллигенция бывшей Российской империи и белая гвардия офицерских корпусов армий Деникина, Врангеля, Юденича и Колчака, в результате обстоятельств сделавшая себя политиками.

Командование Русской армии, оказавшееся за границей, борьбу с большевиками не считало законченной и всеми силами стремилось сохранить личный состав для будущих «сражений». За границей после Гражданской войны оказалось почти два миллиона россиян. Сразу же военные деятели и лидеры политических партий начали формировать свои военно-политические центры, союзы, ассоциации. Они были своего рода медиаторами, моторами, генераторами движения по сколачиванию контрреволюционных, антибольшевистских сил.

Большинство прибывших интеллигентов после Гражданской войны были с семьями. Здесь русская эмиграция обустраивалась, училась, трудилась, пьянствовала, выступала на подмостках, читала стихи, выпускала газеты, журналы и книги, тосковала, радовалась, приспосабливалась.

Здесь она также планировала пути освобождения России от «красного, чужеродного навала».

В эмиграции вел активную творческую и общественно-политическую работу русский писатель Иван Бунин. После написания в жанре дневниковых записок книги «Окаянные дни», он в 1924 году выступил со знаменитым манифестом о задачах русского зарубежья относительно России и большевистской власти под названием «Миссия русской эмиграции». В манифесте он жестко охарактеризовал всю ленинскую гвардию и самого вождя мирового пролетариата:

> *«Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой.*
>
> *Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарнокровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы…*

Планетарный же злодей, осененный знамением с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского «дикаря» и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие…

Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди бела дня спорят: благодетель он человечества или нет?»

Как же похожи на этого «благодетеля» его последователи — верные ленинцы Горбачев и Ельцин, обманом и предательством добившие и разорившие великую страну, сверхдержаву, какой был СССР.

Советская Россия сама не могла расколоться. Ей помогли, а тупорылые лохи из столичной толпы проглотили конфету с ядом, — в капитализме всем будет лучше! Лучше стало ворам, чиновникам и крупному бизнесу, получившему почти даром на залоговых аукционах дорогую недвижимость.

К сожалению, россияне жуют то, во что поверили. Капитализм устарел, дряхлеет и покрывается коростой рецессий. Полномасштабные кризисы тому доказательство. То ли еще будет! Сегодня старушка Европа больна манией величия. Она пытается создать и удержать в лице Европейского союза (ЕС) так называемые Соединенные штаты Европы, состоящие из разношерстных государств с единой натовской армией.

Следует отметить, что на территории Европы за время ее существования было всего четыре союзных образования по размерам нынешнего ЕС: Западная Римская империя, Франкское государство, Священная Римская империя и Третий рейх.

Идея создания Соединенных штатов Европы впервые возникла после войны за независимость США. Однако теоретическим началом зарождения ЕС можно считать речь Уинстона Черчилля в ходе прочитанной им 19 сентября 1946 года в Цюрихском университете лекции под названием «Трагедия Европы». В ней он призвал европейских лидеров к объединению, и только через 11 лет — в 1957 году было образовано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), ставшее в дальнейшем Евросоюзом (ЕС), и создан законодательный орган — Европейский парламент. Так называемые процессы евроинтеграции и расширения союза государств довели состав европейского содружества после приема новых членов до 28 государств.

По мнению специалистов и ученых, все это в один

прекрасный день рухнет, — не выдержат на своей шее два-три государства-донора десятки государств-иждивенцев. Что касается общей армии, то война любит «пушечное мясо» и с аппетитом его ест.

Соединенные Штаты Америки в этом ЕС сильно помогают, предлагая принять под свои знамена Украину и натравливая ее на Россию, дабы развязать третью мировую войну, которая может быть последней для всех.

Таков краткий экскурс в историю.

* * *

А тем временем в Париже было всем очень и очень трудно без знания французского языка и денег, — немногие прибыли сюда с мешками драгоценностей. Гражданская богема лихорадочно искала выходы из социальных тупиков. Военные были более организованными и смышлеными.

В эти годы основные усилия, проводимые ВЧК — ОГПУ — НКВД, направлялись не столько против иноземных разведок, сколько против различных антисоветских центров и их филиалов в России.

Одним из таких центров был Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРиС). Его возглавил эсер, масон Борис Савинков — террорист, приговоренный к смерти царским судом, участник Первой мировой войны в рядах французской армии и Гражданской войны в России на стороне белых — Краснова, Колчака и мятежных чехословаков. Он же создатель так называемой Русской народной армии (РНА), министр Временного правительства, организатор мятежей в Ярославле, Рыбинске и Муроме, воевавший против Советской России на стороне Пилсудского, лютый враг Советской власти.

Савинков был через оперативные возможности выведен в Россию и осужден.

Таким образом, НСЗРиС был локализован и разгромлен в результате широко известной чекистской операции «Синдикат-2», о которой уже много чего написано — и правды, и небылиц.

Второй по значимости операцией, великолепно проведенной интеллектуалами Лубянки по выводу крупных антисоветчиков и сотоварищей Савинкова, была операция «Трест». На легендированную ОГПУ так называемую Монархическую организацию Центральной России (МОЦР) клюнули антисоветчики разного уровня, в том числе и матерый английский разведчик Сидней Рейли, поверивший чекистским

байкам. Они стали интересоваться ею, а потом направлять своих эмиссаров на помощь «борцам за возрождение монархии».

В результате операции «Трест» посланец туманного Альбиона Рейли был уничтожен, а многих эмиссаров арестовали и судили.

Этой операцией чекисты успешно решили свою задачу удержания зарубежных террористических организаций от активной подрывной деятельности.

К сожалению, они возобновились потом.

* * *

В 1924 году офицерство создает Русский общевоинский союз (РОВС) белой эмиграции во главе с главнокомандующим Русской армией генерал-лейтенантом бароном П. Н. Врангелем. В политической жизни русской эмигрантов 20 — 30-х годов XX столетия РОВС оставил самый заметный след. Ни одна из эмигрантских организаций не имела в своем составе таких известных военачальников, которые сосредоточились в РОВС, такой концентрации силовой структуры — около 100 тысяч человек.

Этот союз был законным преемником последней Белой армии — Русской армии П. Н. Врангеля. Он объединял военные организации и союзы белой эмиграции во многих странах. Штаб РОВС находился в Париже. Основным печатным органом РОВС являлся журнал «Часовой».

В распоряжении РОВС имелся также «Фонд спасения России», из средств которого финансировалась его деятельность.

Париж. Зима 1923 года.

Шла подготовка к созданию Русского объединения. На одно из совещаний прибыла в основном генеральская знать и видные политики. Прикатывали кто на чем. На парижских улицах зимою, особенно после шести вечера, всегда было сильное перемещение — город находился в пике движения. Как вспоминал Дмитрий Мережковский, толпы прохожих, кареты, омнибусы, трамваи, автомобили вливались в темный, непрерывный, кипящий, грохочущий поток, который несся между громадами домов как между уступами горного ущелья.

Поезда по чугунным пролетам мостов гремели над головой, и под ногами земля гудела от подземной железной дороги. Люди — капли в водопаде, который низвергался в бездну — в ничтожество. Все едино в этом ничтожестве.

В одном из номеров захудалой парижской гостиницы шла выработка плана организации. Военные во главе с генералом

Врангелем предлагали создать союз, который станет со временем большой армией, способной уничтожить большевизм. Ему хлопали, его поддерживали генералы и офицеры. Однако некоторые политики сомневались в возможностях такого союза противостоять большевикам, выигравшим Гражданскую войну.

— Вся беда, что большевики восстанавливают русскую армию. В большевизме и монархизме есть много схожих черт — неприятие парламентаризма, сильная диктаторская власть, умение заигрывать с простолюдином. Как это ни дико, господа, но это так. Знамя Единой России, валявшееся на мостовой, фактически подняли большевики. Нельзя не видеть, что русский язык во славу Интернационала опять занял шестую часть суши. Они, большевики, делают то, чего мы с вами хотим: восстанавливают военное имущество России; укрепляют границы Российской державы; готовят пришествие самодержца всероссийского, — заметил Василий Витальевич Шульгин, бывший депутат трех дум — второй, третей и четвертой, принявший отречение из рук царя.

Загудело, загалдело воинство, недовольное таким философским вывертом с далеко идущим прогнозом.

— Господин политик заблуждается, — закричал седобородый полковник.

— Нет, я не пророк, господа, и не ясновидящий. Только я, как и вы, учился в школе не только арифметике, но и логике, — ответил Шульгин оппоненту.

— Союз мы все равно должны создать, как и его фонд, в первую очередь для поддержки эмиграции. А то, что сказал мною уважаемый Василий Витальевич, пусть останется с ним. Большевизм — наш враг, — заметил Врангель, окончательно расставив точки над «i».

Он помнил одну непреложную истину, что говорить о христианстве еще не значит говорить о Христе. Для РОВС он и другие считали его Христом.

* * *

Скоро у чекистов появилась копия основного документа, провозглашавшего создание РОВС и подписанного Врангелем в Чехословакии. Вот он:

ПРИКАЗ № 35

генерала Врангеля

Сремски Карловицы

1 сентября 1924 г.

Продолжая заботы по объединению зарубежного офицерства Русской армии, в прошлом году я предоставил всем офицерским союзам войти в ее состав. В настоящее время большинство существующих в странах Западной Европы офицерских союзов вошли в состав Русской армии; исключение составили немногие же союзы, которые не сочли возможным отказаться от партийнополитической работы. Некоторое число офицеров не вошли ни в один из союзов, одни, проживая в государствах, где местная политическая обстановка исключает возможность этого, другие же по причине личного характера (нахождение семей в Советской России, обременение работой и т. д.).

Верю, что, когда Родине потребуются наши силы, все честные воины встанут в наши ряды. В то же время, стремясь обеспечить моим соратникам лучший заработок, я представил возможность начальникам Галлиполийских и Лемносских групп на Балканах переселять в другие страны в полном составе, из других выделять отдельные группы. Связь переехавших с Балкан с начальниками и родными частями осталась неизменной.

Считая своим долгом в новых формах бытия Армии связать возможно теснее всех тех, кто числит себя в наших рядах, приказываю:

1. Образовать Русский Обще-Воинский Союз согласно прилагаемого при сем Временного приложения.

2. Включить в РОВС все офицерские общества и союзы, вошедшие в состав Русской армии, все воинские части и войсковые группы, рассредоточенные в разных странах на работах, а также отдельные офицерские группы и отдельных воинов, не могущих по местным условиям войти в какие-либо офицерские общества или союзы, пожелавших числиться в составе Русской армии.

3. Сохранить за офицерскими обществами и союзами, включенными в состав РОВС, их названия, самостоятельность во внутренней жизни и порядок

внутреннего управления, установленные ныне действующими уставами.

4. Установить в войсковых группах порядок внутренней жизни и внутреннего управления в зависимости от местных условий и от состава этих групп — в группах исключительно офицерских — применительно к порядку, принятому в офицерских обществах и союзах, а в группах, в состав коих входят как офицеры, так и солдаты и казаки, — применительно к установленному в войсковых частях.

5. Общее управление делами Русского Обще-Воинского Союза сосредоточить в моем штабе.

6. Теперь же образовать нижеследующие отделения Русского Обще-Воинского Союза:

а) Первый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Англии, Франции, Бельгии, Италии, Чехословакии, Дании и Финляндии.

б) Второй — из офицерских обществ и союзов, войсковых групп, расположенных в Германии и Королевстве Венгерском.

в) Третий — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных на территории Польши, Данцига, Литвы, Эстонии и Латвии.

г) Четвертый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, расположенных в Королевстве СХС и в Греции.

д) Пятый — из офицерских обществ и союзов, воинских частей и войсковых групп, находящихся на территории Болгарии и Турции.

Примечание: Установленный ныне порядок подчинения воинских частей, находящихся на территории Королевства СХС и Болгарии, входящих в состав РОВС, остается без изменений.

1. Предоставить председателям отделов Русского Обще-Воинского Союза образовывать при себе Совет из представителей Правлений офицерских обществ и союзов и представителей воинских частей, войсковых и отдельных офицерских групп, находящихся в пределах Отдела, применительно к положению о Совете Офицерских объединенных обществ в Королевстве СХС. Положение о таких Советах по разработке в соответствии с местными условиями и настоящим приказом предоставить мне не позднее 1 ноября с.г.

2. Третий Отдел Русского Обще-Воинского Союза подчиняю помощнику моему генерал-лейтенанту Миллеру.

Генерал Врангель,

Генерал-лейтенант Кусонский.

* * *

Под штабные подразделения нужно было найти площади, места обитания — дома, квартиры, комнаты для кабинетов и другие помещения. В ноябре 1924 года из-за череды недомоганий, «непорядков в здоровье», как выражался Врангель, он признал верховное руководство РОВС за великим князем Николаем Николаевичем, который в Первую мировую войну являлся Верховным главнокомандующим императорской армией. Через несколько лет барон переехал с семьей в Брюссель и устроился инженером в одну из брюссельских фирм. Однако долго поработать на гражданке ему не удалось: 25 сентября 1925 года он внезапно скончался якобы «после заражения туберкулезом». По другой версии, был отравлен агентами советской разведки. В Брюсселе его и похоронили, однако по настоянию родственников и друзей из РОВС прах недавнего крымского правителя России был перенесен в Белград, где торжественно захоронен 6 октября 1929 года в русском храме Святой Троицы.

После смерти основателя РОВС генерала Врангеля великий князь Николай Николаевич Романов неожиданно снял с себя начальствующие полномочия и назначил генерала Александра Павловича Кутепова руководителем РОВС. Энергичный белый генерал активно взялся не столько за теорию, сколько за практику. На одном из совещаний со своими единомышленниками он высказался достаточно определенно:

— Хватит языками молоть, мы проболтали Россию. Сейчас нужно действовать на территории противника. Да, да, противника, каким для нас представляется большевистская власть, а не Россия. Убивать, уничтожать красных, проводить диверсии, подрывать их партийные штабы. Надо сделать нашу организацию действенной с учетом особенностей времени. В СССР народ недоволен сталинскими экспериментами. Следует множить недовольных.

Собравшиеся одобрительно загалдели.

И действительно, в террористических делах Кутепов показал себя прекрасным организатором. Так, еще в 1925 году он

предлагал диверсантам Захарченко-Шульц и Опперпуту отравить ядовитым газом делегатов съезда Советов в Большом театре с одновременным захватом Кремля группой подготовленных за границей и переправленных в Москву 200 белых офицеров.

В 1927 году его боевой группой под руководством белого офицера Ларионова был проведен взрыв в помещении Ленинградского партийного клуба, произведено минирование общежития сотрудников ОГПУ в Москве, убийство неким Кавердой советского посла Войкова и другие «мокрые» акции. Кутепов 26 января 1930 года был похищен в Париже сотрудниками советской разведки, в частности начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ Я. Серебрянским и заместителем начальника КРО ОГПУ С. Пузицким, и скончался на пароходе по пути из Марселя в Новороссийск из-за сильной передозировки морфина.

Правда, П. А. Судоплатов в своей работе «Разведка и Кремль» утверждает, что Кутепов был задержан под предлогом проверки документов на одной из улиц Парижа тремя сотрудниками резидентуры ОГПУ, одетыми в полицейскую форму. Генерал, естественно почувствовав реальную опасность своей свободы, оказал физическое сопротивление. В ходе потасовки он скончался от сердечного приступа. В сложившейся непредвиденной ситуации Кутепов был тайно захоронен в пригороде Парижа в саду частного дома, который принадлежал одному из наших нелегалов.

После похищения советской разведкой генерала А. П. Кутепова лидером РОВС становится генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер. Он в период Гражданской войны являлся главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России, действующими против большевиков на Северном фронте.

В среде Белого движения пользовался авторитетом. Кроме руководства РОВС он являлся председателем Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян и прочих общественных организаций в эмиграции.

Миллер считался яростным пропагандистом-антисоветчиком, бескомпромиссным воителем с политикой вождей Советской России, и на этой основе принимал практические действия по налаживанию контактов с гитлеровцами. Он, заигрывая с нацистами, видел в них спасителей и освободителей Москвы от «красной заразы». Не случайно в одной из статей на эту тему — «Почему мы непримиримы» он писал:

«Православная вера, родина, семья — вот три устоя, на которых русский народ строил свою жизнь, свое государство. И им советская власть, олицетворенная коммунистами, объявила беспощадную войну. В моей душе сейчас живут три чувства — безграничная ненависть к большевикам, правящим Россией, надежда, что мне придется участвовать в свержении их власти, и вера в грядущее возрождение России.

Я не могу примириться с большевиками ни как с людьми, ни как с государственной властью в России, потому что нет ни одного вопроса морального, политического или экономического характера, как во взаимоотношениях людей между собой, так и в отношении правительственной власти к населению и обратно, по которым взгляды, проводимые советской властью в жизнь, не стояли бы в полном противоречии с тем, чем жила Россия в течение веков и что привело ее к величию, славе и благосостоянию.

Вот почему я непримирим к советской власти…»

Две удачные зацепки

Лето. 1928 год. Париж неповторим. Август — самый лучший месяц в году. Природа тут барствует. Многие парижане в конце лета отправляются в отпуск на морские курорты. Так было и тогда — город опустел от машин и конных экипажей. В один из дней этого месяца вдоль каменной стенки забора посольства СССР в Париже скользнула, словно тень, низкорослая фигура неизвестного человека с желтым портфелем в руке. Не останавливаясь перед входом, он смело нырнул в дежурное помещение. Судя по уверенным его действиям, со стороны могло показаться, что он сотрудник нашего посольства.

Но неожиданно, встретившись с дежурным по советскому представительству во Франции, он быстро произнес на ломаном русском языке, не называя своих данных:

— Я хотел бы увидеться с вашими военным атташе или первым секретарем посольства. Не могли бы вы быстро организовать мне с кем-либо из них встречу?

— С кем имею честь разговаривать? — поинтересовался советский представитель.

— Я об этом скажу только заинтересованным лицам.

Дежурный подозрительно посмотрел на портфель неожиданного визитера и набрал номер резидента ОГПУ Воловича.

— Зиновий Маркович, дежурный. У меня в помещении неизвестный гражданин настоятельно просит встречи с военным атташе или первым секретарем.

— Что он хочет?

— Только встречи, причем срочной.

— Их сейчас в посольстве нет, но я буду через пару минут…

Как только резидент встретился с незнакомцем, назвавшим себя швейцарским бизнесменом Джованни де Ри, россиянин задал ему естественный вопрос о том, что его привело в советское посольство.

— Я хочу передать, а правильнее, продать кое-какие секретные материалы. В портфеле находятся коды и шифры Италии. У вас, вне всяких сомнений, имеются копии шифротелеграмм местного итальянского посольства. Возьмите его и проверьте подлинность содержимого. Как только вы удостоверитесь в том, что они настоящие, сфотографируйте их и заплатите мне 200 тысяч французских франков. Если вас это устраивает, я готов и в дальнейшем сотрудничать с вами, предоставляя вашей разведке новые итальянские

дипломатические шифры за схожую сумму.

— Мне нужно некоторое время для проверки этих материалов, — с волнением заявил Волович, азартно поглядывая на кипу бумаг.

— Берите их, проверьте, но только быстрее, потому что по вполне понятным причинам долго я не могу здесь задерживаться.

— Я мигом. Подождите меня в этой комнате. — Он указал дежурному, куда сопроводить гостя.

Зиновий Маркович взял материалы и посеменил к основному зданию советского представительства.

> *«Надо отпечатать все документы, а потом обмануть его, — размышлял хитрый еврей. — Сказать, что они фальшивые».*

Его жена быстро пересняла материалы, и они через полчаса оказались в руках хозяина.

Передавая оригинал визитеру, Зиновий Маркович гаркнул на него:

— Вы меня решили обмануть. Это ведь настоящие подделки. Требую покинуть территорию посольства, или я позвоню в полицию.

Такой ответ ошарашил визитера. Он покраснел, набычился и выдавил только одну фразу:

— Вы глубоко заблуждаетесь!

Когда материалы «Росси» (таким псевдонимом резидент назвал Джузеппе) ушли на Лубянку, центр поблагодарил резидента за проявленную находчивость в бесплатном получении ОГПУ итальянских шифров.

Волович был на седьмом небе. Но случилось то, что случилось еще раз.

Ровно через год в советское посольство в Париже пришел незнакомец, но теперь — шифровальщик Управления связи МИД Великобритании. Отрекомендовался он сначала «Чарли», а потом по мере знакомства — Эрнестом Холлоуэем Олдхемом и заявил, что сопровождает британскую торговую делегацию.

Встретил его снова Зиновий Маркович. И тоже хотел объегорить, как это сделал год назад с инициативником «Росси». Но Эрнест оказался более крепким орешком, так как с собой не принес товар — шифры Великобритании, а только пообещал достать их, согласовав оплату за переданные в будущем материалы. Как ни уговаривал Зиновий его, тот стоял на своем — 50 тысяч фунтов. Но Волович не был бы тем, кем он был, — он сбил цену до 10 тысяч.

— Но мне нужно оценить ваши материалы, может, они и этих

денег не стоят, — подгребал Зиновий Маркович к обесцениванию того, чего еще не имел. Договорились о встрече в начале следующего года…

* * *

Из Москвы в Париж 2 октября 1929 года по поддельному паспорту и чужой фамилией со специальным заданием прибыл заслуженный партработник Борис Анисимович (Исаак Аншелевич) Ройзенман, член Президиума Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК) РКП(б). Ему в ту пору было уже за пятьдесят. Никого не предупреждая, он на вокзале взял такси.

— Куда вас отвезти? — спросил шофер.

— На улицу Гренель.

— В советское посольство?

— Да…

Как только он вошел в посольские ворота, то, показав свой мандат, приказал начальнику охраны никого из посольства не выпускать.

— И посла?

— Да.

— Но его нет, он в командировке… Посольством руководит первый секретарь Беседовский.

— И его не выпускать…

Главный сторож посольства, кстати, чекист, естественно, взял под козырек, усилил охрану объекта и ждал соответствующей команды. Он догадывался, с какой миссией прибыл высокий партийный чинуша. О заслугах его в главе 19 книги «В тридцатые годы. Двести лет вместе» А. И. Солженицын писал:

> *«Отведем совершенно особое место Б. Ройзенману. Судите сами: получает орден Ленина «…в ознаменование исключительных заслуг» по приспособлению государственного аппарата «к задачам развернутого социалистического наступления» — какие тайные, недоступные нам глубины могут скрываться за этим «наступлением»? — и наконец прямо: за выполнение «специальных, особой государственной важности заданий по чистке государственного аппарата в заграничных представительствах».»*

А личный секретарь Иосифа Сталина Б. Г. Бажанов после побега за границу говорил, что Политбюро поручило Ройзенману привезти Беседовского живого или мертвого. Заняв кабинет

посла, он вызвал к себе первого секретаря посольства. Разговор получился на высоких тонах. Беседовский понял: это конец, в Москве его ждет Голгофа. После беседы он ринулся к воротам, но чекисты выход заградили и пригрозили, что будут стрелять, если он попробует еще раз форсировать выход из посольства. Беседовский вернулся и вспомнил, что видел в саду небольшую лестничку у стены, оставленную садовником. При ее помощи он взобрался на стену и спрыгнул по другую сторону.

Первый секретарь советского посольства в Париже Беседовский Григорий Зиновьевич сразу же явился к комиссару полиции квартала, попросил политического убежища и потребовал, чтобы полиция освободила его жену и сына, остававшихся в посольстве.

Комиссар позвонил в МИД. Генеральный секретарь министерства сказал, что посольство экстерриториально, но требованию господина посла (а он исполнял его обязанности. — *Авт.*) полиция должна подчиниться и в посольство могут быть введены силовые структуры. Жена и сын Беседовского тут же были освобождены.

А потом, как полагается, со стороны беглого дипломата начались «чистосердечные признания». Надо было рисовать соответствующий имидж откровенного господина или товарища перед французами. Он публикует ряд антисоветских материалов в виде статей, а через год выходят его мемуары, в которых Иосиф Сталин предстал как «воплощение наиболее бесчувственного типа восточного деспотизма».

Раскрыл он данные и о некоторых секретных операциях ОГПУ, среди которых были и факты обращения в парижскую резидентуру некоторых инициативников, предлагавших купить шифры и коды итальянской и британской дипломатии.

Скоро на столе у Сталина лежала переведенная на русский язык книга мемуаров беглеца. Он внимательно ее прочитал и удивился, почему чекисты не ищут «Росси», которого обманул Волович.

«Это же кладезь важной информации, — подумал вождь. — Он может еще много чего дельного рассказать. Так работать разведчикам нельзя».

После этого он потянулся за цветным карандашом и против абзаца с описанием истории с «Росси» наискосок надписал: «Найти!»

Для чекистов-разведчиков это был главный приказ, приказ от самого Сталина, ослушаться которого было опасно.

И колесо событий закрутилось…

* * *

Лубянка.

В кабинете Абрама Ароновича Слуцкого, вскоре ставшего главой внешней разведки, сидели двое — хозяин кабинета и вызванный из-за границы в Москву разведчик Дмитрий Быстролётов.

— Дмитрий Александрович, перед нами поставлена задача — найти одного потерянного источника важной информации, — это приказ самого Сталина, — торжественно проговорил Слуцкий. И он стал в беседе разворачивать фабулу дела…

— Так, где мне его искать? — спросил озадаченный разведчик.

— Это твое дело, у тебя есть шесть месяцев, чтобы найти его, — подняв брови, безапелляционно потребовал шеф разведки…

Несколько слов о выдающемся разведчике.

Дмитрий Александрович Быстролётов (1901–1975) родом из Крыма.

По собственному признанию, он был внебрачным сыном графа Александра Николаевича Толстого. Мать — Клавдия Дмитриевна Быстролётова, дочь священника Кубанского казачьего войска. С рождения носил фамилию матери.

С 1904 по 1913 год жил и воспитывался в Петербурге, в семье Елизаветы Робертовны де Корваль. Потом была учеба в гардемаринских классах в Севастополе, гимназии и в Мореходной школе в городе Анапа. Получил профессию штурмана дальнего плавания.

В конце 1919 года эмигрировал в Турцию.

В дальнейшем он долго и многому учился за границей.

Имел несколько специальностей: врач, тонкий психолог, литератор, переводчик, юрист, художник-график, моряк, но профессия у него была одна — с 1925 года он советский разведчик-нелегал. Его привлек к негласной работе начальник Контрразведывательного отдела ОГПУ А. Артузов, увидев в нем нужную для разведки личность.

А еще Дмитрий Александрович был человеком энциклопедических знаний, полиглотом (знал 22 иностранных языка). Это он доставал для СССР материалы по ряду новейших технологий и образцов вооружения. Но, несмотря на это, 17 сентября 1938 года он был арестован.

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР 8 мая 1939 года приговорила Быстролётова Дмитрия Александровича по п. 6, 7, 8 ст. 58 УК РСФСР к лишению свободы с отсидкой в

исправительно-трудовых лагерях сроком на двадцать лет, с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией личного имущества.

В январе 1948 года, по указанию министра ГБ СССР В. С. Абакумова, Быстролётов неожиданно был доставлен под конвоем в Москву на Лубянку.

— Вы согласны принять амнистию? — спросил недавний руководитель легендарного СМЕРШ.

— Нет! — последовал ответ Быстролётова.

— Почему?

— Потому что я ни в чем не виноват! Я честно служил своему Отечеству, рисковал ради безопасности Родины и отдал ей все, что может отдать человек долга и чести.

— Я вам предлагаю работу в системе МГБ СССР, — зашел с другой, неожиданной стороны министр.

— Сегодня я отказываюсь от такой любезности, отсидев почти десять лет в каталажке…

После этого короткого диалога Быстролётов по приказу министра госбезопасности СССР оказался в одиночной камере Сухановской особорежимной тюрьмы МГБ, где находился до 1951 года, периода ареста Абакумова. Там от переживаний потерял рассудок (сошел с ума). Долго и упорно лечился, а в 1954 году после инсульта был освобожден от отбытия заключения.

В 1956 году военная прокуратура нашла отсутствие состава преступления в деятельности разведчика, и вскоре он был реабилитирован.

После освобождения и реабилитации «вольная жизнь» пенсионера-инвалида проходила в крохотной комнатке московской коммунальной квартиры. И только в феврале 1969 года по ходатайству сотрудников внешней разведки и Председателя КГБ при СМ СССР Ю. В. Андропова Дмитрию Александровичу предоставили отдельную квартиру и начали оказывать материальную помощь.

Как писал в предисловии к книге «Пир бессмертных» Сергей Милашов,

> *«Человек, проникший в тайны МИД Англии, Франции, Австрии, Германии, Италии и многих других стран; человек, объединивший многих антифашистов для борьбы с коричневой чумой двадцатого века; человек, который контролировал многие секретные проекты нацистов, был безмерно рад — о нем вспомнили, его не забыли!»*

Продолжительное время, с 1957 по 1975 год, жил в Москве и работал редактором во Всесоюзном НИИ медицинской и медико-

технической информации Минздрава СССР.

В это время он пишет сценарий фильма «Человек в штатском» и повесть «Para bellum». В фильме, вышедшем в 1973 году, он даже был снят в одном из эпизодов.

Одновременно трудился над автобиографическим литературным произведением — трилогией «Пир бессмертных», завершенным незадолго до своей кончины.

За полгода до смерти зимним тоскливым вечером, когда мысли серыми воронами стали пролетать в его душе, он сжигает хранившиеся у него экземпляры «Пира бессмертных».

Казалось, утрачен многолетний труд бывшего разведчика, но Сергею Милашову удалось найти экземпляр книги в одном из отделов рукописей Государственной библиотеки.

Умер Дмитрий Александрович 3 мая 1975 года, похоронен в Москве на Хованском кладбище. Как отмечал руководитель пресс-бюро Службы внешней разведки (СВР) РФ Сергей Иванов:

> *«Архивные материалы об оперативной деятельности легендарного российского разведчика Дмитрия Быстролётова никогда не станут достоянием общественности, так как до сих пор содержат данные высочайшей секретности…*
>
> *Без сомнения, Быстролётов является самой заметной фигурой в славной плеяде разведчиков страны. Он пришел в разведку в начале 20-х годов прошлого века и в течение нескольких лет стал одним из лучших сотрудников иностранного отдела (ИНО) ОГПУ…*
>
> *Ему удалось проникнуть в тайны МИД Великобритании, добыть секретные шифры и коды Австрии, Германии, Италии, а высочайший уровень его контактов среди иностранных чиновников превосходил все границы…*
>
> *Именно поэтому многие архивные документы о деятельности Быстролётова до сих пор являются бесценными для отечественной разведки».*

Так вот, этому разведчику и было поручено найти «Росси». И он нашел его в одном из баров Женевы. Дмитрий Александрович понимал, что после обмана в Париже двухгодичной давности «Росси» вряд ли станет общаться с сотрудником ОГПУ, и он решает работать «под чужим флагом». Дмитрий Александрович представился, что сотрудничает с японской разведкой. И работа возобновилась…

По приказанию начальника ИНО ОГПУ Меера Абрамовича Трилиссера Быстролётову была поставлена еще одна задача —

отыскать «потерянного» по вине Воловича британского инициативника Эрнеста Олдхема, предлагавшего парижской резидентуре купить шифры и коды Форин-офиса. Эрнест по розыскному делу проходил под кличкой «Арно». Вскоре Быстролётов нашел и «Арно» в одном из парижских баров, представившись обедневшим венгерским аристократом, который, как и он, «попался в лапы советской разведки».

Обладая высоким профессиональным чутьем, знанием оперативной и международной обстановки, интеллектуальным багажом, Дмитрий Александрович начал активно работать с британцем, поверившим хорошо продуманной легенде советского разведчика, и получать важную разведывательную информацию по британскому руководству и его внешнеполитическим намерениям…

Другие его операции в Париже — это тема для других книг.

Что касается судьбы Зиновия Марковича Воловича и Бориса Анисимовича Ройзенмана, то они были арестованы и расстреляны в конце 1930-х годов во время чистки органов внешней разведки.

Таинственная Матильда

Одной из тайн Петербургского двора начала XX века является бурная личная жизнь и творческая деятельность примы русского балета Матильды Кшесинской. К сожалению, в советский период о ее похождениях мы знали совсем мало. Известно было только одно — она балерина Мариинки и фаворитка наследника престола Ники, ставшего вскоре царем Николаем II.

Так кто же она на самом деле? Какие ветры дули в ее паруса? Почему она считалась самой богатой женщиной в артистическом мире России и говорили только о ней? А ведь звездами той же величины являлись такие прославленные исполнительницы на балетном подиуме, как Елизавета Герд, Тамара Карсавина, Ольга Преображенская, Юлия Седова, Ольга Спесивцева, Вера Трефилова и ряд других. Чуть больше вышеперечисленных балетных звезд мы знаем только мотылька сцены — Анну Павлову.

И все же, кто такая Матильда Кшесинская — прима балета, великая соблазнительница, уложившая в свою постель цесаревича Ники и двух великих князей, женщина-вамп, от которой было трудно отвязаться, агент ряда разведок?

Но все по порядку.

Интересная запись есть в мемуарах тоже великой балерины России Тамары Карсавиной:

> *«Она обладала удивительной жизнеспособностью и исключительной силой воли. В течение месяца, предшествующего ее появлению на сцене, Кшесинская все свое время отдавала работе — усиленно тренировалась часами, никуда не выезжала и никого не принимала, ложилась спать в десять вечера, каждое утро взвешивалась, всегда готовая ограничивать себя в еде, хотя ее диета и без того была достаточно строгой…*
>
> *Зависть и сплетни постоянно следовали за ней…»*

Матильда Феликсовна Кшесинская родилась 19(31) августа 1872 года в семье артистов балета Мариинского театра. Отец — российский поляк Феликс Кшесинский, мать — Юлия Доминская. После окончания в 1890 году Императорского театрального училища была принята в балетную труппу Мариинского театра. И уже в 1896 году получила статус примабалерины императорских театров благодаря своим связям при царском дворе. Хотя нужно отметить, что балерина работала над профессиональным

усовершенствованием упорно и постоянно, не жалея себя.

Не случайно она первая среди русских танцовщиц исполнила на сцене 32 фуэте подряд — трюк, которым до этого русскую публику удивляли только такие итальянки, как Эмма Бессон и Пьерина Леньяни. Надо признаться, что творческой индивидуальности Кшесинской была свойственна глубокая драматическая проработка каждой роли как на цене, так и в жизни.

Удивительно, что творчество ее не закончилось 1892–1894 годами, когда она стала любовницей цесаревича Николая Александровича. С нею его познакомил папаша — царь Александр III, считавший, что перед свадьбой следует «обкатать» чадо на опытной женщине, для чего была найдена съемная квартира.

«Когда я прощаюсь с наследником, в его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения друг к другу», — самоуверенно скажет она в период «тесных контактов» с Ники.

С этого знакомства начался практически отсчет заката династии Романовых.

После помолвки в апреле 1894 года Ники с Алисой Гессенской их отношения прекратились.

В отместку будущему царю Николаю II, она сходится с великими князьями. Сначала становится любовницей Сергея Михайловича, а потом Андрея Владимировича Романовых. В Стрельне 18 июня 1902 года она рожает сына Владимира, получившего по высочайшему указу от 15 октября 1911 года фамилию Красинский, так как, по семейному преданию, Кшесинские происходили от графов Красинских, и отчество Сергеевич.

Имея высоких властных покровителей, она вмешивалась в жизнь театра. По ее кивку искусно убирались конкуренты и конкурентки.

Не случайно руководитель театра Владимир Теляковский возмущался:

> *«Неужели это театр и неужели этим руковожу я? Все довольны, все рады и прославляют необыкновенную, технически сильную, нравственно нахальную, циничную, наглую балерину, живущую одновременно с двумя великими князьями и не только это не скрывающую, а, напротив, вплетающую и это искусство в свой вонючий циничный венок людской падали и разврата…»*

После бегства из России 17 января 1921 года в Каннах она вступила в морганатический брак с великим князем Андреем Владимировичем, усыновившим ее сына. Володя стал после этого

величаться Владимиром Андреевичем.

Матильда Кшесинская прошла по жизни долгую, почти что столетнюю дорогу и скончалась 5 декабря 1971 года. Она была предана земле на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем в одной могиле с мужем и сыном…

* * *

Разрыв с Ники оставил глубокий не столько след, сколько шрам на сердце Матильды. Она поняла, что по существу являлась «педагогом», «постельной игрушкой» для царского отпрыска, поэтому у нее были все основания возненавидеть престол во главе с царями — Александром III и его сыном, ставшим последним императором России Николаем II. К этому времени Ники познакомился и по уши втрескался во внучку английской королевы Виктории Алекс — принцессу Алису Гессенскую.

> *«Царь-отец ведь заранее знал, — рассуждала обозленная и униженная Матильда, — что ничего толкового из наших отношений с Ники не выйдет. Он не увидел во мне невесту для сына, а потом и жену — разглядел лишь фаворитку, дамочку для любовных упражнений наследника».*

Но что удивительно, отвергнутая дочь польского танцора Малечка, так ее называл цесаревич, решила не только пощекотать нервы ревностью недавнему кавалеру, всего на четыре года старше ее, но и мстить ему «тихо и самозабвенно». Так, как уже говорилось выше, она удостоила своей благосклонностью сразу двоих великих князей — Сергея Михайловича и Андрея Владимировича. А однажды во время посещения спектакля новым царем Николаем II и его молодой супругой Александрой Федоровной в антракте Матильда протанцевала перед ними 32 фуэте в полуобнаженном виде.

Разразился скандал…

Балерину-бесстыдницу чуть было не уволили из театра. Однако за нее заступился царь, а вот директор театра И. А. Всеволожский подал в отставку. И дело тут не только в отцовской польской крови, в которой якобы заложен ген неприятия России как поработительницы Польши, а в характере танцовщицы с присущими ей такими качествами, как гордыня, тщеславие, честолюбие.

А как известно, честолюбие, спесь, чванство — великие соблазнители того, кто поднимается над своими ближними. Это

простейшая форма искания награды, потребность в подтверждении своего превосходства, как правило, сопровождается желанием слышать от других по своему адресу лесть, похвалы, возвеличивание. Но когда у таких людей теряются мораль, нравственность, порядочность и совесть, то появляется лестница для карьерного восхождения. По ней, даже шаткой и непрочной, подобные типы карабкаются наверх.

Ради утверждения себя она готова на всякие подлости. Это было в 1886 году. Малечке всего четырнадцать лет, но она расстроена помолвкой дочери британского дипломата с неким шотландским танцором Джоном Мастерсоном. Дабы проверить силу своих юных чар, Маля предложила Джону сходить с нею в ближний лес по грибы, где их повстречала незадачливая английская невеста. Потом она жаловалась подруге:

— Я видела их там, они якобы собирали грибы… Глупость все это… Они там целовались, она была почти голой… И вот тут стоп-кадр. Давайте рассуждать. Разве могли разведчики из легальных резидентур великих европейских стран оставить в покое это чванливое существо, имеющее широчайшие связи среди высокого чиновничества двора, в том числе и военного, а вдобавок глубоко уязвленное и униженное? Конечно нет!

И оно, это существо, уже представляло интерес для разведок. Это был готовый кандидат на установление доверительных отношений, а в дальнейшем и вербовку в качестве агента. Конечно, прямых документальных материалов спецслужбы не оставляют и умеют надежно хранить в тайне не только реальные имена, но и псевдонимы.

А вот косвенных признаков полно. И главный признак — деньги. Период молодой исполнительницы больших финансовых средств не дал. Общение с Ники тоже не смогло озолотить Кшесинскую. Но через ее постель или альков проходили великие князья, члены царской фамилии. Конечно же богатая и агрессивная английская разведка МИ-6 не могла остаться в стороне.

Биограф балерины Геннадий Седов по этому поводу писал:

> *«Окружающие диву давались, с каким самообладанием играет она новую свою роль фаворитки. Ни тени сомнения или неловкости, напротив, ведет себя так, словно всю жизнь только и делала, что приятельствовала с членами царствующего дома, содержала изысканный салон, купалась в роскоши.*
>
> *Петербург живо обсуждает ее наряды, покупки, выезды в лакированной коляске с мальчиком-пажом на*

запятках, гульбище, устроенное ею в особняке на Английском: шесть великих князей за столом, умопомрачительные подарки…»

В таких условиях завязывались контакты и с реальными врагами престола и монархического строя — с революционерами-террористами и еврейскими радикалами, ненавидевшими царский трон как первопричину их притеснения в виде черты оседлости — границы территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям, и прочие ограничения.

Историк А. Б. Широкорад отмечал:

«Возникает вопрос, как нищая танцовщица Матильда Кшесинская стала одной из богатейших женщин России? Жалованье солистки Мариинского театра? Да она больше на наряды тратила! Связь в 1890–1894 годах с наследником престола цесаревичем Николаем? Там тоже были гроши. В конце 1890-х годов Кшесинская покупает загородный дворец в Стрельне. Балерина капитально отремонтировала его и даже построила собственную электростанцию…»

— Многие мне завидовали, — с гордостью отмечала она, — так как даже в Зимнем дворце не было электричества.

Кстати, в стрельнинском дворце Кшесинской накрывались столы на тысячи с лишним персон. В дни рождения Матильды даже менялось железнодорожное расписание поездов, проходивших через Стрельню.

Весной 1906 года она покупает участок земли в Северной Пальмире и заказывает архитектору Александру фон Гогену строительство очередного дворца. Темпы и масштабы стройки были удивительны, — уже к концу 1906 года строительство двухэтажного дворца с внушительными размерами по площади (длина 50 метров и ширина 33 метра) считалось законченным.

Опять встает вопрос об источниках финансирования этой стройки. Прямых ответов нет, а есть только прочные догадки.

Одним из почитателей таланта балерины был барон Гораций Осипович Гинцбург — банкир-миллионер и меценат. Кстати, он возглавлял еврейскую общину Санкт-Петербурга. Это он подарил «милой Маличке» тот самый дом на Каменном острове, до сих пор известный как «особняк Кшесинской», который облюбовал после возвращения из-за границы в 1917 году Ленин. Что это — подарок? А быть может, гонорар? Но за что, за какие дела? Несомненно, за проделанную важную какую-то работу…

Немного истории.

Банкирский дом Гинцбургов был основан Евзелем Гавриловичем и находился на Английском проспекте. Сам основатель почему-то оказывал огромные услуги не российским промышленникам, а немецкому герцогству Гессен, исторической родине русской императрицы Александры Федоровны. Немцы отметили старания делового еврея Евзеля, присвоив звание барона с правом перехода этого титула к старшему сыну Горацию, который оказывал финансовую поддержку лично самой царице, а взамен передавал ей списки просьб к ее венценосному супругу, многие из которых беспрекословно исполнялись…

* * *

Мощи России боялись всегда и во все времена европейские государства, особенно англосаксонского происхождения, поэтому делали все от них зависящее, чтобы приостановить ход прогрессивных реформ. Как только они почувствовали приход на политико-экономический подиум реального реформатора, каким являлся Столыпин, то сразу последовала команда своим разведкам — «фас».

Нужно было убрать с дороги, физически устранить трезвомыслящего и многообещающего политика, что и было сделано руками сиониста Богрова, связанного и с русской контрразведкой, и с английской разведкой.

Столыпин в равной степени был ненавистен как революционерам, ядро которых составляли евреи, так и британским политикам, опасающимся любого укрепления России. Но вот что интересно — балерина и убийца были знакомы!

Мадам Кшесинская 24 августа 1911 года неожиданно и тайно покидает Петербург и едет в Киев, не предупредив никого из близких о поездке. Послушаем по этому поводу биографа Матильды — Джину Вронскую:

> *«Матильда так устроила (или устроили ей. —* Авт.*), что оказалась в одном вагоне с премьер-министром Столыпиным…*
>
> *Ее ложа находилась напротив ложи государя. Минуту спустя внизу, в партер, прошел Столыпин. Матильда внимательно следила за действиями элегантно одетого молодого человека — Дмитрия Богрова (он же — Мордка Богров), сына богатого киевского адвоката, внука еврейского писателя, принявшего православие*

(выкреста. — Авт.), брата революционера, дружившего с Лениным. Кроме того, известно, что Дмитрий был агентом царской охранки под псевдонимом «Аленский».

Кшесинская, видя нерешительность в поведении будущего убийцы и попытки покинуть партер, решилась быстро спуститься вниз. Появилась она с помпой — шумно, громко, в окружении двух офицеров, своих поклонников. Она властно взглянула на стушевавшегося Богрова, словно вселяя уверенность в необходимости сделать то, ради чего он оказался в театре. Дмитрий приосанился, быстрой походкой направился в сторону Столыпина. Через несколько секунд прогремели роковые выстрелы. Все было кончено так, как планировалось…»

Следствие установило, что Богров был знаком с Кшесинской, — они нередко играли в казино Монте-Карло, где Матильда часто делала ставки на удачную для нее цифру 17, отчего в шутку ее величали «Мадам 17». Неудачной оказалась эта цифра в России, только когда пришел 1917 год, после которого она потеряла все — власть, профессию, влияние, связи, имущество…

Пришедшие к власти большевики стали перекраивать Россию на свой лад, поделив россиян на «красных» и «белых». В числе последних оказалась и Матильда, имевшая широкие и глубокие связи с царским двором.

После Февральской революции особняк Кшесинской был захвачен и разграблен солдатами. Попытка оспорить этот вандализм через прокуратуру ничего не дала, и 13 июля 1917 года она с сыном Владимиром отправилась в Кисловодск, где у нее сохранилась дача. Там ее ждал великий князь Андрей Владимирович. Прожили они в южном городе два года, а когда наступил крах Добровольческой армии, Матильда с сыном и великим князем Андреем Владимировичем, внуком царя Александра II, благополучно ускользнули от большевиков.

Через Новороссийск на итальянском судне «Семирамида» Кшесинская прибыла в Венецию, а затем переехала во Францию. Как выяснилось, здесь у нее была вилла, приобретенная явно не за малые деньги еще в 1913 году в местечке Кап д'Ай близ Канн. Вторую виллу, под названием «Ямал», балерина имела в Париже. Кроме того, безбедность жизни поддерживали приличные банковские вклады. По всей вероятности, эти огромные средства она могла получить в результате «второй» жизни, нам до сих пор не ведомой.

Можно только предполагать, откуда эти деньги. Два ее

главных романа с великими князьями, связанными, выражаясь современным языком, с военно-промышленным комплексом и французским пушечным концерном Шнейдера, лишили Россию тяжелой артиллерии и помогли Матильде сколотить сказочное состояние.

В 1921 году в Каннах она зарегистрировала законный брак с уже упоминаемым Андреем Владимировичем, старший брат которого Кирилл Владимирович в 1924 году принял титул императора всероссийского в изгнании.

А вот великому князю Сергею Михайловичу, внуку царя Николая I, повезло меньше — он был пойман и казнен большевиками в ночь с 5 на 6 июля 1918 года под Алапаевском Пермской губернии. При задержании оказал сопротивление насильникам, и его застрелили. Тело великого князя вместе с еще живыми алапаевскими узниками из рода Романовых сбросили в одну из заброшенных шахт железного рудника Нижняя Селимская.

Когда в город вошли белогвардейские войска, тела погибших подняли на поверхность, в руке Сергея Михайловича был зажат медальон с портретом Матильды Кшесинской и надписью «Маля». Надо отметить, что Сергей Михайлович был другом Николая II и накануне войны с Германией внушал ему мысль о необходимости перевооружения российской артиллерии, но его старания не увенчались успехом. Наверное, многое из того, что он хотел сделать для армии, становилось известно своей любовнице Мале, а через нее и противнику.

* * *

Нынешние либерального толка писатели и журналисты утверждают, что Кшесинская, находясь в эмиграции, была далека от политики, что ее жизнь была связана исключительно только с творчеством — балетной школой, игрой в рулетку в Монте-Карло и тихими семейными радостями в имении. Но это совсем не так.

Дело в том, что время 1920 — 1930-х годов в России было взвихрено результатами двух революций и двух кровопролитных войн. Это было раздолье для деятельности разведок иностранных государств.

Кшесинская стремительно богатела. Об одном из дворцов ее в то время писали, что все было построено и обставлено по желанию и вкусу примы: зал — в стиле русский ампир, салон — в стиле Людовика XVI, спальня и уборная — в английском стиле и т. д. Непременным атрибутом вилл того периода был зимний сад,

он был и у нее. Садовники, лакеи, служанки и прочая прислуга. Им надо было платить. Откуда брались деньги на все это?

Думается, огромный военный бюджет России беззастенчиво пилился великими князьями, с которыми она делила свою постель, как это делалось не единожды в многострадальной Отчизне. За примерами далеко ходить не надо. Чего стоят «опилки после пилки» недавнего министра обороны РФ господина Сердюкова и его пассии Васильевой. Так было, так есть и так будет до тех пор, пока не придет во власть порядочный, рачительный и честный хозяин, способный сразу дать по рукам нечистоплотным чиновникам, пощипавшим государственную казну, а не растягивать следствие на годы с целью «замылить» процесс разбирательства и увести от ответственности своих проворовавшихся ставленников.

Но вернемся к мадам Кшесинской парижского периода ее жизни.

Объектами внимания для нее были не только Парижская балетная школа и казино в Монте-Карло. Скоро она сама стала интересной для разных, в основном политических, сил антироссийской направленности. Так, в эмиграции ее услугами решил воспользоваться один из организаторов антисоветской боевой организации «Братство русской правды» (БРП) — белогвардейский полковник князь Анатолий Павлович Ливен.

Для борьбы против большевиков члены БРП организовали подпольную сеть в Совдепии, нелегально переправляя туда своих единомышленников для проведения диверсионно-террористических актов.

Дело в том, что когда был похищен органами госбезопасности Советской России руководитель РОВС генерал-лейтенант Кутепов, БРП решила нанести ответный удар — похитить наркома иностранных дел Советской России Г. В. Чичерина. Белогвардеец Ливен обратился к Кшесинской, зная ее широкие связи и политическую ориентацию.

— Матильда, не смогла бы ты узнать, когда прибывает в Ривьеру и где поселится Чичерин? — поинтересовался Анатолий Павлович.

— Когда вам нужна эта информация?

— Срочно.

— Хорошо.

Через некоторое время она узнала время прибытия и место остановки советского высокопоставленного чиновника. Он поселится в одном из отелей. Кроме того, она выяснила, что Чичерин должен встретиться со своим кузеном — двоюродным братом. Ливен был настолько доволен качественно выполненным

заданием Матильды, что воскликнул:

— Вы у нас настоящий офицер разведки!

Но и парижская полиция не дремала. Получив данные о готовящемся покушении на советского наркома, она арестовала двух офицеров-деникинцев, готовивших его похищение, и быстро переправила Чичерина в Париж, а оттуда через наше посольство он благополучно был отправлен в Москву.

В своих воспоминаниях Кшесинская много пишет о муже и сыне, но ничего о деятельности последних.

А между прочим, сын Кшесинской Владимир Андреевич тоже принимал участие в Белом движении, являясь ярым социал-монархистом, членом союза «Молодая Россия». Его лидер — 28-летний ротмистр Александр Казем-Бек. Младороссы поддерживали великого князя Кирилла Владимировича как претендента на российский престол с титулом «император». Гитлеровцы, естественно, не желали видеть новую царскую Россию, они уже вовсю готовились ликвидировать СССР. Именно движение младороссов привлекло внимание специальных служб нацистов, ведь Франция была уже оккупирована к 1940 году.

Владимир 23 июня 1941 года по подозрению в антинацистской деятельности был арестован и направлен в концлагерь сначала в Германию, а потом в Польшу. Мать ударила во все колокола. Во время приезда в Париж шефа гестапо Мюллера она встретилась с ним и высказала свою тревогу за судьбу сына и пожелала его освобождения. Скоро, вернее, на второй день после этой встречи Владимир Красинский был на свободе в объятиях матери. Через сутки он покинул Париж. Нам до сих пор не дано знать, на каких условиях он был освобожден главным гестаповцем фашистской Германии.

Апогей младороссов — середина 1930-х годов. Они носили, правда, не коричневые рубашки, а синие, но замашки у них были фашистские. На съездах младороссы вскакивали с места при встречах с Казем-Беком, приветствуя его криком «Ура главе!» (аналог «Хайль Гитлер!»). Но немцы не могли простить такого повтора, у них был единственно признанный вождь — германский фюрер.

Историк церкви А. В. Карташев писал о младороссах:

> *«Это дрожжи будущего гитлеризма. Гитлеризм же теперь мода».*

Глядя в рот фашистам, пощипала младороссов и французская полиция. С 1940 года их стали арестовывать и направлять на «перевоспитание» в концлагерь «Верне д'Арьеж».

Вторая встреча сына с матерью в Париже произошла в августе

1944 года. На нем была английская военная форма.

— Мама, — заявил он, — теперь я являюсь офицером связи между Британской армией и штабом миссии «Свободная Франция» генерала Шарля де Голля в Лондоне. А еще я состою в свите премьер-министра Великобритании Черчилля.

— Надолго прибыл? — спросила мать.

— Нет, завтра улетаю в Рим, где предстоит встреча с принцем Умберто и маршалом Бадольо.

— Так и до России доберешься.

— Да, собираюсь с английской делегацией скоро побывать в Москве в качестве переводчика.

Матильда поняла, что чадо связало свою судьбу с британской разведкой. И действительно, сын Кшесинской и великого князя Андрея Владимировича Романова — Владимир Андреевич Красинский стал опытным британским разведчиком, действовавшим под «крышей» журналиста. Он пережил свою 99-летнюю мать на три года и умер в 1974 году одиноким. Ни друзей настоящих в Париже, ни семьи он так и не завел.

А Матильда Кшесинская — совсем не российская Мата Хари, как ее решили наречь некоторые пишущие о ней, она, скорее, работала на других хозяев после разрушения Российской империи, но об этом должны сказать архивы разведок, двери которых открываются редко и не распахиваются настежь никогда.

Будем считать, что она одна из разгаданных тайн серебряного века.

Поэт казачьего зарубежья

Как уже говорилось, в 1920-е годы Париж в большей степени, чем Берлин и Лондон, стал центром представителей культуры серебряного века России. «Париж всегда был в моде у русских», — писал в своих воспоминаниях поэт и критик этого самого «века» А. Биск. Языкового барьера не существовало вовсе: знание французского языка было традиционно обязательным для русского образованного общества.

После революции и Гражданской войны Париж стал политической столицей «России вне России», из-за того что сюда бежали такие виднейшие деятели Временного правительства, как А. Керенский, Н. Авксеньев, А. Коновалов, П. Милюков, М. Терещенко, и другие.

Здесь свили гнездо многие писатели, определявшие в предреволюционный период основные тенденции развития русской прозы и поэзии: И. Бунин, А. Куприн, Б. Зайцев, И. Шмелев, Д. Мережковский, А. Ремизов, М. Острогин, С. Юшкевич, М. Алданов, Е. Замятин, К. Бальмонт, З. Гиппиус, В. Ходасевич, М. Цветаева, Г. Иванов, И. Одоевцева, Н. Оцуп и многие другие.

И вот среди этих маститых писателей и поэтов, обосновавшихся во французской столице, выделился не засвеченный софитами театральных подмостков и салонов скромный стихотворец. Это был певец белого зарубежья, донской казак, казачий поэт первой волны эмиграции Николай Николаевич Туроверов.

Уроженец станицы Старочеркасской области Войска Донского Российской империи, он по окончании Каменского реального училища поступил в Новочеркасское военное училище. Учеба проходила по ускоренной программе, а дальше были бои в окопах и на полях в составе лейб-гвардии Атаманском полку Российской армии в Первой мировой войне.

После развала фронта казак Туроверов вернулся на Дон, вступил в отряд есаула Чернецова и сражался с большевиками вплоть до врангелевской эвакуации из Крыма. Был четырежды ранен, дослужился до чина подъесаула. По Табели о рангах в казачьих войсках — офицерский чин, равный штабс-капитану и штабс-ротмистру в регулярных войсках.

Жизнь помотала его по миру. Первый Кубанский, или Ледяной, поход, Крымский полуостров, турецкий городок Галлиполи, тунисский город Бизерта, греческий остров Лемнос, французский город Ницца и, наконец, европейская Мекка — Париж. Вся жизнь — в творчестве и борьбе за правду, какую он

себе, как порядочный человек, нарисовал.

Лирика Туроверова отличалась от стихов других поэтов бесстрастной констатацией происходящего и зафиксированного, словно четким глазом цифрового фотоаппарата с резким снимком окружавших его событий.

Вот одно из них:

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине.
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
«Двадцатый год — прощай Россия!»

Каждый этап его странствий по чужбинам вместе с товарищами по оружию находил отклик в его творчестве. Он словно акын — поэт-импровизатор и певец у тюркских народов, замечал то, чего не смогли зафиксировать другие, и воспевал его точным, образным словом.

Остров Лемнос — это земля с выжженной солнцем пустыней, солеными ветрами, болезненными колючками и с берегами остывшей вулканической лавы. Здесь два кладбища — Русское и Антанты. Остров — живой свидетель того, как умирали русские люди, воины и цивильные, кубанские и донские казаки вместе с офицерами Белой армии в 1920–1921 годах.

Чтобы не умереть от голода, он летом 1921 года вместе с казаками гвардейской бригады перебирается в Сербию. Здесь в течение года вместе с сербскими военнослужащими собирает оружие и боеприпасы на бывшем Солониковском фронте. Местные военные власти поверили в порядочность Туроверова и его друзей и приняли их в подразделение пограничной стражи, стоящей на границе с Венгрией.

А потом застоявшиеся мускулы потребовали физической нагрузки, и он с друзьями-казаками находит работу сначала мукомола, а потом лесоруба. Туроверов с ними валит лес, наслаждаясь красотами местной природы, но все чаще и чаще вспоминает покинутую по не зависящим от него причинам свою Родину.

После объявленной Советским правительством амнистии (это было в 1923 году) Туроверов и другие казаки засомневались в искренности Ленинских обещаний (не раз обманывал он их вместе с Троцким) и отказались возвращаться на родину. Не она

для них теперь казалась чужой, а власть в ней. В середине 1920-х годов он, преодолевая всяческие чиновничьи препоны, с большими трудностями перебирается из Сербии во Францию. Скоро Туроверов оказался в Париже. Устраивается грузчиком, одновременно посещает Сорбонну и кружок казачьих литераторов-эмигрантов.

Надо отметить, что его в Париже поэтическая богема не очень привечала. Но он и не напрашивался к ним в гости. Он работал над словом, делился стихами в своих коллективах, издавал книги каждый раз с одним и тем же названием «Стихи».

В 1940 году он напишет, на мой взгляд, одно из лучших своих стихотворений на тему прощания с Родиной 20 лет назад — в 1920 году.

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода…
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

* * *

Он много пишет и печатается в эмигрантских изданиях, преимущественно казачьих: «Родимый край», «Возрождение», «Казачьи думы», «Современные записки», «Казачий журнал», «Россия». Первый сборник стихов Туроверова «Путь» вышел в Париже в 1928 году. Критика встретила произведение доброжелательно. Так, литературный критик Г. Струве в рецензии на книгу отмечал:

«Важно, что у молодого поэта есть что сказать своего и что он находит часто свои образы, свои рифмы и

свои темы. В «казачьих» стихах Туроверова приятно чувствуется уверенность в родной почве…

Эти строки написаны настоящим поэтом».

В 1937, 1939 и 1942 годах выходят его поэтические сборники под названием «Стихи».

Бесславное поражение Франции в войне с гитлеровской Германией, а по существу сдача страны противнику в 1940 году и установление режима Виши с передачей диктаторских полномочий маршалу Анри Филиппу Петену, что знаменовало конец Третьей республике, глубоко задело самолюбие русского поэта.

«Опять германец будет моим врагом, — размышлял Туроверов, — как было это ровно двадцать лет назад. Он снова скопил силы и явно, после закабаления центральноевропейских стран Европы, двинется на Советский Союз. Колебаний, кому помогать, не должно быть. Обе родины сегодня, как и тогда, в двадцатые, в опасности. Путь остаться человеком — борьба с нацизмом».

Таким образом, он определился, на какую сторону баррикады встать…

Во время Второй мировой войны воевал с немцами в Африке в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона, которому посвятил цикл стихов — «Легион».

В стихотворении, посвященном князю Н. Н. Оболенскому, он словно исповедуется перед соратником по белой эмиграции:

Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне
Ни жалости, ни состраданья.
Вести учет: в каком году, —
Для нас ненужная обуза:
И вот в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзов.
Семнадцативековый срок
Прошел, не торопясь, по миру;
Все так же небо и песок
Глядят беспечно на Пальмиру,
Среди разрушенных колонн.
Но уцелевшие колонны,
Наш Иностранный легион —

Наследник римских легионов.

Вернувшись с фронта в Париж победителем, некоторое время работал служащим в банке. В это время он создает музей лейб-гвардии атаманского полка, «Кружок казаков-литераторов». В течение 11 лет возглавлял парижский «Казачий союз».

Несмотря на то что большую часть жизни он прожил в Париже, однако в своих стихах часто возвращался на малую родину, в родные степные просторы Дона, увидеть которые ему было не суждено. Он с пониманием встретил свою Голгофу, навязанную Гражданской войной, разломавшей наравне с другими сотоварищами и его собственную жизнь. Он теперь смирился со своей участью быть изгнанником, понимая, что Отчизна в лице малой родины, может быть, и приняла бы его, но Советская власть могла ведь и наказать за то, что он воевал с нею на полях гражданской бойни. Она таких людей считала предателями. Он не считал себя таким отщепенцем, сражался со своей правдой в сердце. Поэтому часто из глубин души у него вырывалось:

Что теперь мы можем и что смеем,
Полюбив спокойную страну,
Незаметно, медленно стареем
В европейском ласковом плену.

Популярность Туроверова была необычайно высока в белоэмигрантских кругах, особенно среди молодежи. Он часто выступал не только перед казаками, но и перед господами из высшего света былой России. Его с одинаковым вниманием слушали и старые генералы, и маститые писатели, а некоторые поэты даже завидовали его авторитету среди белого зарубежья. Он был для них соперник «без фундаментальной подготовки». Фундаментом для его творчества была сама нелегкая, почти фронтовая жизнь и в мирное время. Для «русских парижан» он был как Есенин в Москве.

Имя этого человека на долгие десятилетия было вычеркнуто из русской литературы. Помню, в 1970-е годы один мой товарищ, возвратившись из заграничной командировки, привез небольшой сборник стихов.

— Это второй Есенин, — сказал он. — Николай Туроверов. Возьми, почитай, но верни мне его, а то за него можешь поплатиться неприятностями по службе.

Читались его прекрасно сбитые, понятные и сладкие с

горчинкой стихи запоем, с превеликим удовольствием. Они вызывали впечатление реально ощутимой свежести и крепость изображения. Несмотря на то что его стихи скупы, они своей точностью попадают в цель. Воспринимая сказанное поэтом, понимаешь и принимаешь его от «альфы» до «омеги». Все знакомо, все близко, все резко. Пришлось половину сборника переписать в блокнот, который до сих пор храню.

Да, Белое движение проиграло в Крыму — свои проиграли своим.

Процесс примирения, в частности в моей душе, начался с 1968 года после просмотра замечательного фильма «Служили два товарища». Именно благодаря прекрасно сыгранной роли белогвардейского офицера Владимиром Высоцким отношение к Белому движению стало совсем не однозначным. Потом была песня «Поручик Голицын» в исполнении Михаила Звездинского и Александра Малинина.

И вот совсем недавно в песне «Товарищ» группы «Любэ» на стихи Туроверова найдено то же верное настроение, определен верный вектор, который ощущался в упомянутых фильме и песне.

За душу берет, когда слышишь эти слова:
Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, не мученьями, страданьями и кровью
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня.
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

Скончался Николай Николаевич Туроверов — поэт, видный деятель культуры русского зарубежья — 23 сентября 1972 года в

Париже. Похоронен на известном русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

К сожалению, возвращение имени поэта пришлось на лихое, окаянное время очередного развала Большой страны и забвение, а порой игнорирование поэзии как литературного жанра. Сегодня поэтам трудно выживать, потому что для многих бабло — Бог. Многие спицы нравственной и художественной святости в колесе культуры сломаны. Но, несмотря на это, творчество Туроверова медленно, но уверенно возвращается к своему народу. В 1999 году в России вышла книга его стихов «Двадцатый год — прощай, Россия!».

Осмелела и власть в деле правдивого прочтения исторических фактов, затертых в прошлом.

Местные власти постарались увековечить память поэта на родине. В станице Старочеркасской поставлена памятная доска поэту с таким текстом: «ТУРОВЕРОВ Николай Николаевич. Крупнейший поэт казачьего и российского зарубежья XX века, донской казак. Родился 18(31) марта 1899 г. в станице Старочеркасской области Войска Донского».

В марте 2012 года в Каменск приезжали из Франции братья Иван Александрович и Николай Александрович Туроверовы — племянники поэта. На перроне железнодорожного вокзала они были встречены оркестром Аксайского кадетского корпуса.

Творчество Туроверова, как тайна, долго оставалось нераскрытым.

Казак — убийца президента Франции

Шел 1932 год.

К этому времени Советская Россия отмечала не только десятилетие со дня образования СССР, но и почувствовала первые результативные подвижки в правильно выбранном экономическом курсе правительства на форсированную индустриализацию страны. За этим последовала череда дипломатических признаний стремительно укрепляющегося Советского государства.

С другой стороны, мировой капитал понимал, что авторитет социалистического строительства способен пагубно повлиять на пролетариат их стран — заразить его крамольными мыслями о социальной справедливости. Белое движение тоже не могло не заметить значительного роста экономики Советского Союза, что приводило ястребов из РОВС и других антисоветских организаций в замешательство.

В Париже в особняке Соломона Ротшильда, расположенного на улице Беррье, 6 мая 1932 года проходила благотворительная книжная ярмарка ветеранов Первой мировой войны. Ярмарку открывал 75-летний четырнадцатый президент Республики Поль Думер, кстати, потерявший на этой войне троих своих сыновей — Марселя, Рене и Андре.

На эту встречу ветеранов проник, получив пригласительный билет на имя «ветерана — писателя Поля Бреда» россиянин Павел Тимофеевич Горгулов.

Через некоторое время после открытия ярмарки, воспользовавшись нерасторопностью охраны президента, россиянин подошел почти вплотную к руководителю Франции и в упор произвел несколько выстрелов из автоматического пистолета «Браунинг» калибра 6,35 в свою жертву. Свидетелями покушения являлись писатели Андре Моруа и Клод Фаррер. Интересная деталь: у последнего незадолго до покушения Горгулов приобрел книгу и взял автограф. После того как его пытались скрутить, он продолжал стрелять, легко ранив и Фаррера.

Президента быстро отправили на карете скорой помощи в военный госпиталь Божон, где он на следующее утро, не приходя в сознание, скончался.

Доставленный в полицейский участок убийца вел себя спокойно и даже дерзко. «Писатель Поль Бред» оказался казаком

Павлом Тимофеевичем Горгуловым, который некоторое время находился даже в поле зрения местной полиции.

В ходе следствия при обыске у него изъяли документ: «Мемуары доктора Павла Горгулова, верховного председателя политической партии русских фашистов, который убил президента республики».

Итак, отставной кубанский казак, рядовой 2-го Лабинского полка Всекубанского казачьего войска Павел Горгулов убил президента той страны, которая приютила его и дала вид на жительство. Его предки уже были в Париже в 1813 году, когда разбили Наполеона и, войдя в «столицу Европы», по-хозяйски на водопое напоили своих коней водою Сены.

И вот ровно через 119 лет в Париже снова прозвучали казацкие выстрелы. Только теперь стрелял казак-одиночка, выбравший в качестве жертвы самого главу государства.

Выходило, что он готовился к этому террористическому акту. Кроме того, на месте его проживания были обнаружены ампулы с ядом, газетные вырезки со статьями о рабочих поездках президента Думера по стране и самодельное знамя его партии. При допросе он также заявил о своей причастности к «зеленой фашистской партии», идеалы которой якобы поддерживает все Белое движение за рубежом, и в частности во Франции.

— Почему вы убили президента нашей страны? — спросил его следователь.

— Потому что по его указанию Франция отмежевалась от антисоветизма и проигнорировала призыв многих французов пойти походом, осуществить интервенцию против Советской России.

— Кто из числа белой эмиграции был посвящен в ваш план физического устранения Поля Думера?

— Я действовал один…

И действительно, следов какого-либо заговора с участием белых с целью убийства президента Республики французским следователям выявить не удалось. Но в РОВС переполошились. К руководству этой зарубежной организации стали поступать письма из периферийных отделов и центров о боязни притеснений со стороны местных властей. Однако все закончилось благополучно. Белое зарубежье в лице руководства РОВС и казачество сразу же отмежевались от преступления Горгулова. То же самое сделал в печати и глава итальянских фашистов Муссолини.

В прессе убийцу называли умалишенным, психопатом, авантюристом, хотя Илья Эренбург дело Горгулова определил одновременно «фарсом и прелюдией Второй мировой войны», а

премьер-министр Франции Андре Тардье окрестил Горгулова «необольшевиком», действовавшим в сговоре неких «белых и красных боевиков».

Правда, даже после тенденциозного антисоветского романа Жака Ловича — сына видного марксиста Льва Дейча «Буря над Европой», где говорилось, что убийство французского президента было организовано Кремлем в сговоре с руководителями белого зарубежья. По сюжетной линии романа, выдвигалась главенствующая версия о том, что перевооружившаяся Германия вместе с Советской Россией объявляют Вторую мировую войну. Они добивают победительницу минувшей мировой сечи Францию и победоносно вступают в Париж.

Этот роман явился скорее провокацией, чем внимательным рассмотрением действий российского террориста.

* * *

Кто же на самом деле был писатель Поль Бред, якобы олицетворявший представителей серебряного века? Настоящее его имя Павел Тимофеевич Горгулов — казак, русский эмигрант, автор стихов и прозы, пропагандист националистических идей. Родился он в известной станице Лабинской Екатеринодарской губернии в семье зажиточного землевладельца. В 1913 году закончил Екатеринодарское военнофельдшерское училище. Учился непродолжительное время и на медфаке МГУ, но помешала война, участником которой он являлся, где получил ранение. По одним данным, он был списан с военной службы, по другим — дезертировал. Потом жизненные тропы и дороги его проходили по Кубани, Крыму, Минску, Праге, Моравии, Парижу и Монако. В Чехословакии он закончил в 1926 году Карлов университет.

В Париже являлся членом общества молодых русских писателей. Издал под псевдонимом Павел Бред сборник стихов и повестей «Тайна жизни скифов», в которой воспевал первобытную российскую духовность, способную со временем одолеть западную цивилизацию.

В конце своих «скифских таинств» он восклицал:

> *«Русский я. А все, что от русского исходит, непременно дерзостью пахнет: как — политика, как — вольнодумство, критика и все такое прочее… Народ мы скифский, русский. Народ мы сильный и дерзкий. Свет перевернуть хотим… Как старую кадушку. А кто же под*

кадушкой-то сидеть будет? Ах, милые! Не знаю. И потому — кончаю. И на прощание только прибавлю свое малюсенькое изреченьице: «А все-таки — фиалка машину победит!»

Что он этим хотел сказать? Можно много рассуждать по этому поводу: Россия сомнет Запад, природа одолеет цивилизацию, ибо первая сильнее была, есть и будет во все времена. А может, он исповедовал призыв и идею Федора Достоевского — красота спасет мир!

В 1931 году Горгулов издает в Париже на французском языке небольшую брошюру о России под названием «Национальная крестьянская». По его теории, государство должно управляться жесткой дисциплиной «национальной» и «военно-политической» партией во главе с диктатором.

При других формах правления Россия не выживет и рассыплется в прах. Вся исполнительная власть должна полностью формироваться из ее кадров. Преследуются всякие идеи социализма, монархизма и крупного капитала (олигархии). Лица, не принадлежащие к титульной нации — русским и православной религии, лишаются ряда политических прав. Единственный способ свержения большевистского режима, как правило, понимаемого как власть евреев, — внешняя интервенция.

Это его нацистские взгляды.

После убийства советская и зарубежная коммунистическая и вообще вся левая печать рисовала Горгулова типичным «озлобленным белогвардейцем», поддерживая идею «белого заговора» с целью вовлечения Франции в войну с Советской Россией, предательски заигрывавшей с кайзеровской Германией.

Полпред СССР в Париже Валериан Савельевич Довгалевский высказал глубокие соболезнования от Советского правительства и сообщил, что «убийство воспринято во всем Советском Союзе с возмущением», назвав теракт русского националиста Горгулова «новым Сараевским убийством».

Суд над преступником — убийцей происходил перед судом присяжных департамента Сена. Члены суда внимательно рассмотрели следственные версии и пришли к главному и очевидному выводу — о виновности подсудимого россиянина.

Горгулов на суде вел себя вызывающе: он перебивал выступающих, сходился в перепалках с присяжными и другими членами суда. Создавалось впечатление, что он действительно страдает психическим расстройством, но медицинские эксперты опровергли этот диагноз еще до суда.

«Русский народ — страдалец, — кричал он. — Мои симпатии не на стороне большевиков, а тем более с царем, предавшим страну, а с социалистом и демократом Керенским».

Немного успокоившись, словно отдыхая от эмоциональной речевой нагрузки, в конце процесса он вскочил и взревел:

— Убейте меня, как вы убили мою страну! Вы погибнете во всемирной катастрофе!

Смягчающих обстоятельств суд не нашел, и Горгулов был приговорен к смертной казни.

Илья Эренбург, присутствовавший на судебном процессе, так описывал поведение Горгулова и окружающую обстановку:

> *«Горгулов был высокого роста, крепок; когда он выкрикивал путаные, сбивчивые проклятия на малопонятном французском языке, присяжные, по виду нотариусы, лавочники, рантье, испуганно ежились…*
>
> *Помню страшную картину. Ночью, при тусклом свете запыленных люстр, судебный зал напоминал театральную постановку: парадные одеяния судей, черные тоги адвокатов, лицо подсудимого, зеленоватое, омертвевшее, — все казалось неестественным. Судья огласил приговор. Горгулов вскочил, сорвал с шеи воротничок, как будто торопился подставить голову под нож гильотины, и крикнул: «Франция мне отказала в виде на жительство!»*

По другим данным, осужденный приветствовал приговор словами:

> *«Я умираю героем для себя и своих друзей! Да здравствует Франция, да здравствует Россия, я буду любить вас до самой смерти!»*

Кассационный суд отклонил жалобы адвокатов Горгулова. Преемник Думера Альбер Лебрен отклонил и прошение о помиловании.

Изобретение докторов Жозефа Гильотена и Антуана Луи — разборная гильотина 14 сентября 1932 года была установлена прямо на мостовой бульвара рядом с воротами тюрьмы Санта без эшафота. Поэтому не все из почти трех тысяч зевак, собравшихся поглазеть на казнь россиянина, могли разглядеть картину приведения приговора в исполнение.

По пути к гильотине Горгулов выпрямился. Он был сосредоточен, считая, что бесславие — худшая кара, чем смертная казнь. Быстрым, горным потоком в памяти пронеслась вся его

жизнь, которую он считал правильно сделанной, а потому фанатично был предан ей. Сожаления не существовало в этот момент для него. Осуждения своего поступка он не признавал. Идя к месту казни, он вдруг запел «Варшавянку».

Перед казнью Горгулов, поцеловав крест, сказал православному священнику:

— Я ничего не боюсь… я предан русскому крестьянству… Надеюсь, что еще не рожденный мой ребенок не станет коммунистом. Прошу вас передать моей жене слова любви и прощения.

Потомственный парижский палач Анатоль Дейблер со своими подручными с трудом уложили могучее тело казака на горизонтальную скамейку под косой сорокакилограммовый нож — «барашек» — орудия казни. Голову закрепили двумя досками с выемками. Скользящий нож в пазах, поднятый веревкой на трехметровую высоту, терпеливо ждал…

Последними словами Павла Горгулова перед казнью были:

«Россия, моя страна!»

Дейблер подошел к рычажному механизму, снял защелку, удерживающую нож, и он полетел вниз…

Цинковый гроб с телом и головой Горгулова был отдан его жене, швейцарской подданной Анне-Марии Генг.

Французы, как и представители судебных систем других стран, таких как Шотландия, Ирландия, Великобритания, Германия, Швейцария и Италия, считали, что гильотина является более гуманным способом казни, чем сожжение на костре, повешение, четвертование.

Гильотина обеспечивала мгновенную, без мучений смерть…

* * *

Выстрел Горгулова и его казнь в Париже часто обсуждались в белоэмигрантской среде. Версий выдвигалось много и разных, порою диаметрально противоположных. В руководстве РОВС боялись санкций со стороны местных властей, так как в печати раздувалась тема принадлежности убийцы к Белому движению. Упоминались его связи с антисоветчиком — террористом Борисом Савинковым в Минске. Некоторые белые офицеры считали Горгулова агентом НКВД.

Русский поэт серебряного века, литературный критик и мемуарист Владислав Ходасевич в статье «О горгуловщине» так описывал творчество казненного:

«Горгуловская бессмыслица по происхождению и значению ничем не отличается от бессмыслиц, провозглашаемых (именно провозглашаемых — пышно, претенциозно и громогласно) в других сочинениях того же типа. Форма и содержание этих бредов, по существу, безразличны… О, если бы дело шло просто о сумасшедших! К несчастью, эти творцы сумасшедшей литературы суть люди психически здоровые. Как и в Гогулове, в них поражена не психическая, а, если так можно выразиться, идейная организация. Разница колоссальная: нормальные психически, они болеют, так сказать, расстройством идейной системы. И хуже и прискорбней всего, что это отнюдь не их индивидуальное несчастье. Точнее — не только они в этом несчастье виноваты. В них только с особой силой сказался некий недуг нашей культуры…

Настал век двадцатый. Две войны и две революции сделали самого темного, самого уже малограмотного человека прямым участником величайших событий. Почувствовав себя мелким, но необходимым винтиком в огромной исторической мясорубке, кромсавшей, перетиравшей его самого, пожелал он и лично во всем разобраться. Сложнейшие проблемы религии, философии, истории стали на митингах обсуждаться людьми, не имеющими о них понятия…

На проклятые вопросы в изобилии посыпались проклятые ответы. Так родилась горгуловщина — раньше Горгулова. От великой русской литературы она унаследовала лишь одну традицию, зато самую опасную: по прозрению, по наитию судить о предметах первейшей важности…

Мыслить критически эти люди не только не в состоянии, но и не желают. Любая идея, только бы она была достаточно крайняя, резкая, даже отчаянная, родившаяся в их косматых мозгах или случайно туда занесенная извне, тотчас усваивается ими как непреложная истина, затем уродуется, обрастает вздором, переплетается с обрывками других идей и становится идеей навязчивой. Тяжело сказать это — но, кажется, горгуловская «идея» наполовину вышла из блоковских «Скифов». Если бы Блок дожил до Горгулова, он, может быть, заболел бы от стыда и горя».

* * *

Итак, и белые, и красные в первые дни теракта, следствия и суда над Горгуловым молчали — выжидали. Интересно было услышать его признания. И только когда он выдохнул свою правду, ради которой пошел на гнусное преступление, они облегченно вздохнули. Теперь можно было его крыть и справа, и слева.

Многие французские газеты на первых страницах дали заявление эмигрантской казачьей верхушки, в котором искренне говорилось:

> *«Мы, кубанские казаки, многие из коих пользуются гостеприимством Франции, вместе с другими русскими людьми особенно остро чувствуем всю гнусность этого подлого убийства, так как убийца назвал себя кубанским казаком».*

Они намекали на то, что настоящий казак Павел Горгулов погиб на фронте, а этот двойник не кто иной, как агент ГПУ, как говорится, «без роду без племени».

Но как он мог стать сексотом ГПУ, если открыто призывал «вырезать большевиков и евреев», — логически не вяжется. Он считал себя просто снобом — неудачником.

Очевидец тех событий, журналист — белоэмигрант Лев Любимов запечатлел убийцу после задержания таким:

> *«Изуродованное русское лицо, русский выговор. А в глазах, едва видных из-под кровоточащих отеков, — мелькающая быстрыми вспышками глупая, безумная, жуткая гордость. Выше ростом державших его полицейских, он стоял передо мной, словно какое-то чудовище, грозно и неумолимо наседающее на всех нас, слушающих его в оцепенении».*

Это тоже Париж с отголосками неутихающего идеологического «каляевского» брожения в затуманенных мозгах русской эмиграции в результате большевистской революции, в одночасье превратившей Россию из монархической империи в непонятную советскую республику, которой еще предстояло утверждаться в роли мировой державы.

И тоже одна из тайн серебряного века.

Охота на «хорьков»

Новая власть, чтобы обезопасить себя от рецидивов контрреволюции — своеобразной реакции свергнутого класса на происшедшую социальную революцию по реставрации или сохранению порушенного политического строя, защищалась всеми доступными ей методами, средствами и силами. В «Обращении ВЧК к трудящимся о борьбе с врагами Советской России» говорилось:

«Октябрьская революция свергла иго капитала… В борьбе с рабочим классом агенты империалистических стран распространяют и сеют панику среди населения как в России, так и во всей Западной Европе… Агенты буржуазии и их прислужники, господа с.-р. и меньшевики, призывают нашу Красную Армию сложить оружие и прекратить защиту социалистического Отечества. Играя на руку врагам трудящихся, они призывают железнодорожных рабочих к забастовкам и к прекращению подвоза продовольствия к голодающим центрам. Подкупленные агенты буржуазии пытаются взрывать мосты, поджигать склады, уничтожать пути, чтобы, увеличив разруху, усилить голод и тем поднять малосознательные массы против Советской власти.

Они пытаются проникнуть в ряды Красной Армии, чтобы помешать отправке частей на фронт и ослабить фронт революции.

Но рабочий класс России, напрягая усилия для последней и усиленной борьбы, сумеет отличить клевету от истины, и все защитники Советской власти будут бдительны и осторожны и сохранят твердость духа.

Пусть помнят враги Советской власти, что великодушие восставшего рабочего класса может быть исчерпано и карающий меч революции может опуститься на головы изменников и всех пособников контрреволюции.

ЧК, поставленная волей Советской власти на страже революции, предупреждает всех врагов рабочего класса, что во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв от взрывов и погромов, во имя спасения завоеваний Октябрьской революции она беспощадной рукой подавит всякие попытки к восстанию и заглушит призывы к свержению Советской власти».

Конечно, Москва не могла не учитывать потенциальную опасность, исходившую со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь — со стороны РОВС, стратегической целью которого являлось вооруженное выступление против советской власти.

В Положении о закордонном отделении Иностранного отдела (ИНО) ГПУ, утвержденном 28 июня 1922 года, указывались следующие первоочередные задачи советской внешней разведки в порядке их приоритетности:

— выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против наше страны;

— установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

— освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их экономическом положении;

— добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

— контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей. По этому поводу В. И. Ленин высказался определенно:

> *«Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».*

Всякая революция всегда обязана себя защищать. К сожалению, наша революция, породившая сверхдержаву под именем СССР, по вине переродившейся партийной верхушки в партократию, а скорее в плутократию, не смогла защитить ни себя, ни народ, ни государство в смутное время 1991 года.

Она перешла в свою диаметральную противоположность — контрреволюцию, результатами которой воспользовались те, кто был близок к новым рулевым России, ставшей обломанной по краям, униженной верхами, обобранной новыми хозяевами через залоговые аукционы и в ходе преступной ваучеризации.

Вся беда в том, что Советской власти, как таковой, не было уже в конце 90-х, а была партийная власть, надоевшая людям двойными стандартами.

Что-то подобное вырисовывается у нас и сегодня с некоторыми членами партии, которая «забронзовела» и

постепенно перерождается с вектором движения на Запад, не говоря уже о бизнесменах. Так, в Майами у некоторых толстосумов и партийцев, особенно сидящих неприкасаемыми в Государственной Думе, Совете Федерации и областях, как выясняется, имеется многомиллионное недвижимое имущество — дома, виллы, замки и, конечно, счета. Правда, президент в последнее время понял, какие из них могут вырасти «патриоты» России, и повел через правоохранительные органы настоящую борьбу — перед Законом должны быть все равны.

На Западе у них рождаются дети и внуки, автоматически становясь гражданами других стран, там у них на счетах в банках хранятся выведенные через разные «стирки» деньги, там их души, а в России вымя коровки, где они, присосавшись, «дуют» парное молочко и выступают с патриотическими спичами.

В тех же углах прячутся и преступники. Установлено, что квартиры в Майами недавно приобрели владелец компании, некачественно положивший плитку в Москве, а также фигурант истории с обманутыми дольщиками и т. д. Как же все это мерзко и гадко!

Народ России надрывается, таща в предкризисных экономических санях практически посуху отсталую промышленность Отчизны, обираемой налогами и разворовываемой коррупционерами и открытыми ворюгами. Российские налогоплательщики отдали большие деньги на роскошно отстроенные Грозный, села и города Чечни. Кадыров их получает не от «Аллаха», как утверждает, а от тружеников других регионов, а проще — из тощей государственной казны.

Правда, сегодня обстановка несколько изменилась — Кремль почувствовал народное неприятие своей недавней политики заигрывания с Западом в ущерб России. А с событиями на Украине со стороны ее «защитников» — США и ЕС — санкции, больно ударившие по экономике России. И вот уже «патриотами» стали даже некоторые либералы. Надолго ли?

* * *

Суть термина «контрреволюция» по УК РСФСР от 1926 года в ст. 58.1 определялась так:

> *«Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основании Конституции Р.С.Ф.С.Р. Рабоче-Крестьянского*

Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п.

Контрреволюционным признается также и такое действие, которое, не будучи непосредственно направлено на достижение вышеуказанных целей, тем не менее, заведомо для совершившего его, содержит в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции».

В этом ключе действовали органы разведки и контрразведки в системе ВЧК — ГПУ — ОГПУ того времени, возглавляемые Дзержинским и Менжинским.

Борьба между Троцким и Сталиным за престол после смерти Ленина обострилась до предела. Сторонники каждого политика обвиняли друг друга чуть ли не в предательстве интересов рабочего класса — пролетариата с целью построения тоталитарного государства, характеризующегося открытой диктатурой.

Феликс Эдмундович Дзержинский, 20 июля 1926 года выступая на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), ярко и страстно бросал в лицо троцкистам конкретные факты, вскрывающие антигосударственную сущность оппозиции, жаждущей только одного — власти и только власти. В зале сидело много сторонников Троцкого. Они топали ногами, свистели, орали, мешая выступлению наркома. Вдруг поднялся с места Каменев и крикнул:

— Вы четыре года нарком! А дел особых не видно. А я только четыре месяца…

— А вы будете сорок четыре года и никуда не годны, потому что вы занимаетесь политиканством, а не работой. И вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя никогда… Я никогда не кривлю душой. Если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них.

Он не щадил себя никогда — умер на боевом посту.

Можно предположить, если бы он, с его прямотой в характере, дожил до 1930-х годов, то не ужился бы с «непорядками» и наверняка пополнил бы список расстрелянных.

Сталин через ИНО ОГПУ, а потом НКВД повел не столько жесткую, сколько жестокую борьбу с троцкистами как внутри СССР, так и за его пределами. Наиболее активных троцкистов,

даже достаточно известных в определенных международных кругах, в ИНО НКВД проводили по делам, имевшим кодовое обозначение «хорьки». Их арестовывали, судили, давали большие сроки лишения свободы, а зачастую просто расстреливали.

Место Дзержинского занял первый заместитель председателя ОГПУ — Вячеслав Рудольфович Менжинский, достаточно подготовленный работник. Он обладал широким общекультурным кругозором и мог бы стать выдающимся ученым своего времени или замечательным педагогом — ему были присущи душевная щедрость, талант воспитателя, личное обаяние. При немногоречивости, скромности, иногда даже застенчивости, он обладал умением расположить к себе самых разных людей.

По поручению Коллегии ОГПУ В. Р. Менжинский написал приказ — обращение ко всем чекистам в связи со смертью Ф. Э. Дзержинского, где призвал коллег теснее сомкнуть ряды в борьбе с контрреволюцией.

Надо отметить, что в годы существования органов ВЧК, ГПУ и ОГПУ они принесли немало огорчений любителям шпионажа и диверсий на территории нашей страны. Как мыльные пузыри лопались тщательно отработанные планы экономического вредительства через «крыши» германской разведки в лице фирм «Кестер», «Сименс — Шуккерт», «Всеобщая электрическая компания».

Потерпела фиаско шпионская деятельность английского концессионера Уркварта с разоблачением нескольких британских агентов — всего 26 шпионов, а также немецкая террористическая затея проникнуть в СССР под видом делегации «ученых».

Были обезврежены уже упоминаемые эсер — террорист Борис Савинков, английский шпион Сидней Джордж Рейли и кровавый атаман Борис Анненков.

Что касается Уркварта, то он в 1921 году перед своим отъездом в Советскую Россию созвал общее собрание акционеров Русско-азиатской корпорации, на котором в обширном докладе развивал мысль о возможности вредительства.

В кабинетах на Лубянке зарождались планы выманивания из-за рубежа и поимки крупных и активно действующих против СССР деятелей антисоветского зарубежья. Именно здесь разрабатывались подходы к ним, намечались и инструктировались участники операций, которым предстояло действовать в других странах.

Благоприятной почвой для проведения упреждающих действий против белоэмигрантских организаций и РОВС как головной антисоветской организации была разведывательная

работа органов ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД.

На одном из расширенных совещаний с членами коллегии ГПУ и руководителями КРО Дзержинский сообщил очередную новость о том, что, по поступившим проверенным данным внешней разведки, в Париже 1 сентября 1924 года создан орган со шпионско-диверсионной и антисоветской направленностью.

— Русский общевоинский союз, так его назвали белые, — подчеркнул председатель ГПУ, — возглавил Врангель. Думаю, в его руководство войдет весь битый нами белый генералитет и политики царского и Временного правительств. Наша задача — внимательно отслеживать развитие этой организации и сразу же подключиться к изучению ее планов. Нам с вами нужно знать каждый шаг противников Советской России, их методы, силы и средства. Я знаю, кое-какие позиции у нас уже есть в Париже. Сейчас наши возможности надо развернуть в сторону изучения РОВС…

С уходом Дзержинского заместивший его Менжинский достойно в понимании Советской власти пронес эстафету борьбы с активистами белого зарубежья, продолжившими сражаться после Гражданской войны теперь на незримом фронте. Он был беспощадным врагом трафарета, штампа, старых, изживших себя методов в работе. Его живой ум ненавидел упрощенчество, поверхностный подход к решению нередко сложных вопросов в разведке и контрразведке. Он такой изъян считал злом, похожим на темноту и холод, не раз говоря, что это вроде холода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, которая наступает, когда нет света.

В 1933 году под его руководством была разгромлена разветвленная шпионско-диверсионная организация, действовавшая под прикрытием английской фирмы «Метро — Виккерс».

* * *

Период середины 1920 — конца 1930-х годов характеризуется активизацией советских спецслужб по ликвидации за границей лиц, опасных для Кремля. Служба акций ОГПУ — НКВД Ягоды, Ежова и Берии проводит серии актов физического устранения врагов Советской власти. «Рука Москвы» достает, казалось, даже тех, кто прятался за каменной стеной благополучного Запада. Об этих операциях нашей разведки за рубежом отечественные газеты практически не писали в силу особой секретности деяний.

Остановлюсь на действиях чекистской агентуры по двум

случаям работы: против Симона Петлюры (1879–1926) и Льва Седова (1906–1938) — старшего сына Троцкого.

Симон Петлюра — создатель Директории Украинской Народной Республики, главнокомандующий войсками Директории, 14 декабря 1918 года взявшими Киев и свергнувшими власть Скоропадского.

После заключения советско-польского перемирия 12 октября 1920 года и поражения, нанесенного Красной Армией украинским войскам в ноябре 1920 года, Петлюра эмигрировал в Польшу, а впоследствии во Францию.

Не получив поддержки со стороны Англии и Франции, Петлюра, в отличие от Юзефа Пилсудского в Польше, так и не смог выполнить миссию общенационального лидера — создателя жизнеспособного Украинского государства.

Михаил Булгаков вообще считал, что влияние Петлюры на массы было настолько незначительное, будто и вовсе его не было на Украине как политического деятеля. Это был какой-то фантом.

> *«— Ну так вот что я вам скажу: не было. Не было! Не было этого Симона вовсе на свете… Просто миф, порожденный на Украине в тумане страшного 1918 года».*

Связь с потусторонним миром подчеркивается в булгаковском романе и номером камеры, из которой его освободили в начале 1918 года, что навлекло несчастье на город. Номер этот — 666, число «Зверя», связанное в Апокалипсисе с антихристом.

В конце булгаковской «Белой гвардии» говорилось, что «… только труп и свидетельствовал, что Петлюра не миф, что он действительно был…».

Это свидетельство французские газетчики обнаружили только в полдень 25 мая 1926 года, когда еврей Шолем Шварцбард на улице Расина всадил из револьвера семь пуль в незадачливого Верховного атамана.

Споры о законности и справедливости такого решения не затихают до сих пор.

Кстати, через года суд присяжных в Париже объявил Шварцбарда невиновным в убийстве, тем самым признав, как писал Юрий Финкельштейн, совершенное им не уголовным преступлением, а актом возмездия за еврейские погромы, а по существу малый холокост, ставший прелюдией большого холокоста всеевропейского масштаба.

Адвокат Шварцбарда Анри Торрес на процессе обнародовал данные, что пятнадцать родственников подсудимого, включая родителей, были убиты на Украине петлюровцами.

Кто же такой Шолем Шварцбард?

Родился он в 1888 году на территории Российской империи в городе Измаиле. Учился в хедере (еврейской религиозной начальной школе), освоил профессию часовщика. Жил в столице Австро-Венгерской империи — Вене, где в 1908 году был осужден на 4 месяца за взлом денежного сейфа в магазине. В 1910 году он уже оказался в Париже, открыл часовую мастерскую и женился. Во время Первой мировой войны служил во французском Иностранном легионе.

Осенью 1917 года он вместе с женой и еще несколькими русскими на теплоходе «Мельбурн» вернулся в Россию, где развил бурную деятельность как адепт большевизма.

В 1918 году участвовал в боях против банд атамана Григорьева и «казацких войск» Петлюры, устраивающего еврейские погромы. Потом, в 1920 году, он оказался снова в Париже.

Как писал Андрей Иванович Яковлев, известный украинский общественно-политический деятель, историк права, педагог, профессор, дипломат и глава правительства УНР в изгнании (1944–1945), Шварцбард не такой уж «беленький и пушистый». Его пистолетом водила «рука Москвы» в лице некоего Михаила Володина. Автор не называет его чекистом, скорее агентом Москвы. Хотя суть от этого не меняется. Нельзя исключать, что это имя было псевдонимом.

Володин впервые в Париже появился в 1925 году. Потом на несколько месяцев исчезает. В январе 1926 года он вновь появляется во французской столице и знакомится со Шварцбардом и, по его признательным показаниям на суде, встречается с ним почти каждый день.

Следует заметить, что в те дни с февраля 1926 года агентура советской внешней разведки в Париже и те, кто жаждал активной помощью Москве получить право на возвращение в новую Россию, начали настойчивый поиск места проживания Симона Петлюры в Париже.

В исторической литературе есть данные, что в мае 1926 года Михаил Володин с каким-то товарищем пытались попасть на съезд украинских эмигрантских организаций, но не смогли достать пропуска. Не исключено, что этим «товарищем» был его новый знакомый Шолем Шварцбард, который уже в апреле установил место жительства своей будущей жертвы и ходил за ней по пятам, изучая маршруты движения и образ жизни.

Дабы не фантазировать обстоятельства, предшествующие убийству Петлюры, обратимся к объяснениям Андрея Яковлева, который утверждал, что утром агентура советской разведки

находилась около дома, где жила жертва:

> *«Как только увидели они, что Петлюра вышел из дома один обедать, тут же дали знать Володину, и ктото из них вызвал по телефону Шварцбарда.*
>
> *Шварцбард, выйдя в соседний магазин к телефону, вернулся домой и через короткое время выбежал из дома, в чем стоял, в белой рабочей блузе, без шапки, не захотев позавтракать, хотя завтрак, как призналась жена его, уже готовый стоял на столе.*
>
> *От бульвара Менильмонтан, где жил Шварцбард, до ресторана на рю Расин, где обедал Петлюра, всего полтора-два километра, и можно было проехать по подземной железной дороге, но с пересадкой, за 25–30 минут. В час дня Шварцбард уже был на рю Расин. Здесь его встретил Володин, передал ему, что С. В. Петлюра находится в ресторане — получил от него письмо для пневматической почты (это вид системы перемещения по особым трубопроводам как почты, так и небольших грузов под действием сжатого или разреженного воздуха, широко применяемой в начале XX века. — Авт.), в которое Шварцбард тут же карандашом дописал, что «его акт должен сегодня завершиться», и стал ждать завершения акта.*
>
> *А когда убийство было совершено и Шварцбарда арестовали, в 2 часа 15 минут, тогда Володин отправился к почтовому бюро возле Отель-де-Виль и опустил там письмо…*
>
> *Таким образом, пневматическое письмо было еще одним неопровержимым доказательством близкого участия Володина в убийстве С. В. Петлюры…»*

Но есть и другая версия, озвученная доктором исторических наук А. Пыжиковым. В его трактовке Шварцбард подошел к человеку, стоящему у витрины книжного магазина на улице Расина, и спросил:

— Вы господин Петлюра?

Любитель книг ничего не ответил, но приподнял трость, то ли собираясь дать утвердительный ответ, то ли защищаясь.

В следующий момент не известный Петлюре человек выхватил револьвер и выстрелил пять раз практически в упор в свою жертву. К стрелявшему тихо подошел полицейский и спросил:

— Довольно? Убийца ответил:

— Да!

— Тогда отдайте мне револьвер, — так же спокойно потребовал полицейский, что Шварцбард безропотно сразу же сделал.

— Я убил большого убийцу! — вскричал Шварцбард. На следствии он признался:

— Когда полицейский сказал мне, что Петлюра мертв, я не смог сдержать своей радости. Я подскочил и бросился ему на шею.

Вот так закончилась операция по физическому уничтожению врага СССР Симона Петлюры.

Что касается самого процесса, то он превратился из уголовного в политический. Из обвиняемого убийца вырос в обвинителя, а Петлюра из жертвы превратился в виновного в кровавых еврейских погромах. Но для этого нужны были деньги и силы, которые приобретались опять же на деньги. Так, по инициативе видного деятеля сионизма Лео Моцкина был создан специальный Комитет по защите Шварцбарда.

Свидетелями обвинения убийцы выступили генералы УНР Павел Шандрук и Николай Шаповал, дипломат Александр Шульгин. Письма поддержки прислали еще два генерала УНР — Михаил Омельянович-Павленко и Всеволод Петров.

На слушании дела адепты Петлюры зачитали 20-страничный доклад о причастности Шварцбарда к агентуре ГПУ СССР.

На суде выступило 126 свидетелей. Они говорили об ужасах еврейских погромов на Украине, которые, по их утверждениям, якобы были спланированными акциями властей.

Председатель Еврейской комиссии по расследованию погромов 1918 года в Киеве Мойше Гольдштейн утверждал, что ни до, ни после диктатуры Петлюры массовые погромы на Украине не происходили.

Тело Петлюры было захоронено на кладбище Монпарнас в Париже.

А что касается Шварцбарда, то он завершил свой жизненный путь в 1938 году в Кейптауне (ЮАР). Однако его прах в 1967 году был перезахоронен в Израиле, в мошаве — одной из сельскохозяйственных общин под названием Авихайиль.

Итак, оба героя нашей истории давно мертвы, но память о них и их делах жива и присутствует на двух рокадах — политической и культурной как на Украине, так и в Израиле. Самое главное, что эти параллельные пути в пику геометрии иногда пересекаются, и начинается рубка идей. Значит, исторический процесс выяснения истины до сих пор продолжается, а версии — всего лишь индивидуальная констатация факта…

* * *

Другой операцией ИНО НКВД была охота на «хорьков» — как уже говорилось, политически активных троцкистов. Одним из них был старший сын мотора революции Л. Троцкого — Лев Седов, взявший фамилию матери.

Когда в 1928 году Льва Троцкого сослали в Казахстан, а в 1929 году выслали из СССР, он не только последовал за отцом, но и был его верным помощником. Вместе с ним он жил в Турции и Франции, где с 1929 года редактировал «Бюллетень оппозиции». А когда в 1935 году правительство Франции потребовало покинуть страну и перебраться в Норвегию, Седов остался в Париже, приняв на себя издание «Бюллетеня», а также основную роль по координации деятельности разрозненных групп приверженцев его отца.

Но вот через год Лейбу Троцкого попросили и руководители Норвегии, и он перебрался в Мексику. Лев Седов остался в Европе. В связи с этим значение отпрыска в среде троцкистов многажды возросло, поэтому Кремль через ИНО НКВД ни на минуту не терял его из виду.

Так, бывший начальник 1-го отдела ИНО Яков Исаакович Серебрянский, ставший руководителем спецгруппы по борьбе с «хорьками», вместе с нелегалом Б. Афанасьевым и агентом последнего «Томасом», которому удалось войти в доверие ко Льву Седову и получить требуемую информацию, стали готовить соответствующую операцию.

Где-то в конце 1936 — начале 1937 года квартиры Седова и его ближайших коллег в результате проведения оперативно-технических мероприятий были оборудованы средствами слухового и визуального контроля.

Но самым активным негласным помощником нашей разведки в работе по Седову являлся агент Марк (Мордка) Зборовский, выступавший под оперативными псевдонимами «Тюльпан», «Кант», «Мак» и другими. Осуществил его вербовку летом 1933 года сотрудник ОГПУ А. С. Адлер. О глубине внедрения агента в логово троцкистов говорит текст телеграммы в Москву:

> *«Как мы Вам сообщили, источник «Мак» стал работать в «Международном секретариате» троцкистов, где служит также жена сына Троцкого. В процессе работы источник подружился с женой сына Троцкого, результатом чего явился перевод источника в русскую секцию в качестве как бы личного секретаря сына.*
>
> *В настоящее время источник встречается с сыном*

чуть ли не каждый день. Этим самым считаем выполненной Вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого».

Возможности Зборовского позволяли читать переписку Троцкого и Седова, а также рукописи еще не опубликованных антисоветских статей, что Сталин высоко оценивал. Кроме того, через некоторое время агент получил список адресов многих адептов мексиканского отшельника, организовал ограбление архива Троцкого в Париже, а также ежедневное получение сведений о деятельности троцкистов по организации Четвертого Интернационала, которой непосредственно занимался Седов.

Сталина встревожило донесение «Мака» о том, что в одной из бесед Седов заявил ему о необходимости проведения террористических акций, в частности, по организации убийства хозяина Кремля, так как «режим в СССР держится на Сталине, и достаточно убить его, чтобы все развалилось».

После того как Москве стало известно, что в 1937 году Седов приступил по указанию Троцкого к работе по созыву Учредительной конференции Четвертого Интернационала, которая должна была открыться летом следующего года в Париже, НКВД поручило внешней разведке в лице ИНО похитить Седова. Проведение данной операции поручили Якову Серебрянскому. Был составлен детальный план с двумя вариантами вывоза Седова в Москву — кораблем или самолетом.

Но, как говорится, мы предполагаем, а бог располагает. Седов 16 марта 1938 года в возрасте 32 лет скончался в результате осложнений после проведенной операции по удалению аппендикса. Операция Седова проходила в русской клинике, куда он лег по рекомендации Зборовского.

В СССР всегда отвергали причастность НКВД к гибели Седова. Но вот в книге О. Царева и Дж. Костелло «Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, «сталинского мастера шпионажа» есть ссылка на показания чекиста — разведчика Шпигельгласа, где он утверждает:

«В первой половине 1938 года в Париже естественной смертью умер Седов. Я позвонил об этом Ежову. Он ответил: «Зайдите» и, когда прочел телеграмму, сказал: «Хорошая операция. Вот здорово мы его, а?»

После этого по заданию Сталина началась охота и отстрел «хорьков» на всех континентах, где были возможности у НКВД. Подробности этих операций не в планах этого повествования, но есть смысл назвать некоторые жертвы: Рудольф Клемент, Георгий

Агабеков, Дмитрий Навашин, Андреас Нин, Марк Рейн, Камилло Бернери, Франциско Барбиери, Альфредо Мартинес, Ганс Давид Фройнд, Эрвин Вольф, Курт Ландау, Натан Рейсс, Михаил Гурин и многие другие.

Практически организованный троцкизм в той форме, в какой он готовился стать после очередного Интернационала, был напуган акциями Кремля и разгромлен.

Не суди, да не судим будешь!

Гибель Кутепова

Как уже говорилось выше, после смерти в 1928 году основателя РОВС генерала Врангеля великий князь Николай Николаевич Романов назначил генерала Кутепова председателем Русского общевоинского союза. Александр Павлович Кутепов (1882–1930) родился в городе Череповце в семье лесничего. Отец его происходил из потомственных дворян Новгородской губернии. После окончания Архангельской классической гимназии Павел поступил в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище. Учеба ладилась. Служба ратная нравилась. Вышел он из него в 1904 году в звании подпоручика.

Определили молодого специалиста в 85-й пехотный Выборгский полк, готовившийся отправиться на Дальний Восток воевать с японцами. Вскоре в эшелоне его часть прибыла на фронт и практически «с колес» атаковала японские позиции. В боевых столкновениях офицер Кутепов зарекомендовал себя смелым и рассудительным командиром, за что получил три высоких ордена: Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

По приказу командования 1 октября 1905 года А. П. Кутепов был откомандирован в Новгород для обучения молодых солдат. Через год его прикомандировывают к лейб-гвардии Преображенскому полку. В 1907 году он получает звание поручика, в 1911-м — штабс-капитана, в 1914-м — командир 4-й роты лейб-гвардии Преображенского полка, с 1915-го — капитан, в 1916 году на должности командира 2-го батальона полка он получает звание полковника. За боевые заслуги за бой 27 июля 1915 года у деревни Петрилово он получит орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени с награждением его Георгиевским оружием.

Вот как описывал писатель С. Ю. Рыбас действия Кутепова в том сражении:

> *«Тяжелые орудия германцев крушат оборону преображенцев. С ужасным скрежетом, будто по небу прет железнодорожный состав, бьют тяжелые снаряды. От передовой 3-й роты остается один взвод. Немцы идут в атаку и начинают охватывать левый фланг полка. Кутепов со своей 4-й стоит в батальонном резерве и все это видит. Но нет приказа действовать. 3-я рота погибает. Еще несколько минут — и будет поздно.*

— Вперед, ребята! — командует капитан и бросается в контратаку. Немцы уже захватывают окопы. Кутепов успевает в центре позиции опередить их. Воздух шевелится от пуль. Но никому не страшно. Смерть вплотную подступает к нему, уже заносит над ним свою косу. А капитан будто ослеплен. Что-то бьет его слева в пах, опрокидывает на землю. Подбегают санитары. Он ранен. Его кладут на носилки, собираются унести.

— Опустите! — велит Кутепов. Ему больно. Он зажимает рукой пах и другой рукой указывает на занятые противником окопы. Там еще надо помучиться. Бой продолжается. Немцев выбивают штыками…

Ура! Окопы очищены! Сейчас его поднимут и понесут. Несут. Он еще на что-то надеется, но нет, чудес не бывает. Он ранен, рана тяжелая… Полегло две трети роты. Но прорыв закрыт. Позиция за нами».

Во время сражений с германцами он был трижды ранен. В период революционных февральских событий Кутепов находился в Петрограде. Прибыл в столицу по делам службы и оказался, как говорится, «из огня в полымя». В ночь на 27 февраля восстал запасной батальон Волынского полка.

Армейский мятеж возглавил некий унтер-офицер Кирпичников. Командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов, доведенный до белого каления восставшими, приказал полковнику Кутепову организовать отряд и выжечь каленым железом крамолу в войсках — разогнать восставших. Но к утру того же дня он понял, что войска отказались повиноваться. «Заволынили» солдаты Литовского полка.

— Господин полковник, берите тысячу надежных гвардейцев из запасного полка и разбейте толпу, скопившуюся на пространстве от Литейного моста до Николаевского вокзала, — скомандовал генерал.

— Есть, — коротко отрапортовал полковник, взяв под коротенький козырек фуражки, туго натянутой на бритую квадратную голову. Но когда он повел отряд на толпу, в которой было больше военных, чем гражданских, понял: он может сесть в калошу, так как шинели многих украшали красные банты.

— Куда вы прете против своих, — закричал кто-то из толпы.

Гвардейцы остановились. И тут по ним из переулков и домов был открыт беглый винтовочный огонь. Потом застрочил пулемет. Стали падать замертво и ранеными на мостовую верные ему солдаты.

— Ваше высокоблагородие, вперед мы не продвинемся, надо отступить… Надо назад, — кричал с перекошенным от страха лицом один гвардеец.

— За мной, отступаем к особняку графа Мусина-Пушкина, — спокойно скомандовал, несколько побледнев, Кутепов.

Отряду приходилось отстреливаться, держа фронт вкруговую. Но его косил свинцовый ливень с крыш и подворотен. Благо восставшие били по фонарям, поэтому в городе стало темно. Лишь на Литейном полыхало зарево от костров. Вокруг них бегали размытые тени восставших. И тут под покровом темноты полковник Кутепов заметил, что отдельные его гвардейцы, хрипло матерясь, стали перебегать на сторону восставших.

«Это измена… Неужели на стране поставлен крест? — спрашивал себя полковник, и тут же отвечал: — За Россию надо с германцем драться на поле боя, а не тут убивать друг друга из-за дурмана политического».

Сегодня такой дурман политический мы видим на Украине.

* * *

Полковник покинул Петроград 27 апреля 1917 года и вернулся на фронт, где принял под свое командование Преображенский полк, который по приказу Временного правительства вскоре был расформирован. Приказ о ликвидации как боевой единицы Кутепов подписал сам, чем спас старинное полковое знамя Русской императорской армии.

Затем он подался на Дон. Там вступил в Добровольческую армию. Его сразу же назначают начальником Таганрогского гарнизона, где он ведет ожесточенные бои с красными. Потом участвует в изнурительном Ледяном походе. В конце концов, штурмует Екатеринодар, где 12 марта 1918 года гибнет в атаке командир Корниловского ударного полка полковник М. О. Неженцев. Его сменяет А. П. Кутепов, а после гибели генерала С. Л. Маркова встал во главе 1-й пехотной дивизии. Во время взятия белыми войсками Новороссийска он назначается Черноморским военным губернатором, где получает звание генерал-майора. Его жесткие действия по наведению порядка вызывают критику даже в среде сослуживцев.

Летом 1919 года во время проведения Харьковской операции был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром корпуса при походе Добровольческой армии на Москву. В марте 1920 года с корпусом, в который входили вполне боеспособные дивизии — Корниловская, Марковская, Дроздовская и

Алексеевская, прибыл в Крым, где был назначен генералом бароном П. Н. Врангелем командиром 1-го Армейского корпуса в составе Русской армии.

После эвакуации белых в турецкий городок Галлиполи назначается помощником главнокомандующего. И здесь он проявил себя ревностным сторонником армейского порядка, граничащим с жестокостью. В изданном им приказе говорилось:

> *«Для поддержания на должной высоте доброго имени и славы русского офицера и солдата, что особенно необходимо на чужой земле, приказываю начальникам тщательно и точно следить за выполнением всех требований дисциплины.*
>
> *Предупреждаю, что я буду строго взыскивать за малейшее упущение по службе и беспощадно предавать суду всех нарушителей правил благопристойности и воинского приличия».*

О жесткости Кутепова против нарушителей воинской дисциплины говорит такой факт. Будучи командиром корпуса, он точно в срок привел свое войско и прибыл сам на станцию Иловайская для встречи главнокомандующего Деникина. На платформе выстроились части, собралось местное начальство. Приезд важного военачальника привлек много любопытных офицеров и солдат, не принимавших участия в парадной церемонии. Вдруг Кутепов услышал какой-то шум в войсковой коробке. Оказалось, неизвестный казак, пытаясь поближе рассмотреть Деникина, захотел протиснуться в переднюю шеренгу. Стоявший тут же офицер остановил любопытного. В ответ казак обматерил офицера, а потом локтем ударил его в грудь.

Кутепов находился недалеко и, увидев картину потасовки, в одно мгновение оказался возле офицера и казака.

— В чем дело? — багровея от возмущения, рявкнул генерал, понявший суть проступка. Его всегда с прищуром смотревшие глаза еще уменьшились от негодования.

— Ваше превосходительство, я остановил казака, нарушавшего порядок… строй. Он стал протискиваться вперед. В ответ на мои действия он меня обругал, а затем ударил.

— Арестовать! — громко и внятно прозвучало приказание командира корпуса.

Юнкера стали выводить высокого, крупного казака из толпы. Они ему были по плечо. Понимая, что его тут же могут расстрелять, он, выйдя из толпы, вырвался из их объятий, разбросал стражу и дал деру. Вслед ему раздались несколько

винтовочных выстрелов. А казак юркнул под колеса вагона одного состава, потом второго и скрылся.

— Шляпы! — махнув рукой, бросил в сторону оторопевших юнкеров генерал Кутепов и спокойно вернулся на отведенное ему для встречи с Деникиным место.

Таков был Кутепов.

Потом судьба его провела дорогами Болгарии и Греции, Сербии и Франции. Остановившись в Париже, он вошел в руководство РОВС, а затем и возглавил его…

* * *

Летом 1929 года руководство ОГПУ вошло в ЦК партии с предложением похитить и вывезти в Советский Союз генерала А. П. Кутепова, активизировавшего диверсионно-террористическую деятельность на территории СССР. Вывезти для последующего суда. Это предложение утвердил Сталин на заседании партийного штаба…

В кабинете Менжинского шло обсуждение и отработка конкретных пунктов плана операции по «нейтрализации» Кутепова. Присутствовали кроме шефа ОГПУ еще трое: начальник ИНО ОГПУ Меер Абрамович Трилиссер, начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ Яков Исаакович Серебрянский и заместитель начальника КРО ОГПУ Сергей Васильевич Пузицкий.

В тот день Вячеслав Рудольфович чувствовал себя неважно из-за обострения давней болезни, но не подавал виду. Вошедшие на доклад понимали въедливый стиль работы своего начальника как беспощадного врага трафарета и изживших себя методов в работе. Его живой ум ненавидел упрощенчество. Поэтому подготовились основательно.

— Михаил Абрамович — так он обращался к главному разведчику ОГПУ, — думаю, у вас уже окончательно сшит кутеповский план. Доложите основные детали…

Трилиссер кратко изложил контуры предстоящей операции, Серебрянский раскрыл силы и средства, задействованные в организации похищения руководителя РОВС, а Пузицкий остановился на контрразведывательном обеспечении операции в Париже, доставке пленника на корабль, а затем в Москву.

Менжинский остался доволен планом агентурно-оперативных мероприятий своих подчиненных. После этого участь Кутепова была предрешена…

На следующий день Серебрянский с Пузицким выехали в Париж. Помимо сотрудников ОГПУ и агентов-нелегалов в

операции участвовали и французы, среди них были рамочных дел мастер Морис Онель и его брат, владелец автомобильного гаража в Леваллуа-Перре.

Разведчики заранее узнали план работы Кутепова на 26 января 1930 года. В череде своего рабочего дня он собирался в 11:30 посетить Галлиполийскую православную церковь в Париже, на улице Мадемуазель, где должна была состояться панихида по случаю смерти генерала барона Каульбарса. О посещении церкви генерал предупредил жену. Но вечером одним из сотрудников группы Серебрянского ему была передана записка, в которой Кутепову назначалась кратковременная встреча на пути к храму. Поэтому он зарезервировал себе немного времени и за час до панихиды покинул свою квартиру на улице Русселе. Однако до церкви он так и не дошел.

Участники опергруппы Яков Серебрянский, Фриц Янович, Сергей Пузицкий, Лев Гельфанд (племянник известного авантюриста и сообщника Ленина Гельфанда — Парвуса, являвшегося денежным мешком октябрьской революции), и трое французов, переодетых в полицейскую форму, задержали Кутепова якобы для проверки документов.

Кстати, Лев Гельфанд позже стал невозвращенцем и разбогател в США на разных махинациях с недвижимостью. Якову Серебрянскому повезло меньше — он был репрессирован в Советском Союзе во время очередной чистки чекистских органов.

Но вернемся к операции против Кутепова.

Это случилось на углу улиц Удино и Русселе в 7-м квартале Парижа. Взяв аккуратно под мышки, «французские полицейские» предложили ему проехать в полицейский участок под предлогом проверки документов. Но когда генерал оказался зажатым между двумя «стражами закона» и услышал русскую речь, то попытался вырваться.

«Как же по-глупому я попался…» — только успел подумать генерал, как ему на лицо набросили полотенце с хлороформом. Вскоре он затих. Кутепову еще сделали несколько уколов.

Водитель автомобиля притопил акселератор почти до самого пола, машина взвыла из-за больших оборотов, рванулась с места и помчалась в сторону бульвара Инвалидов. За нею неотступно двигалось красное такси с сидящей там группой чекистской поддержки. Кутепов тяжело сопел, потом тело обмякло — больное сердце «добровольца» не выдержало последствий наркоза, и он умер от сердечного приступа.

Поиски пропавшего генерала силами французской полиции и лично начальником контрразведки РОВС полковником Зайцевым положительных результатов не дали. Но через несколько дней

полиция нашла свидетеля этого события. Им оказался дворник местной больницы некий Огюст Стеймец.

Он показал, что утром 26 января около 11 часов утра он увидел в окно большой серо-зеленый автомобиль, возле которого стояли двое рослых мужчин в кремовых пальто, а неподалеку от них — такси красного цвета. Остановленный ими мужчина был посажен в машину и увезен в сторону бульвара Инвалидов. По приметам Зайцев установил, что этим похищенным мог быть только Кутепов. Дальнейшие поиски генерала ничего определенного не дали…

За эту операцию Серебрянского руководство ОГПУ отметило наградой — орденом Красного Знамени.

Длительное время судьба Кутепова оставалась неизвестной, пока в 1989 году не была опубликована информация с другой версией о кончине генерала на советском теплоходе «Спартак» по пути из Марселя в Новороссийск. Согласно этим данным, Александр Павлович Кутепов действительно умер от сердечного приступа вскоре после того как судно прошло Черноморские проливы в 100 милях от Новороссийска. Тело генерала было предано морю.

Но есть еще одна, более углубленная в подтверждение первой версии. Ее довел до журналистов незадолго до смерти один из старейших французских коммунистов по имени Онель. Его родной брат принимал участие в этой операции советской разведки, а потому он точно знал, что Кутепов скончался в машине.

Возник вопрос — что делать? Пришлось везти труп генерала в парижский пригород Леваллуа-Перре, где жил Онель. В гараже его дома вырыли яму, которую потом залили цементным раствором. Проверить эту версию нельзя, так как там, где стоял дом Онеля, сегодня поднялись корпуса многоэтажек.

Советское правительство отреагировало вполне «внятно и понятно». Газета «Известия» от 3 февраля 1930 года писала:

«Эта нелепая история в излюбленном бульварном, детективном жанре специально инсценирована с провокационной целью. «Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук Чека, агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа.

Есть достоверные сведения, исходящие из кругов, имеющих отношение к правым элементам, что «виновниками исчезновения Кутепова являются сами белогвардейцы, а именно та часть

русских белогвардейцев, которая добивалась отстранения Кутепова и замены его своим кандидатом.

Есть и прямые данные, указывающие на то, что Кутепов, отчаявшись в борьбе с этой частью белогвардейцев и не видя другого выхода, решил уйти с политической арены. Он 26 января выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму.

Продолжение французским правительством его тактики пассивности и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует его указке.

Мы вынуждены были со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

В результате столь смелой операции ИНО ГПУ удалось не только на время нейтрализовать РОВС, но и сорвать заброску масштабного десанта на Кубань, который генерал намеревался возглавить лично. А газетный материал — это ширма в подобных случаях любого государства. После кончины Менжинского наркомом внутренних дел стал Генрих Григорьевич Ягода (Енох Гершонович Иегуда) (1892–1938). Возглавил органы госбезопасности с 1934 по 1936 год. Закончил он свой жизненный путь с пулей в затылке расстрельного подвала Лубянки в 1938 году.

Тайны Сержа Лифаря

Сергей Михайлович Лифарь (1904–1986) или «Лифарь из Киева» — так любил величать себя видный представитель балетной школы в Париже, реформатор хореографических постановок, бывший командир в Красной Армии, бежавший во Францию в начале 1920-х годов путем незаконного перехода границы. Где и когда точно он переправлялся через кордон, кто помогал ему в этом деле, до сих пор покрыто мраком.

Известно, что Сергей Михайлович Лифарь родился 2 апреля 1904 года в Киеве в зажиточной якобы дворянской семье. Он называл себя украинцем. Но на Украине мне довелось встречать фамилию Лифаренко. Когда он стал Лифарем или это была его настоящая фамилия — неясно. Отец Сергея служил канцелярским чиновником в департаменте водного и лесного хозяйства. Мать — Софья Марченко имела казацкие корни и была дочерью крупного землевладельца. Она в основном занималась воспитанием четверых деток: дочери Евгении и сыновей Василия, Сергея и Леонида.

Осенью 1914 года Сергей начал учиться в 8-й мужской гимназии и одновременно заниматься в Киевской консерватории по классу скрипки, потом рояля. Нравилось ему и пение. С приближением фронта гимназию, в которой учился Сергей, переоборудовали под госпиталь. Учеников после уроков оставляли помогать медперсоналу, больным и раненым. Это были годы гражданской бойни. Киев стал ареной кровопролитной борьбы между разными политическими силами. То белые наступают, то вдруг красные их теснят, и наоборот. А потом появилось и голодное германское воинство. Голод, холод, воровство, грабежи, аресты, расстрелы…

В августе 1919 года перед отступлением большевиков ученики старших классов были мобилизованы белыми в так называемые отряды «милиции соколов». Когда возвратились красные, отец решил с семьей бежать в глубинку, дабы переждать первый удар мстительности «красного вала». Но оказалось, что никакого вала нет и их никто не ищет, что позволило без страха вернуться в родной город.

Молодого выпускника гимназии скоро призвали в Красную Армию. Для любой армии, в конце концов, нужно пополнение — пушечное мясо. Этого Сергей не понимал, хотя почувствовал, что военное воспитание внедряет отвагу при помощи страха. Как-то один из командиров заметил, что от солдата требуется прежде всего выносливость и терпение, а храбрость — дело второе.

Как образованного и шустрого паренька, Сергея направляют в Школу красных командиров (краскомов). После непродолжительной учебы его назначают сразу командиром роты. Казалось, головокружительная военная карьера ему обеспечена чуть ли не с маршальским жезлом впереди. Но судьба внесла свои коррективы. А как известно, судьбу определяет наш выбор, а не наша удача. И такой выбор неожиданно состоялся.

Однажды в свободное время он с другом попал в студию знаменитой танцовщицы, балетмейстера Брониславы Фоминичны Нижинской — младшей сестры великого маэстро балета, революционера и новатора танца Вацлава Нижинского. Сергея потрясли артисты балета. На сцене он увидел как бы парящих в воздухе артистов, не подвластных земному притяжению. С этого момента, как признавался Сергей, для него открылся новый, волнующий и волшебный мир, — мир красоты и граций. Существующий до этого мир словно перевернулся для него. В дальнейшем он вспоминал:

> *«Я нашел свою возлюбленную, я полюбил ее, только ее одну… все вокруг уже не существовало, померкло перед этой великой радостью любви, — и чувствовал, что всегда желал этой любви, этой возлюбленной — танца, танца-музыки, танца-любви».*

И вдруг на второй встрече он напросился в ученики Нижинской.

— Бронислава Фоминична, я хотел бы научиться так же танцевать, как ваши ученики, — смело выразил свое желание Сергей.

— Я не против, нужно вас посмотреть, — ответила учительница танцев, разглядывая несколько сутуловатого молодого человека.

Первый, да и второй просмотр он провалил, а вот с третьего его зачисли в студию. Самой Нижинской в ходе просмотров он показался каким-то юношей с непропорциональной фигурой. Она даже считала, что у него на спине растет горб.

Но вот что интересно: время неспокойное, он командир роты и… студия балетного танца. Но занятия под руководством Нижинской продолжались недолго. Она отторгала Советскую власть и вскоре покинула Киев, приняв предложение великого балетмейстера Сергея Дягилева, открывшего богиню и бога танца — соответственно Анну Павлову и Вацлава Нижинского — брата Брониславы Фоминичны.

Сергей после этого стал заниматься самостоятельно с утра до ночи. Он находит студию с большим зеркалом и роялем,

музыканта и шлифует основы классического танца. А где же военная служба? Об этом нигде ничего не говорится.

Тайна? Может быть…

* * *

Через некоторое время Бронислава Нижинская прислала в свою бывшую студию телеграмму, в которой она просила направить в Париж пять лучших учеников для пополнения всемирно известной дягилевской труппы «Русские балеты». Сергей настолько «заболел» танцевальной учебой, что решил бежать во Францию. Это был единственный шанс попасть к учителям-профессионалам.

Под покровом ночи он тайно перешел госграницу и добрался до Парижа. По другим данным, при преодолении конкретного участка границы Сергей Лифарь был замечен пограничниками, обстрелян, в результате чего получил якобы легкое ранение. Вот почему его первый пробный танец не понравился Дягилеву, — может быть, сказались последствия ранения? Потом он доказал, что способен на что-то большее.

Упорные репетиции, тренинг, фанатическая влюбленность в балет дали свои прекрасные всходы. В апреле 1923 года состоялся его первый выход на сцену Гранд-Опера. Роль Борея в балете «Зефир и Флора» он исполнил на такой высоте в прямом и переносном смысле, что публика наградила его бурными аплодисментами. Антрепренер Сергея Дягилев был доволен исполнителем — он не ошибся в выборе! Этот дебют Серж Лифарь опишет потом так:

> *«Я так боялся выходить на сцену, что полностью оцепенел и не в состоянии был шагу ступить… Как только я оказался на сцене, странное чувство родилось во мне, и меня точно подменили, словно я стал другим, не собой, а легким, волнующе героическим».*

Дягилев посылает его учиться в Италию к знаменитому педагогу Энрико Чекетти.

Он быстро рос профессионально. Со временем он стал ведущим артистом и получил право исполнять главные партии в лучших балетах труппы.

В 1929 году умирает Сергей Дягилев — человек, много сделавший для становления Лифаря как артиста высочайшего уровня. Он руководил его эстетическим воспитанием, заботился о нем, помогал «лепить себя» как творческую индивидуальность…

После смерти маэстро Лифарь возглавил балет Парижской оперы, совместив сразу три должности: главного балетмейстера, хореографа и ведущего танцовщика, ставшего, по меткому выражению Поля Валери, «поэтом движения». Молодость, одержимость и смелость внушили ему мысль, что он справится с этими тремя функциями…

А известный театральный критик того времени Плещеев по поводу танца артиста в балете «Икар» описал свои ощущения и восприятие действа на сцене:

> *«И вот взмах крыльев, и на сцену влетела невиданная чудо-птица… Птица — Лифарь. Это не танец, не пластика — это волшебство. Мне упрекнуть, что это не критика. Критика заканчивается там, где начинается очарование… «Икар» — это эпоха, это синтез всего его творчества, это как будто предельная черта».*

* * *

После смерти своего выдающегося наставника Лифарь в Гранд-Опера ставит несколько хореографических постановок. Первой был балет «Творение Прометея» на музыку Людвига ван Бетховена. Этот танцевальный спектакль принес Сержу (теперь его так величают — по имени) ошеломляющий успех, породивший сразу же рой завистников в самом театре. Как говорится, о секретах успеха увереннее всего рассуждают неудачники. Успех делает нас нетерпимыми к неудаче, а неудача заставляет быть нетерпимыми к успеху. Чужой успех — самая большая угроза для любого артиста или писателя. Многие из числа его «друзей-неудачников» шептались: «Его успех — дело чистого случая». Но почему-то случайность стала перерастать в закономерность.

Свидетельством того стал ряд хореографических постановок: «На Днепре» (1932), «Икар» (1935), «Александр Великий» (1937), «Давид триумфатор» (1937), «Жоан из Царисы» (1942), «Болеро» (1944), «Рыцарь и девушка» (1947) и другие.

О его реформаторских наклонностях говорят такие деяния.

Он задумал и поставил абсолютно новый, необычный балет, в котором отказался от оркестра с классической музыкой. Он заменил его только ударными инструментами, создававшими особый ритм для танца.

По его указанию в зале и ложах стали гасить традиционно горевшие лампы.

Это он сделал ради зрителя, которым свет мешал лицезреть в деталях действа танцоров. Заставил считаться с нормальным зрителем так называемых завсегдатаев, которые вели себя неприлично, пренебрегая всеми нормами поведения.

Восстановил и уравнял в правах чисто мужской танец, учредил «балетные среды», когда один день в неделе в Гранд-Опера отдавался исключительно балетным спектаклям, и др. По воспоминаниям Александра Бенуа:

> *«Его искусство восхищало. Он был первым танцовщиком двадцатого века, все остальные придерживались эстетики девятнадцатого. Меня ослепила его красота, дивные мускулы и такой размах, порыв танца. Мне было всего 13, когда я впервые увидел его на сцене в роли Александра Великого, и я был потрясен. Позже в разных странах я видел некоторые балеты, которые ставил Лифарь. Но это уже жалкие подделки. В его же пластике были важны детали внутри пластического текста, благородная манера, акценты, движения музыки, на которые откликается тело. Особая точность деталей и создает стиль, не так ли? Балеты с участием Лифаря сейчас мне кажутся сном».*

Лифарь встретил 1939 год несколько иначе, чем писали о его поведении журналисты. Он ждал 1941-го — нападения на СССР после поражения Польши и Франции. Он мечтал вернуться в Киев, полагая, что советский строй рухнет под натиском германских полчищ и Россия, таким образом, избавится от кровавого большевизма. Будучи по натуре откровенным, он открыто говорил об этом своим немногим друзьям, среди которых были и партизаны из отрядов французского Сопротивления. После разгрома фашистской Германии французские патриоты приговорили Лифаря к смертной казни. Узнав об этом вердикте, он бежит в Монако и там руководит труппой «Новый балет Монте-Карло».

Но после войны Национальный французский комитет по вопросам чистки, «тщательно изучив вопрос о сотрудничестве Лифаря с фашистами, полностью опроверг эти подозрения».

В 1947 году он возвращается в Парижскую Гранд-Опера, где с триумфом прошли его балеты «Миражи» (1947), «Федра» (1950), «Странствующий рыцарь» (1950), «Белоснежка» (1951), «Фантастическая свадьба» (1955) и др.

И возникает вопрос: а может, по заданию ГПУ командир роты был направлен в Париж с рискованным переходом границы и стрельбой? А ранение — было ли оно? Ведь Сталин и де Голль во

время войны являлись союзниками. Не случайно Лифарю было присвоено звание кавалера ордена Почетного легиона, и он был избран ректором Университета танца.

В 1947 году он основал в Париже Институт хореографии при Гранд-Опера. С 1955 года вел курс истории и теории танца в Сорбонне. Он был членом Академии изящных искусств и автором более двух десятков книг о балете и дружил со многими художниками — Бакстом, Бенуа, Пикассо, Кокто, Муроном, Шагалом и другими.

* * *

Одной из многих тайн или фатальных изгибов в жизни Лифаря было то, что он остался в Париже после оккупации немцами французской столицы и ставил балетные постановки в театре. Для этого были нужны средства — большие деньги: плата за аренду здания, жалованье артистам и обслуживающему персоналу, приобретение постановочных деталей, материалов и проч. Кто финансировал все это? По всей вероятности, немцы. Это право надо было заслужить. Однако четкого ответа на этот вопрос до сих пор нет.

Сейчас часть библиотеки Лифаря в количестве 817 единиц хранится в Киеве, в отделе искусства Публичной библиотеки им. Леси Украинки. В дар Украине ее передала жена хореографа графиня Лилиан Алефельд.

Но вернемся к периоду войны. Как писала Л. Трускиновская в статье «Серж Лифарь»:

> *«Ему нравилось, что он был окружен поклонением и лестью, но жил он в скромном отеле в комнате, заваленной книгами…*
>
> *Но были в его судьбе смутные моменты. Когда началась Вторая мировая война, Лифарь не отвернулся от оккупировавшей Париж немецкой армии, хотя от прямого сотрудничества с гитлеровцами уклонился, как и уклонился от личной встречи с Гитлером, когда тот посетил дворец Гарнье, в котором находилась Гранд-Опера».*

А вот с Геббельсом, как говорит одна из притч, ему довелось встретиться. Геббельс решил выклянчить у Лифаря портрет знаменитого немецкого композитора, любимца фюрера Рихарда Вагнера, работы кисти Огюста Ренуара, хранившийся в коллекции Парижской Гранд-Опера.

— Господин Геббельс, эта картина, написанная французским мастером, принадлежит Франции и потому выдаче не подлежит.

О реакции главного пропагандистского барабанщика нацизма можно только догадываться… Есть еще притча Александра Москальца:

> *«Уже через неделю после вступления немцев губернатор Парижа фон Гроте сообщил Лифарю о намерении Гитлера посетить Opera. Решение, принятое танцовщиком, казалось ему идеальным компромиссом. В ближайшую ночь он поручил одному из пожарников по прозвищу Глюглю приехать в опустевший театр и остаться дежурить там, в коморке консьержа. Когда наутро Лифарь сам появился в Opera, простодушный пожарный доложил ему, что ночью в театр ненадолго приезжало много немецких офицеров. Один из них был особенно оживлен, расхаживал по залу и фойе, беседовал с Глюглю и дружески похлопывал его по плечу.*
>
> *Одна фраза, произнесенная немцем, когда он окинул взглядом пустые кресла партера, сохранилась для истории:*
>
> *«Я никогда не понимал, почему ложа вашего президента расположена сбоку. Я желаю сидеть в центре, чтобы видеть весь спектакль!»*

Стоит ли говорить, что анонимным «добродушным немецким офицером» был сам Гитлер. Когда несчастный Глюглю узнал об этом, то потерял сознание и в тот же вечер умер от сердечного приступа. А Лифарю еще долго пришлось носить на себе ярлык коллаборациониста.

Существует еще одна версия на уровне слуха. Суть ее такова. Во время своего прилета в Париж «почитатель живописи» Геринг встречался Лифарем. Нацистскому боссу донесли о портрете Вагнера в коллекции Гранд-Опера, поэтому он попросил его для своей картинной галереи, расположенной в роскошном доме на канале Кайзерграхт. Но и тут Лифарь отказал фашисту.

Так ли это было, и был ли вообще такой эпизод, сейчас трудно установить, а тем более доказать. Но вот что интересно: если бы «ненасытный любитель живописи» Геринг захотел это полотно Ренуара, несомненно, оно было бы у него в картинной галерее.

* * *

Несколько лет тому назад на развалах книжных магазинах США появилась книга британского историка и американского журналиста, ветерана Второй мировой войны, бывшего сотрудника ЦРУ Хэла Вогана «В постели с врагом: Тайная война Коко Шанель».

Речь идет о том периоде, когда 56-летняя подруга Сержа Лифаря Коко влюбилась в немецкого дипломата барона Ганса Гюнтера фон Динклаге. Родители называли его часто словом «шпатц» — «воробей». Но этот воробей вырос в красавца. Он обладал атлетической фигурой, великосветскими манерами, хорошей памятью и приятной внешностью. Он мог любого заговорить. Но многие не догадывались, что в этом галантном и вежливом человеке жил настоящий ястреб.

Ганс Динклаге являлся полковником вермахта и работал сразу и на военную, и на политическую разведки Третьего рейха — службы Канариса и Шелленберга. Очевидно, сладко чирикающего «воробышка» привлекли обширные связи «кутюрного цыпленочка». Хэл Воган утверждает, что Коко Шанель не только встречалась с Вальтером Шелленбергом, но и выполняла его секретные задания.

Так, будучи завербованной (псевдоним Westminster, личный номер F-7124), пыталась наладить связь с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем для проведения сепаратных переговоров с целью заключения перемирия между Германией и Англией, перемирия, направленного против Советского Союза.

Операция немецкой разведки под кодовым наименованием «Модная шляпка» была прервана в Мадриде, куда она выезжала на встречу со своим подельником Сэмюэлем Хором. Только в результате вмешательства английской спецслужбы МИ-6 (политической разведки Лондона) эта акция была нейтрализована.

Итак, автор утверждает, что одна из самых великих женщин XX столетия, Габриэль Коко Шанель, являясь ярой антисемиткой, стала коллаборационисткой, которая пошла на сотрудничество с германской разведкой из-за своих коммерческих интересов.

По мнению того же Вогана, Шанель хотела иметь солидную долю в фирме, носившей ее имя. Однако большая часть принадлежала еврейскому семейству Вертаймеров. Возникла классическая основа для вербовки — материальная заинтересованность. Предприятие было принудительно отчуждено и передано в руки нацистов после оккупации Франции немецкими войсками в 1940 году. Судьбы евреев в то время решались просто: гетто, концлагерь, пуля.

После войны Габриэль оказалась в тюрьме, но благодаря вмешательству Черчилля была освобождена из неволи и практически реабилитирована.

Следует заметить, что Лифарь и Коко дружили десятилетия. Но вот что интересно: сам факт доверительных отношений французской элиты с немецкими оккупантами не был особой тайной. Все делалось почти на виду. Более того, подавляющее большинство французской гламурной тусовки ни в каком партизанском «Сопротивлении» не участвовало, а продолжало жить так, как жило до войны — на широкое горло. Большая же часть столичного бомонда — знати, аристократии, высшего света — предложила свои услуги разведывательным органам оккупационных властей фашистской Германии.

По подозрению в сотрудничестве назывались имена главы дома Картье — Мориса Шевалье, почетного президента Каннского кинофестиваля и писателя Жана Кокто, а также его любовника актера Жана Маре, писателя и кинорежиссера Саша Гитри, танцора Сержа Лифаря, певицы Эдит Пиаф и многих других видных французов.

Круг интересов кроме балета у Сержа Лифаря был очерчен еще границами увлечения искусством, коллекционированием русских древностей, а в послевоенный период занятием живописью. Неожиданно в нем проснулся любитель кисти и мольберта. Он стал пробовать краски, уже когда давно перевалило за вторую половину жизни.

В годы военного лихолетья, когда голод стал стучаться в двери домов и квартир наших соотечественников в Париже, в том числе и бывших аристократов, за кусок хлеба они продавали или сдавали в ломбарды самые дорогие предметы, которые им удалось вывезти из России после революции и в годы Гражданской войны.

Серж Лифарь вполне логично воспользовался обстановкой во имя спасения отечественного раритета. Он, как коллекционер, скупал книги, картины и другие интересующие его предметы и памятки, имевшие историческую ценность. Как бы ни был тяжел и прочен «железный занавес» между Советской Россией и Россией эмигрантской, он раздвигался для добрых дел. После войны Серж Лифарь помогал возвращать «вывезенную культуру» в Советский Союз.

Надо сказать, что Лифарь обладал некоторыми уникальными вещами, например, автографом пушкинского предисловия к «Путешествию в Арзрум», подорожной, с которой в 1820 году А. С. Пушкин ехал в ссылку, пушкинскими письмами к невесте, древними книгами и полотнами выдающихся художников и

другими раритетами. Многими его находками и приобретениями обязаны музеи Киева и Москвы.

В последние годы своей жизни Лифарь жил скромно и из житейских соображений вынужден был продать часть коллекции. О причинах такого решения в 1975 году он писал:

> *«Сегодня я имею лишь скромную пенсию от Парижской оперы, поэтому не в состоянии сохранить коллекцию. Меценаты обошли меня вниманием, я вынужден попрощаться с этим сокровищем русской культуры, «отпустить на волю» все книги и альбомы, чтобы они стали достоянием историков, библиотек».*

В конце 1950-х Серж Лифарь женился на Лилиан Алефельд, женщине, не имеющей никакого отношения ни к балету, ни вообще к театральному миру.

Как писала царица парижского кабаре Людмила Лопато, Лилиан взяла его «на поруки». Когда Лифарь уехал за границу, энергичная графиня перевезла на новую квартиру все его вещи (даже засохшую рождественскую елку, украшенную игрушками). Их роман продолжался в течение долгих лет…

Сергей всегда говорил: «Я и моя контесса». Они были очень дружны. Лилиан много ему помогала. Именно она сохранила его бесценные бумаги и привела их в порядок. Таким образом, к ней попали письма Натальи Гончаровой из собрания «Пушкинианы» Дягилева. И многие бумаги самого Дягилева, которые он оставил Лифарю и Борису Кохно, своему секретарю и либреттисту.

Последние годы жизни Серж Лифарь провел в Швейцарии. Тяжелая болезнь мучила его. Предсмертным желанием Лифаря было увидеть букет белых лилий. Именно эти цветы он держал в руках, исполняя одну из своих любимых партий — принца Альберта в постановке «Жизель».

Умер он от рака 16 декабря 1986 года в Лозанне и был погребен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа недалеко от Парижа. На его могиле выгравирована лаконичная надпись: «Серж Лифарь из Киева».

Вот и все жизнеописание тоже представителя серебряного века с тайнами — раскрытыми и глубоко запрятанными от современников.

Своя ли среди чужих?

Русская Мата Хари. Так ее называли и до сих пор еще величают. А была ли она ею? Кто она — тонкая разведчица или талантливая артистка? Если разведчица, то на чью мельницу лила воду? Речь идет о таинственности отношения к великой русской актрисе немецкого происхождения Ольге Константиновне Чеховой (Книппер).

Когда Ольге исполнилось шестнадцать лет, родители отправили ее к любимой тете, родной сестре отца, жене Антона Павловича Чехова — Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, артистке Художественного театра. Легкая фигура, красивое лицо, звонкий голос племянницы определили ее будущее. Тетя помогла ей поступить в студию своего театра.

Но учеба закончилась так же внезапно, как и началась. Она влюбилась в племянника А. П. Чехова — Михаила Чехова, считавшегося восходящей звездой МХАТа, и вышла за него замуж. Через полтора года в молодой семье появился первенец — дочурка, которую назвали Адой, ставшей впоследствии тоже актрисой.

Однако жизнь сразу же как-то не заладилась — два талантливых по-своему человека не могли ужиться в одном гнезде, и вскоре семья распалась. Были и другие причины: Михаил стал часто пить и, как писала сама Ольга, «приводить в дом нравящихся молодых девиц». Такое унижение не могла стерпеть воспитанная женщина. Приходилось туго одной с ребенком на руках.

> *«После расставания с Мишей, — вспоминала Ольга, — мне нужно было позаботиться о том, как заработать денег… Во мне просыпается честолюбие, желание доказать, что я сама сумею найти свое место в жизни. Ежедневно я хожу в контору виноторгового магазина, разбираю там корреспонденцию, одновременно учусь печатать на машинке, стенографии, организации производства, бухгалтерии. По вечерам вырезаю шахматные фигурки и по дешевке отдаю одному постоянному оптовику, а тот, в свою очередь, перепродает их за приличные суммы. Словом, удерживаюсь на плаву и временами ощущаю даже некоторое подобие удовлетворения, потому что чувствую, как закаляюсь и становлюсь более приспособленной для будущего, которое готовит для меня*

еще много сюрпризов».

Пережить Гражданскую войну в России она тоже не могла и, из материальных и, в некоторой степени, политических соображений, покинула родину, которая теперь писалась ею с маленькой буквы. Это была уже не Отчизна ее детства, как и для сотен тысяч интеллигентов, покидавших страну хаоса и крови по своей воле. Отправляли за границу инакомыслящих и по воле новых властей. Это было время, когда исчезли лошади в городе, — конина стала деликатесом.

Помог Ольге выехать на полтора года в Германию Луначарский по просьбе влиятельной тети — Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой.

В январе 1921 года она с дочерью уезжает в такую же холодную и голодную послевоенную Германию.

> *«То, что я взяла с собой в поездку из носильных вещей, — вспоминала она, — можно перечислить в одном предложении: старое перелицованное пальто мамы, тонкий платок, пара сапог на картонной подошве из коврового материала и кольцо.*
>
> *Кольцо не просто украшение — оно должно дать мне средства для моего пребывания в Германии, но это и опасно: украшение, как объект мены — продажи, представляет интерес повсюду. Поэтому во время поездки патрули Красной Армии постоянно выискивают драгоценности. Кто будет схвачен с кольцом или колье, завершает свое путешествие на ближайшей станции. Я везу свое кольцо под языком и говорю при этом тихо, но без особого труда — благодаря занятиям сценической речью в школе-студии…»*

Она выехала вместе с неким Фридрихом Яроши, «бывшим австро-венгерским военным, красивым, обаятельным авантюристом, обладавшим большой внутренней силой». Но скоро этот гражданский брак — увлечение тоже распался.

Достаток, как и слава, приходит не сразу. Кропотливый и изнурительный подчас труд требуется для воплощения в жизнь этого жизненного фундамента. Мешал барьер — немецкого языка она практически не знала. Ольга Чехова набрасывается на его глубокое изучение. Только после этого красавицу артистку сразу же стали замечать режиссеры и продюсеры кино и театров. Уже через год она дебютирует в одном из персонажей в немецком кинофильме «Замок Фогелед».

Уже в марте 1924 года Ольга Чехова писала Ольге

Леонардовне в Москву: «Вчера совершилось мое крещение! Вперед появились плакаты с моим именем, потом заметки в газетах…»

Слава ее множится, хотя говорит она с сильным русским акцентом. Ольгу зовут в Америку. В письме от 27 сентября 1927 года она пишет тете: «Здесь каждое слово — деньги, каждый день — деньги… Зовут в Америку, но я не поеду, не могу я среди людей без сердца и души работать».

Попробовала Ольга себя и в качестве режиссера, в частности, кинокартиной «Шут своей любви». К началу 1930-х годов Ольга Чехова стала заметной звездой на киношном небосклоне Германии. Немцы боготворили ее за обольстительную внешнюю красоту и честную улыбку. Она стала как бы частью немецкой мечты, олицетворением «арийности» в женщине.

С приходом Гитлера к власти Ольга Чехова становится звездой первой величины. Женолюб Геббельс ее, как ни странно, не любил за ее самостоятельность, но для нее это не имело никакого значения, — ее боготворил сам Гитлер.

В 1936 году она на съемках в Вене познакомилась с бельгийским промышленником Марселем Робинсом. Он предлагает руку и сердце. Она отказывает ему в первый раз. А скорее, отказывает ему ее творчество, как она писала в мемуарах «Мои часы идут иначе»: «Моя профессия и моя вошедшая в плоть и кровь самостоятельность…»

Марсель Робинс делает Ольге второе предложение. — С женщиной, которую я люблю, я не вступаю в связь, — рыцарски заявляет он и продолжает ее уговаривать. Актриса сдается… Но через два года брак распался. Марсель явно чувствует себя чужим среди раскованного и говорливого творческого люда. Не для нее кухня, стирка, забота даже о богатом муже, — золотая клетка быстро надоедает вольной птице. Она с головой уходит в творчество, купаясь и наслаждаясь своим пусть нелегким, но таким знакомым и понятным ей артистическим миром.

* * *

1933 год. Приход Гитлера к власти. Ольга Чехова только в этом году снялась в шести кино фильмах: «За толику счастья», «Лейтенский хорал», «Флирт», «Некий господин Гран», «Пути к хорошему браку» и «Учитель Уве Карстен».

Авторитет актрисы из года в год растет, как говорится, не по дням, а часам. Она вспоминала:

«В 1936 году у меня было много предложений, я имела большой успех в театрах, и всех иностранцев, что наезжали в Берлин, вели ко мне в театр, как в зверинец. На приемах после спектакля я бывала один, два раза в год, очень коротко. Точно не помню, в котором это было году, когда приезжал из Югославии король с женой. Кажется, в 1938-м. Весь Берлин был украшен и освещен, как никогда. Первый день их принимал Гитлер у себя, потом спектакль (опера Вагнера), второй день на даче Геббельса в Ланке, на третьем приеме была — вечером, в 11 часов, и хоть я отказывалась, пришлось поехать. Королевская чета видела меня часто в фильмах, и королева хотела со мной познакомиться. Прием в Шарлоттенбургском дворце был дан Герингом, — значит, все было очень богато…

В прусском старинном дворце комнаты были освещены свечами в старых люстрах, все присутствующие были в костюмах времен Фридриха Великого. После ужина я сидела с королевской парой в саду, — говорили о моих фильмах, гастролях и о Московском художественном театре…

Потом началась программа, и я незаметно уехала. Мой шофер был в восторге — всех пошли, кормили, давали папиросы».

Еще одно воспоминание об очередном правительственном чаепитии вспоминала Ольга Чехова. Ее пригласили на встречу с бонзами Третьего рейха в министерстве пропаганды. Ольга занята по горло творчеством — репетициями, съемками, сценой, но чиновник, знающий, кто ее ждет, почти силой усаживает артистку в машину и везет на Вильгельмштрассе.

«По дороге мне удается лишь купить розу в петлицу, чтобы предстать… не совсем уж «голой». В министерстве меня представляют фрау Марте Геббельс. Она с мягким укором спрашивает:

— Так поздно, фрау Чехова?

— Я приехала прямо с работы, фрау Геббельс. Кроме того, меня известили по телефону только сегодня утром…

Перед помещением, в котором сервирован чай, стоит Гитлер в цивильном. Он в тот же час заговаривает о моем фильме «Пылающая граница», премьера которого состоялась только что. Я играю польскую революционерку. Гитлер осыпает меня комплиментами.

Мое первое впечатление о нем: робкий, неловкий, хотя

держит себя с дамами с австрийской любезностью: ничего «демонического», завораживающего или динамичного…

Поразительно, почти непостижимо его превращение из разглагольствующего зануды в фанатичного подстрекателя, когда он оказывается перед массами. Тут он воспламеняет тысячи, а позднее и миллионы. Кто возьмется это оспорить!..

Гитлер тщетно старается быть обаятельным, Геббельс таков и есть. Как всегда покрытый ровным кварцевым загаром, он рассыпает шутки направо и налево, непринужденно острит. Внешне обойденный природой, с трудом передвигающийся маленький человек явно наслаждается министерским постом и возможностью собрать вокруг себя деятелей культуры.

Пресловутый рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер производит на меня впечатление чего-то незначительного. Смахивающий на землемера на пенсии, со своим круглым мещанским личиком, он в основном молча топчется и явно чувствует себя не в своей тарелке. На одном из более поздних приемов мне удается шокировать его: я являюсь в глубоком декольте. Он каменеет от изумления. «Когда женщина сильно обнажается, это приводит его в исступление», — рассказывают мне те, кто его близко знают…

Беседа тянется вяло и бессодержательно. Гитлер много говорит о своих художественных амбициях. Акварели, эскизы и рисунки его прежних лет передаются из рук в руки. Ни одна из этих работ не осталась в моей памяти…»

Нацизм изменил политическое лицо Берлина. Крики, плакаты, лозунги, коричневые колонны и парадные коробки, море знамен со свастикой, факельные шествия — все это осталось надолго в памяти актрисы. Но, несмотря на это, по выражению примадонны, столица Германии осталась Меккой творческих личностей, которые не любили ни политику, ни политиков. Они свободны в выражениях, но только до поры. Коричневая зараза расползалась по стране.

Геббельс понимал, что артистический мир — это его вотчина, он идеологический пастырь и должен влиять на перестроение умов своей привилегированной паствы в сторону полного ее повиновения и подчинения нацистским догмам. В процессе влияния на творческие личности не лишен он слабостей более углубленного общения со слабым полом.

Примером такой настойчивости могут служить его тесные контакты с артисткой чешского происхождения Лидой Бааровой. После сыгранной роли в фильме «Баркарола» она становится очень популярной в Германии. Эта красивая, изящная чешка превратилась в большую любовь маленького, колченогого доктора идеологии. Тайная связь карлика Геббельса скоро стала предметом обсуждения и осуждения не только в артистическом мире. Сплетни поползли по Берлину и дошли до хозяина рейх-сканцелярии.

Гитлеру тут же донесли, что великий жизнелюб превращается в женолюба и подрывает моральные устои национал-социалистической платформы, которую сам же и выстраивает. Фюрер советует министру снимать свои комплексы, вызванные косолапостью и маленькой, «абсолютно негерманской фигурой», не тем, что он, используя министерский пост, пытается переспать со всеми подряд смазливыми рослыми актрисами. А одна из них к тому же славянка. И тут же ставит ультиматум: либо он заботится о своей семье, и прежде всего о детях, либо тут же подает в отставку.

Но Геббельс понимает и в отставку не пойдет — он просто включает тормоза, а с Лидой Бааровой с досадой быстро расстается…

* * *

Перед войной с СССР, летом 1940 года, Ольга знакомится с высоким широкоплечим красавцем, командиром эскадрильи истребительного полка капитаном Йепом, участником воздушных боев против «томми» — английских пилотов.

Во время очередного отпуска Йеп в беседе с Ольгой о состоянии летчиков люфтваффе в боях замечает: «Там, наверху, никто из нас не думает о Гитлере».

Наверное, так же было и у наших воинов, идущих в атаку, — никто не думал о Сталине, все думали о том, как можно больше убить фрицев, остаться живым, а после победы вернуться к своим женам, сестрам, матерям…

Вскоре Йеп погибнет в одном из воздушных боев с англичанами над водами Северного моря. Останься он в живых, — неизвестно, как сложилась бы судьба Ольги Чеховой. Все же интересно: все ее любовные челноки разбивались о быт. Для этой женщины любовь не была главной. Главной стала кормящая семью профессия артистки. Высокие гонорары и слава позволили ей вывезти из России мать, сестру, дочь и избавиться

от бытовых проблем.

* * *

Утро 22 июня 1941 года Ольга встретила настороженно, — Германия напала на Россию.

Страшные картины отступления Красной Армии она видела на кадрах кинохроники и слышала по германскому радио, их с радостью демонстрировали в кинотеатрах по заданию министра гитлеровской пропаганды Геббельса. Перед каждым сеансом зрителям крутили кадры победной кинохроники с вереницами советских военнопленных, с грудами исковерканного металла, еще вчера стреляющего жерлами пушек и танков. Ольга с болью в сердце воспринимает горе, надвигающееся на Россию.

Однажды ее поразили циничные слова Розенберга:

> *«Понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».*

Разве могла она предположить, что сотрут это понятие не немцы, а российские либеральные предатели — партократы, Иваны, не помнящие родства, безумцы — Горбачев и Ельцин вкупе с ненавистниками сверхдержавы на Западе.

В кинохрониках, по радио и в прессе говорящие головы упиваются быстрыми и значительными победами немецкого оружия. Все чаще говорится о падении Москвы и готовящемся параде войск вермахта и их союзников.

В июле 1941 года знаменитая артистка приглашена доктором Геббельсом на празднование предстоящего взятия Москвы. Неожиданно этот плюгавенький министр обратился с некоторой издевкой к русской красавице.

Ольга Чехова так вспоминала этот эпизод:

> *«— У нас эксперт из России — фрау Чехова, — сказал Геббельс. — Не думаете ли вы, что эта война будет окончена еще до зимы и Рождество мы отметим в Москве?*
>
> *— Нет, — ответила я спокойно. Геббельс холодно:*
>
> *— А почему нет?*
>
> *— Наполеон убедился в том, каковы русские пространства.*
>
> *— Между французами и нами огромная разница, — снисходительно улыбнулся Геббельс. — Мы пришли в Россию как освободители. Клика большевиков будет*

свергнута новой революцией!

— Новая революция не состоится, герр министр, перед пропастью русские будут солидарны, как никогда!

Геббельс чуть наклонился вперед и холодно бросил:

— Интересно, мадам, значит, вы не доверяете немецкому военному могуществу? Вы предсказываете русскую победу…

— Я ничего не предсказываю, герр министр. Просто вы задали мне вопрос, будут ли наши солдаты к Рождеству в Москве, и я сказала мое мнение. Оно может быть и верным, и ошибочным.

Геббельс долго смотрел на меня подозрительно. Установилось продолжительное молчание…»

Потом этих встреч было много. Нет, скорее, очень много…

Она часто не только видит Гитлера, но и беседует с ним. Он ее обоготворил, что вызывает ревность и зависть у окружающих.

Когда фюрер на глазах у нескольких сотен присутствовавших на одном из банкетов нежно поцеловал ей руку и удалился с нею в соседнюю комнату, это среди нацистской элиты вызвало ошеломление, но пересудов не было — окружение боялось фюрера.

Фильмы с ее участием ждали на передовой, но она постоянно отклоняла предложения выехать с концертом на фронтовые позиции. Она как бы говорила своим поведением, что далека от политики. Ее увлекают сентиментальные, лирические персонажи, и она играет их правдиво и с желанием, гастролируя по европейским столицам.

Не обошли Ольгу и «прелести» войны в городах — воздушные бомбежки с разрушенными домом и театральными зданиями. Редкий спектакль она с коллегами доигрывает до конца. Сигналы воздушной тревоги заставляют артистов укрываться в бетонных бомбоубежищах и в подвалах с декорациями и костюмами. Все это она опишет в своих мемуарных записках и воспоминаниях.

* * *

Конец войны застает Ольгу Чехову с дочкой Адой и внучкой Верой в ее доме в Кладове. Во время бомбежек семья прячется в автономном бетонном подвале.

«Наш собственный маленький бункер, — напишет она, — тридцать шесть ступенек под землю, постоянно переполнен друзьями — соседями… которые жмутся к

нам, потому что мы говорим по-русски. Электричество уже давно не подается, водопровод разрушен. На соседнем участке есть колодец, у которого мы по ночам часами выстаиваем за водой. Днем из-за воздушных налетов авиации это очень опасно. Кроме того, через наши дома по кладовскому аэродрому с ревом бьют «сталинские орга́ны» («катюши». — Авт.). Там кучка безумцев не желает сдаваться русским…»

Ольга ждет визита советских солдат…

Она в библиотеке у задней стены выставляет на самое видное место свою коллекцию русских икон. По ее разумению, они должны понять, что здесь живут православные русские. Долго ждать не приходится — в дом врываются наши воины, «грязные, закопченные и изголодавшиеся, как все солдаты в эти последние дни войны».

По воспоминаниям артистки:

«Потом, до того как они начнут обыскивать дом, я словно бы случайно завожу их в свою библиотеку. И тут происходит то, на что я втайне рассчитывала: они глазеют на иконы.

— Что это — церковь? — спрашивает их командир. Я молча пожимаю плечами. Они обмениваются беспомощными, почти робкими взглядами и уходят».

Но обстановка переменчива.

Приближается германская 12-я армия генерала Вальтера Венка, которая должна применить чудо-оружие и обратить русских в бегство. Это слышит Ольга из уст фольксштурмистов, проверяющих вслед за русскими, оттесненными на восток, ее дом. Они в «бабьем царстве» ищут мужчин, отказывающихся защищать Берлин. Найденных тут же вешают на деревьях и осветительных столбах как дезертиров и пораженцев.

Через некоторое время в дом германской театральной примы врываются снова наши солдаты. Они интересуются фольксштурмистами. Потом обыск и арест…

Ольгу Чехову задержали военные контрразведчики СМЕРШ 47-й армии 1-го Белорусского фронта. Первичный допрос актрисы провел начальник органа полковник Шкурин.

«Сначала офицеры доставляют меня, — вспоминает Ольга Чехова, — в ставку Красной армии в предместье Берлина — Карлсхорст. Они держатся вежливо-отстраненно… Уже этой ночью меня везут в Позен. Из

Позена советский военный самолет увозит в Москву…

Я прибываю, но не в тюрьму. Я живу как частное лицо у одной офицерской жены, муж которой без вести пропал в Германии.

Она с двумя маленькими детьми ютится в кухне, без угля и дров. Как только меня поселяют, она впервые за долгие месяцы получает топливо. Две из трех комнат приготовлены для меня…»

А потом ее отвозят на допросы. Офицеры вежливы — ни одной угрожающей интонации в голосе. Они интересуются характеристиками бонз нацизма, в основном «четырьмя Г» — Гитлером, Герингом, Геббельсом и Гиммлером.

Такой режим «допросов» продолжался около трех месяцев.

Известный театровед Виталий Вульф рассказывал, что сохранились письма Ольги Чеховой на имя Абакумова, в них она называет его «дорогой Виктор Семенович» и спрашивает: «Когда встретимся?»

В книге Серго Берии «Мой отец Лаврентий Берия» имя Ольги Чеховой упоминается в одном ряду с такими знаковыми разведчиками, как Рихард Зорге, Лев Маневич, Ким Филби, Джордж Блейк…

Берия-меньший утверждает, что Ольга Чехова работала в некой секретнейшей «системе советской стратегической разведки»:

«Мой отец ни тогда, в 45-м, ни позднее решил ее не раскрывать».

Может, поэтому в архивах ПГУ — СВР отсутствуют данные о ее причастности к агентурной работе. В стратегической разведке есть тайны, которые должны храниться вечно.

Интересны в этом плане откровения одного из руководителей разведки НКВД и НКГБ, генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, в которых он утверждает, что Ольга Чехова была завербована в 1933 году под кличкой «Актриса». Она одна из первых сообщила о дате и планах нападения Германии на Советский Союз, передала информацию о подготовке наступления гитлеровских войск на Кавказ и Сталинград. Однако Сталин расценил эти сведения как дезинформацию. Поверил он только в третий раз, когда она проинформировала о дате танкового удара под Курском.

После московской отсидки 26 июля 1945 года ее отправляют в Берлин. Интересна одна деталь: солдаты, офицеры и служащие оккупационной администрации, с которыми Ольге Чеховой приходится встречаться, вежливы, предупредительны и готовы

помочь в любом деле.

Сохранилась докладная записка на имя Абакумова о том, что:

> *«Чехова Ольга Константиновна вместе с семьей и принадлежащим ей имуществом переселена из местечка Гросс-Глинке в восточную часть Берлина — Фридрихсхаген. Переселение произведено силами и средствами Управления контрразведки СМЕРШ Группы Советских оккупационных войск в Германии…*
>
> *Чехова выражает большое удовлетворение нашей заботой и вниманием к ней…*
>
> *В доме, где она проживала, выставлена охрана в составе 3 человек из личного состава 17 отделения строительного батальона…»*

Документ подписал начальник УКР СМЕРШ по ГСОВГ генерал-лейтенант А. Вадис.

Союзники же, в частности американцы, плетут интриги, предлагая германо-русской артистке Голливуд и написание в США мемуаров. Провоцируют. Ольга отвергает предложения. Тогда они обнародуют всякого рода инсинуации, небылицы, сплетни относительно ее личных связей с Гитлером и Сталиным.

Из воспоминаний артистки:

> *«На первой странице штутгартской газеты «Вохенпост» появляется фотография из моего старого фильма. В левой руке я держу статуэтку. С помощью немудреного технического трюка маленькая фигурка ретушируется и превращается в высокую советскую награду.*
>
> *Подпись: «Ольга Чехова с орденом Ленина. За верную шпионскую службу». Газета обещает также раскрыть закулисные стороны «жизни культуры» и «пикантные подробности о знаменитой актрисе».*

Среди прочего там можно было прочесть следующее:

> *«Несколько дней спустя в моем кабинете без предварительного звонка появляется, возникнув словно из-под земли, красивая женщина — Ольга Чехова. Под ее меховой шубкой поблескивает орден Ленина. Подаренная вилла и советская охрана — благодарность за долголетнюю шпионскую деятельность в ближайшем окружении Адольфа Гитлера. Тот так и не сумел раскусить прекрасную Олли и, как видную*

представительницу немецкой культуры, приглашал на все балы, во время войны на дипломатические приемы, потчуя ею иностранцев.

Лишь Геббельс с его юридическим чутьем всегда высказывал предостережения. Но Гитлер полагал, что маленький доктор потерпел с ней фиаско и желает отомстить…»

Война закончилась, но проблем, связанных с военным лихолетьем, не убавилось. В октябре 1945 года в английском журнале «Пипл» помещается ядовитая статья «Шпионка, которая овладела Гитлером», в которой утверждалось, что Ольга очаровала фюрера и оказывала содействие в решении разных вопросов представителям немецкого генералитета и крупным промышленным магнатам.

С другой стороны, она якобы работала на СССР, передавая добытую информацию через своего личного шофера в Москву, и даже участвовала в подготовке организации покушения на Гитлера. Исполнителем должен был стать советский агент Игорь Львович Миклашевский — чемпион Ленинградского военного округа по боксу, владеющий немецким языком, участник советско-финской войны.

Используя родство Миклашевского, хотя и не кровное, с дядей — ярким представителем известной театральной династии Всеволодом Александровичем Блюменталь-Тамариным, который в конце 1941 года вместе супругой добровольно ушел с отступающими от Москвы немецкими войсками, органы госбезопасности решили привлечь Игоря к негласной работе и забросить его за линию фронта.

Блюменталь-Тамарин выступал с пропагандистскими речами по радио, вещавшими на советские позиции, призывая наших воинов сдаваться на милость несомненным победителям на Украине и в Восточной Пруссии. Он даже имитировал голос Сталина, чтобы опорочить его.

Задание агенту — ликвидировать Гитлера вместе с берлинцами Янушем Радзивиллом и Ольгой Чеховой. Миклашевский горел желанием уничтожить своего дядю-предателя, но ему поручили провести более сложную операцию. Для получения доверия у немцев он вступает в так называемую Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова.

В 1943 году через родственников Миклашевский обосновался в Берлине, живя на квартире у дяди. Но Сталин вдруг якобы запретил проведение этой операции, опасаясь, что в случае гибели Гитлера новые власти Германии попытаются заключить

сепаратный мир с союзниками и оставить СССР в одиночестве. В худшем варианте — вместе повернуть оружие против Страны Советов.

Миклашевский вынужден участвовать в боевых действиях в составе РОА в Нормандии против англо-американских войск. Был тяжело ранен. Лечился в госпитале. Выдюжил, и 10 мая 1945 года в городе Мюнзинген ликвидировал предателя — племянник убил своего дядю.

Дальнейшая судьба Игоря такова.

В 1947 году он вернулся на Родину, которая высоко оценила его зафронтовую деятельность, наградив патриота орденом Красного Знамени. Он стал тренером по боксу, воспитав десяток мастеров спорта и несколько чемпионов СССР.

Умер Миклашевский 25 сентября 1990 года.

А вот В. А. Блюменталь-Тамарин реабилитирован ельцинской командой в 1993 году «по формальным обстоятельствам», согласно Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Говоря о факте награждения Ольги Чеховой орденом Ленина, о чем говорится в статье газеты «Курьер» «Орден для Ольги Чеховой», следует отметить, что могло быть наложение. Орден Ленина получила в это время в честь 75-летия Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

В заслугу великой актрисе ставится и спасение дома-музея А.П.Чехова в Ялте, где Антон Павлович провел последние годы жизни. Его дом-музей немцы не тронули.

Ольга Чехова снималась в основном в кино, вплоть до крушения Третьего рейха, а после в ГДР и ФРГ. И удивительно то, что всегда была обласкана властями. В общей сложности она участвовала в 133 фильмах, а по другим данным — в 145. Жила в Берлине и Мюнхене. Играла, правда уже эпизодически, на подмостках театров и в кино до глубокой старости. Последний фильм с ее участием вышел в 1974 году и назывался «Место встречи — сердце». Проходили годы. Спидометр времени упрямо мотал дни, недели, месяцы и годы. Сменялись поколения. И вдруг ее мозг озарила глубокая мысль:

> *«Я задумываюсь о себе и не заблуждаюсь на собственный счет: подрастает новое, юное поколение, поколение, которое невысокого мнения о старших уже потому, что они старше, поколение, которое процесс старения воспринимает как нечто странное и, похоже, совсем не ассоциирует его с собой, нетерпеливое, стремительное поколение ниспровергателей. В принципе в*

этом нет ничего необычного, напротив, само по себе в веках это одна из немногих постоянных величин… Но чему тут удивляться…»

Ольга Чехова скончалась в возрасте 82 лет и была похоронена в Мюнхене на кладбище Оберменцинг, взяв с собой в могилу тайны, которые с таким трудом пытаются разгадать современники.

Известно, что легенды и биографии часто не совпадают. Совпадает в жизни Ольги Чеховой только одна истина — она изобрела вечную молодость и выиграла победоносно и легко войну с возрастом. И все же жизнь Ольги Чеховой — это одна из полностью не разгаданных тайн серебряного века…

Олимпиада 1936 года

В 1931 году Международный олимпийский комитет (МОК) выбрал Берлин для проведения летних Олимпийских игр 1936 года. Заявки на участие в Олимпиаде подали 49 стран. Данный выбор означал потепление отношений к побежденному агрессору Первой мировой войны и возвращение Германии в мировое сообщество после ее изоляции.

На организацию игр Берлинской летней Олимпиады 1936 года претендовали 11 городов трех европейских континентов — Германии: Берлин, Кельн, Нюрнберг и Франкфурт-на-Майне; столица Венгрии — Будапешт, столица Италии — Рим, столица Ирландии — Дублин, египетский город Александрия и аргентинский Буэнос-Айрес. Выбор пал на Берлин.

Внешнеполитическая обстановка в Германии позволяла руководителям Олимпийского комитета согласиться на проведение Олимпиады в Берлине.

Немного истории.

Адольфа Гитлера 30 января 1933 года «избирают» рейхсканцлером. И уже через несколько недель после победы «национальной революции» в рядах штурмовых отрядов стало расти недовольство из-за половинчатости того, что обещал фюрер.

Многие требовали проведения «истинно социалистической» революции под руководством Грегора Штрассера и Эрнста Рема. Армия не признавала Рема. Возник вопрос, а что делать со штурмовыми отрядами СА?

Поначалу им ставилась задача воспитания молодежи. Но для Эрнста Юлиуса Рема — ближайшего соратника Гитлера и основателя «штурмовых отрядов» (СА) — этого было мало. Он жаждал более высокой должности рядом с фюрером. Однако Гитлера убедила камарилья из его ближайшего окружения, что Рем претендует на место канцлера и готовит мятеж, чего в природе не было.

Реакция Гитлера оказалась молниеносной: необходима расправа. Рем и многие члены СА считали себя авангардом «национал-социалистической революции» и надеялись после прихода Гитлера к власти на установление кардинальных перемен в жизни Германии, в том числе привилегий для себя. Но они не догадывались, что Гитлер более не нуждался в штурмовиках с их опытом уличного насилия.

Резня вчерашних коллег началась с так называемой «ночи длинных ножей», которая продолжалась трое суток — 30 июня, 1

и 2 июля 1934 года. Эти трое суток сделали свое дело. Руководство штурмовиков вместе с некоторыми политиками Веймарской республики, которые являлись давними оппонентами нацистов, были уничтожены, а отряды СА обескровлены и унижены.

Обстановка в Германии стабилизировалась. Гитлер уже никого не боялся и самоутверждался, выводя Третий рейх в великую мировую державу. Он быстро превратил хрупкую народную демократию в однопартийную диктатуру, преследующую евреев, цыган, всех без исключения политических оппонентов. «В сильном государстве, — мыслил он, — не должно быть оппозиции».

И нацисты действительно поставили под контроль все сферы жизни, включая и спорт, который должен был политически поддерживать миф об «арийском» превосходстве германской нации.

В скульптуре идеализировались развитые мышцы спортсменов, их героическая мощь.

В архитектуре и зодчестве насаждалась монументальность.

В идеологии практиковалась идея чистоты расы.

Из спортивных команд изгонялись евреи — мастера международного класса. Так, из бокса был изгнан Эрик Силиг, из тенниса — Дэниел Пренн, из легкой атлетики — Гретель Бергман и многие другие.

Но все это не помешало принятию на своей территории проведения очередной Олимпиады. Спортивные боссы словно не видели всех творимых безобразий и далеко идущих заявлений лидеров Третьего рейха расистского содержания.

В течение двух недель, с 1 по 16 августа 1936 года, пока в Берлине проходили XI летние Олимпийские игры, в которых состязались 4066 спортсменов, нацистская диктатура Адольфа Гитлера делала все, чтобы скрыть свой расистский и милитаристский характер. Ослабив антисемитские пропаганду и действия, а также планы территориальной экспансии, гитлеровцы делали многое от них зависящее, чтобы затушевать перед участниками 49 стран и многочисленными иностранными гостями античеловеческую суть своей государственной политики, ослепить их блеском миролюбия и терпимости.

В качестве благородного жеста, успокаивающего международное мнение, нацисты разрешили фехтовальщице Хелене Майер — полукровке-еврейке — представлять Германию на Олимпийских играх в Берлине. Она выиграла серебряную медаль в женском одиночном разряде. После Олимпиады, видя антисемитскую истерию, фехтовальщица срочно уехала в США.

Начиная с 1933 года и до Олимпиады у дверей еврейских магазинов и контор стояли группы вооруженных эсэсовцев и призывали посетителей или клиентов не входить в них. Кругом на окнах, дверях, заборах и витринах были приклеены яркие, контрастные плакаты с призывами к бойкоту или бранью: «Немцы, не покупайте у евреев!» или «Евреев вон!»

А через несколько дней после этого были приняты законодательные меры, в результате которых евреи стали вытесняться из общественной жизни. Сначала удалили с работы преподавателей вузов, потом свыше 10 тысяч врачей, адвокатов, чиновников и почти две тысячи музыкантов и работников театра. Примерно 60 тысяч человек искали под воздействием первой волны притеснений убежище в странах Европы, большинство из которых не очень охотно принимало беженцев-евреев.

И все же не обошлось без бойкотирования Берлинской Олимпиады. Наиболее ярко эти процессы проходили в США, Англии, Франции, Швеции, Чехословакии, Нидерландах и в ряде других стран. Однако так как Любительский атлетический союз США в декабре 1935 года проголосовал за участие в Олимпиаде, другие страны заняли такую же позицию, и бойкот потерпел неудачу.

* * *

Надо справедливо отметить, что нацисты провели объемную подготовительную работу к летним Олимпийским играм. Германия искусно рекламировала Олимпиаду, используя красочные плакаты, открытки, брошюры. Торговые ряды были заполнены сувенирами. И наконец, немецкими специалистами был сооружен огромный по тем временам спортивный комплекс. Бетонную чашу украшали олимпийские белые знамена и красные флаги со свастикой.

По заданию министра пропаганды Геббельса напряженная работа по возвеличиванию Олимпиады продолжалась и после ее окончания. В 1938 году вышел фильм «Олимпиада», созданный немецким режиссером и сторонницей нацизма Лени Рифеншталь. Она, являясь любимицей Гитлера, стала главным режиссером и оператором на съемках документальной ленты о летней Олимпиаде 1936 года.

Германия праздновала победу на XI летних Олимпийских играх — у себя дома немецкие спортсмены завоевали наибольшее количество медалей, а немецкое гостеприимство было отмечено многими главами спортивных делегаций.

На монументальной арене спортивных баталий «Олимпиаштадион» Гитлер под помпезную музыку Рихарда Вагнера открыл этот олимпийский спектакль силы, воли и выносливости.

Многие французы поехали посмотреть на чудо. Были среди них и делегаты от РОВС. Особенно те, кто заигрывал с гитлеровским режимом. Кроме чисто зрелищной программы в Берлине решались и отдельные доработки антисоветских разведывательно-диверсионных планов. Делегаты были свидетелями церемонии открытия Игр.

По всему городу палили пушки. Гитлер лично выпустил на центральной спортивной арене 20 тысяч почтовых голубей.

Над стадионом кружил цеппелин «Гинденбург» длиною почти 304 метра с гигантским олимпийским флагом на буксире. Немецкий автор трехтомника «Гитлер» Иоахим К. Фест по этому поводу писал:

> *«1 августа под торжественный звон олимпийского колокола Гитлер открыл Игры в окружении королей, принцев, министров и многочисленных почетных гостей. Когда бывший олимпийский чемпион — марафонец из Греции Спиридон Луис передал ему оливковую ветвь как «символ любви и мира», хор запел созданный Рихардом Штраусом гимн, и в небо взвились стаи голубей.*
>
> *В эту картину примирившейся планеты, созданную Гитлером, вполне вписывалось то обстоятельство, что некоторые из выходивших на стадион команд (в том числе и только что подвергшиеся провокации французы!), проходя мимо трибуны, вскидывали руки в фашистском приветствии, которое они позже, наверстывая очки по части сопротивления, охотно объявили «олимпийским приветствием».*

Спортивные победы американского легкоатлета Джесси Оуэнса были весьма неприятны нацистам. Они просто замалчивались в прессе, а Гитлер даже отказался пожать руку чернокожему четырехкратному американскому чемпиону. Во время Олимпиады произошел один неприятный случай: глава спортивной делегации США Эвери Брендедж, чтобы подыграть фюреру, отстранил от участия в эстафете по легкой атлетике двух евреев — Марти Гликмана и Сэна Столлера.

Это был настоящий подхалимаж Гитлеру.

Успех немецких спортсменов произвел очень сильное впечатление на хозяина Олимпиады. На закрытии всемирных соревнований стоящему рядом с Адольфом Гитлером Альберту

Шпееру он сказал:

— Я думаю, что в 1940 году Олимпийские игры пройдут в Токио. Но после этого они всегда, во веки веков, будут проходить только в Германии и именно на этом стадионе.

— Мой фюрер, я верю в ваши слова, — согласился Шпеер.

— По-другому мы жить не должны. Строим Третий рейх, а он ведь обречен существовать тысячелетие. Главное сейчас — надо вычистить страну от внутренних врагов. Наш девиз должен быть одним — горе тому, кто слаб! Мы победили на мировой спортивной арене, значит, мы сильнее других. Впереди политические и военные победы. Только чистые нации способны на такие великие дела…

— Германия превыше всего! — горделиво поднял голову Альберт Шпеер с вскинутой в приветствии рукой.

— Мы празднуем сегодня победу. За поражение в 1918 году наше мщение еще не наступило. Мы тогда были застигнуты врасплох. Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный негодяй может совершить над ней насилие. Поэтому об оплошностях надобно всегда помнить. Нам нынче надо качать мускулы, как никогда, иначе нас могут задавить более сильные нации, — продолжал разглагольствовать Гитлер, разогретый эйфорией победы Германии на мировой спортивной арене.

Но в бочке меда без ложки дегтя не обходится.

На Олимпиаде одна команда опозорила Гитлера. Это были футболисты из Перу. В том году они выиграли у союзников Германии — Финляндии со счетом 7:2, с таким же счетом перуанские спортсмены обыграли Австрию, но три гола были искусственно аннулированы. Окончательный счет равнялся 4:2. Затем весь матч посчитали недействительным без указания веских причин. Из чувства собственного достоинства и в знак протеста вся сборная Перу отказалась от участия в Олимпиаде.

Весь мир прочитал в этом поступке низость и несправедливость хозяина Игр Адольфа Гитлера, несмотря на его ширящийся авторитет.

Еще одной особенностью Берлинской Олимпиады являлось то, что в ней не участвовала команда от СССР, хотя связи, особенно экономические, были налажены. Обмен товарами шел между странами активный. А с другой стороны, мы же воевали друг с другом в период гражданской войны в Испании.

«Друзьями» же обе страны стали после подписания мирного договора в 1939 году. А впервые советская команда выехала на Олимпийские игры только в 1952 году — в Хельсинки.

Настоящим героем Олимпиады стал выдающийся

негритянский легкоатлет из США Джесси Оуэнс, завоевавший четыре золотые медали. Надо сказать, что в Берлин спортсмен прибыл уже на пике славы, чем вызвал особый интерес к себе. Во время финала в прыжках в длину на соревнования прибыл сам Гитлер, который надеялся лично увидеть победу известного немецкого атлета Луца Лонга. Он совершает прыжок и на 4 сантиметра бьет олимпийский рекорд. Луц доволен — он верит в победу. Спортсмен поворачивается в сторону трибуны, где стоит Гитлер, и вскидывает руку в триумфальном приветствии. Ложа фюрера взрывается ором…

Но недолго радовались нацисты. Вот разбегается Джесси и прыгает на отметку 8 метров 6 сантиметров!

Гитлер с досады и в нервном раздражении демонстративно покидает стадион вместе со всей своей свитой…

* * *

В 1936 году из Парижа в Берлин перебирается Петр Николаевич Краснов — генерал от кавалерии Русской императорской армии, атаман Всевеликого войска донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Во время Второй мировой войны он займет пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий.

Переезд из «белого» Парижа в нацистский Берлин имел свои основания и последствия. С генералами Алексеевым и Деникиным он разругался еще в годы Гражданской войны по вопросу взаимодействия с германскими войсками. И вот теперь, видя, как набирает силу нацистская империя, перспективно нацеленная на восток, а это значит, против большевиков, он полностью переходит на сторону Гитлера.

Деникин отверг предложение стать в один строй с немцами против России, пусть даже Советской. Он понимал, что надо будет стрелять не столько по большевистским бонзам, засевшим в Кремле, сколько по рядовым соотечественникам, а это снова большое кровопролитие.

А вот Краснов рвется в бой с «неверными», с атеистами и свои взгляды относительно войны с «Совдепией» обнародует в первый же день войны:

> *«Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих русской кровью. Да поможет*

Господь немецкому оружию и Гитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии русские и император Александр I в 1813 году».

А пока Петр Николаевич на трибунах «болеет» за немецких спортсменов. Ему нравятся сильные, мускулистые, быстрые арии, к которым старый рубака приписывает и своих молодцов — казаков, обиженных Советской властью в первые годы ее правления в России…

Напряженная пропагандистская работа в Германии продолжалась и после окончания Игр. Особенно после выхода уже упоминаемого фильма «Олимпиада», созданного Лени Рифеншталь. Берлин праздновал победу в связи с тем, что немецкие спортсмены завоевали наибольшее количество медалей. Многие мировые СМИ отмечали, что Берлинская Олимпиада «вернула Германию в лоно наций». Но это был лишь фасад, за который прятался расистский режим.

После окончания Игр преследование евреев возобновилось. Ровно через двое суток после победного салюта руководитель Олимпийской деревни Вольфганг Фюрстнер покончил с собой, узнав, что уволен из армии в запас из-за своего еврейского происхождения.

На следующий год после выхода фильма Лени Рифеншталь о спортивных победах Германии, а именно 1 сентября 1939 года, Гитлер решил попробовать свои силы и в военно-политических играх. Этот день — начало Второй мировой войны, нападение гитлеровцев на Польшу.

Многие в окружении немецкого канцлера понимали, что это начало вселенского пожара. Даже шефа военной разведки адмирала Канариса, глубоко знающего реальность обстановки, напугало это действо Гитлера.

В своих беседах с венгерскими друзьями Канарис еще в предвоенные годы неуклонно продолжал считать и говорил близким, что Германия хотя бы из инстинкта самосохранения не должна пускаться в военные авантюры, так как она не имеет шансов остаться в мировой войне победительницей.

Во время поездки в Венгрию к своему другу министру иностранных дел Калману фон Каня и откровенных бесед с ним глава германской военной разведки понял одно: мадьяры уверены, что после Польши будет нападение на Советский Союз.

«СССР не сломается, — утверждали они, — выстоит, так как Советская Россия совсем не похожа на колосс с глиняными ногами, каким его представляют многие шептуны, окружавшие фюрера».

Такого же мнения были и некоторые не только венгерские военные, но и отдельные высокопоставленные генералы вермахта.

Именно здесь, в окружении венгерских друзей осенью 1939 года, обращаясь к тому же фон Каня, Канарис, после победоносного окончания войны с Польшей, пророчески воскликнул:

— Знаешь, Калман, мы уже проиграли войну!.. Сражение, которое ведется без соблюдения элементарной этики, никогда не может быть выиграно. Есть высшая справедливость на земле…

Правда, в этих словах хитрого и прозорливого руководителя абвера уже не было никаких тайн, а лишь четко выстроенный прогноз, возникший на основе анализа объективных данных.

Заигрывание с Гитлером

С образованием РОВС, особенно после 1933 года — времени прихода Гитлера к власти, многие его руководители занялись не только активизацией антибольшевистской идеологии, они полностью переметнулись на сторону врага Советской России. Белая военная эмиграция в лице РОВС хотела одного — «служения России в качестве единственного правопреемника Российской императорской армии и армии белых фронтов Гражданской войны в России». Но какой ценой?

Ценой завоевания территории родной страны германцами, против которых еще два десятка лет они мужественно воевали и критиковали красных за их контакты с противником. Правда, не все разделяли такую точку зрения. Вот почему советская разведка и контрразведка имела огромное количество агентуры среди белого зарубежья.

Это были люди, хотевшие искупить свою вину секретной работой на Советскую Россию. Как выяснилось, многие ошиблись в искренности московских властей. Вместо молчания, доброго слова, наград их нередко арестовывали, судили, отправляли на лесоповал или лишали жизни, подводя под статью, за которую обеспечивалась ВМН — расстрел.

В Москве учитывали, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников СССР могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. И действительно, белые офицеры считали себя находившимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА, учили молодежь, облучая и окормляя ее антисоветской идеологией в недавно созданном «Народно-трудовом союзе нового поколения» (НТСНП).

Проба сил, способных действовать на территории Советского Союза, делалась неоднократно. Так, в 1931 году в СССР были обезврежены группы белых офицеров Потехина, в 1934 году — Дмитриева. В ходе оперативной работы советскими сотрудниками госбезопасности было захвачено 17 террористов РОВС и НТСНП и обнаружено 11 явочных и конспиративных квартир, где встречались специалисты «плаща и кинжала».

В середине 1930-х годов нашей разведке стало известно, что отделение РОВС в Румынии под руководством некоего Жолондковского получало деньги от англичан и немцев на проведение серий террористических акций в Советской России.

Как уже говорилось выше, на Олимпиаду в Берлин для совмещения приятного с полезным отправились и некоторые

ровсовцы из Парижа. Они предлагали свои услуги немцам в тайной борьбе с большевиками. Однако создать сильную и широко разветвленную подпольную сеть в Советском Союзе образца 1937 года при тотальном контроле НКВД было невозможно. Подпольная деятельность РОВС на территории СССР уже выдыхалась.

Уровень авторитета РОВС медленно понижался. Видя бесперспективность разовых забросок и гибель смельчаков без практического вреда для Советской власти, Миллеру стали отказывать даже самые преданные друзья среди западных спецслужб. Так, представитель РОВС в Хельсинки генерал Добровольский прислал своему шефу шифровку в Париж:

> *«…Финские разведчики перестали нас понимать…*
> *Они отказываются проводить акции по заброске диверсионно-разведывательных групп и практически прекратили финансирование».*

После возвращения «из культурных посиделок» на олимпийском стадионе в Берлине генералы Шатилов, Туркул, Драгомиров и штабс-капитаны Закржевский и Фосс стали упрекать руководителя РОВС Миллера в его слабости как руководителя, снижении наступательной активности. Одно время Миллер даже собирался уйти в отставку, но потом передумал. Вся его жизнь была вмонтирована застывшей картиной в подрамник бытия, где человек прилежно учился, потом упорно трудился, но пришло время — и он оглянулся на пройденный путь и понял, что перестал размышлять о смысле своей жизни. Он теперь скользил по наклонной куда-то вниз. Миллер не понимал, зачем толчет воду в ступе, ведь это бесполезное дело. Но сказать и показать себя глупцом никому не хочется.

Упадок работы РОВС никак не говорил о том, что генерал окончательно сломался. Наоборот, порой он встряхивал себя, после чего шла оживленная работа в новых направлениях, а именно с немецкими спецслужбами, готовившимися к мировой войне вместе со своей армией — вермахтом.

Инструктажи немцев ориентировали ровсовцев с «мелких булавочных уколов при бессистемных покушениях и нападениях на советские учреждения и поджогов складов» на стратегические задачи, а именно «на организацию и подготовку крупных выступлений против СССР». Признавая важность террористической деятельности, верхушка абвера и созданного через несколько недель после начала Второй мировой войны РСХА требовала уделить особое внимание подготовке необходимых кадров для развязывания партизанской войны в

случае начала иностранной интервенции против СССР.

По приказанию Миллера в Париже и Берлине были организованы руководимые генералом Головиным курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу молодежи из числа новых членов союза.

Но некоторая холодность со стороны руководства фашистской Германии к инициативам вождей РОВС объяснялась исключительно упорством Гитлера, который в россиянах видел ненадежных партнеров. Еще бы, бывший ефрейтор понюхал не только пороха в окопах Первой мировой войны, но и ощутил, что такое быть раненым неприятельским осколком. В бою под Ле Баргюр 5 октября 1916 года в первой битве на Сомме он был легко ранен в левое бедро осколком гранаты, брошенной русским солдатом.

Недавно в Германии были обнаружены воспоминания военного врача Йохана Ямбора, который оказывал первую медицинскую помощь, а потом лечил будущего фюрера. Напуганный Гитлер, сидя в окопе, громко звал на помощь. Осмотр ранения в пах показал, что ефрейтору придется распрощаться с одним яичком. Узнав эту печальную новость, Гитлер стал интересоваться, может ли он в перспективе иметь детей. По словам Ямбора, его пациент делал все, чтобы доставить медикам как можно больше беспокойства. Он постоянно звал к себе на помощь медперсонал, поэтому доктора лазарета его назвали «крикун».

Не тут ли собака зарыта? Русский осколок чуть ли не лишил его детородного органа, а мог и совсем оторвать гениталии. Срам-то какой! Не мог он простить российскому славянству — своему яростному врагу по Первой войне — такого позора.

Есть данные, что от всех, кто был осведомлен о его ранении, он освободился через концлагеря. Даже отправил в крематорий и друга детства, спасшего его от гибели на правом притоке Дуная — реке Инн в районе города Пассау, когда он стал тонуть. Об этом автору рассказывал местный гид-переводчик в Австрии в 2000 году во время круизной поездки на теплоходе по Дунаю.

* * *

В 1936 году в Испании на выборах 16 февраля побеждают левые силы — Народный фронт, созданный по инициативе Коммунистической партии, а в июле того же года вспыхивает военно-фашистский мятеж, поддержанный Италией и Германией. В ответ развернулась гражданская национально-революционная

война испанского народа против фашизма, поддержанная многими демократическими силами всех стран. Но к 1939 году республика пала под ударами превосходящих сил интервентов и внутренней контрреволюции. В Испании установилась фашистская диктатура во главе с генералом Франко.

Офицеры и солдаты РОВС реагируют на эти события по-разному. Одни поддерживали республиканцев, другие благоволили к противникам Советской России — франкистам.

Что же касается предложений таких прогерманских деятелей союза, как Шатилов, Архангельский, Ионов, «помочь Германии личным составом», они остались практически не замеченными фюрером. Примечателен в связи с этим один документ — письмо генерала А. И. Деникина начальнику РОВС генерал-лейтенанту А. П. Архангельскому, переданное ему в 1946 году. Он, в частности, писал:

> *«Началась война… Вы отдали приказ 1 сентября 1939 года… Чины РОВС должны исполнить свое обязательство перед страной, в которой они находятся, и зарекомендовать себя с лучшей стороны, как подобает русскому воину.*
>
> *Что касается принявших иностранное подданство — это дело их совести. Но призывать служить одинаково ревностно всем — и друзьям и врагам России — это обратить русских воинов-эмигрантов в ландскнехтов.*
>
> *Советы выступили войной против Финляндии. Вы «в интересах (якобы) русского национального дела» предложили контингенты РОВС Маннергейму. Хорошо, что из этого ничего не вышло. Ибо не могло быть «национального дела» в том, что русские люди сражались бы в рядах финской армии, когда финская пропаганда каждодневно поносила не только большевиков и СССР, но и Россию вообще и русский народ. А теперь уже нет сомнения в том, что при заключении перемирия Ваши соратники, соблазнившиеся Вашими призывами, были бы выданы Советам головой, как были выданы власовцы.*
>
> *Допустим, что это были ошибки. Всякий человек может добровольно заблуждаться. Но дальше уже идут не ошибки, а преступления.*
>
> *Челобития Ваши и начальников отделов РОВС о привлечении чинов его на службу германской армии, после того как Гитлер, его сотрудники и немецкая печать и во время войны, и задолго до нее высказывали свое презрение к русскому народу и к русской истории, открыто*

проявляли стремления к разделу и колонизации России и к физическому истреблению ее населения, — такие челобитные иначе как преступления назвать нельзя.

Пропаганда РОВС толкала чинов Союза и в немецкую армию, и в иностранные легионы, и на работу в Германию, и в организацию Шпеера, вообще всюду, где можно было послужить потом и кровью целям, поставленным Гитлером.

Уже 23 апреля 1944 года, когда не только трещали все экзотические легионы, но и сама германская армия явно шла к разгрому, Вы еще выражали сожаление: «даже к участию в «голубой испанской дивизии» не были допущены белые русские… Для нас это было горько и обидно…»

Но самое злое дело — это «Шютцкор» — корпус, сформированный немцами из русских эмигрантов, преимущественно из чинов РОВС в Югославии. Он подавлял сербское национальное восстание против немецкого завоевания. Тяжело было читать ростопчинские афиши главных вербовщиков и Ваше «горячее пожелание всем сил и здоровья для нового подвига и, во всяком случае, для поддержания зажженного ген. Алексеевым света в пустыне». Должно быть, праведные кости ген. Алексеева, покоящегося на сербской земле, перевернулись в гробу от такого употребления.

У Вас не могло быть даже иллюзии, что немецкое командование пошлет «Шютцкор» на Восточный фронт, ибо оно никогда такого обещания не давало.

В результате почти весь «Шютцкор» погиб. Погибло множество непричастных русских людей не только от злодейства чекистов, но и благодаря той ненависти, которую вызвали в населении Югославии недостойные представители нашей эмиграции. Русскому имени нанесен был там жестокий удар.

Правда, в 1944 году Вы охладели к «Шютцкору», «из которого стали уходить здоровые и хорошие элементы», но было уже поздно. Ваши устремления направились на РОА, или так называемую «Армию Власова». И в то же время как несчастные участники ее, попав в тупик, проклиная свою судьбу, только и искали способы вырваться из своей петли, Вы с сокрушением писали: «… нас не только не допускают в РОА, но во многих случаях даже ограничивают наши возможности общения с ними…».

Теперь, в свете раскрывшихся страниц истории, невольно встает вопрос: что было бы, если бы все призывы руководителей РОВС были услышаны, если бы все намерения их были приведены в исполнение? Только недоверие к нам немцев и пассивное сопротивление большинства членов Союза предохранило их от массовой и напрасной гибели.

Вот те мысли, которые были высказаны мною на закрытом собрании, по возможности щадя Вас, и которые, по словам ген. Ионова, «вызвали общее негодование лучшей части Белого воинства против ген. Деникина».

Позвольте мне не поверить ни Вам, ни ген. Ионову.

После четверти века небывалых в истории испытаний уцелевшее русское воинство, раскиданное по всему земному шару, в большинстве своем и в «лучшей части» сохранило русский дух и русское лицо.

Ваше Превосходительство! Когда-то, в роковые дни крушения Российской империи, я говорил:

— Берегите офицера! Ибо от века и доныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности.

К Вам и к тем, что с Вами единомышленники, эти слова не относятся.

Генерал Деникин».

Генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский (1872–1959) взял на себя бразды правления РОВС и держал их с марта 1938 года по январь 1957 года. В 1944 году после освобождения Бельгии от нацистов Советское правительство потребовало выдачи генерала Архангельского, но бельгийские власти отказали в этом. После войны генерал проделал большую работу по восстановлению РОВС. В январе 1957 года по состоянию здоровья передал должность председателя Союза генерал-майору фон Лампе. Скончался Архангельский в Бельгии.

Генерал-майор Александр Михайлович Ионов (1880–1950), войсковой атаман семиреченских казаков. После Гражданской войны в результате эвакуации побывал в Китае, Новой Зеландии, Канаде и, в конце концов, оказался в США, являясь представителем РОВС в этой стране. Скончался в 1950 году в Нью-Йорке.

Эти два лукавых барабанщика политики РОВС на установление контактов с Гитлером и оказания ему военной помощи стали ненужными берлинскому русофобу. Думается, он боялся русского офицерства, которое воевало с кайзеровской

Германией в Первую мировую войну.

Он даже страшился долгое время использовать личный состав РОА генерала Власова, хотя там практически не было тех, кто воевал против него в 1914–1918 годах. По всей вероятности, его пугали данные Канариса и Гиммлера о ненадежности российской агентуры, массово забрасываемой за линию фронта и так же часто сдававшейся своим соплеменникам.

«Агент над потолком»

Эта история достойна находиться в анналах любой разведки мира примерами смелости, настойчивости и продуманности шагов в добывании нужной информации при постоянном слуховом контроле объекта интереса. Речь идет о разработке руководителей и штаба уже упоминаемого РОВС в Париже сотрудниками и агентурой внешней разведки ОГПУ и НКВД СССР в 1920 — 1930-е годы.

Одним из таких негласных помощников органов госбезопасности был Сергей Николаевич Третьяков (1982–1944) — российский предприниматель, политический деятель, председатель экономического совета Временного правительства.

Происходил он из семьи московских текстильных фабрикантов; внук московского городского головы С. М. Третьякова — создателя художественной галереи.

Трудовые вехи Сергея Николаевича изобилуют интересными предпринимательскими и административными начинаниями.

С 1899 года он возглавлял фабрично-торговое товарищество «Николай Третьяков и К°», а с 1905 года — Товарищество Большой Костромской льняной мануфактуры.

В 1901–1905 годах учился на физико-математическом факультете Московского университета. После окончания учебы женился на Наталье Саввишне Мамонтовой, представительнице богатейшего московского рода, и занялся бизнесом. Очень скоро он стал одним из наиболее влиятельных предпринимателей льняной отрасли, владельцем крупных текстильных предприятий. Февральскую революцию Сергей Николаевич поддержал, но не безоговорочно.

Третьяков 15 июля 1917 года передал Керенскому декларацию торгово-промышленных кругов. В ней были отдельные требования, которые актуальны и по сей день. Приведу несколько фраз:

> *«Вся власть Временному правительству…*
>
> *Восстановление боевой мощи армии и железной дисциплины в тылу должно быть доведено до конца. Не место в правительстве лицам, представляющим лишь самих себя…*
>
> *Временное правительство не вправе предпринимать коренной ломки существующих социальных отношений до Учредительного Собрания.*
>
> *Должна быть немедленно создана твердая власть на*

местах. Внешняя политика России должна покоиться на полном единении с союзниками…

Всякие классовые притязания как промышленников, так и рабочих должны быть подчинены государственным интересам…»

К сожалению, переговоры были прерваны, в связи с тем что Керенский отказался удовлетворить требование Третьякова о выводе из правительства эсера В. М. Чернова.

Летом 1917 года избирается гласным Московской городской думы по списку Партии народной свободы (кадетов). Во время Октябрьской революции был арестован вместе с другими членами правительства в Зимнем дворце. Находился в заточении в Петропавловской крепости, но в конце февраля 1918 года его освободили из заточения. Эмигрировал в Финляндию, но затем перебрался на юг России к А. И. Деникину для борьбы с большевиками.

В сентябре 1919 года по приглашению Верховного правителя России А. В. Колчака прибыл в Сибирь, где стал министром торговли и промышленности в правительстве П. В. Вологодского. А после его отставки являлся заместителем председателя Совета министров и министром иностранных дел в так называемом Омском правительстве В. Н. Попеляева.

После разгрома колчаковских армий и ареста адмирала Колчака эмигрировал в столицу поверженной России на Дальнем Востоке в белый Харбин (Китай), а затем вернулся в Европу, став членом финансового совещания у П. Н. Врангеля.

Обосновавшись в Париже, он в 1921 году становится одним из руководителей Русского комитета помощи голодающим России, а с 1924 года — Русского комитета объединенных организаций. Однако скоро разочаровался в политической деятельности и перспективах эмигрантского движения.

Именно в эмиграции во Франции он стал ощущать катастрофическое отсутствие средств существования, потеряв все свои богатства и сбережения в ходе революции.

Постепенно он пришел к мысли, что эмиграция потеряла какое-либо значение в смысле борьбы с Советской властью и в смысле ее влияния на политику иностранных государств.

«Эмиграция постепенно умирает, — размышлял Третьяков. — Советская Россия не даст себя завоевать. С ней стали считаться другие страны. А мы — отлетевшие и унесенные ветром грандиозных перемен пожухлые листья. Нет, нет — эмиграция скоро отдаст Богу душу. Она превратится в покойника».

Испытывая материальные затруднения, пристрастился к

алкоголю, зарабатывая на жизнь в качестве сотрудника журнала «Иллюстрированная Россия» у издателя Миронова.

Работая в издательстве, Третьяков часто встречался с давним знакомым И. А. Кирилловым, бывшим деятелем Союза городов в Сибири, а теперь содержавшим «юридический кабинет». Но и он ничего не мог предложить в смысле прилично оплачиваемой работы, зато тут он «случайно» встретился с инженером Александром Окороковым, в какой-то степени коллегой со времен, когда тот занимал пост управляющего торговлей в колчаковском правительстве в Омске.

Окороков давно связал свою жизнь с большевиками.

В разговорах он намекал на это. Однако Третьяков не спешил расширять в контактах тему сотрудничества с агентом ОГПУ, хотя понимал, что к некоторым его намекам есть смысл прислушаться — там могут быть деньги. Но он боялся углубляться в разговорах и идти дальше. А парижская жизнь прозябающего не давала покоя.

На этой основе в один из дней глубокой депрессии сделал попытку суицида — принял большую дозу веронала. Его спасла дочь. Она быстро отвезла отца в больницу и таким образом спасла от смерти.

Конечно, жилось в те годы — после окончания Первой мировой войны и очередного экономического кризиса — всем очень трудно: и местным, и эмигрантам. Последним, наверное, труднее. Материальные контрасты — до революции и в эмиграции — для Третьяковых были разительны.

Остается исторической загадкой только одно обстоятельство: почему Третьяков хранил деньги в основном в России, живя во Франции? А то, что деньги на родине у него были, нет сомнения. Об этом писали исследователи его жизни.

Именно нужда и стеснение привели к тому, что супруга Третьякова не единожды устраивала скандалы мужу, а потом и вовсе подала на развод. Он такого крутого поворота не ожидал…

В поисках семейного приработка Наталья Саввишна стала перепродавать парфюмерию, дочь дома шила женские шляпки для реализации, а сын все искал и искал работу…

И вот для Третьякова настал тот день, когда заманчивые предложения в одном лице инженера и агента ИНО ОГПУ Александра Матвеевича Окорокова (имел агентурный псевдоним «Ветчинкин») стали вполне реальны, и он принял их.

В 1929 году Окороков завербовал Третьякова в качестве агента внешней разведки ОГПУ (с 1934 года НКВД. — *Авт.*) под псевдонимом «Иванов».

* * *

В штаб-квартире ОГПУ на Лубянке шла активная фаза разработок эмигрантских центров за границей. В частности, в это время внешней разведке (ИНО ОГПУ) была поставлена задача по поиску подходов к руководителям Русского общевоинского союза (РОВС), его штабам, их структурам и планам антисоветской и террористической деятельности на территории СССР.

Взрыв в Ленинграде партийного клуба на Мойке, проведенный террористической группой В. Ларионова и С. Соловьева в 1927 году, был самым крупным успехом боевиков РОВС. В результате теракта получили ранения разной степени тяжести около 30 человек сотрудников партийного клуба и его посетители.

Были и другие акты диверсионных и террористических проявлений ровсовцев и им подобных антисоветских зарубежных организаций на территории СССР.

Самым эффективным средством борьбы с такими центрами, союзами, альянсами и был старый как мир метод — внедрение своей агентуры.

Итак, в Париже заработал очередной агент ОГПУ — «Иванов».

Третьякову советскими разведчиками была поставлена задача — врасти в обстановку и быть готовым к конкретным действиям.

Посмотрим, каковы были эти действия.

На средства советской внешней разведки Третьяков снял три квартиры в одном из зданий Парижа, где располагался главный штаб РОВС, и затем сдал часть помещений этой организации, испытывающей глубокие финансовые трудности, по крайне низкой цене. Оперативные техники НКВД заранее оборудовали эти квартиры средствами слухового контроля, что позволило вести практически круглосуточное прослушивание разговоров руководителей и других членов антисоветской организации.

Вскоре многие отделы РОВС постепенно разместились в этих помещениях. Таким образом, заработал канал получения важнейшей объективной информации. Теперь все, что говорилось в кабинетах руководителя РОВС Миллера, начальника 1-го отдела Шатилова и руководителя канцелярии РОВС Кусонского, становилось известно Третьякову.

После похищения в 1937 году главы РОВС генерала Е. К. Миллера при участии другого агента НКВД — генерала Н. В. Скоблина, именно промышленник и предприниматель в прошлом С. Н. Третьяков — «агент над потолком» кабинета руководителя РОВС, — помог провалившемуся генералу избежать ареста и скрыться.

Дело было так.

Как уже известно, его квартира находилась на улице Колизей над квартирой, принадлежавшей РОВС, и у него были наушники, при помощи которых он через микрофон слушал все то, что происходило внизу, в канцелярии РОВС.

Поздним вечером, а вернее ночью, когда генералы белой армии допрашивали Скоблина, Третьяков у себя на квартире слышал, как постепенно допрашивающим становится ясно, что Скоблин играл ведущую роль в деле похищения Миллера.

Третьяков понял, что Скоблин сейчас бросится из квартиры вон. И в момент, когда наш провалившийся агент выбежал из дверей штаб-квартиры РОВС и вбежал на лестничную площадку Третьякова, тот уже стоял у открытых дверей, спасая его от неминуемого ареста.

Генералы только через несколько минут опомнились и гурьбой сбежали вниз, считая, что беглец выбежал на улицу Колизей. Они не догадывались, что у него есть место для своей личной безопасности этажом выше.

Подробности всей операции с участием Скоблина будут рассказаны в последующей главе.

Как же Сергей Николаевич Третьяков характеризовался на негласной работе?

На официальном и открытом сайте Службы внешней разведки агентурная работа «Иванова» отмечалась следующим образом:

> *«Одним из направлений его разведывательной деятельности была работа по Русскому общевоинскому союзу. На протяжении длительного времени являлся основным участником оперативного мероприятия «Информация наших дней» — прослушивание помещений штаб-квартиры РОВС.*
>
> *Передаваемые им в Центр материалы представляли большой оперативный интерес».*

Вот так оценили его деятельность сегодняшние профессионалы…

Ни Второе бюро Франции, ни контрразведка РОВС не могли докопаться до истины. Оба правоохранительных органа не догадывались, что Третьяков такой же агент НКВД, как и генерал Скоблин.

* * *

Во время нацистской оккупации Франции гестапо допросило председателя «Общества галлиполийцев» и бывшего начальника 1-го отдела РОВС генерал-лейтенанта Владимира Константиновича Витковского о его знакомстве с Третьяковым.

Витковский признался, что с ним он практически не встречался, но подтвердил, что знает последнего только как хозяина комнаты, находящейся над кабинетом руководителя РОВС.

Этой информации было достаточно для гестаповцев, чтобы понять: они напали на след крупного советского агента. Сотрудники тайной государственной полиции провели самостоятельное расследование о причинах провалов в РОВС. В ходе агентурно-оперативных и оперативно-технических мероприятий они обнаружили в квартире Третьякова аппаратуру для прослушивания и проводку с закамуфлированными микрофонами в ровсовских кабинетах. Одна из проводных линий из квартиры Третьякова вела прямо в полпредство СССР — в посольскую резидентуру внешней разведки НКВД.

В 1942 году Сергей Николаевич был арестован.

Костоломы Генриха Мюллера быстро раскололи Третьякова. Последнему ничего не оставалось, как признать, что он являлся агентом НКВД. После ареста и непродолжительного по времени разбирательства его этапируют в концлагерь Оранненбург близ Берлина, где 16 апреля 1944 года он был расстрелян.

Но есть и другая версия. Известный литературный критик, славянофил и писатель Вадим Кожинов в своей книге «Россия. Век XX (1901–1939)» утверждает, что патриот России С. Н. Третьяков ушел из жизни в декабре 1943 года — изуверы-нацисты отсекли ему голову.

Так закончилась карьера одного из многих агентов НКВД в пору оседания представителей серебряного века в Париже, потомка известного мецената и основателя художественной галереи, сломанного «годиной всеобщего зверства» после Первой мировой и Гражданской войн.

Плевицкая и Скоблин

В начале XX века кто не знал имя Надежды Васильевны Плевицкой (1879–1940) и чудесный, чарующий голос (меццо-сопрано) этой русской певицы — исполнительницы русских народных песен и романсов, которые не столько соскальзывали из голосовых связок, сколько вырывались из ее души дерзко, порочно, страстно. Родилась Надя Ванникова в простой крестьянской семье в селе Ванниково Курского уезда Курской губернии.

Условия деревенской жизни позволили ей окончить всего лишь два с половиной класса церковно-приходской школы. С детства она любила петь. Слова песен хватала на лету — обладала хорошей слуховой памятью. И захотелось девчушке показать свой голос и напеть мелодии профессионалам.

— Мама, можно я покажусь хористкам?

— Дежка (так ее величала мать), да куды ж тебя тянет, малограмотную. Ты едва только научилась считать и писать. Работы в хозяйстве невпроворот. Ты тута нужнее, Дежка.

— Хочу послушать хористок и самой попеть в хоре Свято-Троицкого женского монастыря, — смело и откровенно заявила девочка.

— Ну что ж, неволить не буду. Попробуй. Только у тебя ничего не получится. Ты че, хочешь остаться в монастыре?

— Нет, я хочу проверить себя…

Проверка продолжалась более двух лет в роли послушницы. Не понравилась жизнь в неволе вольной птичке. Для нее кельи были клетками, а потому монастырская жизнь не пришлась по душе шестнадцатилетней вольнолюбивой девочке. Потом она образно подметит: «Тут, за высокой стеной, среди тихой молитвы копошится темный грех, укутанный, спрятанный».

Скоро девушка устраивается наперекор матери в Курский цирк, потом переезжает в Киев и поступает хористкой в капеллу А. В. Липкиной. Здесь впервые она стала исполнять сольные партии. Не зная нот, музыкальной грамоты, та, которую называли в детстве Дежка, покоряет слушателей удивительным голосом и абсолютным музыкальным слухом. Позднее она вступила в балетную труппу Штейна, где встретилась с бывшим солистом балета Варшавского театра Эдмундом Плевицким, за которого вскоре вышла замуж.

После этого она переезжает в Москву, выступает на сцене широко известного богемного в то время ресторана «Яр». Не без протеже Леонида Собинова и Федора Шаляпина поет в Большом

зале Консерватории. Она была знакома с Качаловым, Москвиным, Есениным, Кшесинской, Рахманиновым и другими деятелями культуры. Не раз выступала при дворе. Царица Александра Федоровна как-то подозвала певицу к себе:

— Вы пели вдохновенно. Примите от меня вот эту брошь. Мне будет приятно, что она будет украшать такую одаренную певицу.

Тут же она приколола ее к платью. Зайдя в свой номер гостиницы, Надежда обнаружила, что подарок был очень дорогой — брошь представляла собой жука, осыпанного бриллиантами.

«Теперь он для меня будет амулетом», — подумала Надежда и действительно долгие годы выступала на сценах с этой брошью. Певице всегда везло!

Царь Николай Второй любил слушать ее пение. После одного из выступлений от нахлынувших чувств он даже всплакнул, назвав певицу «наш курский соловей».

Правда, среди пишущей братии находились и злопыхатели. Так, над прославленной уже певицей потешались сатирики-пародисты, высмеивающие ее селянское происхождение и музыкальную необразованность.

А вот вам — баба от сохи,
Теперь в концертах выступает,
Поет сбор разной чепухи.
За выход «тыщу» получает.

Но, несмотря на куплетные издевки и критиканство, успех певицы был прочным и длительным. Попутный ветер дул в ее паруса, и творческая ладья понесла певицу по просторам России.

На неслыханные по тем временам гонорары (в дореволюционной России Плевицкая была одной из самых высокооплачиваемых артисток) дочь бедных крестьян покупает роскошную квартиру в Петербурге, а на малой родине строит шикарный особняк, любимое место ее летнего отдыха. Романы завязываются легко и быстро. Она предпочитает военных. Ее вторым мужем становится поручик кирасирского его величества полка некий Шангин. С первым супругом, Плевицким, она поддерживает приятельские отношения.

Разразившаяся война 1914 года отправляет Шангина на фронт. Его часть стояла в районе Ковно. Она едет к мужу и устраивается в дивизионном лазарете сиделкой. В 1915 году Шангин погибает «на поле чести и славы». С таким характером, какой был у Надежды, она недолго оставалась неутешной вдовой. Вскоре певица выходит замуж. Сердце ей предложил сын командира 73-й пехотной дивизии поручик Юрий Левицкий,

который вскоре перебежал к красным и стал командиром взвода. Но война и две революции лишили певицу квартиры и загородного поместья.

Она оказалась на территории, занятой большевиками. Сориентировалась быстро — стала часто выступать перед красноармейцами в Курске и Одессе, где у нее был бурный, но скоротечный роман с сотрудником Одесской ЧК Шульгой. А потом она вместе с незадачливым мужем попадает в плен к белым. Конные разведчики Корниловской дивизии, которой тогда командовал генерал Скоблин, в «красной медсестре» узнают выдающуюся певицу. Она дает один за другим концерты. Судьба мужа неизвестна, можно, конечно, предположить, что белые в живых его не оставили.

В зависимости от аудитории Надежда легко могла спеть и «Боже, царя храни», и «Смело мы в бой пойдем».

Скоблин теряет голову, слыша ее пение. Вскоре она с войсками Врангеля эвакуируется из Крыма и оказывается в турецком городке Галлиполи. Там состоялось тайное обручение Плевицкой с молодым генерал-майором Скоблиным, ставшим в будущем активным членом Российского общевоинского союза (РОВС). А потом странствия и гастроли по европейским столицам и даже в 1924 году по США. На один из концертов Надежды Плевицкой в Нью-Йорке попал «русский Роден» — живописец и скульптор Сергей Коненков, живший в это время с женой Маргаритой в Америке.

Впервые он познакомился с ее «голосовым творчеством» еще в Москве, в период ее восхождения на небосвод российской эстрады. В газетах и на афишах 1910–1917 годов имя Надежды Васильевны Плевицкой печаталось аршинными буквами, красными и синими на белом фоне бумаги, символизирующими цвета российского флага, — как он помнил, на полотнищах объявлений, развешанных на театральных тумбах. Билеты на ее концерты продавались втридорога. С тех пор в его памяти сохранился «коронный» номер ее репертуара — народная песня на стихи поэта Ивана Никитина «Ухарь-купец».

И вот подарок судьбы — целый концерт! Да какой — певице аккомпанировал сам Сергей Васильевич Рахманинов!

Коненков был потрясен и пленен талантливостью ее трактовки российских родных мелодий. Как художник, он понимал, что ее творчество затмило еще недавно господствовавшие стиль русско-цыганского пения Вари Паниной и жанр салонно-театрализованного лиризма Анастасии Вяльцевой. Появилась певица с русским корневым, народным творчеством исполнения романсов. Она не стеснялась петь с

эстрады песни разного социального среза. Могла спеть о героической гибели крейсера «Варяг» и его экипажа, о непосильном труде корабельного кочегара в «Раскинулось море широко», о подожженной Москве в 1812 году, о событиях, разыгравшихся «на старой Калужской дороге» и о бродяге в «диких степях Забайкалья», о тяжком труде фабричного люда в «Думе ткача», о смерти бедной крестьянки в «Тихо тащится лошадка» и проч.

После каждого куплета люди вставали с мест и награждали певицу криками «браво» и гулкими аплодисментами. Она не раз выходила на «бис», чтобы повторить тот или иной романс.

Певицу радушно встречает белая эмиграция. Хитом тогдашнего репертуара исполнительницы была песня «Замело тебя снегом, Россия…», написанная в 1918 году на слова и музыку Филарета Чернова.

Вот его скупые и понятные слова, грустинкой проникающие и отогревающие сердца нашей эмиграции:

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.
Ни пути, ни следа по равнинам,
По сугробам безбрежных снегов.
Не добраться к родимым святыням,
Не услышать родных голосов.
Замела, замела, схоронила
Все святое родная пурга.
Ты — слепая жестокая сила,
Вы, как смерть, неживые снега.
Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.

Коненков так рассказывал о впечатлении, вынесенном с концерта Плевицкой и Рахманинова:

«Одета Плевицкая в русский сарафан, на голове кокошник — весь в жемчугах. Рахманинов в черном концертном фраке, строгий, торжественный. У Плевицкой, выросшей в русской деревне, жесты женщиныкрестьянки, живые народные интонации, искреннее волнение в голосе…»

Коненкова охватило вдохновение.

«Запахло, как запахло Россией», — подумал в восторге творец. Сергей Тимофеевич настолько проникся уважением и, надо прямо сказать, любовью к самородному таланту и красоте души Плевицкой, что решил запечатлеть ее портрет.

С учетом непродолжительности гастролей начались срочные сеансы позирования.

— Надежда Васильевна, только я хотел бы запечатлеть вас такой, какой видел в 1914 году, в праздничном наряде курской крестьянки — сарафане, кокошнике и бусах, — предложил скульптор.

Она согласилась, потому что в концертном гардеробе имелись эти сценические костюмы.

В 1925 году, незадолго до открытия своей персональной выставки Сергей Коненков завершает работу над портретом прославленной исполнительницы.

Как писал Ю. А. Бычков, «Коненков вылепил Надежду Васильевну в состоянии глубокой задумчивости, отрешенности от суетности мира, перенесшейся мыслью, памятью, сердцем в родные края. Он, смягчив резкие крупные черты ее лица, добился, тем не менее, поразительного портретного сходства. Любовь, нежность, понимание, проникновение — все это есть в портрете Плевицкой работы Коненкова…»

Сергей Тимофеевич пояснял:

> *«Я постарался в облике ее подчеркнуть, что она русская крестьянка».*

Певицу встречает радушно и белая эмиграция, и местные жители. Муж Плевицкой генерал Скоблин выступал в США в качестве ее антрепренера.

* * *

А вообще в Париже семейству Скоблина и Плевицкой жилось несладко — репертуар певицы, состоявший из русских народных песен и романсов, был интересен лишь обездоленным белым эмигрантам, большинство из которых влачило жалкое существование. Доходов от концертов едва хватало, чтобы оплачивать коммунальные услуги. Приходилось питаться довольно скромно, покупая продукты в дешевых магазинах…

Но неожиданно в середине 1930-х годов финансовые дела Плевицкой и Скоблина стали стремительно поправляться. За продуктами сначала они ходили пешком, а потом неожиданно на

рынки стали ездить на такси. А вскоре супруги покупают автомобиль. Лечатся в дорогих санаториях, модно, со вкусом одеваются. Поползли слухи по колонии, что «святое семейство», по всей вероятности, заимело дополнительный источник обогащения. Тут же нашлись те, кто указал адресок финансового источника — ГПУ.

Друзья, коллеги, знакомые не верят в такого рода перерождение боевого и мужественного генерала. Для многих он образец для подражания — эталон «корниловского бойца и офицера».

Интересны воспоминания певицы — царицы парижских кабаре Людмилы Лопато. Она рассказывала: «…однажды у друзей мы встретили даму необыкновенной красоты и элегантности — Альму Эдуардовну Павлову. Она была родом из Австрии, в молодости встретившая знаменитого Полякова — строителя железных дорог, из московской династии банкиров Поляковых. Детей у них не было, а вот времени свободного много, чтобы заниматься каким-либо полюбившимся делом.

В Париже она стала попечительницей русских инвалидов и одной из первых женщин начала пропагандировать во Франции русскую моду…

У Альмы Эдуардовны бывала и певица Надежда Плевицкая, приезжавшая к ней домой в русском костюме и кокошнике… В один из вечеров она спела гостям «Помню, я еще молодушкой была…».

Плевицкая решила передать эту песню мне. Уже на этих встречах я чувствовала, что у Плевицкой была какая-то тайна, страшная тайна. Только потом мы узнали, что она была агентом НКВД под кличкой «Фермерша».

* * *

Николай Владимирович Скоблин (1893–1937 или 1938) — до сих пор личность загадочная. Окончил кадетский корпус и юнкерское училище. Участник Первой мировой войны.

Подпоручик Скоблин 30 декабря 1915 года был награжден орденом Георгия 4-й степени. В представлении к ордену и в аттестации отмечалось:

> *«За мужество и храбрость, проявленные им 7 июня 1915 года в бою с австрийцами у сел Сновидово и Космержин, где он под сильным действительным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем*

примером лихой храбрости ободрял своих нижних чинов и энергично увлекал их за собою вперед, быстрым ударом в штыки вверенной ему роты взял с боя 2 пулемета и содействовал взятию в плен батальона австрийцев с офицерами».

В 1917 году в чине штабс-капитана вступил в ударный батальон. Вместе с первыми добровольческими отрядами белых участвовал в знаменитом Ледовом походе. Командовал Корниловским полком, ставшим вскоре дивизией. В период эвакуации соединения из Крыма в последние часы обошел набережную с одной целью: убедиться, что каждый боец—корниловец был погружен на пароход «Саратов». Как считают многие, пишущие о нем, он последним из участников Белого движения 2 ноября 1920 года покинул родную землю и ступил на палубу покидающего навсегда Россию боевого корабля.

Несмотря на то что знаменитая супруга была старше его почти на два десятка лет, это обстоятельство не помешало быть им верной, заботящейся друг о друге и любящей парой. Нищету и унижение они испытали на турецкой земле в Галлиполи, а затем в Париже. Несмотря на то что он оставался начальником (так тогда называли командиров) прославленной Корниловской офицерской части и мог по тревоге собрать весь ее личный состав, ходить в форме по городу он стеснялся. А как только переоблачался в цивильную одежду, для окружающих его друзей Скоблин казался невзрачным, маленьким, ниже ростом по сравнению с его высокой красавицей супругой.

Все корниловцы с 1924 года входили в образованный «Российский общевоинский союз» (РОВС), как уже упоминалось, организацию, объединяющую русское офицерство в эмиграции, готовое по приказу сверху в любое время выступить в интервенционистский поход против Советской России. Это было племя единомышленников, прямо или косвенно обиженных Советской властью.

В среде русских офицеров к Скоблину относились с почтением не только потому, что он геройски дрался на полях сражений в рядах добровольцев с красноармейцами, что командовал самым уважаемым в Русской армии Корниловским полком, а затем дивизией, что никогда не жаловался на тяготы ратной жизни, что стал самым молодым генералом в Белом движении, а, наверное, из-за того, что он светился в лучах авторитета своей прославленной и словоохотливой жены — певицы Надежды Плевицкой.

В литературе встречается много фактов, свидетельствующих

о контактах четы Скоблиных с семьями Кутепова и Миллера еще по периоду Галлиполи. Эта дружба продолжилась и в Париже.

РОВС для руководства Советской России представлял опасность не только чисто идеологическую, но и военную, способную мобилизовать белые кадры для похода на Москву. Соответствующие начальники ВЧК, а затем ОГПУ, кроме того, видели в «Парижском монстре» источник активизации разведывательных, диверсионных и террористических поползновений, а поэтому скоро получили задание на нейтрализацию Белого союза. Для этого нужна была преданная агентура.

* * *

Ярким солнечным августовским днем в кабинете начальника 1-го отдела ИНО ОГПУ Серебрянского сидел некий гражданин по фамилии Ковальский. Он внимательно слушал инструктаж своего оперативного начальника, часто щурясь от лучей солнца, заглядывающих в окно. Когда последний инструктаж закончился, хозяин кабинета вежливо спросил:

— Петр Георгиевич, вам в целом понятна миссия, которая, я думаю, должна завершиться удачно?

— Яков Исаакович, то, что я прочел у вас о моем бывшем друге по ударному батальону, и то, что я услышал из ваших уст, позволяет мне сделать предположение, что и Скоблин и Плевицкая созрели для идеи помогать нам. Они, с одной стороны, на финансовом дне, с другой — ностальгия толкнет их сделать все, что нужно нам в ответ на приезд в Россию, — заключил чекистский агент. — Тем более у меня будет мой главный козырь — «вербовочное» письмо брата Скоблина.

— Хотя мы и подготовились как следует, нельзя забывать о факторе времени и человеке. Да, время лучший учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников. Человек подвластен постоянному влиянию внешней среды. То, что было вчера, сегодня может измениться до неузнаваемости. Поэтому — осторожность и еще раз осторожность при вербовке…

Главное, убеждайте его, что он нужен не столько для ОГПУ, сколько для РККА как воин, как специалист, как, возможно, в будущем красный полководец. Не скупитесь в красках при зарисовках будущего. Если он заинтересуется Россией, расскажите на примере генерала Слащева, что Советская власть ему все простила и хорошо устроила. А расстрелять — это только поднимать международную шумиху.

Надо отметить, что значительная часть рядового и офицерского состава белых армий за границей испытывала чувство ностальгии о покинутых городах и селах, родственниках и семьях. Манила далекая своей близостью сердцу Родина. В их среде возникло желание вернуться в Россию. Особенно эти чувства стали разрастаться после принятия ВЦИК 7 ноября 1921 года Декрета об амнистии. Русская эмиграция за границей 6 мая 1922 года создала патриотическую организацию «Союз возвращения на Родину», так называемый «Совнарод». Плевицкую неоднократно видели в помещении «Совнарода».

Она часто вспоминала о своих концертных успехах в России и, оказавшись против своей воли в эмиграции, не раз убеждала мужа последовать примеру некоторых его соратников по Белому движению, в частности, генерала Слащева, который, покинув зарубежье и приехав в Москву, стал преподавателем Военной академии.

— Коля, у нас там будет лучшая жизнь, я могу, как народная певица, легко устроиться и даже продвинуть тебя по военной службе, — убеждала Надежда.

— Нет, Наденька, не могу я сегодня сделать этот шаг. Они, красные, не простят мне пролитой их крови. Да и все мои однополчане живут в Париже, не помышляя о переездах.

— Глупости! Забвение — непременное условие времени, — заметила жена.

— Хм, я понимаю, что забвение — это вторая смерть, которой великие натуры страшатся больше, чем первой, — попал в точку рассуждений супруги.

— Умирает любовь от усталости, а хоронит ее забвение. — Надежда повернула голову в сторону Николая и впилась карими очами в его усталые глаза. Ее взгляд оказался настолько холоден, что он на мгновение даже вздрогнул и отвернулся.

— Время покажет, — смягчил свою позицию Скоблин.

* * *

Петр Георгиевич Ковальский с целью вербовки генерала Скоблина и его жены Плевицкой ранней осенью, а точнее, 2 сентября 1930 года поздно вечером прибыл поездом в Париж из Вены. Выйдя на привокзальную площадь, он остановил такси и попросил отвезти его в отель в Мон-Сени. Номер в гостинице ему был заказан заранее людьми, близкими к резидентуре ГПУ в Париже.

Видно было, что новый постоялец нервничал. Ночь провел в

раздумьях о том, как встретит его сослуживец, ведь сколько воды утекло, — десять лет не виделись! Лежа в постели и уставившись в потолок, он перебирал в памяти не столько дни совместной службы, сколько строил прогнозы на завтрашний день. Как он встретит его? Примет ли с распростертыми объятиями или с генеральской чванливостью холодно ответит вчерашнему подчиненному штабс-капитану Ковальскому? А как поведет себя, если предложить ему поработать на новую Россию? Потянет в полицейский участок, изобьет или примет предложение и согласится работать на СССР?

Обрывки коротких вопросов оставались без ответа и не давали уснуть. Поэтому ночь прошла в каком-то кошмаре, сделавшем его под конец ночи не отдохнувшим, а обессиленным, разбитым. Однако утром, освежившись холодной водой и с удовольствием перекусив в отеле, он покинул место ночного приюта.

Кто же такой этот вербовщик?

Сын железнодорожника, выпускник Одесского военного училища 1915 года в звании прапорщика. Летом того же года оказался на фронте. Через год он уже штабс-капитан. Чем не баловень судьбы — за полтора года он получил три чина. Его мужество и решимость были отмечены восемью орденами и медалями. Трижды получал ранения, но каждый раз возвращался в родную часть.

Штабс-капитан Петр Ковальский познакомился со Скоблиным в 1917 году при формировании Отдельного ударного отряда 8-й армии, затем они вместе служили в Корниловском ударном полку. Потом с остатками отступающей Добровольческой армии он оказался на территории Польши и был интернирован. Работал в Лодзи ночным сторожем, затем в строительной конторе техником-смотрителем. Советской разведкой был завербован в 1921 году. В Россию вернулся в 1924 году проверенным на лояльность к Советской власти.

В своей автобиографии он писал:

> *«От бессознательного монархиста под влиянием исторического хода событий, окунувшись во всю грязь белого движения всех оттенков, перешел на платформу Советской власти и отдал себя всецело в распоряжение ее передового авангарда — органов ГПУ».*

Зная заранее место проживания Скоблина и Плевицкой, он под вечер поездом добрался до станции Озуар-лаФеррьер. Нужный дом нашел быстро, но на звонок никто не ответил. «Неужели уехали надолго отдыхать? — подумал Петр. — Но ведь

меня предупредили, что семейство на месте». Не прошло и пяти минут, как подъехала автомашина с открытым верхом. Из нее вышел мужчина в сером костюме, ладно сидевшем на его фигуре. Он подал руку даме и тут увидел своего давнего сослуживца.

— Наденька, — воскликнул он радостно, — это же Петя, о котором я тебе рассказывал.

Молодой человек сделал шаг вперед и по-военному склонил голову на грудь:

— Штабс-капитан Петр Георгиевич Ковальский.

— Моя супруга — Надежда Плевицкая.

— Николай, ну ты удивил: кто же не знает «курского соловья», ставшего всемирно известной певицей! Ковальский поцеловал протянутую ею руку.

— Проходи, Петя, проходи, — предложил Николай, когда он открыл входную дверь. — Вот и хорошо, что ты приехал сегодня. У нас будут гости…

После весело проведенного вечера (было уже позднее время) Ковальскому хозяева предложили переночевать. А наутро решили пройтись по парку.

Ковальский больше интересовался, как живется его другу в Париже.

Говорили друзья тепло и непринужденно. Петр рассказывал о жизни в Москве, о великих стройках претендующего в великие державы государства.

— Что случилось со Слащевым? — неожиданно спросил Скоблин.

— Устроился Яков Александрович хорошо — преподавал в Военной академии и на командирских курсах «Выстрел». Погиб нелепо от руки невменяемого еврея. Говорят, это была месть за брата…

Несколько слов о командующем 2-м армейским корпусом генерал-лейтенанте Я. А. Слащеве. Это был смелый, решительный и умный командир. Имел девять ранений. Чтобы уменьшить невыносимую боль от ранения в живот в 1919 году, он стал колоть себе обезболивающее — морфий, а потом пристрастился к кокаину. После того как войска Русской армии покинули Крым, жил в Константинополе, где резко критиковал Врангеля, за что по суду был уволен со службы без права ношения военной формы.

По некоторым данным, в 1920 году Слащев лично приходил на переговоры к красным в занятый ими Корсунский монастырь под Бериславом и был свободно отпущен полномочным комиссаром Дзержинского.

Вообще Дзержинский до последних дней жизни к нему хорошо относился. Летом 1920 года, когда беременная жена

Слащева Нина Нечволодова попала в руки большевиков, местные чекисты не решились ее расстрелять, а отправили в Москву, где ее допрашивал лично хозяин ВЧК. Он поступил по отношению к ней благородно — не только отпустил ее, но и переправил через линию фронта к мужу. После объявленной Советским правительством амнистии Слащев с семьей выехал из Константинополя в Москву, где устроился на преподавательскую военную службу.

Интересны воспоминания генерала армии П. И. Батова по оценке лекторского мастерства бывшего белого генерала на курсах «Выстрел»:

> *«Преподавал Слащев блестяще, на лекциях народу полно, и напряжение в аудитории было порой, как в бою. Многие командиры — слушатели сами сражались с врангелевцами, в том числе и на подступах к Крыму, а бывший белогвардейский генерал не жалел ни язвительности, ни насмешки, разбирая ту или иную операцию наших войск».*

Генерал был убит 11 января 1929 года выстрелом из револьвера неким Лазарем Львовичем Коленбергом в служебном кабинете. Следствие велось в течение полугода. У Коленберга идея об убийстве возникла как реакция на жестокие репрессии и бесчинства по отношению к еврейскому населению со стороны белогвардейцев и убийство ими родного брата в Николаеве. Медкомиссия признала его невменяемым. Дело было прекращено и сдано в архив, а Лазарь Коленберг был выпущен на свободу.

Но вернемся к результатам вербовочных бесед Ковальского со Скоблиным и Плевицкой. Не будем вдаваться в подробности вербовочного разговора агента ОГПУ Ковальского.

Наверное, был и последний вопрос Ковальского к Скоблину, очевидно, такого порядка:

— Я жду теперь от тебя прямого ответа — ты с нами или против нас? Ответ со слезами на глазах был однозначен — с вами!

Разными авторами он подается по-разному. Главное, они — Скоблин и Плевицкая — дали согласие на негласное сотрудничество.

Генерал Скоблин 10 сентября 1930 года в присутствии Ковальского написал в ЦИК СССР заявление с просьбой о персональной амнистии и предоставлении советского гражданства, в котором он брал на себя обязанность быть секретным помощником органов ОГПУ. По всем правилам оперативного жанра, он написал подписку о добровольном

желании оказывать помощь оперативникам госбезопасности с обязанностью в первую очередь сообщать «…о всех действиях, направленных к подрыву мощи Советского Союза, которые мне будут известны». В конце расписки он написал, что будет «… хранить в тайне факт сотрудничества с органами советской разведки и все исходящие документы… подписывать псевдонимом «Фермер». Те же самые действия повторила и Надежда Плевицкая, ставшая теперь для советской разведки «Фермерша».

С этих пор в штабе РОВС заработала агентурная пара, которая, практически вместе с другими советскими «кротами», буквально вывернула наизнанку все Белое движение за границей. Теперь перед ГПУ, а потом и ОГПУ многих тайн РОВС не существовало.

Жалованье ему положили небольшое по меркам сегодняшнего времени — всего 200 американских долларов. Но по тому периоду покупательная способность этих денег была совсем иная, чем сегодня.

А дальше для наших героев понеслась другая, двуликая жизнь.

Скоблин как агент ОГПУ, а затем НКВД помог своей информацией ликвидировать органами государственной безопасности боевые кутеповские дружины. По его наводке было арестовано 17 агентов-террористов, заброшенных в СССР, и установлено 11 явочных и конспиративных квартир в Москве, Ленинграде, Закавказье. Он способствовал прояснению обстановки в связи с грызней внутри РОВС, в частности попытки генерала Шатилова снять с должности руководителя союза генерала Миллера, и др.

Так, о роли генерала П. И. Шатилова «Фермер» доносил в Москву:

> *«Главную роль во всем РОВС играет генерал Шатилов, который, пользуясь своим влиянием на генерала Миллера, держит все и всех в своих руках. Практически РОВС — это он. Миллер — представительство…»*

* * *

В народе говорится: не суди, да не судим будешь. Скоблин совершил тайное предательство в отношении своих товарищей по Белому движению, осудив их своеобразно — ради денег став агентом ОГПУ, а потом НКВД. Действительно, переубедили его не

столько идеями, сколько деньгами. Он, наверное, верил, что сумеет перехитрить свою контрразведку, что план операции будет выполнен без помарок и он не оставит следа для подозрений в его причастности к «мокрому» делу. Так, во всяком случае, его заверяли те, кому было поручено осуществить захват руководителей РОВС. Но не получилось с захватом Миллера, — пришлось срочно ретироваться, удирать через Францию в Испанию, где в это время было много советских волонтеров, принимавших участие в гражданской войне на стороне республиканцев.

После того как Скоблин бежал, его жену Надежду Плевицкую арестовало французское Второе бюро — контрразведка. В ходе обыска на квартире нашли доказательства сотрудничества четы с органами госбезопасности СССР. Ее обвинили в оказании помощи НКВД, в чем она под воздействием неопровержимых улик и допросов «с пристрастием» вынуждена была признаться.

Певица, которой казалось, что они с мужем выбрались из заточения невзгод, поправили свое материальное положение и собрались вернуться на Родину не только прощенными Советской властью, но и с заслугами на тайном фронте, оказалась в каменном мешке.

> *«Это конец, отсюда мне не выбраться, — повторяла раз за разом вчерашняя прима концертных подмостков, которую знала не только вся Россия, но и Европа с Америкой. — Как это могло случиться? Наследили? Нет, после акции против Миллера нас элементарно подставили. Мы уже не нужны были никому, в том числе и тем, кто обещал уладить нашу жизнь. Но, увы, гражданская война с нашим участием продолжалась… Сегодня она для меня закончилась здесь — в каземате…»*

Не только Гражданская война, но и сама жизнь скоро завершится для всенародно любимой певицы. Она была осуждена в 1937 году французским судом на 20 лет каторжных работ за соучастие вместе с мужем в похищении из Парижа руководителя РОВС белого генерала Евгения Миллера.

Президент Франции Альберт Лебрен отказался ее помиловать. По одним данным, Плевицкая умерла в женской тюрьме в местечке Ренне. По другим — она была 1 октября 1940 года расстреляна гитлеровцами в период их оккупации Франции.

А какова же судьба самого Скоблина? В настоящее время существуют две основные версии.

Первая версия — он был убит агентами, находившимися на связи у сотрудников НКВД в Испании, руководимыми

Орловым, — Фельдбиным, Серебрянским и Эйтингоном. Способ физического устранения — сброшен над морем со специально зафрахтованного самолета при перелете из Парижа в Барселону. Он стал засветившимся сексотом, опасным свидетелем для советских властей. Только поэтому после похищения руководителей РОВС генералов Кутепова и Миллера стал не столько ненужным, сколько опасным для разведки.

Надо учесть и то обстоятельство, что по дипломатическим каналам и через СМИ в первом и во втором случаях кремлевские власти полностью открещивались от операции по похищению белых генералов, а Скоблин мог где-то проговориться.

План операции по его ликвидации, подготовленный Орловым и Серебрянским, тут же был отправлен в Москву начальнику ИНО НКВД (внешняя разведка. — *Авт.*) Слуцкому. По согласованию со Сталиным, руководитель разведки утвердил план уничтожения Скоблина.

Вот текст телеграммы Слуцкого:

> «Париж. Шведу и Яше. Лично.
>
> Ваш план принимается. Хозяин просит, чтобы все прошло чисто, а у жены «Тринадцатого» (под таким номером Скоблин проходил по плану. — *Авт.*) создалось впечатление, что с ним все в порядке и он дома».

Под домом имелся в виду Советский Союз…

После побега Скоблин прибыл на одну из явочных квартир. В ней его ждали двое агентов НКВД.

— Скорее в автомобиль, иначе нас застигнет погоня, — скомандовал высокий шатен, лихорадочно то ли от волнения, то ли по привычке мнущий свой картуз с широким квадратным козырьком.

— Куда?

— На аэродром…

— Далеко?

— Близко…

Машина со Скоблиным быстро примчалась к самолету, стоящему с рокочущими двумя винтовыми моторами на краю полевого аэродрома. Трап стоял прислоненный к проему открытой дверцы. Эти два дюжих молодца буквально втащили генерала внутрь транспортника с небольшими квадратными окнами. На боковых сиденьях сидели еще несколько человек. Самолет взревел и, поднимая столбы пыли, помчался по взлетной полосе. Скоро он оторвался от земли и, круто развернувшись, направился в сторону моря. Когда во время крутого крена Скоблин увидел море, ему стало легче. Он подумал: «Теперь на

машинах не догонят».

Набрав высоту, казалось, самолет лег на заданный курс.

— Куда мы летим? — спросил весь вспотевший от волнения генерал.

— В Барселону, — последовал ответ чуть ли не хором этих двоих сопровождающих.

Но через полчаса лета он неожиданно зафиксировал странное действие одного из сидевших. Он подошел к двери и стал ее открывать. А в это время двое приставленных к генералу сторожей подхватили его под руки и быстро поволокли к открытому проему.

— Что-о-о? За что? — успел только выкрикнуть побледневший Скоблин.

Через мгновение он, кувыркаясь, стремительно полетел вниз. Синее небо, синее море и вопль: «За что-о-о?»

Никому не дано знать, какие последние, лихорадочные мысли кружились вместе с ним в его голове. Море стремительно приближалось. Удар о воду был такой силы, что сознание моментально отключилось, тело генерала мгновенно превратилось в мешок костей. Смерть наступила без мучений…

Вторая версия — официальная, изложенная ФСБ РФ и обнародованная в 1993 году. По ней, дескать, генерал Скоблин умер в 1938 году после ранения при бомбежке франкистской авиацией Барселоны во время гражданской войны в Испании.

Так закончились жизни боевого белого генерала и великой народной певицы, ставших волею судьбы агентурной парой НКВД.

Мастер, Гений и Маргарита

Эта удивительная история случилась с двумя великими мастерами разных жанров: скульптора и художника, русского Родена — Сергея Коненкова (1874–1971) и американца немецкого происхождения Альберта Эйнштейна (1879–1955) — физика-теоретика, создателя теории относительности и «одного из отцов квантовой механики» и других направлений физики.

Между ними жила любимая ими женщина — Маргарита Ивановна Коненкова (Воронцова) (1896–1980) — супруга художника и любовница ученого.

Белорус Сергей Тимофеевич Коненков родился на Смоленщине. Получив два художественных образования, он увлекся так называемой лесной серией, применяя в своих скульптурных работах исключительно дерево с использованием различных приемов его обработки. Примером могут служить его работы «Старенький старичок», «Старичок-полевичок», «Стрибог», «Нищая братия» и ряд других.

Для него лес — это воплощение стихийных сил природы, это пластика и энергия, символ красоты и мощи. Это был новатор, в своих работах он как бы переосмысливал образы старых преданий, в том числе и языческих.

Его дипломная работа «Самсон, разрывающий узы» чиновникам Академии художеств показалась имеющей революционный подтекст и была уничтожена. Поэтому не случайно он поддержал две российские революции — в 1905 и 1917 годах. Под впечатлением боев на Пресне он создает целую галерею портретов участников баррикадных столкновений с самодержавием.

Как уже отмечалось, Коненков искренне поддержал Октябрьскую революцию, и после этого стремление к монументальности стало главным мотивом в творчестве художника и скульптора. Он создает барельефы «Павшим в борьбе за мир и братство народов» для Кремлевской стены и памятник «Степан Разин» для Красной площади.

Уже тогда его называют русским Роденом, маэстро с кистью и резцом, великим мастером.

В 1922 году он женится на Маргарите Ивановне Воронцовой — красавице, которой увлекались многие богемные мужчины. В 1923 году Сергей и Маргарита едут в США для участия в выставке русского и советского искусства. Планировалось, что командировка для них продлится несколько месяцев, однако возвращение на Родину состоялось только через 22 года…

В 1929 году Коненков устраивает персональную выставку в Риме. Встречается с Горьким и пишет его портрет.

В 1935 году администрация Принстонского университета решила увековечить своего знаменитого физика и заказала Сергею Коненкову бюст Альберта Эйнштейна. В доме у Коненковых произошла их первая встреча. Великий ученый с уважением отнесся к творчеству русского скульптора, но с еще большим вниманием — к его жене Маргарите Ивановне.

В дальнейшем дочь Эйнштейна от второго брака Марго, являясь творческой натурой, некоторое время увлекалась живописью и скульптурой, а поэтому по договоренности с отцом и женой Коненкова — Маргаритой брала уроки у великого мастера резца и кисти. Это тоже способствовало сближению Альберта и Маргариты.

Эти годы уместили в свои временные ниши столько событий, что их хватило бы для написания не одного десятка увлекательных книг.

* * *

Итак, вторым мастером у Маргариты был Альберт Эйнштейн. Он родился в городе Ульме (Германия). Учился в католической народной школе этого городка, а затем Мюнхенской гимназии. Закончив Политехникум в Цюрихе, он два года жил у родителей в Мюнхене — никак не мог найти работу. Виной всему был профессор — консерватор В. Г. Вебер, который невзлюбил заносчивость своего ученика и его принципиальность в новых подходах к изучению физики будущего. Альберта прошлое не увлекало, он любил идти к горизонтам. Его привлекала динамика, неизведанные дали науки.

> *«Вы умный малый, Эйнштейн, очень умный малый, но у вас есть большой недостаток — вы не терпите замечаний».*

Через два года по рекомендации друзей он все же устроился экспертом в федеральное Бюро патентов в Берне. Там он проработал семь с лишним лет. Эйнштейн называл это время «самыми лучшими годами», потому что условия работы позволяли ему занимать ум техническими и научными вопросами, а также их прогнозами.

Он пишет здесь несколько научных работ, вылившихся в своеобразные постановочные теории по квантовой физике, фотоэффекту, электродинамике и теории относительности.

В 26 лет Эйнштейн становится широко известен в научном мире, а через четыре года избирается профессором Цюрихского университета.

В 1911 году Альберт уже накинул профессорскую мантию Немецкого университета в Праге. В 1914 году он переезжает в Берлин и получает должность профессора Берлинского университета и одновременно директора Института физики. Работа ему нравится, он много и с увлечением трудится, но политическая и нравственная обстановка усложняется с приходом нацистов — антисемитизм поднял голову, став чуть ли не основой внутриполитической доктрины Гитлера.

В знак протеста против германского расизма Эйнштейн покидает Германию, отказывается от германского подданства и выходит из состава Прусской и Баварской академий наук.

Он переезжает в США и занимает должность профессора физики в новом институте фундаментальных исследований в городе Принстоне, штат Нью-Джерси. Местные жители восхищались им как ученым с мировым именем.

Для них он был авторитетом, мировой известностью, выдающимся физиком. Америка была и есть собирательница личностей. Для аборигенов он был Личностью.

Но земное ему было не чуждо — он играл на скрипке, увлекался парусным спортом. Будучи сторонником сионизма, Альберт Эйнштейн приложил максимум усилий к созданию Еврейского университета в Иерусалиме. В умах многих людей имя ученого связано с атомной проблемой. С учетом своего научного опыта, он один из первых в мире уловил попытки немецких физиков создать для фашистской Германии атомную бомбу. Поэтому еще в 1939 году он направляет президенту США Франклину Рузвельту письмо, по существу послужившее для руководства и ученого мира Америки толчком для научных разработок в этом направлении.

Но уже в конце войны, когда ядерные фугасы стали реальностью, он предостерегал политиков и военных от безумных действий. Однако к голосу его разума не прислушались. Это стало самой большой трагедией в его жизни. Хотя как сказать. То, как он рассуждал о паритетности — факторе сдержанности, уже говорит о том, что он желал, чтобы такая же «дубина войны» была и в СССР. Именно в силовом равновесии двух больших стран он видел гарантии стабильности мирного существования.

Что и как он мог передать через свою любовницу — это другой вопрос. Ответ на него до сих пор лежит, как и положено, в глубокой тайне архивов разведки.

* * *

У двух этих мастеров была у каждого своя любимая Маргарита, или «голубой ангел» — Маргарита Ивановна Воронцова, в течение семи лет сначала гражданская, а потом официальная жена русского Родена — Сергея Коненкова. Родилась она в заштатном городе Сарапуле, что в Удмуртии.

Большую часть юности Маргарита провела в особняке Шаляпиных, купленном певцом на Новинском бульваре для семьи. Здесь размещалась первая жена певца Иола Игнатьевна Ле-Прести (по сцене Торнаги) — бывшая итальянская балерина, приглашенная когда-то в Россию Саввой Мамонтовым. Обвенчался Шаляпин с ней в 1898 году.

А как же там оказалась Маргарита Воронцова?

Дело в том, что она квартировала у знакомых отца, помещиков Козновых. Дом их в Трубниковском переулке после революции был реквизирован. И Шаляпин пригласил Наталью Степановну Кознову, являвшуюся крестной матерью его детей, вместе с домочадцами и юной квартиранткой в особняк на Новинском бульваре.

Красавица Маргарита дружила с детьми певца. Особая дружба ее связывала с сыном Борисом и дочерью Ириной. Всего у Шаляпина от этого брака родилось шестеро детей.

Но Шаляпин не намеревался продолжать жить в этом особняке — чувства к жене охладели. Уже имея одну семью, певец заводит вторую. В Москве он познакомился с Марией Валентиновной Петцольд, вдовой и владелицей пивных заводов Эдуарда Петцольда, и практически завел новую семью, но первую, где росли три сына и три дочери, тоже бросать не собирался.

От сожительства со второй женой у него родились три дочери — Марфа, Марина и Дассия. И еще двое детей были у Марии Валентиновны от первого брака.

Но вот что интересно: волновала своей фигурой и необычной красотой квартирантка Маргарита сына певца Бориса, да и самого отца его — Федора Шаляпина…

Но не только их — глаз на нее положил и Коненков, пресненская обитель которого располагалась рядом с Новинским бульваром.

Дело в том, что Маргарита все эти трудные годы была рядом с Коненковым, работая у него: вела деловую переписку скульптора, участвовала в его общественных начинаниях, принимала гостей и была украшением дома и душой компаний.

Они часто посещают особняк № 20 на Пречистенке, где размещалась студия подруги Сергея Есенина Айседоры Дункан.

Коненков делает карандашные наброски танцовщицы, рисует ее, а затем лепит танцующую музу, жрицу покровительницы танцев Терпсихоры, и становится свидетелем разговоров о том, что российский поэт и американская танцовщица собираются в турне по Америке. Кроме Нового Света они пожелали посетить Германию, Италию, Бельгию и Францию.

Коненков рассказывал, что Есенин, когда конфликтует с Дункан, называет ее на русский лад — Донькой, Дуняшей, а когда та обижается, обращается вновь к ней — Айседора.

В середине мая 1922 года поэт и танцовщица покидают Советскую Россию.

> *«Ишь ты, на крыльях славы они мотыльками порхают, перемещаются из страны в страну, а я что, хуже? — завистливо рассуждал скульптор. — Я ведь русский Роден! А почему не могу быть таковым в Европе или Америке?»*

Скоро его мысли материализовались…

* * *

Коненкову все больше и больше нравилась Маргарита — и вот финал: 12 сентября 1922 года в церкви Покрова в Филях они обвенчались. Кстати, вез их в церковь сын Шаляпина Борис, по уши влюбленный в Маргариту. Он очень страдал от этого, но ничего не мог переиначить.

Заметных изменений в жизни Коненкова женитьба не произвела. Молодая жена переехала из шаляпинского особняка в дом-мастерскую на Пресне, где она часто позировала скульптору. Он же продолжал готовить обеды на своей кухонной буржуйке. Особенно ему удавались наваристые щи, которыми он угощал гостей. Они нравились всем, кто пробовал это первое блюдо маэстро. А что же молодая жена? Она была не способна везти семейную телегу, наполненную с горой многими бытовыми обязанностями, нелегкими в то голодное и холодное время. Она была светской львицей, неспособной ломать накрашенные ногти…

В 1923 году, еще по-летнему теплым сентябрьским днем, вернулся из Америки Сергей Есенин. Приехал один, оставив там свою Дуняшу. Он тут же забежал к своему другу и тезке. Коненков нашел во внешности поэта большие изменения. Они были заметны по одежде, обуви и глубокому шоколадному загару лица, такому неестественному для России со свинцовыми небесами.

— Ну, каков я? — спросил Есенин.

— Забурел ты, парень, вот и все, что могу сказать, — заметил Коненков.

— Забуреешь. Там кругом мразь и смердяковщина. Да я чуть было не повесился там. Удрал от Дуньки и потому счастлив, — счастлив, что снова в Москве, что вижу тебя, что дышу нашим воздухом. Ах, как хочется в деревню, где легко и много пишется…

Потом он мотнул золотогривой головой, взглянул в окно и вдруг с грустинкой продекламировал:

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неторопливый…

— Я понимаю, Сережа, тебя, но ты мне все же скажи откровенно, что такое Америка, какова она? — настойчиво спросил скульптор.

— Америка, Америка — это ужасное, скажу прямо и честно, царство мещанства. Да, я вернулся не тем. Америка — это самая ужасная дрянь…

Хотя потом в очерке «Железный Миргород» в том же году он напишет об Америке совсем по-другому, намного мягче:

«Перед Америкой мне Европа показалась старинной усадьбой… Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение… Европа курит и бросает, Америка подбирает окурки, но из этих окурков растет что-то грандиозное».

Мимо грациозно, уже в который раз, прошествовала супруга Коненкова. Есенин посмотрел ей вслед и выкрикнул рифмой: «Ах, Маргоша, ох, Маргоша, как же ты, душа, хоро́ша!»

Эта красивая и стройная женщина работала не столько хозяйкой дома, сколько моделью своего супруга. Кстати, она была натурщицей самого лучшего произведения Коненкова — «Обнаженная фигура в рост».

В заграничную поездку, задуманную и пробитую через правительственные инстанции художниками новой России еще в 1921 году, был приглашен в качестве члена Комитета выставки русского искусства в Новом Свете и Сергей Тимофеевич Коненков. Но его задержка объяснялась желанием выехать вместе с женой, знающей английский язык, а отсюда и длительностью оформления выездных документов и получения виз. Большую

помощь в совместном выезде в Америку оказал Коненкову нарком просвещения Луначарский.

Выставка уже функционировала, а Коненковых все не было и не было в Америке. Оттуда стали приходить нехорошие вести относительно состояния деревянных работ скульптора.

Так, И. Э. Грабарь писал своей жене из Нью-Йорка:

> *«Коненкова все нет и нет, а вся его деревянная скульптура растрескалась до невозможности. Скандал. Она не выдержала морского путешествия и сухого нью-йоркского климата… Без Коненкова нельзя их штопать».*

По пути в Америку он по выездным делам короткое время находится в Риге, и зимой 1924 года оказывается в Париже, где посещает музей Огюста Родена.

Сопровождает его Виктория Петровна Кончаловская (1883–1958) — филолог, преподаватель французского университета Сорбонны, сестра знаменитого русского художника и друга Коненкова.

Он находит в Родене свое сходство, а именно пластики «снятой с движения», пластики «естественного жеста». Оказалось, как и он, Роден рисовал и лепил натурщиков не позирующих и сидящих обездвиженными, а расхаживающих у него в мастерской.

> *«Да, недаром меня назвали русским Роденом, — сам себе хвастался Коненков. — Как много общего у нас с ним. Не одинаковы только условия работы. Ему Париж дал эту роскошную мастерскую, а у меня на Пресне она с буржуйкой и продуваемая всеми ветрами насквозь окнами и дверями».*

Для Сергея Тимофеевича все будет впереди. Москва по заслугам оценит его после возвращения на Родину — подарит лучшую творческую обитель.

А пока из Парижа они переезжают на северо-запад Франции в морской порт Шербур и после соответствующего карантина, продолжавшегося трое неприятных ожиданиями суток, по трапу поднимаются на гигантский по тем временам океанский лайнер «Олимпик». Дорога в Америку через загадочную Атлантику началась. Он на пике спокойствия и радости — рядом любимая женщина, натурщица и переводчик. Семейная пара наслаждается друг другом, палубными променадами и великим, как время, океаном.

По прибытии в Нью-Йорк Сергей Тимофеевич быстро реставрирует свои изувеченные морской сыростью деревянные

скульптуры. В Америке они встречают очень много русских.

— О боже, да здесь все русское решительно в моде. Сколько знакомых и известных артистов и художников! — восклицает Коненков.

На гигантском вернисаже Россию представляют более 100 художников — цвет российского изобразительного искусства. Здесь волей-неволей у четы Коненковых, как и у других мастеров резца и кисти, постепенно зарождалась мысль, что творчество — это деньги, а деньги — вездеход.

Главная цель организаторов выставки — картины и скульптуры к услугам толстосумов из числа бизнесменов и богатых коллекционеров. Выбирайте, покупайте — оптом и в розницу! Многие художники были оценены по достоинству и возвратились в Советскую Россию с деньгами, а те, кто задержался, тоже не остались внакладе.

И вот уже думы о том, что творится на Родине, отходят на второй план. И не случайно — он от друзей и знакомых получает сведения, что в Москве стали появляться на него пасквили. Его обвиняют в формализме, а творчество «русского Родена» постепенно забывается. Газеты и журналы скоро о Коненкове замолчали.

Он узнает, что такой же критике подвергается и его друг Сергей Есенин. В 1927 году секция литературы и искусства издательства Коммунистической академии выпускает сборник статей под названием «Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина». В этом сборнике многие литераторы ополчились на поэта. Так, литературовед В. М. Фриче подверг суровой критике одну комсомолку, которая взяла под защиту творчество российского поэта:

> *«Есенина больше нет; осталась его поэзия, и только о его поэзии можно говорить. Но и о поэзии его… мы не можем и не должны говорить с художественной стороны…*
>
> *Вся жизнь, все творчество Есенина есть «творческий разлад». И вместо того чтобы бороться с этим «разладом» в самом себе, чтобы постараться изгнать его и поселить в себе бодрость, ты томно усаживаешься в полутемной комнате и начинаешь перечитывать стихи Есенина. Вот почему мы и боремся с Есениным, что он поселяет, поддерживает пессимизм, «внутренний разлад» с самим собой в среде нашей молодежи. Мне очень жаль, что ты, комсомолка, член боевой организации молодежи, еще до сих пор находишься под влиянием есенинщины и не*

старается понять, почему мы против него».

Эти и подобные выступления в сборнике поразили Коненкова желчностью оценок творчества поэта после его трагической кончины.

> *«Получается, и я для них в России умер, потому что рисовал и ваял не так, как они хотели. А что они хотели, эти далекие от творчества люди? Завистники — и только, — размышлял Коненков. — Но я не умер, я творю и буду еще долго радовать настоящих ценителей моего труда».*

* * *

Когда внешняя разведка добыла данные о том, что в Германии, США и Великобритании созданы группы теоретиков и практиков, решающих задачу возможности создания нового типа оружия, в частности атомной бомбы, и эти материалы легли на стол Верховному, Сталин задумался и ревниво подумал: «А почему мы отстаем? Ведь наши ученые не хуже в теоретической подготовке, чем западные!»

И он решил поговорить с умниками начистоту. Вызвал Берию и поручил ему подготовить специальное заседание ГКО по вопросу создания в СССР атомной бомбы.

— Пригласите ученых-физиков. Разведчики сделали уже больше, чем высоколобые. Пора форсировать этот вопрос вместе, а то опоздаем.

В кабинет Сталина в октябре 1942 года были приглашены ученые А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенов, В. Г. Хлопин, П. Л. Капица и И. В. Курчатов.

Первым взял слово Иоффе:

— Мы знаем, что проблема атомной бомбы решаема в скором будущем. Но мы стоим перед весьма сложной и трудновыполнимой научно-технической задачей.

— Какой? — насторожился Сталин и внимательно посмотрел на академика, сказавшего сермяжную правду.

— Полыхает война. Например, в Англии к урановым исследованиям привлечены крупные ученые всего мира. Британцы располагают мощными научными базами — лабораториями, центрами, институтами. У нас их нет — они эвакуированы вглубь страны и разбросаны по всей территории Союза. Отсутствует научная концентрация, что очень важно в исследовательской работе такого масштаба.

— По вашей логике, мы должны сдаться на милость обстоятельствам? — повысил тон хозяин кабинета. — Конечно, легче было бы, если бы не было войны. Но такова реальность, и она не должна тормозить задачу по созданию отечественного атомного оружия. Да, для этого потребуется затянуть пояса, пойти на дополнительные затраты, собрать в единый узел научный потенциал. Большую помощь в этом деле могут оказать положительно зарекомендовавшие себя «шарашки». — Он бросил взгляд на Лаврентия Павловича, сидевшего по правую руку. — Главное, найти Кулибиных и организовать их работу. Теперь от вас, как главных генераторов науки, напрямую связанной с физическими явлениями, я хотел бы узнать, сколько времени потребуется для создания такого оружия?

— Для доведения этого проекта до логического конца при том, что мы имеем сегодня, потребуется лет десять, — ответил Иоффе.

Сталин нахмурился и с некоторым раздражением заметил:

— Нет, товарищи ученые, у нас нет времени на такую раскачку. Мы и так отстали от Запада. Недостаток научной информации вам подкинет наша разведка, а сейчас я хотел бы знать, кто мог бы возглавить эту работу. Нужен крупный ученый — физик, академик и прекрасный организатор. — Задержав несколько мысль, он обвел собравшихся острым взглядом и остановился на сидящем рядом с Берией ученом. — Думается, товарищ Иоффе справится с этой задачей.

— Товарищ Сталин, я снимаю свою кандидатуру — возраст, здоровье… Предлагаю вместо себя Игоря Васильевича Курчатова.

— Я такого академика не знаю, — набычился Сталин.

Предложили Петра Леонидовича Капицу. Но тот согласился при практически невыполнимых условиях: пригласить из Англии некоторых физиков-ядерщиков, инженеров и квалифицированных рабочих.

— Ваши условия нереальны…

Иоффе снова предложил Курчатова — начальника лаборатории, в которой было открыто явление распада атомов урана.

— Ладно, я согласен, только для веса вы сначала дайте ему звание академика.

— За этим дело не станет.

— Курчатов здесь? — спросил Сталин.

— Да, он с нами, товарищ Сталин, — ответил Иоффе.

— Где он? Покажите его.

За дальним концом стола не вскочил, а с достоинством поднялся высокий, плотного телосложения мужчина с черной

бородой.

Сталин посмотрел на него оценивающим взглядом и промолвил:

— Мы утверждаем вас, товарищ Курчатов, руководителем проекта. Персонально подбирайте коллектив. Не стесняйтесь, просите все, что нужно для эффективной работы. В отдельной записке укажите, какие научные сведения вам хотелось бы получить из-за рубежа.

— Разве это возможно? — Курчатов непонимающе взглянул на Сталина. — Все исследования по этой проблематике там засекречены. В последнее время исчезли со страниц газет и журналов даже научно-популярные статьи на эту тематику. Такую конспирацию мои коллеги по лаборатории давно заметили.

— Это не ваша забота, товарищ Курчатов. У нас есть специалисты высокого уровня, способные вам помочь в деле дополнительного получения научной информации.

Сталин снова перевел взгляд на Берию, который тут же в знак согласия закивал головой.

После совещания маховик проекта стал раскручиваться все быстрее и быстрее. Уже в феврале 1943 года было подписано распоряжение по Академии наук СССР о формировании лаборатории № 2 под руководством И. В. Курчатова, где и начали вести работу по созданию нового вида оружия — атомной бомбы.

По линии ГКО, партии и правительства СССР общее руководство над проектом было поручено Л. П. Берии, человеку с большими организаторскими способностями, который справился с заданием.

Берия — дитя своего времени. Едва ли найдется в советской истории другой персонаж, оболганный так, как был оболган нарком. Этого выдающегося государственного деятеля, как писала Елена Прудникова в журнале «Загадки истории» (2013. № 20), хрущевские пиарщики изобразили тупым жлобом и сексуальным маньяком. Впрочем, у человека, занявшего его место в Кремле, не было другого выхода. Если бы Хрущев не представил своего предшественника исчадием ада, ему пришлось бы слишком за многое ответить. В том числе и за кровавые акции, связанные с репрессиями, которые полностью перекладывались на Берию.

Но это уже другая история…

* * *

Выехав вместе с мужем в США, Маргарите придется со

временем лавировать между любовником Эйнштейном, мужем Коненковым и сотрудниками органов госбезопасности по линии внешней разведки. Это случится тогда, когда пришлось работать по добыванию данных о проблемах ядерного проекта в США.

Ее будет опекать сотрудник НКВД Пастельняк под крышей вице-консула Павла Михайлова.

По мнению Пабло Пикассо, существует лишь два типа женщин — богини и тряпки для вытирания ног. Что-то в этом определении есть, ведь не все богини — красавицы, и уж абсолютно точно, не все красавицы — богини. Каждый мужчина больше интересуется женщиной, которая интересуется им, чем женщиной, у которой только красивые ноги. У каждого врача есть свое кладбище. Воздыхатель ей был нужен не столько для того, чтобы поправить или улучшить свое финансовое положение, а совершенно для другой цели.

Есть смысл привести здесь пример взаимоотношений Владимира Маяковского и Лилии Брик.

Через несколько дней после знакомства Маяковский пришел к Брикам, чтоб «навеки поселиться», потому что «влюбился безвозвратно в Лилию Юрьевну». Та согласилась, а ее муж Осип… не посмел возражать. Казалось, в любовном треугольнике Лиля — Осип — Владимир напряжение не ослабеет никогда.

Маяковский посвящал своей музе любовные мадригалы, бил посуду, рвал листы и блокноты со стихами, сходил с ума от ревности, а умудренный семейным опытом Осип советовал ему одно — не нервничать, потому что Лиля — она как стихия, а со стихией не спорят, это природное явление, поэтому оно и непобедимо.

Уже в старости Лилия Брик шокировала Андрея Вознесенского признанием:

> *«Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал…»*

«Она казалась мне монстром», — признавался Вознесенский.

Но Маяковский любил именно такую женщину — вамп. С хлыстом и клыками…

У Маргариты Коненковой в списке поклонников были композитор Сергей Рахманинов, великий художник Михаил Врубель, отец и сын Шаляпины — Федор и Борис. С Федором она как-то закрылась в спальне на глазах у изумленной публики, собравшейся на приеме, и мужа. Скульптор ошалел от наглости. Он стучал, ругался, рыдал. Наконец дверь отворилась: Шаляпин выглядел смущенным, а Маргарита поняла, что лучшая защита —

нападение, и стала попрекать мужа:

«Гости же! Успокойся, детка, ничего там не было».

* * *

Эйнштейн и Маргарита встретились, когда Коненковой было 39, а великому физику — 56. Это произошло в 1936 году, после смерти жены Эйнштейна Эльзы.

А свахой оказалась видная советская разведчица Елизавета Юльевна Зарубина (Розенцвейг Лиза Иоэльевна) (1901–1987), привлеченная к сотрудничеству нашей внешней разведкой еще в 1924 году. Она же Гутшнекер, Горская, ставшая супругой Василия Михайловича Зарубина (1894–1972), выдающегося нелегала внешней разведки СССР, генерал-майора с 1945 года. Одно время она была женой эсера и чекиста Я. Г. Блюмкина. Именно она подвела Маргариту к Альберту.

Дело в том, что в конце 1930-х годов ученые в первую очередь Германии, а затем и других стран открыли, что процесс распада урана может протекать в форме взрыва колоссальной силы. Физик Альберт Эйнштейн хорошо знал эту теорию, написав президенту Рузвельту письмо о возможном появлении нового оружия. В письме он высказал опасение, что Германия может первой создать такую бомбу.

Рузвельт был потрясен этим сообщением и приказал держать в строжайшей тайне все исследования по атомным разработкам. «Манхэттенский проект» (*англ.* Manhattan Project) — это было кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которого началось 17 сентября 1943 года.

Однако вернемся к Маргарите — любовнице Эйнштейна.

Об этом свидетельствует оставшаяся часть не уничтоженных писем.

Можно долго спорить, на самом ли деле Марго была активным агентом НКВД или же агентом влияния? Знал ли Альберт о ее задании следить за «манхэттенским проектом» или нет? Важно ли это? Ведь чувства его были настоящими — он по уши втрескался в стройную красавицу. А ведь, как известно, любви все возрасты покорны, а мужики «с годами женщин крепче любят».

«Я жду того момента, когда ты приедешь, мы сядем, и ты мне будешь читать «Войну и мир». И когда ты поднимешь глаза, я увижу в них Бога», — писал любимой «дедушка атомной бомбы». «Отцом» ее являлся Роберт Оппенгеймер (1904–1967) —

американский физик-теоретик, профессор физики Калифорнийского университета в Беркли, хороший друг «дедушки».

В письме Эйнштейна Маргарите Коненковой от 27 ноября 1945 года он признается:

> *«Только что сам вымыл себе голову, но без особого успеха. У меня нет твоей сноровки и аккуратности… Но как мне все здесь напоминает о тебе: Альмарово (Альмары — сокращенно от Альберт и Маргарита. Они называли так общие для них вещи. —* Авт.*) одеяло, словари, та замечательная трубка, которую мы считали пропавшей, и все другие мелочи в моей келье. Ну и, конечно, осиротевшее гнездышко».*

Были даже письма в стихах. Вот одно из них, написанное белым, нерифмованным стихотворным стилем:

> *«Две недели томил тебя.*
> *И ты написала, что недовольна мной.*
> *Но пойми — меня так же мучили другие*
> *Бесконечными рассказами о себе.*
> *Тебе не вырваться из семейного круга.*
> *Это наше общее несчастье.*
> *Сквозь небо неотвратимо*
> *И правдиво проглядывает наше будущее.*
> *Голова гудит.*
> *Как улей.*
> *Обессилели сердце и руки.*
> *Приезжай ко мне в Принстон,*
> *Тебя ожидают покой и отдых.*
> *Мы будем читать Толстого.*
> *А когда тебе надоест, ты поднимешь*
> *На меня глаза, полные нежности,*
> *И я увижу в них отблеск Бога.*
>
> *А.Э.*
>
> *Рождество 1943 г.»*

Что можно сказать по этому поводу? Это письма человека, который с предубеждением относился к слабому полу. Однажды очередной своей подружке Альберт Эйнштейн сказал:

— Что касается вас, женщин, то ваша способность создавать

новое сосредоточена отнюдь не в мозге.

Получается, что в сексуальной биографии выдающегося физика была одна женщина, с которой он вел себя совершенно по-особому. Имя этой женщины — Маргарита, Марго, ставшая частью любовного псевдонима «Альмары».

Как же так получилось, что при живом муже жена могла отлучаться в Принстон?

Дело в том, что в конце 1930-х годов хитрый Эйнштейн написал Коненкову письмо, в котором говорилось о «серьезной болезни» его супруги. К письму он приложил заключение врача, своего друга, в котором предложил «побольше времени проводить в благодатном климате на Саранак-Лейк».

А у Эйнштейна там была яхта и арендованный коттедж.

Коненков отпускал жену. Он был уже в возрасте, по горло занят творчеством, да и не особо задумывался о том, что происходит с Маргаритой. А когда его стали стыдить, показывая на то место на голове, где у козлов растут рога, он просто махнул рукой на любовные утехи жены. А может, это так надо было?

Генерал-лейтенант Павел Судоплатов в книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы» писал:

> *«Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и Эйнштейном в Принстоне».*

То, что вокруг Эйнштейна крутились сотрудники советской разведки и он нужен был нам как источник «манхэттенского проекта», — это аксиома. Великий наш физик Петр Капица еще в 1946 году звал Эйнштейна приехать и поработать «в самой свободной для творчества стране» — СССР. Говорят, что после этого спецслужбы США взяли американца даже в разработку.

По приезде в СССР Сергей Коненков до последних дней жил в творчестве, а супруга Маргарита, пережившая его на девять лет, практически обитала в четырех стенах, как затворница.

Умерла она от истощения. Это случилось в 1980 году. Служанка издевалась над ней так, как ей позволял ее скверный характер. Чего стоит случай, когда она на глазах у нетранспортабельной хозяйки отрезала рукава от ее любимой шубы себе на воротник. Маргарита заплакала от бессилия — не могла встать и достойно среагировать.

Когда санитары выносили ее воздушное тело, они не догадывались, что эта женщина при жизни была любима двумя мастерами, двумя маэстро — скульптором Коненковым и физиком Эйнштейном.

Как говорится, человек живет в окружении людей, а умирает в одиночку. Смерть превращает жизнь в судьбу.

* * *

В штате Нью-Мексико с санкции президента Трумэна янки 16 июля 1945 года успешно провели испытание первой в мире атомной бомбы. Надо отметить, что еще за две недели до взрыва наша внешняя разведка НКВД проинформировала руководство страны о параметрах ядерного устройства.

По указанию Сталина 18 августа 1945 года вышло совершенно секретное, особой важности постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которым предписывалось:

«Поручить тов. Берия принять все меры к организации закордонной разведывательной работы по получению более полной технической и экономической информации об урановой промышленности и атомных бомбах».

В то время у советских ученых еще было недостаточно материалов, чтобы запустить процесс изготовления ядерного фугаса. Хотя трофейные материалы, изъятые в Германии после войны, а также негласно полученные в США, помогли существенно продвинуть исследовательскую работу, но о производственном этапе пока разговор не шел.

В посольскую резидентуру советской внешней разведки в Вашингтоне из Москвы поступило указание, равносильное приказу, — принять экстренные меры по добыванию дополнительной информации. Маргарите Коненковой предлагалось незамедлительно встретиться с Альбертом Эйнштейном и попросить его помочь Стране Советов. Она встретилась в тот период не только с ним, но и с Робертом Оппенгеймером — главным разработчиком адской бомбы. Об этом свидетельствует одна из фотографий, сохранившаяся до сих пор. Помог ли Эйнштейн? Как и что он сообщил ей и «советскому консулу» Павлу Михайлову, встречавшемуся с ним по наводке Маргариты, тоже до сих пор за семью замками. Ясно одно: Эйнштейн знал, что Маргарита, его последняя любовь, связана с разведкой. При прощании в день отъезда в СССР он снял с руки и подарил ей часы.

А с другой стороны, у советской разведки уже был надежный источник по американской ядерной проблематике — это Клаус Фукс, главный разработчик атомной бомбы вместе с Робертом Оппенгеймером. Вербовка последнего не представлялась возможным из-за его отрицательных личных качеств — трусости

и способности на предательство. По добыванию материалов о грозном оружии XX века работали и другие наши разведчики — герои Александр Феклисов и Владимир Барковский.

Отъезд из США Коненковых отличался торопливостью. По указанию Сталина в 1945 году им был срочно выделен зафрахтованный пароход. Небольшое судно «Смольный», водоизмещением 5 тысяч тонн, 1 ноября 1945 года покинуло порт Сиэтл. В бухту Золотой Рог оно вошло ровно через месяц — 1 декабря. Только ли для их имущества оно был нужно? Во всяком случае, срочный отъезд говорит о многом. В Москве сразу же по приезде Коненкову выделили громадную мастерскую на улице Горького. Таких благ не получал никто из реэмигрантов.

Заслуги перед Родиной у Маргариты Коненковой, конечно, были.

Не случайно, по данным некоторых источников, до сих пор не рассекречены оперативные дела пребывания за границей Сергея Тимофеевича и Маргариты Ивановны Коненковых — соответственно дела № 137993 и № 137994.

После возвращения в СССР из США от друзей, знакомых, коллег приходили теплые письма, в которых говорилось о ее незаменимости в работе. В одном из заслуженных панегириков в ее адрес были такие слова:

> *«Своей сердечностью, своей лаской, своим вниманием Вы умели зажигать сердца преданных Вам работников, у которых после каждой встречи с Вами являлось еще более сильное желание сделать большее усилие в своей работе по оказанию помощи советскому народу».*

Заслуживает внимания тот факт, что материалы об отъезде супругов Коненковых из США находились на контроле у сотрудника нью-йоркской резидентуры внешней разведки Анатолия Аяцкова, который «за вклад в решение советской атомной проблемы» посмертно был удостоен звания Героя России.

Примечательно еще одно событие — смелое обращение Маргариты Коненковой к Лаврентию Берии в момент, когда ее стали допекать соседи и знакомые склоками и сплетнями о том, что они, дескать, с мужем войну провели, отдыхая в спокойной обстановке за пределами истекающей кровью Родины. Главный в то время чекист страны Лаврентий Павлович прореагировал грозно и молниеносно — он «доходчиво объяснил» шептунам — недоброжелателям и завистникам Коненковых, что опасно для них даже словесно обижать заслуженных людей. В один момент прекратились сплетни, и супруги Коненковы зажили своей

привычной творческой жизнью…

Пройдет некоторое время, и академик Игорь Курчатов признается:

> *«Советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия».*

И действительно, 29 августа 1949 года — день рождения советской атомной бомбы. В этот день на Семипалатинском полигоне был осуществлен взрыв первой советской атомной бомбы, ставшей копией американского ядерного фугаса.

С того памятного дня США лишились монополии на атомное оружие. И коварным планам ястребов из Вашингтона, намеревавшимся 1 января 1950 года осуществить ядерное нападение на СССР, не суждено было сбыться.

Планы американцев были сорваны блестяще проведенной нашей разведкой операцией по похищению самой оберегаемой в США тайны — тайны создания атомной бомбы. В этом есть заслуга Маргариты и Сергея Коненковых. Они тоже внесли определенную лепту в добывание режимной информации для Советского Союза.

Эфрон, Ариадна и Цветаева

Ярким представителем серебряного века, таким, во всяком случае, считал себя Сергей Яковлевич Эфрон, ставший в 1912 году мужем поэтессы этого века Марины Цветаевой, судьбы которых, особенно в политическом окрасе, тесно переплелись в период эмиграции в Париже. Он — российский публицист, литератор, офицер белой армии, воин Офицерского генерала Маркова полка, участник первого Ледового похода добровольцев и, наконец, агент ОГПУ, а потом НКВД и, в конце концов, его жертва.

После окончания юнкерского училища он проходил службу в Петергофе. В октябрьские дни 1917 года участвует в боях с большевиками в Москве. Потом Белое движение, Крым, Галлиполи, Константинополь, Прага и Париж.

Появляется разочарование в Белом движении.

Так, обучаясь в середине 1920-х годов некоторое время в Пражском университете, он пишет в Коктебель поэту Максимилиану Волошину:

> *«Сейчас намечается ее (России. —* Авт.*) выздоровление, воссоединение, и в ближайшем будущем она будет снова великодержавной и необъятной. Никто не сможет ее ни разделить, ни растоптать».*

Вскоре он окончательно разочаровался в «белом деле» и в Париже работает соредактором близкого к евразийству журнала «Версты». Отметился он и в деятельности французской масонской ложи «Гамаюн», из которой был исключен по подозрению в патриотических чувствах к Советской России.

В 1930-е годы работает в «Союзе возвращения на родину» (многие парижане его считали практически филиалом НКВД, так как занимался пополнением интернациональных бригад в Испанию). Резиденту ОГПУ в Испании Александру Орлову, ставшему невозвращенцем, он переправил на связь не один десяток агентов. Они там воевали. А потом многие выжившие в Испании бывшие белые офицеры «заслужили» советское гражданство, вернулись на Родину и там либо попали в ГУЛАГ, либо были расстреляны.

Об этом Эфрону станет известно намного позже, по возвращении в СССР.

А пока в письме к сестре Лиле пишет:

«В Россию страшно как тянет. Никогда не думал, что так сильно во мне русское. Как скоро, думаешь, можно мне будет вернуться? Не в смысле безопасности, а в смысле моральной возможности. Я готов ждать еще два года. Боюсь, дальше сил не хватит».

В эмиграции действительно было плохо. И материально — Эфрон не мог прокормить семью. И морально — постоянная грызня разных группировок между собой, отсутствие идеи, которой можно было бы посвятить жизнь. Борьба с большевиками теперь многим казалась невозможной из-за все возрастающей мощи страны. Продолжение ее — это был бы уже самообман.

В 1931 году он становится сотрудником ИНО ОГПУ в Париже, поэтому нужно было отрабатывать прощение Советской властью. Он использовался как групповод и наводчик — вербовщик. Лично привлек к сотрудничеству более двух десятков «добровольцев» из числа парижских эмигрантов. Согласно одной из версий, Эфрон был причастен к ликвидации Игнатия Рейсса (Порецкого) — советского разведчика, не пожелавшего возвращаться на Родину по приказу руководства из-за боязни ареста и расстрела. Это он (Порецкий) направил в ЦК ВКП(б) письмо с такими словами: «До сих пор я шел вместе с вами. Больше я не сделаю ни одного шага рядом. Наши дороги расходятся…»

Дальше он обвинял Сталина в чудовищных преступлениях и призывал народ к беспощадной борьбе со сталинизмом.

Через полтора месяца изрешеченное пулями тело Рейсса нашли местные граждане в Швейцарии, на дороге близ Лозанны. Полиция установила, что машина была арендована некой Ренатой Штайнер — сотрудницей ГПУ, завербованной Сергеем Эфроном и ставшей потом его любовницей.

Марина бредит Родиной. В чехословацком журнале «Своими путями» она писала:

«Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию — может бояться лишь тот, кто мыслит Россию вне себя. В ком она внутри, — тот потеряет ее вместе с жизнью… Кроме того, писателю там лучше, где ему меньше всего мешают писать… Единственное оружие писателя — слово…»

Цветаева с сыном Муром 20 сентября 1937 года вернулась с летнего отдыха.

А через два дня французские и эмигрантские газеты запестрели сенсационными заголовками о похищении русскими

генерала Миллера.

В Москве же в это время шла «чехарда чистки» аппарата ГПУ. Из-за границы отзывались старые кадры, знавшие слишком много. Практически все они по возвращении были расстреляны.

В сентябре 1937 года Эфрон внезапно выехал в Гавр, а оттуда пароходом прибыл в Ленинград. По возвращении в СССР ему и его семье была предоставлена государственная дача НКВД в подмосковном Болшево.

После бегства Эфрона из Франции Цветаева подает прошение о возвращении в Россию — там ее муж и дочь. Нельзя исключать того, что ее заставили стать «патриоткой» (кто-то из резидентуры НКВД в Париже).

* * *

Жили на оперативной даче безбедно две семьи — Эфроны и Клепинины, соответственно под другими фамилиями: Андреевы и Львовы.

Ариадна — дочь Эфрона и Цветаевой — работала в редакции московского журнала «Ревю де Москоу» на французском языке. Вскоре ее арестовали. Сам Эфрон жил как сибарит: лежа на диване, читал книги, журналы, газеты, грелся у камина, отключаясь от внешнего мира, в котором царили страх, доносительство и смерть. Встречался, хотя и редко, он и с родственниками.

А 10 октября 1939 года арестовывают и Сергея.

В публикации И. Кудровой «Последнее «дело» Эфрона» есть такой диалог между следователем и подследственным Эфроном:

«— Каковы были ваши взаимоотношения с вашей дочерью?

— Мои отношения с моей дочерью были дружеские, товарищеские.

— Что вам известно об антисоветской работе вашей дочери?

— Мне об этом ничего не известно.

— Ставили ли вы в известность дочь о проводимой вами антисоветской работе?

— В общих чертах она знала мою автобиографию, но то, что я рассказываю следствию, этого она, безусловно, не знала…

— А какую антисоветскую работу проводила ваша жена?

— Никакой антисоветской работы моя жена не вела. Она всю жизнь писала стихи и прозу. В некоторых своих произведениях она высказывала взгляды несоветские».

Сразу же после первого допроса на Лубянке он был переведен в Лефортово — самую страшную тогда из московских тюрем.

Марина Цветаева 23 декабря пишет письмо Л. П. Берии:

«Товарищ Берия!

Обращаюсь к Вам по делу моего мужа, Сергея Яковлевича Эфрона, и моей дочери Ариадны Сергеевны Эфрон… Но прежде чем говорить о них, должна сказать Вам несколько слов о себе.

Я — писательница, Марина Ивановна Цветаева. В 1922 г. я выехала за границу с советским паспортом и пробыла за границей… 17 лет… в эмиграции была и слыла одиночкой. В 1936 г. я всю зиму переводила для французского революционного хора… русские революционные песни, старые и новые, между ними — Похоронный марш («Вы жертвою пали в борьбе роковой…»), а из советских песню из «Веселых ребят», «Полюшко — широко поле» и многие другие. Мои песни — пелись.

В 1937 г. я возобновила советское гражданство, а в июне 1939 г. получила разрешение вернуться в Советский Союз. Вернулась я, вместе с 14-летним сыном Георгием, 18 июня на пароходе «Мария Ульянова», везшем испанцев.

Причины моего возвращения на родину — страстное устремление туда всей моей семьи: мужа — Сергея Эфрона, дочери — Ариадны Эфрон (уехала первая в марте 1937 г.) и моего сына Георгия, родившегося за границей, но с ранних лет страстно мечтавшего о Советском Союзе. Желание дать ему родину и будущность. Желание работать у себя. И полное одиночество в эмиграции, с которой меня давным-давно уже не связывало ничто.

…Теперь о моем муже — Сергее Эфроне.

Сергей Яковлевич Эфрон — сын известной народоволки Елизаветы Петровны Дурново… и народовольца Якова Константиновича Эфрона… Детство Сергея Эфрона проходит в революционном доме, среди непрерывных обысков и арестов… В 1905 г. Сергею Эфрону, 12-летнему мальчику, уже даются матерью революционные поручения.

…В 1911 г. я встречаюсь с Сергеем Эфроном. Нам 17 и 18 лет. Он туберкулезный. Убит трагической гибелью матери и брата. Серьезен не по летам. Я тут же решаю никогда, что бы ни было, с ним не расставаться и в январе 1912 г. выхожу за него замуж.

В 1913 г. Сергей Эфрон поступает в Московский университет, филологический факультет. Но начинается

война, и он едет братом милосердия на фронт. В октябре 1917 г. он, только что окончив Петергофскую школу прапорщиков, сражается в Москве в рядах белых и тут же едет в Новочеркасск, куда прибывает одним из первых 200 человек. За все Добровольчество (1917–1920 гг.) — непрерывно в строю, никогда в штабе. Дважды ранен.

Все это, думаю, известно из его предыдущих анкет, а вот что, может быть, не известно: он не только не расстрелял ни одного пленного, а спасал от расстрела всех, кого мог, — забирал в свою пулеметную команду».

Поворотным пунктом в его убеждениях была казнь комиссара — у него на глазах, — лицо, с которым этот комиссар встретил смерть. «В эту минуту я понял, что наше дело — ненародное дело».

Следствие шло долго. Военная коллегия Верховного Суда СССР 6 августа 1941 года осудила его к высшей мере наказания. Осужденного расстреляли 16 октября 1941 года в период сплошной суматохи в Москве, когда гитлеровцы были у ворот столицы. Не исключена попытка таким образом «разгрузить» места содержания заключенных или не дать возможности их оставить в живых — вероятность захвата Москвы была больше чем реальна.

* * *

Вот как описывает в своих воспоминаниях «На берегах Сены» прощание с Парижем Марины Цветаевой поэтесса белого зарубежья Ирина Одоевцева:

«Поэт Георгий Иванов спешно здоровается с ней.

Марина Цветаева смотрит на нас, прищурившись. Она очень близорука, но, казалось бы, из совсем не свойственного ей кокетства, не носит очков.

Наше появление ей явно неприятно. Она гордо выпрямляется и как-то вся ощетинивается, становясь — по своему собственному определению — тем «камчатским медведем без льдины», которого я привыкла видеть в гостях у «меценатов», где она всегда как будто готова принять бой. И сейчас она тоже как будто готовится к бою.

Она пожимает плечами.

— Просто чудеса в решете. Что ж? Я почти готова поверить. А ведь меня теперь большинство прежних на

улице не узнает; не кланяются мне, отворачиваются от меня.

— Марина Ивановна, вы рады, что возвращаетесь в Россию? — задаю я ей вопрос, преследовавший меня весь вечер. — Очень рады?

Она качает головой.

— Ах, нет, совсем нет. Вот если бы я могла вернуться в Германию, в детство. Туда бы я хотела — там такие широкие площади и старинные готические здания. А в России все теперь чужое. И враждебное мне. Даже люди. Я всем там чужая.

Она вздыхает и замедляет шаг.

— Все же я довольна, что покидаю Париж. Я его изжила. Его больше не существует для меня. Сколько горя, сколько обид я в нем перенесла. Нигде я не была так несчастна. А когда-то в Праге — там я очень скучала — я мечтала, как хорошо будет в Париже. А в Париже Прага стала казаться мне чуть ли не потерянным раем. А теперь я еду в Москву. Сыну там будет лучше. Но мне?… Выперла меня эмиграция.

Она снова вздыхает.

У меня сжимается сердце. Мне ее мучительно жаль. И страшно за нее. Нет, нет, — ей нельзя ехать туда! Там ее ждет гибель. Там она погибнет, как погиб Мандельштам. И сколько других.

Мне хочется крикнуть ей: «Не уезжайте! Вам нельзя ехать». Но я не решаюсь. И она все равно не послушается меня. Даже если я стану перед ней на колени и буду умолять ее.

Она была права — эмиграция действительно «выжила» ее, нуждающуюся в любви, как в воздухе, своим полнейшим равнодушием и холодом — к ней.

Мы не сумели ее оценить, не полюбили, не удержали от гибельного возвращения в Москву. Не только не удержали, но даже, скорее, толкнули на этот пагубный шаг.

Я хотела бы хоть отчасти искупить свой грех. В том, что Марина Цветаева — прекрасный стилист, теперь согласны все. Не только прекрасный, но, по всей вероятности, лучший стилист нашего времени — лучше Бунина, Белого, Сологуба, Мандельштама…»

Именно таким образом поэтесса Ирина Одоевцева оценила класс творчества Марины Цветаевой — розы в букете

представителей серебряного века.

Что же касается «выживания» ее из Парижа белой эмиграцией, конечно же Ирина не могла знать всех подробностей связи ее мужа Сергея Эфрона с советской разведкой, но даже если бы и знала, она бы никогда не намекнула о глубокой осведомленности об этом его жены — легенды поэтического мира Марины Цветаевой.

* * *

Как уже упоминалось выше, вскоре после возвращения из Парижа Марины Цветаевой была арестована их дочь Ариадна. Это был внезапный психологический удар по родителям. Ее допрашивали с пристрастием 20 суток. По ее признанию Генеральному прокурору 15 лет спустя, она напишет: «Меня избивали резиновыми «дамскими вопросниками», — в течение двадцати суток лишали сна, вели круглосуточные «конвейерные» допросы, держали в холодном карцере, раздетую, стоя навытяжку, проводили инсценировки расстрела».

Через месяц девушка «ломается и признается», что она и ее отец были связаны с иностранными разведками.

Нужно отметить, что дочь Сергея и Марины Ариадна или Аля, как ее называли дома, отцом была приобщена во Франции к патриотическому движению возвращения на Родину. Так, она организовала в «Союзе возвращения на Родину» молодежную секцию.

В марте 1937 года после отъезда отца она тоже получила разрешение на въезд в Советский Союз. Сбылась ее мечта, — став патриоткой под влиянием родителя, она едет на Родину, где «вольно дышится и весело живется». Ей хотелось именно в Советской России раскрыть свои творческие дарования. И вот уже в парижском журнале «Наша Родина» появляется ее очерк «На Родине», который явился прямо-таки панегириком Москве и ее жителям. В статье перечисляются достижения Страны Советов. Коснулась она даже заговора Тухачевского и его сподвижников — «на моих глазах Москва расправилась с изменой». А в конце статьи она воскликнула: «в моих руках мой сегодняшний день, в моих руках — мое завтра, еще много-много-много, бесконечно радостных «завтра».

Дочь Ариадна провела 8 лет в ИТЛ и 6 лет в ссылке в Туруханском районе. Реабилитирована только в 1955 году.

После этого, как уже упоминалось выше, арестовывают отца.

Ответа на письмо, написанное Мариной Цветаевой

Лаврентию Берии, — никакого. Потом попытка вербовки ее со стороны сотрудника НКВД СССР М. Маклярского. Она не соглашается стать негласным помощником. Предлагают стать переводчицей с немецкого в НКВД. Она противится и этому, не желая иметь связь с организацией, так жестоко поступившей с мужем и дочерью. Это уже социальный приговор, тем более в то время. Безработица угнетает, она в растерянности, согласна даже на любую работу, чтобы заработать живые деньги и купить на них продукты.

Эвакуация с сыном в Елабугу.

И здесь она узнает, что открывается столовая для семей писателей в Чистополе. Она пишет заявление:

> *«В совет Литфонда.*
>
> *Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда.*
>
> *М. Цветаева».*

Черным пятном позора лежат эти слова на писателях той поры, не сумевших защитить свою коллегу — великую поэтессу XX века! Каждому свой путь заказан. «По делам вашим да будет вам».

У Цветаевой, говорят, был какой-то собачий нюх на Время. Она его рисовала четко и зримо поэтическими образами, как вещун — предсказаниями. Известие о войне она встретила спокойно, потому что знала ее неизбежность. Для нее это была уже третья война. Первые две войны запечатлелись во временном диапазоне от 1914 до 1920 года, где она писала:

> *«Война, война! — кажденья у киотов и стрекот шпор. Но нету дела мне до царских счетов, народных ссор…» (16.07.14), «Белое солнце и низкие, низкие тучи… Чем прогневили тебя эти серые хаты, — Господи! — И для чего стольким простреливать грудь?…» (03.07.16) и стихотворение «Пожалей», созданное в трагичном декабре 1920 года.*

Она понимала, что страна теперь будет жить в войне и войной. Она хорошо помнила слова Маяковского, что «нужно писать не о войне, а войной». Но сил это делать сейчас у ней уже не было.

Война 1941 года, уже начавшаяся победоносно для ненавистных ей германцев еще с начала века, виделась новым апокалипсисом, — теперь для Советской России, обманувшей

ожидания и разрушившей ее семейное гнездо.

Она 28 августа 1941 года вернулась в Елабугу. Цель у нее была одна — поскорее перебраться в Чистополь. Но случилась то, что случилось: 31 августа она покончила жизнь самоубийством — повесилась в доме, куда вместе с сыном определилась на постой. Цветаева оставила три предсмертные записки. Это были обращения к сыну Муру, поэту Николаю Асееву и эвакуированным гражданам.

В записке к сыну она писала:

> *«Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь, — что любила их до последней минуты, и объясни, что попала в тупик».*

Записка Асеевым более пространная:

> *«Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 150 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите, как сына, — заслуживает. А меня — простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете — увезите с собой. Не бросайте!»*

К эвакуированным коллегам она обращается так:

> *«Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом — сложить и довезти. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. (адрес. —* Авт.*) Асеева на конверте. Не похороните живой. Хорошенько проверьте».*

* * *

Предали мать все. Мур 4 сентября приезжает в Чистополь.

Останавливается в семье Асеевых, а уже 10 сентября он оказывается в Чистопольском доме-интернате. Его просто не приняли и выставили за дверь, — он был для них лишним ртом. А потом годы одинокого безденежного мытарства — Елабуга, Москва, Ташкент и снова Москва. В Узбекистане он завершил учебу в средней школе, в Москве поступил на 1-й курс Литературного института.

Из института Мур попадает на фронт — в штрафбат. Определили его туда как сына репрессированного отца. В письме с фронта своей тете Елизавете Эфрон он писал:

> *«Здесь кругом воры, убийцы. Это все уголовники, только что выпущенные из тюрем и лагерей. Разговоры они ведут только о пайках и о том, кто сколько отсидел. Стоит беспросветный мат. Воруют все. Спекулируют, меняют, отнимают. Ко мне относятся плохо, издеваются над тем, что я интеллигент. Основная работа тяжелая физически: разгрузка дров, чистка снега. У меня опять началось рожистое воспаление на ноге…»*

На фронте, как известно со слов ветеранов, мальчики быстро взрослели. Георгию 19 лет. С боями продвигались бойцы на запад по Белоруссии. У деревни Друйка Эфрон был смертельно ранен. После боя в книге учета личного состава полка осталась запись:

> *«Красноармеец Георгий Эфрон убыл в медсанчасть по ранению 7.7.1944 г.»*

Предали земле тело Мура в братской могиле где-то в поле возле деревни Друйка. О судьбе сына Марины Цветаевой больше ничего не известно.

Это что касается событий, которых не могла знать усопшая.

Похоронили Марину Цветаеву 2 сентября 1941 года на Петропавловском кладбище в городе Елабуге. Марина Цветаева ушла из жизни не отпетой. Спустя полвека, в 1990 году, патриарх Алексий Второй дал благословение на ее отпевание, тогда как это делать в отношении самоубийц в РПЦ категорически запрещено. Получается, если сильно нужно, то можно.

Во время встречи автора с главным редактором журнала «Россияне» — известным поэтом Владимиром Фирсовым, любимцем М. А. Шолохова, готовившим подборку моих стихов в одном из номеров ежемесячника, в кабинет вошла старушка. Это была сестра Марины Цветаевой — Анастасия. Ей было в то время под девяносто. Она наведалась не только к поэту, но и щедрой и доброй душе за помощью.

В ходе беседы Владимир Иванович затронул тему Марины и проблемы открытия ей памятных мест. В отношении могилы сестры Анастасия Цветаева призналась, что точное ее расположение не известно, но крест на южной стороне кладбища у каменной стены, где затерялось последнее пристанище Марины, она поставила, а через десять лет соорудила каменное надгробие.

Помнится, Владимир Иванович — редкой доброты человек, передал Анастасии Цветаевой конверт с деньгами. Она заплакала…

Куприн — операция по выводу

Александр Иванович Куприн (1870–1938) — русский писатель, отечественный Джек Лондон — исследователь социального дна, бурная судьба которого почти на два десятилетия была связана с Парижем. В конце жизни по заданию советского руководства с использованием возможностей НКИД и НКВД СССР он был выведен в 1937 году в Советский Союз.

Право писать он получил у жизни, испытав себя на разных работах в разных профессиях — от циркового борца до землемера. Внутри этого параметра вместились и пробы себя в качестве рыбака, дантиста, актера, шарманщика, пожарника, воздухоплавателя и офицера. Но больше всего он любил письменный стол, перо, бумагу и… водку.

Родился Куприн в захолустном городке Наровчате Пензенской губернии. Отец, низшего ранга чиновник, умер от холеры, когда Саше было полтора года. В 1874 году они с матерью переезжают в Москву и поселяются в Сиротском пансионе. В 1880 году он поступает во Вторую московскую военную гимназию, но рамки военной службы его тяготят. Однако в 1889 году его приняли на учебу в Третье Александровское юнкерское училище, после окончания которого подпоручик Куприн отправляется в пехотный Днепровский полк. Литературное увлечение заявляет себя первой публикацией в «Русском сатирическом листке» рассказом «Последний дебют».

Есть данные, что поручика Куприна посылали учиться, вернее, на сдачу экзаменов в Академию Генерального штаба.

По пути он вдруг в пьяном угаре выбрасывает в воду через окно плавучего ресторана приставучего полицейского.

Военная служба не для него, она становится невыносимой. Он подает рапорт на увольнение и в конце 1893 года получает отставку. Работает много и продуктивно. Куприн словно штампует рассказы и повести. В это время выходят рассказы «Лунной ночью», «Дознание» и повесть «Впотьмах». Он переезжает в Киев и буквально выстреливает целой серией произведений: «Киевские типы», «Миниатюры», «Молох», «В цирке», «Конокрады», «Олеся», «Поединок» и другие.

В 1901 году Куприн оказывается в Петербурге, где его уже известное имя открывает двери «толстых» журналов. Он знакомится с Горьким, Буниным и Чеховым. В 1902 году женится на дочери издательницы Марии Карловне Давыдовой и становится сотрудником журнала «Мир Божий».

Но семейная жизнь его не успокоила, он продолжает пить,

глядя на мир сквозь полную бутылку, — пустые выбрасывал. А он, этот мир, как известно, выглядит совершенно иначе, чем сквозь опустошенную посудину.

Газеты полны всяких примеров его выходок: кого-то облил горячим чаем, задиру выбросил из окна, хулигана толкнул в одежде в бассейн, воткнул кому-то вилку в казенную часть, поджег платье даме, выкрасил голову масляной краской, сбросил посуду со стола, сдернув скатерть, и т. п.

В 1907 году брак распался.

Однажды он послал императору Николаю II телеграмму с пожеланием дарования Балаклаве статуса вольного города, на что царь ответил: «Лучше закусывайте!»

В народе ходили про маститого писателя анекдоты, частушки и стишки типа: «Если истина в вине, сколько истин в Куприне!», «Водочка откупорена, плещется в графине. Не позвать ли Куприна по этой причине».

Первая мировая война заставила снова надеть военный мундир, теперь уже поручика. Но не надолго. Демобилизовавшись после войны, он организует в своем доме в Гатчине военный госпиталь, где в качестве сестры милосердия работает его вторая жена Елизавета Морицовна Гейнрих с дочкой Ксенией. После Февральской революции он переезжает в Петроград, где редактирует эсеровскую газету «Свободная Россия».

Вскоре он уже в Одессе.

Октябрьскую революцию встречает в штыки. Он не принял политику «военного коммунизма», действия «красного террора». Резко критикует политические взгляды Ленина на обустройство нового государства.

Летом 1920 года Куприн оказывается в Париже. Здесь творческое вдохновение его затухает. Новый сборник рассказов появляется только в 1927 году, а роман «Юнкера» выходит в 1933-м. Тоска по Родине, постоянная материальная нужда, кутежи, катастрофическое падение зрения и неспособность сосредоточиться приводит его к мысли, что он лишний в этом мире.

Его собутыльник и коллега по писательскому цеху Владимир Крымов вспоминал:

> *«В моем автомобиле оказался спящий человек. Художник Трояновский успокаивал меня: «Это Куприн… Пока доедем, он очухается…» Когда приехали, Трояновский отворил дверцу и громко сказал: «Александр Иваныч, замечательный коньяк!» Действие этих слов было магическое — Куприн сразу проснулся… пришлось подать*

коньяк еще до обеда».

И все же это был любопытный и любознательный человек. Его интересовали и новый физический труд, и новые простые люди, и новые яркие впечатления. У него не было «чугунного зада», каким обладал Лев Толстой, которого он уважал, ценил и постоянно держал в кабинете портрет великого классика русской литературы.

Бурный темперамент не давал писателю подолгу заниматься литературным трудом. Он мог бросить хорошо двигающуюся рукопись, если находил, что «точные слова» ему не даются, он их не может «вылущить» из стручка памяти, или повстречался интересный человек. Куприн всегда ходил с блокнотами и записывал в них удачные выражения, афоризмы, заметки которых потом использовал в творчестве.

* * *

Конец 1930-х годов в СССР отмечен не только сталинскими репрессиями по указанию сверху руками ОГПУ и НКВД, но и признанием авторитета первой социалистической державы. Рост промышленности, особенно машиностроения, и продукции сельского хозяйства говорили сами за себя.

Сталин делал все, чтобы подчеркнуть результаты своего руководства страной после Ленина и Троцкого. Те, кто пытался перечеркивать и охаивать политические и экономические плоды сталинского руководства, вычеркивались из державной памяти, а нередко и из жизни.

В кабинете председателя ОГПУ Ягоды, а потом наркома НКВД СССР Ежова часто обсуждались установки ЦК партии на использование возможностей внешней разведки, в частности легальных резидентур, на поднятие авторитета СССР и склонение выдающихся личностей из числа интеллигенции к возвращению в новую, Советскую Россию. Особый интерес органы проявляли к русскому зарубежью, осевшему большими диаспорами в таких европейских столицах, как Париж, Берлин, Прага, Белград и София. В этих городах этнические группы русских были самыми многочисленными.

Николай Ежов на одном из совещаний нацеливал руководителей зарубежных аппаратов:

— Используйте и задействуйте все свои силы и средства, чтобы в Страну Советов возвращались те, кто ошибался в оценках новой России в двадцатые годы и был незаслуженно выслан

«ленинской гвардией» на Запад «философскими пароходами». Сегодня СССР, как никогда, силен, и те пара десятков вчерашних наших идеологических противников погоды не сделают. Да они уже другие — наши успехи их перековали…

Резидент из Парижа поднял вопрос о написанном пасквиле на советскую действительность французским писателем еврейского происхождения Андре Жидом под названием «Возвращение из СССР».

Сталин, которому пели осанну Анри Барбюс и Лион Фейхтвангер, Бернард Шоу и Ромен Роллан и многие другие, пишущие и считающиеся «золотыми перьями», на творчество француза Андре Жида прореагировал словами:

— Негодяй! Лучшие люди человечества видят одно, а эта сволочь, этот дегенерат, этот троцкистский выкормыш, — другое!

После этих слов с сентября 1936 года, года первого издания книги «Возвращение из СССР», Андре Жид становится реакционным писателем и недобитым троцкистом. Его книги под запретом и уничтожаются.

На критические страницы о Советском Союзе еврейского француза Андре Жида ответил «положительным» произведением, своеобразным панегириком немецкий еврей Лион Фейхтвангер — «Москва 1937». Одной из ее главных целей было развенчание критических оценок А. Жидом советской жизни.

Лион Фейхтвангер два месяца провел в СССР, имел со Сталиным трехчасовую беседу и был свидетелем второго московского показательного судебного процесса над троцкистами. Его произведение выдержано было в духе сталинской пропаганды с включением трех основных тематических направлений: благосостояние советских людей, их мироощущение и политический режим.

Он писал, что на одного жителя в СССР приходится продуктов больше и лучшего качества, чем в Германии и Италии, что реальная заработная плата советских рабочих возросла с 1929 года на 278 процентов, что каждый работающий пользуется месячным оплачиваемым отпуском. А Москва по степени развитости общественного транспорта находится на первом месте в мире.

Благодаря электрификации, писал он, Москва сияет ночью, как ни один город в мире, что в московских магазинах можно в большом выборе получить продукты питания по ценам, вполне доступным среднему гражданину Советского Союза, и в целом весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того — счастьем.

— Нам надо смелее, напористее, энергичнее вести

пропаганду советского образа жизни, — резанул воздух малюсенькой ладонью карликового роста Ежов. — Произведение «Москва 1937» должна быть настольной книгой в любом нашем посольстве. Проследите за этим. Нам нужны авторитетные российские граждане — писатели, музыканты, ученые и философы. Мы их сделаем советскими. Они сами убедятся в правоте и правильности своего выбора…

Парижская резидентура НКВД поставила задачу Ивану Яковлевичу Билибину, русскому художнику, книжному иллюстратору и театральному оформителю, положительно повлиять на Куприна.

Цель одна — усилить мотивацию для принятия решения о возвращении на Родину.

Но это был выстрел из пушки по воробьям. Этот же воробышек давно уже созрел, чтобы отправиться на Родину, в Россию, в дорогую сердцу Москву, с которой были связаны его лучшие годы, и там умереть.

Но вернемся к Билибину.

Как же Иван Яковлевич оказался в Париже?

На пароходе «Саратов» он 21 февраля 1920 года отплывает из Новороссийска. Сначала оказался в Египте — в лагере в Тель-эль-Кебире. Путешествует по Сирии и Палестине, в 1924 году поселяется в Александрии, а в августе 1925 года переезжает в Париж. С годами он примирился с Советской властью. В 1935–1936 годах участвует в оформлении советского посольства в Париже, создает монументальное панно «Микула Селянинович».

Там его и «подготовили» к возвращению в Советский Союз.

* * *

Куприн, пусть не часто, но встречался с Буниным, который с пиететом относился к «шалуну» и хотя и редко, но всегда в критические моменты поддерживал его материально. Еще бы: знакомы давно, в политических оценках «Совдепии» солидарны, правда, Иван Алексеевич продолжал упорно трудиться и в Париже, и на юге Франции, а в 1933 году его творческая деятельность в литературе была оценена присуждением Нобелевской премии.

А что Куприн? Он связал себя с тем состоянием, когда человеку кажется, что он центр мира и пьет четыре раза в год, каждый раз по три месяца, живя по принципу «я пью не больше, чем губка». Он помнил раз услышанное и записанное в свой блокнот французское изречение «Господь хранит детей, дураков и

пьяниц».

Но это все была теория.

Практика обернулась другой стороной. Куприн превратился в алкоголика, которого в одинаковой степени губит и выпивка, и отсутствие выпивки — ломка и безделье из-за неспособности сосредоточения за письменным столом с пером и бумагой.

Он хорошо знал Париж и был завсегдатаем кафе на Елисейских полях: «Триумф», «Колизей». Знавали его и русские рестораны «Москва», «Корнилов», «Мартьяныч», «Доменик», «Яр» и другие. Романсы любил послушать в кабаре «Шехерезада», «Казанова» и «Флоранс». Жаждал он услышать «Калитку» в исполнении Нюры Масальской и Юрия Морфесси с его «Вам девятнадцать лет», «Гайда, тройка, снег пушистый…», «Ах, эти черные глаза меня пленили» и особенно знаменитый романс «Она казалась елочной игрушкой…» и другие.

Однажды глубокой ночью Елизавете Морицовне позвонила хозяйка одного из кафе. Сбивчиво и торопливо, с негодованием в голосе она пояснила, что надо унять расходившегося ее мужа — этого несдержанного «русского барина и писателя». Назвала она и адрес питейного заведения.

— Правда, — заметила француженка, — сейчас он нетранспортабелен из-за глубокого опьянения, но, бога ради, заберите этого медведя.

— Что еще он там натворил?

— Побил посуду, сломал стул, разбил зеркало. Сейчас соизволит отдыхать…

— Извините, непременно приеду. Скоро буду, — проговорила Елизавета Морицова, сгорая от стыда, несмотря на то что были часты подобные звонки, и адаптироваться к ним жена могла бы. Нет, привыкнуть к таким действам супруга не могла. Каждый раз воспринимала подобное искренне и серьезно, болезненно в большом и больном сердце.

Тоненькая из-за недоеданий и переживаний женщина с печальными черными глазами выскочила на улицу, поймала извозчика и понеслась спасать супруга, словно расшалившегося мальчика, в котором веса было за центнер. Но этот великовозрастный детина, еще недавно размахивающий пудовыми кулаками и крушивший все, что попадало под руки, при виде Лизаветы, как он ласково называл супругу, тут же сдавался и покорялся ее просьбам…

Последняя, случайная встреча Бунина с Куприным потрясла писателя. Перед первым русским нобелевским лауреатом по литературе стоял в обносках, в дырявых ботинках и помятой фетровой шляпе, с одутловатым лицом его коллега — великий

исследователь душ человеческих — спившийся Куприн.

— Прости, — простонал Александр Иванович, обняв своими длинными руками несколько элегантного из-за своей щуплости друга. И искренне зарыдал.

— Прости и меня, — промолвил Иван Алексеевич, словно беря на себя вину за нищенское состояние соплеменника. Правда, известно, что он не раз материально поддерживал своего земляка и коллегу.

Писатель Аркадий Аверченко гораздо резче отреагировал на поведение и жизнь Куприна в Париже: «В таком виде не надо показываться на людях, а сидеть, спрятавшись, как медведь в берлоге».

Но у Куприна была совсем иная натура, — в нетрезвом состоянии он был медведем-шатуном, с которым могла справиться только его Лизавета.

Это была беда великого в прямом и переносном смысле человека, не способного справиться с маленьким агрессором — бутылкой.

* * *

Билибин писал Куприну, что его приняли хорошо, что он удачно устроился, и приглашал как можно скорее принять решение и приехать в Советскую Россию, которая не так уж и страшна, как ее разрисовал Андре Жид в книге «Возвращение из СССР». Писал он и об удачной судьбе других возвратившихся, в том числе и о расцветшем творчестве Алексея Толстого, высоко ценимого Советской властью.

Подробно рассказывал в письмах об издательском буме в Советской России произведений Александра Ивановича. От этих слов у него загорались глаза, учащенно билось сердце, и он задыхался от волнения. Кому из авторов не хочется первым подержать свое дитятко, пахнущее еще клеем и типографской краской.

Это было время, когда книги Куприна аврально стали издаваться. В конце 1930-х годов, а конкретнее с весны 1937 года советская литературная критика торопливо меняет знак оценки его творчества с «минуса» на «плюс». Больше того, оказывается, «бывший заклятый враг Советской России» Куприн все предыдущее время разоблачал «уродливую буржуазную действительность» и можно считать его творчество «восторженным гимном борцам русской революции».

Часто, лежа в кровати и уставившись в потолок, он бредил

Россией, потому что был слишком русским человеком, настоящим русским писателем. Он с грустью ворошил минувшее, понимая, что ушедшее время не вернешь, так как оно — движущее подобие вечности или выдумка смертных. Вспоминал нежно, как могут это делать великодушные и творческие люди, годы, проведенные в Москве, Одессе, Киеве и Санкт-Петербурге, а потом — в Петрограде.

Как писала об этом периоде дочь писателя Ксения Куприна, «…с возвращением на родину его жизнь как бы замыкалась в закономерный круг».

Часто исповедовался жене и дочери:

— Милые, как же мне хочется в Россию. Хочу там творить, если силы будут, и умереть. В советском посольстве уже знали о желании Куприна уехать на Родину.

Знали и о его прогрессирующей болезни. Весной и летом 1937 года в парижскую квартиру зачастили представители советского посольства, напрашивались в друзья почитатели таланта — негласные сотрудники НКВД. Гости рассказывали, как популярен он в России. В это время со специальной миссией к писателю Бунину приезжали Константин Симонов с кинодивой Валентиной Серовой, чтобы уговорить его вернуться на Родину. Думается, эта пара могла встретиться и с семейством Куприных.

И вдруг хворающему Александру Ивановичу пришло письменное приглашение от нашего посла Владимира Потемкина прибыть на переговоры.

Для эмигрантов в ту пору советское посольство, как писала дочь писателя, было окутано какой-то тайной, легендами. Некоторые шоферы такси, бывшие белые офицеры, боялись проезжать по улице Гренель, где находилось представительство СССР, говорили, что, дескать, их могут похитить, говорили также, что французская полиция фотографирует каждого, кто входит в посольство, и потом этот человек уже на учете, за ним следят, он подвергается преследованиям, а иногда и высылке.

Александр Иванович, естественно, разволновался и почувствовал себя неважно. Тогда Ксения сама отправилась разговаривать с послом. Владимир Петрович Потемкин принял ее тепло и произвел на нее положительное впечатление, прежде всего, высокой культурой. Она объяснила ему состояние отца, горячее желание вернуться в Россию.

Кто-кто, а посол знал переменчивую публицистичную подноготную великого писателя, знал, что Луначарский и Воровский критиковали Куприна за отсутствие классового подхода, за политическую слепоту и отрицание гегемонии пролетариата в произведениях. Но было время и

благожелательного отношения большевиков к писателю. Это случилось, когда писатель после революции сотрудничал с издательством «Всемирная литература», а в декабре 1918 года с помощью Горького даже встречался с Лениным, предложив вождю издавать для деревни газету под названием «Земля».

Предложение было принято, но оно не состоялось «по техническим причинам» — отсутствие нужных специалистов и нестабильность самой власти. Воюющие красноармейцы были преимущественно из хуторов, деревень и сел, сгорали в горниле Гражданской войны.

Когда же Куприн стал редактором газеты «Приневский край», издаваемой при штабе белой армии под руководством лидера всего Белого движения на северо-западе России генерала от инфантерии Н. Н. Юденича, оценка творчества писателя резко переменилась. Она стала отрицательной. Красное идеологическое чиновничество его тут же записало во врагов Советской власти.

Разгорается поистине классовая борьба с пожилым писателем. Так, в уничижительной статье «Идеологический парикмахер» М. Морозов установил, что «понятия Куприна о добродетели и красоте не выдерживают критики», так как в его произведениях отсутствуют «женщины-общественницы», а есть «пленительные самки». У писателя «нездоровый скептицизм, идеологический дурман». Далее он писал, что Куприн, «сделавшись наиболее заклятым врагом советской России, в своих злобных нападках на нее опускается до самого оголтелого черносотенства».

Но вернемся в кабинет посла В. П. Потемкина.

— Владимир Петрович, я хочу вас попросить еще об одном: учитывая крайнюю физическую слабость родителя, провести эту операцию по его выезду в строжайшей тайне, дабы оградить его до отъезда от выпадов и всякого рода провокаций со стороны враждебно настроенных к Советской России эмигрантов, — взволнованно проговорила Ксения Александровна.

— Не беспокойтесь, это в наших интересах, — ответил посол. — Так что в принципе мы с вами договорились о судьбе Куприна. Передайте родителям, пусть собирают необходимые вещи.

— В тайне? — улыбнулась дочь писателя.

— Как договорились… Сборы были недолги. Париж ахнул, когда стало известно, что Куприн покинул Францию.

Некоторые злопыхатели в Париже говорили, что дочь таким образом избавилась от «безумного папаши с полным ворохом болячек», что его напоили успокоителями, потому что отвечал на вопросы порой невпопад.

Представители посольства разрешили ему взять свою любимую кошечку Ю-ю, а вот библиотеку запретили вывезти.

В последний день августа 1937 года А. И. Куприн как живой классик вернулся в город своей юности — Москву, где почти полстолетия назад началась его творческая деятельность. На Белорусском вокзале писателя встречали с оркестром. Тут присутствовали и «молодые писатели», отслеживавшие каждый его шаг, и представители общественных организаций, и неорганизованные толпы почитателей его таланта.

Его прокатили по улицам столицы. Он часто плакал, а больше молчал. Как писал Юрий Дружников, Куприн «упрямился, не хотел делать, что его просили, но соглашался, если ему обещали стакан вина…» Куприн был потрясен таким радушным приемом. И уже через несколько дней он дал интервью корреспонденту «Литературной газеты» Л. В. Колпакчи. В конце этой искренней исповеди он сказал:

> *«Я еще не знаю, знакомы ли молодому поколению русских читателей мои дореволюционные произведения, но я хочу думать, что многие из моих повестей и рассказов не утратили для них интереса.*
>
> *Глубоко волнующее, естественное для писателя чувство удовлетворения испытал я в первый же день приезда в Москву, когда узнал, что Государственное издательство художественной литературы намерено выпустить двухтомное собрание моих старых сочинений. Когда же я ознакомился с намеченным содержанием моего двухтомника, я испытал надежду, что советский читатель примет мои книги благожелательно.*
>
> *Моя писательская гордость будет удовлетворена, если я и в своих новых произведениях сумею пойти вровень с требованиями народов СССР к своей литературе. Я преисполнен горячего желания дать стране новые книги, войти с ними в круг писательской семьи Советского Союза».*

Первое время после возвращения в Москву из Парижа Куприн с супругой жили в гостинице «Метрополь», а затем, по совету врачей, они поселились на даче Литфонда в Голицино.

На 7 ноября 1937 года писатель с женой был приглашен на военный парад. Он был в восторге от всего увиденного на Красной площади.

— Таких праздничных, таких радостных улиц, как в Москве в дни праздников, я никогда еще не видел. Так петь, как поют в Москве, так прекрасно и так весело, могут петь люди только в

свободной стране. Большое спасибо моим товарищам — писателям за приглашение на Красную площадь. Я никогда не забуду эти часы, которые я провел на замечательном параде, — искренне скажет великий писатель, конечно не знавший того, что творил Ежов и его приспешники по указке высокого кремлевского чиновничества.

Через несколько дней чету Куприных увезли на литфондовскую дачу Союза писателей СССР в Голицино. Как писал уже упоминаемый Ю. Дружников:

> *«Худой сгорбленный старик с прищуренными слезившимися глазами, поддерживаемый с обеих сторон, шатаясь, вылез из автомобиля, он, к удивлению представителей власти, вдруг бойко крикнул командиру роты, подготовленной для приветствия: «Здравия желаю, господин унтер-офицер!»*
>
> *«Он не господин, а товарищ командир», — подсказали Куприну компетентные сопровождающие. Троекратное «ура» скомкалось. Из дома вынесли кресло и поставили на площадке…»*

В Голицыно он жил ожиданиями писем от дочери, но они не приходили. Выходя во двор, писатель падал на колени перед березками, плакал и целовал их.

В конце декабря 1937 года Куприн с женой переезжает в Ленинград, а лето следующего года проводит в Гатчине, на арендованной даче. Обещали вернуть его дом, где он прожил более десяти лет.

Библиотека Куприна в его Гатчинском доме после революции была разворована, имущество растащено.

В середине августа 1938 года состояние здоровья писателя стало резко ухудшаться. В ночь на 25 августа 1938 года Александр Иванович Куприн скончался. Похоронили его на Литераторских мостках Волкова кладбища в Ленинграде, недалеко от могилы И. С. Тургенева.

Вот так закончилась операция НКВД по выводу, а по существу, по вывозу из Парижа еле живого классика русской литературы.

Миллер в западне

В середине 1930-х годов от тайных сотрудников ОГПУ, а потом НКВД Скоблина и Плевицкой, по мере их признания и возросшего авторитета в белогвардейской среде стали поступать все более ценные материалы. За четыре года на основании информации, полученной только от Скоблина, ОГПУ арестовало около двух десятков агентов, нелегально заброшенных в СССР, и установило 11 явочных и конспиративных квартир иностранных разведок и РОВС в Москве, Ленинграде и Закавказье.

«Месячное жалованье» «Фермера» и «Фермерши» в несколько сот долларов от советской разведки, по ценам того времени, было довольно прилично. Семейная чета, еще недавно жившая под спудом прозябания, выпрямилась, стала лучше и моднее одеваться, купила небольшой особняк, машину. Таким образом расширялись их контрразведывательные возможности, но возникала опасность попасть под подозрение и своей и французской контрразведок из-за роскошества. Некоторое время эти положительные изменения в материальном отношении прикрывались деньгами, якобы вырученными за концертную заграничную деятельность все еще востребованной певицы Плевицкой. Но когда прекратились поездки в другие страны и Надежда одаривала своим милым голосом бедную как церковная мышь белую эмиграцию, у которой «душа не имела ни шиша», стало труднее объяснять дорогостоящие приобретения.

Но супругам Скоблину и Плевицкой руководство РОВС доверяло.

Скоблин действовал одержимо. Как говорилось в одном из открытых документов нашей разведки того периода, он «… ликвидировал боевые дружины, созданные Шатиловым и генералом Фоком; свел на нет зарождавшуюся у Туркула и Шатилова мысль об организации террористического ядра; разоблачил агента-провокатора, подсунутого нам французами и работавшего у нас одиннадцать месяцев; сообщил об организации, готовившей убийство наркоминдела Литвинова во время его визита в Швейцарию, и т. д.».

Многочисленные провалы в системе заграничных операций РОВС вынудили белую контрразведку провести тщательное расследование. Итог анализа этих материалов был таков: рядом с провалами в числе других фигурировала фамилия Скоблина. Но благодаря разумному поведению генерала во время расследования и с помощью высокопрофессиональных действий советской разведки он сумел отвести от себя подозрения.

Те, с кем он работал и кто его наставлял в нелегальной деятельности, были совсем не «кухаркины дети». Они, прошедшие через тернии революционно-подпольных передряг и лихо закрученных оперативных операций, стояли в вопросах знания психологии и логики гораздо выше белого фронтового офицерства и генералитета.

Хотя полковник из контрразведки РОВС Зайцев настаивал на продолжении более углубленной проверки Скоблина, Миллер одернул его:

— Запомните, Скоблин в первую очередь — корниловец. Он прошел такие испытания на фронтах в битвах за Отечество и с германцами, и с Советами, что у меня есть сомнения в правдоподобности ваших подозрений. Другое дело певица. Она моталась по городам и весям. Пела, как говорится, и вашим и нашим.

— Супруга, что ли?

— Да-да, Плевицкая. Она болталась и с красными и с белыми. И по за границам странствовала. Побывала даже в Америке. Везде ее могли подцепить. Вот ее надо посмотреть более пристально, голубчик, — ворчал генерал-лейтенант Миллер.

— Постараюсь за ней плотнее понаблюдать, — в угоду генералу промолвил полковник Зайцев.

— Уверен, ваши старания не помешают в выяснении истины. Вы теперь должны стать историком, вспять обращенным пророком, чтобы найти ответы в вопросах из прошлого, — философски закруглил мысль председатель РОВС.

— Да уж, слепая, но непреложная закономерность истории отвечать на четко поставленные наши вопросы, — решил и Зайцев ответить заумностью…

Миллер только улыбнулся в ответ на перл своего контрразведчика.

* * *

Середина 1930-х годов.

Немецкое участие в испанской гражданской войне началось летом 1936 года. Немцы помогали националистам в безуспешных усилиях по захвату удерживаемого республиканцами Мадрида. Центр боев затем сместился на северное побережье Испании, где воздушные налеты германцев около Бильбао сломили сопротивление республиканцев и участвующих в боях наших волонтеров. Как на всякой даже малой войне, каковой для Германии была гражданская бойня в Испании, большая страна

пытается испытать новые системы оружия и типы боевой техники для проверки ее эффективности. Этой страной был гитлеровский Третий рейх, готовившийся к прыжку на Восток. Для этого нужен был реальный испытательный полигон, каким и явилась гражданская война в Испании.

Так, Гитлер приказал Герингу отправить 30 новых бомбардировщиков среднего радиуса действия — быстрых двухмоторных «Хе-111», которые могли нести на тонну бомб больше и приравнивались по скорости к бомбардировщику «До-17». Дело в том, что старые тихоходные «юнкерсы» — типа «Ю-52» со скоростью до 280 км/час уступали в скорости и маневренности советским самолетам — «ишачкам» «И-15» и часто не выдерживали поединков, сдаваясь на милость победителей. Советские асы с удовольствием охотились за этими бомбовозами и легко расправлялись с ними.

В последний день марта 1937 года немецкий легион «Кондор» с эскадрильями «Хе-111», «До-17», «Ю-52» и низколетящие «Хе-51» обрушились на главный укрепленный район республиканцев под названием «Железное кольцо».

Этот день принес синее небо и солнечную погоду, чем и воспользовались самолеты люфтваффе. Важный морской порт и промышленный центр Бильбао бомбили несколько дней подряд. Соседний железнодорожный узел в Дюранго был превращен в груду камней. Но пиком варварства стала бомбардировка Герники — небольшого торгового городка, несколько веков назад бывшей столицы басков.

Ничто не предвещало беды.

Мирные люди занимались повседневными делами. Вдруг гулко загудели колокола на колокольнях соборов и кирх. Набатные звуки предупреждали горожан — приближается немецкая воздушная армада. Местные граждане побежали прятаться. Укрывались где кто мог пристроиться.

В 16:30 26 апреля первые «Хе-111» сбросили на центр городка 6 тяжелых бомб. В течение следующих трех часов самолеты «Кондора» наносили разрушительные удары по Гернике.

Вот как описывал это варварство один из очевидцев этой трагедии:

> *«Первая бомба взорвалась перед гостиницей «Хулиан», вскрыв четыре этажа. В 90 метрах от этого места боец-доброволец был сбит взрывной волной. Открыв глаза, он увидел летевшие в воздухе руки, ноги и головы разорванных на части людей. В последующих налетах самолеты сбрасывали боевые зажигательные средства на*

теснившиеся ряды деревянных домов, подвергая их уничтожающему огню. Три больницы подверглись ударам с воздуха, — больные дети, раненые солдаты, врачи и медсестры, находившиеся там, умирали вместе».

В сумраке, когда схлынула последняя волна бомбардировщиков, большая часть Герники была в огне. Развалины все еще тлели и на следующее утро, когда в город прибыли иностранные журналисты. Они увидели, как ошеломленные горожане выискивали среди руин останки людей, дорогие семейные реликвии и уцелевшие вещи.

Наши соотечественники воевали по разные стороны баррикад, а порой сражались даже вместе на стороне республиканцев, получали ранения и погибали — и белые и красные. Таков русский дух помощи попавшим в беду людям…

Надо отметить, что председатель РОВС генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер все больше склонялся к мысли о необходимости сотрудничества с нацистами. События в Испании, победа Франко при помощи германского оружия и прямой поддержке Гитлера толкала его к мысли встать на сторону главного противника Красной России и принять участие в готовящемся походе против большевиков.

Гитлера поддержал, правда, несколько позже, даже наш соотечественник в Америке, выдающийся авиаконструктор Сикорский.

«РОВС должен обратить все свое внимание на Германию, — часто сам с собой рассуждал Евгений Карлович, — это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть…

Православная вера, родина, семья — вот те три устоя, на которых русский строил свою жизнь, свое государство. И им советская власть, олицетворенная коммунистами, объявила беспощадную войну. В моей душе живут сейчас три чувства — безграничная ненависть к большевикам, правящим Россией, надежда, что мне придется участвовать в свержении их власти, и вера в грядущее возрождение России».

Ориентация на немцев потом сыграла злую шутку с генералом…

* * *

Утром в среду 22 сентября 1937 года председатель РОВС генерал-лейтенант Е. К. Миллер (1867–1939) встал рано. По установившейся привычке, Евгений Карлович легко соскочил с кровати, размял тело энергичной зарядкой, умылся и, быстро перекусив (чашка кофе с бутербродами), прибыл в канцелярию Союза по адресу: рю Колизей, дом № 29, как всегда, в 10 часов 30 минут.

С утра он казался не только себе, но и подчиненным несколько озабоченным. Его что-то угнетало — предчувствие чего-то нехорошего, может, даже беды мрачной тучей нависло над ним. Но он отгонял эти черные мысли личного провидения, так как помнил еще со времен учебы в Николаевской академии Генерального штаба меткий совет Эврипида: лучший пророк тот, кто пророчит хорошее. Плохого он себе напророчить, естественно, не хотел.

Учитывая заинтересованность Миллера в контактах с немцами, генерал Скоблин накануне предложил ему встретиться с представителями германского генерального штаба. Это предложение заинтересовало Миллера, — время было тревожное и в России, и в Германии.

Новое руководство НКВД в лице Н. И. Ежова, начавшее поголовные политические чистки, окончившиеся кровавыми репрессиями, приняло окончательное решение похитить Миллера, а на его место поставить Скоблина. Об этом не только знал «Фермер», но и надеялся на благополучный исход задуманной операции, — он верил в ее успех, потому что аналогичные мероприятия с его участием проходили, как говорится, без сучка без задоринки.

Миллер в принципе согласился с идеей встречи, но опытного генерала и руководителя РОВС что-то насторожило в этом приглашении, и он, перед тем как уйти на встречу, решил оставить записку такого содержания:

> *«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штроманом и с Вернером — чиновником здешнего германского посольства. Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку. 22 сентября 1937 года. Ген. — лейт. Миллер».*

Записка была запечатана в конверт.

Передавая ее генералу П. А. Кусонскому, он сказал:

— Вы подумаете, может быть, что я сошел с ума… Но если что-нибудь случится, вскройте это письмо.

— ???

— Да, да — вскройте!

— Конечно, конечно, Евгений Карлович, — заторопился успокоить Кусонский своего начальника.

Миллер, конечно, не сошел с ума. За несколько дней до встречи с «немцами», предложенной Скоблиным, к нему приходили руководители парижского отделения Народно-трудового союза (НТС), которые предупредили главу РОВС относительно генерала Скоблина, вернее, его жены — известной певицы Надежды Плевицкой. Суть этого обращения имела свою предысторию.

Представители советской разведки несколько недель назад неудачно пытались завербовать их сотрудника. Из разговоров с чекистами стало ясно, что в руководстве РОВС у них имеется агент. По косвенным данным, им мог быть Скоблин — командир Корниловского полка добровольцев юга белой армии. Бдительные господа из НТС решили поделиться своими опасениями в отношении «крота» с генералом Миллером, который из приличия поблагодарил своих коллег по борьбе с большевизмом, но заявил им свою точку зрения:

— Простите меня, вы все молодые и малоопытные, а Скоблин заслуженный боевой генерал, всеми уважаемый, не раз на алтарь отечества возлагал свою голову. Он геройски отвоевал в Крыму, стоически перенес все мытарства наши. А их было у него с войсками много, очень много…

Так что давайте забудем про то, что вы мне рассказали.

Не могу, нет, не могу я поверить…

Для многих было подозрительно и то, как уже упоминалось выше, что Скоблин, практически нигде не работая, тратит много денег. Та зарплата, которую он получал от РОВС, позволяла вести лишь скромную жизнь.

Отдельные сослуживцы по штабу РОВС замечали элементы бравады со стороны Скоблина. Он словно невзначай всегда в беседах о жизненных проблемах подчеркивал, что его жена «зарабатывает концертами, как исполнительница народных песен, большие деньги». Но проверка, к сожалению, уже после похищения Миллера показала, что артистическое турне по прибалтийским странам в начале 1937 года принесло Плевицкой одни убытки.

Но все же, по-видимому, у генерала появилось сомнение в честности Скоблина. Именно поэтому он и оставил записку в канцелярии РОВС.

К сожалению, генерал Кусонский вскрыл конверт с запиской только в 23:00, когда стали более активно искать руководителя РОВС и вызвали начальника канцелярии в штаб.

Со свидания с «немецкими высокопоставленными чиновниками» и Скоблиным Миллер не вернулся. Он был похищен сотрудниками нелегального аппарата советской внешней разведки в Париже и местной агентуры, работающей на НКВД.

Его усыпили тем же методом, что и Кутепова, и в деревянном ящике доставили в Гавр, погрузив на наше судно «Мария Ульянова». Затем доставили в Ленинград, а оттуда в Москву на Лубянку.

Когда Скоблин передал Миллера из рук в руки советским разведчикам, он вернулся в РОВС. Это было в час ночи.

— Где Евгений Карлович? — спросил вице-адмирал М. А. Кедров.

— На встрече, Михаил Александрович, с немецкими друзьями, — ответил, краснея, Скоблин. Руки его дрожали. Предательская испарина появилась на лбу. Он лихорадочно вытер ее носовым платком и стал доказывать, что встреча продолжается, так как решаются вопросы большой важности.

Тут же генерал-лейтенант П. А. Кусонский предъявил ему миллеровскую записку, делавшую тщетными оправдания подозреваемого.

И здесь словно кто-то огрел его по голове тяжелой дубиной. Пространство кабинета с предметами поплыли перед глазами. Генерал Скоблин понял, что не операция провалена, а он провалился. Под каким-то благовидным предлогом «на минутку» он вышел из кабинета, где с ним беседовали…

Вышел по нужде и исчез навсегда. Поняв, что бежать на улицу — пропащее дело, он поднялся на этаж выше и зашел к Третьякову — агенту НКВД.

Допрашивавшие Скоблина адмирал Кедров и другие (о его свидании с генералом Миллером и исчезновении последнего) не могли даже и предположить, что находящаяся этажом выше квартира принадлежит агенту НКВД Третьякову и что основной кабинет белых к тому же прослушивается. Выбежавшие из кабинета за улизнувшим подозреваемым генералы сразу же бросились на улицу, чтобы преследовать и поймать похитителя генерала Миллера. Наверное, они посчитали себя лохами, ловко обведенными «славным корниловцем».

Как уже говорилось выше, генерал и агент НКВД Скоблин при содействии Третьякова спокойно скрылся от преследователей, выйдя через черный ход на улицу, противоположную той, по

которой, не жалея сил, мчались Кедров, Мальцев и Кусонский. Самое интересное в этой погоне было то, что прекрасно сыгравший свою роль в этой истории Кусонский (агент НКВД) отлично знал, какое задание чекистов выполнял Скоблин. При этом примечательно лишь то, что все сказанное весьма быстро установило гестапо, в то время как французская полиция и судопроизводство, творя суд над Плевицкой, не имели ни малейшего понятия о деятельности Третьякова и Кусонского.

После похищения Миллера в СМИ Парижа появилась информация о том, что по решению суда председателя РОВС генерала Е. К. Миллера похитил в прошлом видный белогвардеец Н. В. Скоблин, ставший агентом НКВД.

В операции по похищению русского генерала принимала участие и его жена известная певица Н. В. Плевицкая. Советскими агентами планировалось и похищение Деникина, но этому помешал… Сергей Эфрон.

В фильме Никиты Михалкова «Русский выбор» дочь Всеволода Богенгардта, друга С. Я. Эфрона, поведала, что Сергей Яковлевич просил ее отца передать Деникину, чтобы тот ни в коем случае не садился в предлагаемую ему кем-то машину.

Думается, именно этот эпизод как основание для ареста раскрутили чекисты, когда вызвали Эфрона в Москву. Грехов и ляпов у него было немало.

Через несколько дней после похищения Миллера в парижских газетах появились статьи с кричащими заголовками: «Планировалось похищение двух генералов?» Несмотря на знак вопроса, авторы их скоро убедились, что можно было обойтись без него, — следователи выяснили, что в день похищения Миллера Скоблин настойчиво предлагал Деникину подвезти его на своей машине в Брюссель. Предупрежденный Деникин отказался. В ходе обыска на квартире Скоблина нашли и другие улики: блокнот с лаконичной записью «Белый генерал, ставший писателем», а рядом с этой пометкой детальный план квартиры Деникина.

* * *

Случилось то, что случилось. Стратегические намерения НКВД по продвижению своего агента на пост главы крупнейшей эмигрантской антисоветской военной организации оказались сорваны, но руководитель РОВС оказался в руках чекистов. Его доставили на Лубянку, где он содержался под именем Петра Васильевича Иванова в камере № 110.

Практически через неделю, уже 29 сентября 1937 года состоялся первый допрос Миллера. Белый генерал надеялся, что ему дадут письменно пообщаться с родственниками, поэтому подготовил два письма — жене и начальнику канцелярии РОВС генерал-лейтенанту Кусонскому. Ему обещают отправить письма по адресатам в Париж, но это был обман наивного сидельца.

Всю осень следователь вел допросы Миллера, а 27 декабря к нему в камеру явился «железный нарком» — руководитель НКВД Николай Ежов. Создавалось впечатление, что он пришел только для того чтобы посмотреть на свою жертву, так как разговор был ни о чем. На следующий день Миллер направляет ему заявление с приложением на 18 страницах о повстанческом движении в СССР, с некоторыми дополнениями, из которых выходило, что ни РОВС, ни генерал Миллер не имели никакого отношения к антисоветским волнениям внутри страны. Для органов госбезопасности такие данные не представляли никакой ценности, поэтому следователь их вернул подследственному через пару дней.

На допросах генерал Миллер вел себя стойко, как подобает офицеру, попавшему в плен к противнику. Он не сообщил никакой информации, способной причинить вред деятельности РОВС.

Редактор эмигрантского издания «Часовой» В. В. Орехов так писал о Миллере:

> *«Свою честность, безупречную и жертвенную, он сохранил до последнего дня своей жизни. Ясно, что предатель просил Евгения Карловича дать слово о сохранении «свидания» в секрете, негодяй знал, что слово генерала Миллера свято. И оказался прав. Генерал Миллер свое последнее честное слово сдержал, но какой ценой!.. Но он оказал и последнюю великую услугу нашему общему делу. По воле Божьей, по чудесному наитию он оставил записку «на случай»… Эта записка открыла убийцу, который без этого, вероятно, добил бы Общевоинский союз в ближайшее время страшнейшей провокацией».*

С Миллером беседовал, нет, скорее, его допрашивал нарком Ежов, но и ему генерал ничего путного не рассказал, а 30 марта 1938 года обратился к руководителю НКВД с просьбой.

В письме он писал:

> *«Гражданин нарком (слово «господин» он не мог написать, так как уважал себя. —* Авт.*), разрешите мне инкогнито посетить православный храм…*

Отговеть на ближайшей неделе во время Великого поста…

Я вряд ли буду узнан. Я могу перевязать лицо повязкой, да и вообще мой современный облик штатского старика мало напоминает моложавого сорокасемилетнего генерала, каким я уехал из Москвы в 1914 году…»

Ответа на его просьбу не последовало.

Он 16 апреля обращается к Ежову с новым письмом, в котором просит передать ему Евангелие и разрешить пользоваться бумагой и ручкой или карандашом. Реакции властей и на эти просьбы не последовало.

У надзирателя он спрашивает:

— Вы передали наркому мою просьбу насчет бумаги и карандаша?

— Да! — ???

— Значит, не разрешили…

— Я так и знал… — с досадой рубанул воздух правой ладонью выкраденный и арестованный белый генерал.

Его судьбу окончательно и бесповоротно решил новый нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия. Все было сделано в экстренном порядке.

Суд состоялся 11 мая 1939 года. Генерал Миллер был приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания, и в 23:05 был расстрелян во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. А ровно через 25 минут был сожжен в крематории.

Дело, заведенное на него Наркоматом внутренних дел, тогда же было уничтожено. Но некоторые документы уцелели: письма жене и последние бумаги, попавшие в другое дело. Это и сохранило их для истории.

Осталась и эта короткая исповедь перед Богом и собой:

«Я не покончу самоубийством прежде всего потому, что мне это запрещает моя религия. Я докажу всему миру и моим солдатам, что есть честь и доблесть в русской груди. Смерть будет моей последней службой Родине и Царю.

Подло я не умру».

В этих словах была правда русского генерала!

После похищения генерала Миллера руководство РОВС принял генерал Ф. Ф. Абрамов, а с марта 1938 года — генерал А. П. Архангельский.

Казаки на чужбине

Россия и казачество — это своеобразный, большой мир, это огромная действенная часть империи. Казачество как наиболее активная, пассионарная часть русского народа всегда не только стояло на защите рубежей Отчизны, но и расширяло и закрепляло границы государства, служило стране надежным щитом. Это были воины с опытом беззаветного служения Родине.

По непреложным законам, во все времена, особенно в трудные для страны и ее народов, казаки забывали все трения, недомолвки и конфликты и шли защищать Россию. К превеликому сожалению, после Великой российской революции, охватывающей период от февраля по октябрь 1917 года, а потом и начавшейся Гражданской войны, казачье единство было порушено новой властью — «ленинской гвардией», разделившей народ российский на «белых» и «красных» и ввергнувшей его в кровавейшую внутригосударственную рубку.

К концу 1917 года казачество как военно-служилое сословие было представлено 12 казачьими войсками. Название их привязывалось к местностям обитания коренного населения. Итак, казаки, объединенные по территориальному принципу, величались Донским, Кубанским, Терским, Астраханским, Уральским, Оренбургским, Семиреченским, Сибирским, Забайкальским, Амурским и Уссурийским войском.

Существовало также небольшое количество красноярских и иркутских казаков, образовавших в 1917 году Енисейское казачье войско и Якутский казачий полк Министерства внутренних дел России.

В 1919 году по инициативе офицера-алтайца штабс-капитана А. П. Кайгородова было учреждено Алтайское казачье войско, войсковым атаманом которого был избран капитан Д. В. Сатунин, еще в 1918 году основавший антибольшевистский партизанский отряд. Казачье население в тот период в России насчитывало около пяти миллионов человек. Это была большая сила в государственном масштабе — громадная, как правило, мобильная конная армия.

По разным данным, Красная Армия в те годы пополнилась 20–40 процентами казаков. А вот в рядах белых полков и дивизий находилось не менее 60–80 процентов казачества.

Это расслоение привело к тому, что, выступив силой, альтернативной Советам в дни Октябрьской революции и в годы Гражданской войны, казачество вызвало негативное отношение к себе со стороны некоторых большевистских лидеров, особенно

Троцкого и его единомышленников.

С другой стороны, основные массы простого населения, по тем или иным причинам поддержавшие Советскую власть, тоже противостояли «царскому казачеству» — своеобразному «самодержавному кнуту», практически используемому как внутренние, жандармские войска.

Люди, особенно в городах, хорошо помнили казацкие розги и шашки, штыки и приклады, обрушиваемые на их головы и спины в период манифестаций, забастовок, стачек и других массовых выступлений народа.

Следует отметить, что после окончания Гражданской войны — поражений войск Деникина, Врангеля и Колчака — в Европу эмигрировали даже целые казачьи части. Впервые русские казаки появились на Балканах. Все станицы, а вернее, станичные атаманы и правления подчинялись двум главным органам: «Объединенному совету Дона, Кубани и Терека» и «Казачьему союзу», которые возглавлялись атаманом Всевеликого войска донского, одним из командиров Добровольческой армии и руководителей белогвардейского движения на юге России, генерал-лейтенантом Африканом Петровичем Богаевским (1872–1934).

Несколько фактов из его боевой биографии.

Первоначальное образование получил в Донском казачьем кадетском корпусе. В 1892 году из взводных портупей-юнкеров (так называлось одно из первичных воинских учебных званий) Николаевского кавалерийского училища произведен в чин хорунжего, и за отличные успехи в науках имя его было занесено на памятную мраморную доску. Начал службу в лейб-гвардии Атаманском полку. В 1900 году с отличием окончил Академию Генерального штаба и до 1914 года занимал ряд штабных должностей в столичном военном округе. На фронт ушел в должности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

С октября 1914 года по январь 1915 года командовал 4-м Мариупольским гусарским полком, затем — лейб-гвардии Сводно-казачьим полком с зачислением в свиту его величества. В октябре Богаевский был назначен начальником штаба Походного атамана, великого князя Бориса Владимировича и на этом посту находился до Февральской революции.

В 1917 году он назначен начальником Забайкальской казачьей дивизии, а в августе того же года — начальником 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. После ее развала уехал на Дон, где по назначению генералом Калединым командовал войсками Ростовского района. В правительстве атамана Краснова

занимал пост председателя Совета управляющих отделами, где вскоре получил звание генерал-лейтенанта.

После отказа от власти предводителя донского казачества генерала П. Н. Краснова 6 февраля 1919 года А. П. Богаевского избирают атаманом Всевеликого войска донского.

Служил у Врангеля в Крыму. В конце 1922 года он переехал в Белград, а через год оказался в Париже, где активно сотрудничал с руководством РОВС.

Скончался в Париже 21 октября 1934 года.

Похоронен генерал на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа. Он автор интересной книги о Ледяном походе белых частей с отражением там всего того ужаса, с которым пришлось столкнуться практически безоружному, раздетому и голодному Белому движению в борьбе с набирающей силу Красной Армией, поддерживаемой простым народом в результате жестких репрессивных и умелых пропагандистских мер.

В 1920-е годы Болгария стала местом сосредоточения основной массы эмигрировавшего казачества. София превратилась в казачью столицу. Кстати, к концу 1920-х годов в Болгарии насчитывалось более десяти крупных станиц.

По неполным данным Службы по делам беженцев Лиги Наций, в 1926 году официально было зарегистрировано около миллиона русских беженцев. Более двух тысяч приняла Франция, 300 тысяч осело в Турции, в Китае — до 100 тысяч человек. В Югославии, Латвии, Чехословакии, Болгарии и Греции приблизительно по 30–40 тысяч русских эмигрантов.

Так создавалась русская казачья диаспора на Западе…

* * *

Советская власть оказалась для многих казаков неуютной властью, особенно после окончания Гражданской войны. Многие исповедовали принцип Гиляровского «в России две напасти: внизу — власть тьмы, а наверху — тьма власти».

Надо признаться, что повсеместно отношения между казачеством и местными жителями ухудшались. В одном из обращений ВЦИК того времени говорилось:

> *«Казачий комитет при ВЦИК, известивший о крайне обостренном отношении в пределах Уральской области между казаками и войсками, руководимыми Советской властью, настойчиво просит о прекращении напрасного кровопролития и разрешении вопроса мирным путем».*

Несомненно, больнее всего этот процесс протекал в южных регионах России, где проживала значительная часть казаков Кубанского, Терского и Донского казачьих войск. Именно в этих районах интеграционные процессы в советскую государственно-правовую систему оказались наиболее трудными, а потому степень ожесточения и накал внутренней борьбы был порой крайне сильный.

При этом большевики сумели использовать для давления на казаков их многовековые трения с другими коренными народами Северного Кавказа, не обязательно по вине первых. Когда «аборигены — горцы», получив негласное одобрение от Троцкого и других вождей Советской России, начали принудительно выселять казаков из своих станиц, вырезать их семьи, разрушать хаты-мазанки, кладбища, церкви и другие святыни, Москва и Кремль спокойно молчали, будто не видя этих зверств.

Нечто подобное творилось и в лихие 1990-е годы.

После предательского развала СССР и коварного по последствиям курса Ельцина на суверенизацию автономных республик, находившихся в составе Российской Федерации, с территорий Северного Кавказа было выдавлено аборигенами более 500 тысяч русских. Получалось, россияне не могли ужиться с россиянами, что было социальной несправедливостью и политическим преступлением, на которые до сих пор центральная власть не прореагировала. А после двух войн она элементарно прогнулась перед амбициозными «президентами», правда изменившими титулы и ставшими сегодня руководителями этих республик. И наверное, правильно сделала, но это уже было после Ельцина. И все же содержание правления у них осталось «президентским». Они требовали и требуют все больше и больше денежных вливаний в свои «государства». Аппетиты у них немереные и растут в геометрической прогрессии. Основа — они жертвы войны.

Стройте то, что разрушили снарядами и бомбами, если не хватило ума договариваться.

В 1988 году в Известиях ЦК КПСС (№ 6) было опубликовано печально известное Циркулярное письмо ЦК РКП(б) к местным партийным организациям от 24 января 1919 года, которое признавало:

> *«…единственно правильной самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления…*
>
> *Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы».*

Общее управление делами казачества было сосредоточено в Казачьем отделе ВЦИК. Но он не мог справиться с лавиной событий по «расказачиванию» с применением репрессивных методов — маховик искусственно насажденного мордобоя уже нельзя было остановить, он вращался с дикой силой.

Кремль декретом от 1 июля 1918 года призвал «воюющие» стороны к порядку с дачей заверения казакам в том, что их в дальнейшем никто трогать не будет. Но на практике все происходило, как и прежде, — на местах продолжалось уничтожение и выселение казачьих семей.

После разгрома армии Деникина и эвакуации морем войск Врангеля положение казачества еще более ухудшилось: Я. М. Свердлов призывает провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, конфисковать у них хлеб и другие продовольственные излишки. В число истребляемых «богатых» входили атаманы, судьи, учителя, священники, врачи, библиотекари и прочие специалисты, работающие в городах, селах, на хуторах и станицах.

Примерно в это время Троцкий писал о казаках:

> *«Казаки — единственная часть русской нации, способная к самоорганизации. По этой причине они должны быть уничтожены поголовно… Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море…»*

А до этого он же инструктировал:

> *«Чем нам компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, только террором. Террором последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история нам никогда не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат которой, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены встать на путь уничтожения».*

Была и такая форма казни — тысячи белых офицеров, солдат, казаков с «якорями из камней» сбрасывались с молов и обрывов, и они уходили на дно Дона или Черного моря.

Троцкий ввел в обиход термин «устроить Карфаген» казачеству. Его намерения расправы с белыми, в том числе и с

казаками, некоторые горячие головы из местного партийного и советского актива трактовали так: «Пока не вырежем казачество и не населим пришлым элементом Донскую область, до тех пор Советской власти там не бывать».

Это было страшное время. Черная идея надвигающейся гибели просто не умещалась в казачьих головах. Гибель подползала сначала слишком медленно, а потом понеслась лавинообразно, сметая на своем пути препятствия в виде казачьих станиц и казаков, в них проживающих, в богатых и в небогатых хатах.

Наверное, дело было в том, что само понятие «гибель» всегда связано с катастрофическими внезапностью, сиюминутностью и мгновенностью. Одни люди, одного государства, ставшего внезапно иным, теперь убивали других людей, в том числе и своих земляков, только за то, что те по-другому, иначе думали, чем первые, или были богаче. Победители уничтожали со звериной яростью и болезненной запальчивостью людей, как правило, безоружных — и ложью, и пулей. Слово и дело внезапно соединялись в кровавую месть, невесть откуда поселившуюся в душах палачей, недавно живших нормальной жизнью. Сегодня нечто подобное мы видим на Украине.

Так, член Казачьего отдела ВЦИК М. Данилов отмечал: «Разве для того казачество осталось, чтобы его убивали, без оружия в руках, ведь мы фактически обманули и побили их».

После смерти Свердлова и Ленина, выдворения из Советской России Троцкого и прихода к власти Сталина, где-то с середины 1930-х годов Советское правительство повернулось лицом к казачеству и смотрело на него как на особую национально-сословную общность. Казакам было вновь разрешено служить в армии, начали создавать небольшие казачьи части, казаков теперь приглашали на парады в своей национальной форме.

В так называемых частях особого назначения (ЧОН) служило много казаков. На Украине формировались части червонного казачества. В годы войны красные казаки мужественно дрались с фашистскими захватчиками. Что же касается белого казачества, то они были частью так называемой военной эмиграции, которая встала в строй вместе с гитлеровцами в борьбе с большевистской Россией.

Казачество практически перестало выделяться среди остального населения СССР после хрущевской «оттепели». После распада Советского Союза началось систематическое возрождение казачества. Существует также множество казачьих обществ в Казахстане, на Украине и в других странах.

Что же касается предвоенного казацкого зарубежья, то

казаки-эмигранты стремились к сохранению своей культуры, обычаев и традиций, осев во Франции, Германии, Бельгии и других странах Центральной Европы.

Наиболее показательным примером казачьей жизни за рубежом стали казачьи станицы в Болгарии, правительство которой разрешило въезд в страну 14 тысячам казаков.

Как вспоминал атаман Краснов, столица этой страны город София превратилась в своеобразную европейскую столицу казаков. Это было казачество, отступавшее вместе с войсками Врангеля из Крыма.

В статье «Демон по имени Розалия» Николай Котомкин писал, что большевики не только проводили массовые расстрелы белого офицерства и казачества, отставшего от корабельных караванов, уходивших в Турцию, но и устроили в Крыму голод для «борьбы с контрреволюцией».

Первую скрипку в карательных операциях против белых, оставшихся в Крыму, сыграла секретарь Крымского обкома РКП(б) Розалия Самойловна Самойлова (Залкинд) (1878–1947, партийные клички «Землячка», «Демон», а ее подпевалой был пламенный венгерский головорез, председатель Крымского ревкома Бела Кун (1886–1938).

На полуострове Крым, представлявшем печальное зрелище, скопилось множество белых офицеров из армии Врангеля, которые либо не успели уйти на кораблях подальше от родной земли, либо не желали ее покидать. Сначала в местной газете, на столбах и заборах появились объявления, призывающие всех бывших белогвардейцев, и военных, и служащих, явиться на регистрацию, после чего они якобы будут амнистированы и прощены согласно приказу Фрунзе. За уклонение от регистрации — расстрел. Законопослушные граждане потянулись ручейками встать на учет. После чего по указанию Землячки началась охота на людей — аресты белых и их физическое уничтожение. Были расстреляны десятки тысяч человек без суда и следствия.

А потом в голову Розалии — фурии красного террора пришла мысль экономить порох и пули. Начались «морские казни». Приговоренных россиян просто грузили на баржи, привязывали к ногам груз и сбрасывали в воду. Погибшие шеренгами подолгу стояли в воде. Местные жители — рыбаки, проплывающие на лодках над местом казней, месяцами наблюдали жуткие зрелища, когда подводные течения шевелили волосы и воздетые кверху руки. Жертвы казались живыми. Они словно просили живых поднять их наверх.

Кроме расстрелов, по инициативе Розалии Залкинд начался также отъем у населения продуктов питания и вещей якобы для

нужд армии. Скоро Крым поразил страшный голод.

За свои заслуги перед Родиной Землячка получила — первая из женщин — орден Красного Знамени. Скоро ее отозвали в Москву. Слишком дорого заплатил Крым за деятельность демона по имени Розалия.

* * *

Стремительно приближались роковые сороковые. В пригороде Берлина в один из весенних дней собрались друзья — земляки. Это были донские казаки, считавшие своим вождем генерала Петра Николаевича Краснова.

— Зайдем в гаштет к Францу? — предложил рослый казак Никанор Кривошеев.

— Да ты шо, в эту тошниловку, где полно всякого заумного сброда, вечно накурено и сперто — вонючий воздух от брюхатых бюргеров, — возразил худощавый мужичонка Федор Горячев.

— Согласны, — заорали хором еще трое: Федот Дроздов, Игнат Кочерга и Семен Большаков. Все они прошли закалку фронтом в войну с германцем.

— Тогда я предлагаю в рыбный подвальчик к Гансу. Там и пивка баварского попьем, — предложил второй вариант Никанор.

Все согласились. Вскоре они спустились в небольшое помещение, обосновавшееся под цоколем белостенного дома с фасадом, отделанным под древний архитектурный стиль, так называемый «фахверк». Заняли столик в дальнем углу от входа и после выпитого пива предались воспоминаниям.

Начал Игнат Кочерга будоражить память, окрашенную тоской о далекой родине — станице Каргинской, что на Дону, участии в войне и службе в 3-м конном корпусе под руководством земляка Петра Николаевича Краснова, ставшего атаманом донского казачества. Перед этим в сознании молнией пронеслись казачьи станицы по-над Доном с белыми хатами-мазанками, крытыми почерневшими шапками соломы, малыми подслеповатыми окошками глядевшие на главную казацкую реку. Пронеслись картины купания дончаков, рыбной ловли и строительства дома вместе с многочисленной родней с замесом самана лошадьми, ходившими по кругу.

— Эх, станичники, на крыльях бы полетел в родные края. Сейчас там цветут сады и вдоль хуторской пыльной улицы, упирающейся в степные просторы, наверное, скачут ребятишки с пузырящимися косоворотками от ветра, как это было и с нами, — вздохнул Игнат.

— О нет, Игнат, сейчас ничего подобного может и не быть. Краснопузые с Троцким во главе прошлись огнем и мечом по казацким станицам, выпалили наши гнезда и выпололи наших соплеменников, — промолвил сквозь пожелтевшие от курева зубы, играя желваками, Никанор Кривошеев, повоевавший и с красными против белых, и с белыми против красных.

Быстрой кинематографической лентой развернулись перед ним образы виденных за все годы перед отъездом в Германию последних вождей большевизма. Он их созерцал в действии, нередко и с близкого расстояния. Ленина — на площади у Финляндского вокзала, Троцкого — в личном бронепоезде, когда он под Царицыном приказывал стрелять и сам стрелял в проштрафившихся красных командиров. Он видел и результаты его «работы» против станичников одураченной приказами председателя Реввоенсовета привезенной на Дон голытьбой.

Большевистские вожди для него были, как красная тряпка для быка. Он ненавидел их за все — за разваленную императорскую армию, за Гражданскую войну, за бойню с казаками и, наконец, за порушенное Отечество.

Его память цепко держала события на фронте в конце войны, когда одуревшая Российская армия, вдруг побросав позиции, кинулась куда глаза глядят — домой, к ожидавшим родным по хуторам, деревням, селам и станицам. И ничего тут не было удивительного — в своей основе армия была крестьянская. Солдат дома ждали родители, жены, дети, а иногда и внуки.

Никанор вспомнил о красных вождях, красочно описанных Донским атаманом Петром Красновым в недавно прочитанном им его романе «От двуглавого орла к красному знамени». Вышел роман давненько — в 1922 году, а прочел он совсем недавно. Так, один из персонажей — некий Бархатов живо представлял недавно увиденные события:

> *«Грязного Ленина, с небритой щетиной бороды и с вислыми монгольскими усами, дышащего смрадной вонью давно не мытого и страдающего несварением желудка человека, — такого, каким появился он на площади у Финляндского вокзала, еще при Керенском, несомый на плечах рабочими. Грязновато одетый, в ватном пальто, в шарфе, с большими галошами на грязных ногах. Засунул кепку в карман…*
>
> *Он вспомнил Троцкого: в английском помятом френче и галифе, с обмотками на кривых жидовских ногах, с типичным горбоносым лицом, в пенсне… Непрезентабелен был и этот. Сходил своим криком на начальника.*

Гипнотизировал толпу злобною силою. Встало в его памяти и хорошо знакомое лицо Зиновьева, лохматого, ожиревшего актера из плохого местечкового театра…»

— Наше место с теми, кто пожелает сбросить красную деспотию, — с немцами, — громогласно заявил могучим басом широкоплечий и более образованный и начитанный из них Федот Дроздов. — Надо войной остановить дальнейшее разрушение державы и приступить к созиданию. Надо уничтожить то, что разрушало, разъедало, растлевало Россию.

Все закивали в знак согласия.

— Мне думается, то, что делают парижские ровсовцы, — это булавочные уколы по «Совдепии». Диверсии, террор — все глупости. И диверсантов, и террористов чекисты переловят. Сейчас нужен пушечный удар по Советской России, — высказался бывший ростовчанин, длинный, костлявый и узколицый Семен Большаков.

— Любо! — хором гаркнули казаки.

И вдруг Семен Большаков прослезился, вспоминая погибшую семью, и запел:

Как на грозный Терек выгнали казаки,
Выгнали казаки сорок тысяч лошадей
И покрылось поле, и покрылся берег
Сотнями порубленных, постреляннных людей.

Песню поддержали остальные. У всех наворачивались слезы на глаза. Песня оказалась длинная с неизменным припевом:

Любо, братцы любо,
Любо, братцы, жить!
С нашим атаманом
Не приходится тужить!

Публика, присутствовавшая в погребке, преимущественно из немцев, искренне зааплодировала русским людям.

— Хлопцы, — заметил Никанор Кривошеев, — а ведь правда, в эмиграции мы оценили солидарность и спаянность казаков, выгодно отличающую их от общерусской интеллигенции, этой «людской пыли», которая только пьет, жрет и предает Россию.

— Русский простолюдин, особенно из нашего брата, казаков, — это другой народ. Он носитель воли. Воля для нас всегда свободная, да не всегда добрая. Воля — это мысль,

переходящая в действие. Нет ничего более увлекательного, чем воля, побеждающая непокорное тело. Воля — это стремление к счастью, а у счастья всегда должен быть путь. Болтовню всякую надо отбросить и готовиться с наганом и шашкой в большом отряде пойти на большевиков. Борьба и только борьба — венец победы.

Мы любим волю, свободу да посвист ветра в седлах и за развевающимися гривами коней. Немцы другой народ. Недавно я прочитал у прусского философа Иммануила Канта о способностях немцев ужиться с любым наглым и деспотичным режимом. Германцы приучены подчиняться властям, соблюдать законы и приказы. Строго чтить субординацию и «табель о рангах». Они во всем проявляют свойственную им дисциплину. Мы совсем другие, — подытожил Федот Дроздов.

Все закивали в знак согласия с «умником» о необходимости крестового похода против большевизма.

— Если мы желаем изменить Россию, если мы стремимся к тому, чтобы нашим детям и внукам жилось вольготно, вольно на казацких землях, надо начинать бороться с большевизмом конкретно прямо сейчас, используя возможность антибольшевистского настроя германцев. Божьи мельницы мелют медленно. Ветряки не закрутятся без порыва ветра.

Как писал Петр Крикунов в своем объемном исследовании «Казаки. Между Сталиным и Гитлером», казачество на протяжении всей своей истории обладало самобытными и историческими особенностями, которые позволяли ему всегда сохранять (или, по крайней мере, пытаться сохранять) свою исконную независимость от властей. Все правители нашего государства были вынуждены, так или иначе, считаться с этим удивительным явлением русской истории.

К сожалению, любовь к вольнице и независимости не раз заканчивалась для казачества трагически. Естественно, этой «слабостью» казаков старались воспользоваться враги нашего Отечества, которые всегда пытались привлечь их на свою сторону.

Так, в 1812 году Наполеон планировал создать «королевство Казацкое», а прославленный французский генерал Мюрат разрабатывал планы по созданию независимого казачьего государства, чем хотел прельстить или заставить перейти на свою сторону казачьих атаманов.

В 30 — 40-х годах XX века казачья эмиграция и вовсе оказалась на время в центре внимания разведок чуть ли не всех европейских государств, которые планировали воспользоваться услугами казаков в деле свержения большевистского режима в СССР или установления порядка в собственных владениях.

Поляки предлагали начать формирование Донского корпуса в Галиции, французы выделяли казакам автономные территории в Алжире или на границе с Италией, англичане обещали сформировать все тот же Донской корпус, после чего намеревались отправить его в одну из своих многочисленных колоний. Правда, за все эти услуги казакам предстояло бы расплачиваться после скорого, как они были уверены, возвращения на родину: полезные ископаемые, подряды на строительство или некоторые территориальные уступки — все это очень сильно интересовало новых западных «союзников».

Как видит читатель, казаки всякий раз становились разменной монетой при нестабильности в России и всемирных войнах.

* * *

Говоря о степени коллаборационистского участия казаков, рассеянных по разным странам Европы после большевистской революции 1917 года, стоит напомнить, что давление в «котле ненависти» к Советской власти в течение 1930 — 1940-х годов нарастало угрожающими темпами не столько для Советской власти, сколько для самого казачества. Естественно, создал условия для принятия решения верхушкой казачества идти в поход на «сатанинскую Русь» приход Гитлера к власти в 1933 году. Они поверили ему как силе, способной разрушить восточнославянский Вавилон.

Поэтому пользовавшиеся репутацией прирожденных воинов и непримиримых врагов Советской власти казаки одни из первых привлекли внимание нацистов. Причем с самого начала подразумевалось, что казаки будут участвовать в боевых действиях и нести ратную службу на стороне вермахта, в отличие от добровольцев вспомогательной службы, так называемых «хиви». Немцы их еще называли «наши Иваны» или «наши русские». Они, как правило, использовались в тыловых службах в качестве водителей автомашин, скотников, конюхов, разнорабочих и прочего обслуживающего персонала.

Мнений, настроений, взглядов на предмет использования нацистами было много. Не все были убеждены в том, что немцы их поведут за собой.

Вот несколько высказываний.

«По всем имеющимся сведениям можно более или менее уверенно предполагать, что командование

германской армии едва ли до освобождения наших земель от коммунистов воспользуется нами в каких бы то ни было видах помощи от нас в этой борьбе…

Поэтому я предполагаю, что наше возвращение домой возможно только в одном виде, а именно: нам просто разрешат въезд в наши края».

Из докладной записки И. Горбушина — личного помощника атамана Е. И. Балабина от 7 июля 1941 года.

«Вам, вероятно, известно, что кадры лейб-гвардии казачьего, лейб-гвардии атаманских полков и лейб-гвардии донской казачьей батареи, в которых я состоял делопроизводителем, из Югославии переехали во Францию, а я, как семейный человек, был определен на службу в финансовую стражу и остался в Югославии…

Прошу Вас не отказать в любезности сообщить мне, как бы выйти с ними на связь и в нужный момент присоединиться к ним, если будет предвидеться наш поход на Дон».

Из письма — заявки на участие в войне против СССР одного из казаков от 21 июля 1941 года.

«Вы пишете, что имеете нужду в казаках, которые бы работали с пленными. Этот вопрос, по-моему, сейчас представляет особую важность, по письму я понял, что германское командование разрешило Вам выделить пленных казаков в особую группу. А это уже очень хорошо. Сейчас нужно эти чисто казачьи группы прибрать к рукам. Необходимо поставить около каждой группы одного или двух наших подходящих казаков, которые бы им вдалбливали в голову идею национального движения и идею о самостоятельности…

Безусловно, большинство пленных казаков будут сочувствовать нам после небольшой обработки, но могут быть и противники. Из сочувствующих потом можно организовать целые части, которые будут являться зародышем армии. А если можно будет, то даже послать их на фронт в казачьи земли. Воевать они умеют, а оружие, думаю, будет достаточно для них.

Военную тактику большевиков они знают, а потому будут являться отличными бойцами против наших угнетателей…

Зачем же кормить 50–60 тысяч казаков даром, если

эти люди могли бы дело делать; скажем, занять определенный участок фронта или нести гарнизонную службу в оккупированных казачьих землях».

Из письма руководителя КНОД в Болгарии И. М. Евсикова Глазкову от 11 ноября 1941 года.

«Я был живым свидетелем и очевидцем геройского выступления победоносной армии Великогермании против гнилого и омерзительного советского сброда и считаю себя счастливым в том, что выполнил честно и свято возложенные на меня задания и способствовал разгрому и уничтожению паскудного жидо-московского царства. В ночь на 22 июня текущего года мы с Мариной Васильевной не спали, так как знали о том, что в 3 часа 15 минут начнется разгром жидо-московского царства.

Не могу всего передать и описать того, как долго тянулась эта последняя ночь. Особенно долго тянулись 10 минут, потом 4 минуты, потом последняя одна минута… и, наконец, раздался оглушительный рев орудийной пальбы…

Красная мерзость от неожиданности растерялась настолько, что вместо обороны бросила свои укрепления, которые на протяжении 2 лет они копали и цементировали, и постыдно, в одних кальсонах и даже совершенно голая бежала…

Прорыв «Советского Мажино» оказался настолько неожиданным, что даже немцы рассчитывали его прорвать в течение дня, но прорвали в течение получаса…

Кстати, спрошу и о моих книгах, которые остались при моем отъезде из Софии. Прошу их сохранить и привезти на Кубань, так как теперь уже время нашего возвращения приближается!»

Не все, конечно, извергались желчью. Были более умеренные, но не менее драматичные. Из письма казака П. Ковгана атаману Астраханского войска Тимофею Ляху.

«Сейчас, то есть в эти последние сентябрьские дни, решается и судьба Европейских казачьих войск. Она решается, конечно, не в Праге Глазковым и Ленивовым, не в Париже атаманом Грабе, и даже не в Берлине, но решается на Дону, на Кубани и Тереке…

Выйдут оставшиеся в живых казаки, с хоругвями и крестами навстречу германским войскам — будут и

казаки в Новой России; не выйдут, будут кончать самоубийством, как Смоленск, Ленинград и другие города советские, — никакие казаки — эмигранты — самостийники или великодержавники — казачьих войск не найдут. Станиц не будет, будут «общинные хозяйства», а в них вместо жидов — немцы».

* * *

Брожение в умах казаков было разнопланово, но обида на разказачивание органами Советской власти под руководством Троцкого в конце концов приводила большинство их к консолидации в борьбе против красной Москвы.

Борьба «с христопродавцами, иноверцами» в России, как отмечали казаки, неожиданно соединилась со встречным интересом немцев, для которых врагом были не только евреи-большевики, но и все славянское население страны. Для них славяне были низшей нацией — недочеловеками. И это быдло, в их понимании, подлежало физическому уничтожению, как евреи и цыгане.

На одном из служебных совещаний (это было в начале войны), когда победоносное наступление фашистов на Украине 19 сентября ознаменовалось взятием Киева, а активность партизанского противодействия усиливалась, офицер военной контрразведки абвера барон Э. фон Клейст предложил командованию 18-й немецкой армии сформировать из казаков особые части для борьбы с «лесными разбойниками».

Несмотря на победные реляции первых месяцев сражений, в конце осени 1941 года в Берлине стали понимать, что на Восточном фронте Германии противостоят, по существу, две армии — Красная и партизанская. Инициатива Клейста получила поддержку среди военных.

Генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант Э. Вагнер 6 октября 1941 года разрешил командующим тыловыми районами групп армий «Север», «Центр» и «Юг» сформировать, с согласия соответствующих начальников СС и полиции, к 1 ноября 1941 года пробные или экспериментальные казачьи сотни из военнопленных и местного населения для использования их в борьбе против партизан.

Первые казачьи части и подразделения, воевавшие на стороне нацистов, возглавляли выходцы из «донской» России — Краснов, Доманов, Павлов, Шкуро, Назаренко, Кононов, Балашов, Бондаренко, Шомполов, Остапенко и другие.

Все в казачьих войсках было серьезно — присяга, гимн, песни, форма… Как и все коллаборационисты, присягали на верность врагу, — бандеровцы и казаки верили в победу Гитлера. Вот текст присяги казаков, и украинских и русских:

> «Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови.
>
> Все законы и приказания, от поставленных Вождем Германского народа Адольфа Гитлера начальников отданные, по всей силе и воле исполнять буду. В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разъездах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевистского рабства и достижения полной победы над большевизмом и его союзниками.
>
> Если узнаю о чем-нибудь, вредящем общему делу борьбы за свободу Европы и наших родных казачьих краев, не только заблаговременно о том объявлю, но всеми способами постараюсь отвратить и уничтожить зло.
>
> Всякую вверенную мне тайну крепко буду хранить. Поставленным надо мною начальникам, как немецким, так и своим казачьим, во всем буду послушен и все буду делать по совести. От команды и полка, к которому принадлежу, ни в поле, ни в обозе, ни в гарнизоне, какая опасность мне ни угрожала бы, пока жив, отлучаться не буду и хотя и раненный следовать за ним буду и везде и во всем себя буду так вести и поступать, как то честному, верному, послушному, храброму и расторопному казаку надлежит. В нем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.
>
> В заключение сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя Моего. Аминь».

Когда же был создан Главный штаб формирования казачьих войск на Украине (ГШФКВ), некий Н. Васильев в журнале «На казачьем посту» (1943. № 2) опубликовал посвящение этому штабу — гимн казачеству, воевавшему с РККА. Приведу только первый куплет и припев данного сочинения:

Станьте, казаки, под родные знамена!
Довольно вам, братцы, по миру бродить,
Готовьте коней, уздечки, стремена!
Жидовскую свору в России добить.

Припев (2 раза):
Донцы и кубанцы!
Терцы и уральцы!
Одной семьей дружней!
Марш на врага смелей!

Надо отметить, что, после того как в апреле 1942 года Гитлер лично разрешил использовать казачьи формирования, после тяжелого похмелья проигранной Московской битвы, произошла окончательная легализация всех казачьих частей, которая сняла с них всякие ограничения, предусмотренные нацистским руководством для большинства «туземных» формирований.

Однако для того чтобы немцы поверили казакам, нужны были аргументы со стороны военнослужащих и местных граждан, обиженных Советской властью. И они нашлись среди массы военнопленных, появившихся при тяжелом отступлении в начале войны. Сорок первый год подарил фюреру немало поленьев в костер его политического камина. Он стал постепенно привыкать к мысли, что воевать одной Германии, одному вермахту на таких просторах России значит затянуть войну, что было крайне невыгодно, и засеять костями своих солдат и офицеров эти бескрайние дали и потерпеть, в конце концов, поражение.

Любая война требует союзников в лице других государств и коллаборационистов противостоящей стороны…

Кровавый шабаш Кононова

Среди казаков одним из первых, подготовленных в военном отношении, пригодился фашистам некий Иван Кононов. Родился он 2 апреля 1900 года в станице Ново-Николаевской Таганрогского округа области Всевеликого войска донского в семье потомственного военного. Его дед дослужился до полковника. В период Русско-японской войны командовал сводной казачьей бригадой. Отец тоже пошел по стопам родителя, став военным. В Первую мировую войну он воевал отважно. Свидетельство — Георгиевский кавалер. Он получил все четыре степени георгиевского креста за мужество и храбрость. Придя с фронта израненным, он не принял новую власть — ушел в подполье. Партизанил в своих краях. В 1918 году он был пойман большевиками и повешен за «прегрешения» перед Советской властью.

В годы Гражданской войны погибли его мать и старший брат. Два младших брата были репрессированы в 1930-е годы. Уйти с Врангелем он не смог, как не смог и жить с такой биографией. Поэтому Кононов весной 1922 года принимает решение изменить год рождения на 1906 год и другие биографические данные.

«Чтобы заслужить доверие новой власти, а жить придется при ней, — рассуждал Иван, — нужна новая биография, нужен новый смысл в переиначенной жизни. Надо сделать так, чтобы моя слава росла с моей неудачей. Лучше никогда, чем поздно».

Скоро в военкомате появился «шестнадцатилетний» паренек. Росточком он не выдался, и вдобавок худощав.

— На коне сможешь удержаться? — с улыбкой спросил военный.

— А какой казак не знает коня? С детства елозил задницу на скакунах. Вон мозоли от верховой езды до сих пор, — бойко ответил Кононов. — Хотите, покажу?

— Не надо, не надо расшнуровываться, — спокойно заметил вояка. — Поверю и так.

Ивану поверили военные чиновники и зачислили его в 79-й полк 14-й кавалерийской дивизии РККА. Осенью 1923 года он успешно окончил дивизионную школу младших командиров, а через три года стал выпускником кавалерийского отделения объединенной военной школы имени ВЦИК. Служил в Северо-Кавказском военном округе на разных должностях. В 1929 году стал членом ВКП(б), а в 1936 году поступил и через два года закончил Военную академию им. Фрунзе.

В казенной аттестации, написанной по окончании академии,

говорилось:

> *«Должности вполне соответствует. Может быть назначен на строевую работу на должность командира кавполка, и после получения соответствующей практики может быть неплохим помощником командира кавдивизии. Предан делу партии Ленина — Сталина и социалистической Родине. Политически и морально устойчив. Политически грамотен хорошо. В жизни парторганизации принимает активное участие. Партвзысканиям не подвергался».*

В 1938 году приказом наркома обороны Ворошилова Кононову присваивается звание майора с назначением начальником оперативного отдела штаба 2-го кавалерийского корпуса Киевского особого военного округа.

После подписания пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 года Кононов понял, что границы в Европе будут меняться, и это, похоже, ни для кого не секрет. В зоне риска могут быть Польша, Украина и Молдавия.

На одном из совещаний командир корпуса прямо заявил, что эти земли в скором времени станут территориями возможного конфликта, так как попадают под определение «falled state» — «несостоявшиеся государства». Они превратятся в объекты воинственных амбиций между Германией и Советским Союзом. «Какой дальновидный командир, — подумал Кононов. — Я такого же мнения». Скоро он убедился в своей правоте. Осенью 1939 года майор принял участие в операциях по воссоединению западных земель России, аннексированных Польшей в 1920 году территорий Западной Украины и Белоруссии.

В 1939–1940 годах воевал на Советско-финской войне, начавшейся 30 ноября 1939 года и завершившейся 12 марта 1940 года подписанием мирного договора. Кононов на этой войне командовал 436-м стрелковым полком в составе 155-й дивизии. Там он впервые ощутил наполеоновский постулат о том, что война состоит из непредусмотренных событий, когда перед сражением каждый план хорош, после сражения каждый план плох.

Он впервые понял цену пушечного мяса, которое готовилось, как правило, из красноармейцев и младших командиров. Головотяпство высокого командования тогда потрясло молодого комполка.

Суровая зима. Просторы покрыты снегом. Финны воевали в белых маскхалатах. Наши воины в серых шинелях на белом фоне представляли собой настоящие мишени для противника.

Отстреливали их как куропаток и снайперы, и пулеметчики, и артиллеристы. Только потом догадались, что надо маскироваться личному составу.

Самым догадливым оказался начальник особого отдела НКВД 23-го стрелкового корпуса капитан госбезопасности Петр Иванович Ивашутин. Нашему солдату метровый снег приходилось преодолевать пешедралом, тогда как финские воины носились по лесам на лыжах, как черти. Об этих изъянах капитан доложил начальнику особого отдела НКВД Ленинградского военного округа А. М. Сидневу, но и после этого дело никак не сдвинулось с места.

Вольтер когда-то сказал, что короли знают о делах своих министров не больше, чем рогоносцы о делах своих жен. То же самое порой случалось и на фронте. Некоторые командиры забывали, что у них есть подчиненные, у которых возникают проблемы, в том числе с питанием, боекомплектом, экипировкой.

И тогда П. И. Ивашутин решил действовать через голову. Он обратился к одному из членов областного руководства, прибывшему вместе с секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым на передовую.

Просьба военного контрразведчика была, на удивление командира корпуса и начальника особого отдела НКВД Ленинградского военного округа, в короткий срок выполнена. Воинам выдали маскхалаты и поставили личный состав подразделений, особенно разведывательных, на лыжи…

Серьезно сказалась недооценка мощности укреплений линии Маннергейма. Попытки 7-й армии РККА в декабре 1939 года атаки в лоб этой мощной линии обороны не увенчались успехом.

Кононов видел горы окоченевших трупов наших воинов, расстрелянных в упор кинжальным огнем. Сыграл свою роль и погодный фактор. В начале декабря было относительно тепло, а затем сразу выпало много снега, и установились сильные морозы. Так, Новый, 1940 год воины встречали в окопах и траншеях при 25-градусном морозе. Позже температура упала до 40–45 градусов. Техника вязла в глубоком снегу. Люди обмораживались.

Однажды он стал свидетелем, когда на помощь нашим двум стрелковым подразделениям была брошена кавалерия для преодоления линии бетонных укреплений и дотов. Лошади проваливались по животы в сыпучем снегу. Конники спешно спрыгивали с седел, бросая своих обездвиженных скакунов в снежных провалах. И люди, и кони становились быстрой добычей финских стрелков. Голоса проклятий раненых красноармейцев, ржание подстреленных коней, разрывы снарядов и мин, пулеметный стрекот, хриплые и разрозненные крики «Ура!»

слились в страшную какофонию какого-то кровавого апокалипсиса. И всюду главная краска войны — кровь, кровь, кровь!

> *«Что это, если не безумство командиров, — взорвался Кононов. — Людей не жалеют наши высокие командиры».*

Война, показавшая слабые стороны РККА, закончилась подписанием 12 марта 1940 года Московского мирного договора. К СССР отошел Карельский перешеек с городами Выборг и Сортавала, ряд островов в Финском заливе, часть финской территории с городом Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний. В результате Ладожское озеро полностью оказалось на территории СССР. В соответствии с договором, граница между Советской Россией и Финляндией на Карельском перешейке и на побережье Ладожского озера была отодвинута на северо-запад.

Это были плюсы, но главный минус советско-финской кампании заключался в другом — Гитлер понял: надо спешить с войной против СССР, потому что РККА слаба, как никогда, после масштабных чисток, перевооружение не завершено и не реализованы другие реформы.

Кононов тоже это понял.

* * *

Великую Отечественную войну он встретил в этой же должности — комполка. Теперь подразделения его части входили в 10-ю армию, попавшую после двухмесячных тяжелых боев в окружение западнее Минска, а 22 августа 1941 года Кононов вместе с заместителем командира полка по политической части батальонным комиссаром Д. Панченко и частью личного состава перешел на сторону немцев.

В штабе фронта, расположенном в Смоленске, его допросили. Он рассказал настоящую свою биографию и заявил о желании драться с большевиками.

— Как и чем вы сможете доказать верность рейху? — спросил немецкий генерал из штаба группы армий «Центр».

— В боевом строю вместе с воинами вермахта и с оружием в руках, если позволите, — выпалил Кононов, — драться с красными не на жизнь, а на смерть. Если нет смысла в смерти, значит, не было его и в жизни. У меня он был и есть.

— Гут, гут, — закивал фашист, довольный получением такого глубокого ответа от перешедшего на их сторону советского

командира вместе с большой группой солдат и других категорий военнослужащих.

С октября 1941 года под руководством предателя началось формирование из военнопленных казачьей добровольческой части № 102. Она состояла из двух кавалерийских эскадронов, двух эскадронов самокатчиков, одного артиллерийского взвода на конной тяге и одного взвода противотанковых орудий.

А уже в начале 1942 года в составе 88-й пехотной дивизии вермахта эта воинская часть участвовала в боевых действиях против партизан и десантников окруженного корпуса генерал-майора П. А. Белова под Вязьмой, Полоцком, Великими Луками, в Смоленской области.

Летом 1943 года кононовская часть была преобразована в 5-й Донской казачий полк. В июле 1944 года Кононов был произведен в полковники вермахта, а 1 апреля 1945 года — в генерал-майоры Комитета освобождения народов России (КОНР).

Командующий тыловыми войсками безопасности группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф в своем дневнике так характеризовал кононовцев: «Настроение казаков хорошее. Боеготовность отличная… Поведение казаков по отношению к местному населению беспощадное».

В конце войны Кононов бежал к американцам. А его воинство попало к англичанам, которые передали казаков советским властям. Последствия этой передачи известны — многие из них были осуждены на длительные сроки лагерного заключения, в том числе и приговорены к высшей мере наказания.

С 1946 по 1948 год проживал в Мюнхене. Авторитетом среди оставшихся казаков и белой эмиграции первой волны не пользовался. По рассказам одного из очевидцев — казака П. Р. Никонова, его несколько раз пытались избить свои соплеменники. Только поэтому он вынужден был покинуть Европу и отправиться а Австралию.

Здесь в городе Аделаида он и нашел для себя «медвежий угол». Жил замкнуто, страшился завязывать дружественные связи с соотечественниками — боялся возмездия со стороны органов госбезопасности СССР.

Помню, по службе в Центральном аппарате КГБ СССР его фамилия фигурировала в списке разыскиваемых военных преступников. Значит, искали, и у него были основания бояться кары за предательство в годы войны.

Он погиб в автомобильной катастрофе 15 сентября 1967 года.

Среди оперативного состава того времени ходили слухи, что атаман был физически устранен по заданию органов КГБ СССР. Но это только догадки, не больше. Никаких документальных

материалов по этому поводу в печати не появлялось. А что касается страха за свою жизнь, то он у всех предателей одинаков — животный…

Прав поэт, метко сказавший по этому поводу:

Сменились место, обстоятельства,
Система символов и знаков,
Но запах, суть и вкус предательства
На всей планете одинаков.

Группа Паннвица

В составе казацкого воинства, воевавшего на стороне вермахта против большевистских властей в лице частей Красной Армии, находились и иностранцы. И что самое удивительное, казацким духом были пропитаны все зрелые годы будущего генерала Гельмута фон Паннвица, знавшего от отца много исторических притч о вольнолюбивых людях. Не потому ли он быстро освоил русский язык. Отец Гельмута являлся сторонником внешнеполитического курса Бисмарка и идей воссоздания «Священного союза» Германии с императорской Россией против англо-французского альянса и его союзников.

История жизни и службы генерал-лейтенанта Гельмута фон Паннвица изобилует интересными жизненными поворотами и моментами. Он родился 14 октября 1898 года, в имении Боцановиц в Восточной Силезии. Прямо за окнами усадьбы родителей Гельмута протекала небольшая пограничная речушка Лисварта, а за ней начиналась территория самой большой в мире, необозримой страны — Российской империи.

Есть непроверенные данные, что его отец имел контакты с представителями военной разведки царской России. Он часто устраивал дружеские общения с казаками, воинская часть которых дислоцировалась на российском берегу реки Лисварта. Именно тогда будущий казачий атаман Гельмут фон Паннвиц окончательно закрепил знания русской разговорной речи при общении с военными. Там он освоил искусство казачьей джигитовки, владения шашкой и саблей, приобрел навыки использования кавалерийской пики. Являлся своим среди чужих.

В 1910 году Гельмут в возрасте 12 лет был зачислен в Вальштадтский кадетский корпус в Нижней Силезии, а весной 1914 года переведен в Главный кадетский корпус в Лихтерфельде под Берлином, а в начале Первой мировой войны Гельмут стал фанен-юнкером. Это было воинское звание, традиционно присваиваемое в германской армии на последних курсах учебы. Оно было эквивалентно уровню курсанта — сержанта, унтерофицера, одним словом, кандидата в офицеры.

Уже в марте 1915 года за проявленные в бою мужество и храбрость фенрих (корнет) фон Паннвиц в возрасте 16 лет был произведен в лейтенанты, а несколько месяцев спустя представлен к Железному кресту II степени. А за бои в Карпатах в течение 1916–1917 годов он был награжден Железным крестом I степени. После окончания войны и позорного договора в Версале он вступает в подпольный «Черный рейхсвер».

В составе добровольческих отрядов защищал границы Германии в районе своей малой родины — Верхней Силезии от польских интервентов Юзефа Пилсудского.

Кроме того, именно в те годы он становится членом второй тайной организации ордена прусских иоаннитов — христианской организации с ориентировкой его членов, состоявших в основном из офицеров, на поддержание монархических настроений.

После полученного ранения в 1920 году Паннвиц покидает военную службу и уходит в отставку. Затем переезжает в Польшу, где несколько лет работает управляющим имений княгини Радзивилл. Там он познакомился с ее родственником — Янушем Радзивиллом, который являлся агентом ряда разведок, в том числе и советских спецслужб — ИНО НКВД и РУ Генштаба РККА. В 1939 году после раздела Польши Януш Радзивилл был депортирован чекистами в СССР.

Работая управляющим у княгини Радзивилл, Паннвиц постоянно общался с русскими белоэмигрантами, готовящимися взять реванш за поражение в Гражданской войне и видевшими в Германии возможного союзника в освобождении России от большевизма. Среди немецких друзей у него были те, кто со временем станут влиятельными сотрудниками абвера и офицерами вермахта и начнут формировать с началом войны с СССР первые антисоветские подразделения русских добровольцев.

В середине 1920 — начале 1930-х годов фон Паннвиц совершил по заданию своих новых друзей из рейхсвера и абвера несколько поездок в СССР. Цель — подготовка почвы для заключения континентального евразийского союза СССР и Германии против англосаксонских плутократов и атлантистов.

В Советской России он встречался с рядом довольно известных военных деятелей: Яковом Слащевым, Михаилом Тухачевским, Яном Берзиным и другими.

Если бы не приход Гитлера к власти, не исключена возможность, что такой союз мог быть заключен и история пошла бы по другой колее и обе страны не обрекли бы свои народы на дикие страдания и миллионные жертвы.

Но случилось то, что случилось…

* * *

Теперь несколько слов о силах, противодействующих нацизму, самому Гитлеру и желающих скорейшей его гибели, ратовавших за создание нового германского монархического строя и в этом ключе помогающих советским спецслужбам.

Мы много знаем о немцах — патриотах из так называемой подпольной разведывательной организации германских антифашистов «Красная капелла». Больше осведомлены не столько о деятельности ее, сколько о трагическом провале настоящих и мужественных патриотов Германии, таких как Харро и Либертас Шульце-Бойзен, Вилли Леман, Шандор Радо, Арвид и Милдред Харнак, Ганс Коппи, Курт Шумахер, Адам Кукхоф, Ода Шотмюллер, Ганс Генрих Куммеров, Эрика фон Брокдорф, Альберт Хесслер, Карл Беренс, Роберт Барт, Анри Робинсон, Ильза Штебе, Рудольф Шелиа, Эрвин Герц, и других. Но вот что интересно — существовали «капеллы» и другого цвета: «Черная», «Белая» и «Желтая».

«Черную» олицетворяли недовольные приходом к власти «австрийца», «обозного ефрейтора», в основном заговорщики образца разных лет, в том числе действующих по плану «Валькирия» в 1944 году, — Клаус Штауффенберг, Хеннинг Тресков, Ханс Остер, Фридрих Фромм, Людвиг Бек, Эрвин Вицлебен, Вильгельм Канарис, Яльмар Шахт, Ульрих Хассель, Эрвин Роммель, Рудольф-Кристоф Герсдорф, Владимир Каульбарс, братья Георг и Филипп Безелагеры, Оскар Нидермайер, Александр Гимпель и многие другие.

«Белую» представляли Антон Деникин, Ольга Чехова, Зиновий Пешков, Надежда Плевицкая, Николай Скоблин, Сергей Эфрон, Сергей Третьяков и многие другие.

К «Желтой» принадлежали Рихард Зорге, Анна и Макс Клаузен, Бранко Вукелич, Ходзуми Одзаки, Кинкадзу Сайондзи, Кэн Инукаи, Томо Китабаяси, Кодзи Акияма, Фусако Кудзуми, Сигео Мидзуно и другие.

* * *

С началом Второй мировой войны фон Паннвиц в качестве командира конного разведывательного отряда 45-й дивизии вермахта участвует в польской, а затем французской кампании.

Конный разведывательный батальон 45-й пехотной дивизии 22 июня 1941 года участвовал в захвате Брест-Литовска. К тому времени из города трусливо сбежало все местное партийное и советское руководство. Были брошены сейфы с секретными документами, что повторится через некоторое время в Смоленске и других городах. Таким образом, документы партучета со списками коммунистов и другие важные для противника материалы попали в руки передовых отрядов вермахта. А население города, как отмечал в своих донесениях Паннвиц,

дружно бросилось грабить брошенное имущество.

Есть данные, что командир батальона майор Паннвиц с первых дней войны не раз нарушал приказ фюрера о расстреле всех комиссаров и сотрудников НКВД, плененных его воинами. Он категорически запретил это делать своим подчиненным. И возникает вопрос — почему?

Нет, не делайте попытки обелить будущего генерала. Думается, ответ лежит в его взглядах на нацизм. Фон Паннвиц никогда не состоял в национал-социалистической рабочей партии и являлся убежденным противником идей расового превосходства нацистов.

Осенью 1942 года Гельмут фон Паннвиц был переведен на Северный Кавказ. Находясь в штабе группы армий «А» в Ворошиловске, он начал формировать сводную казачью группу под своим командованием, которая должна была стать ядром будущей казачьей дивизии.

Проект был отправлен на утверждение в Берлин.

Документ попал в руки партийному функционеру Мартину Борману.

— В германской армии не должно быть иностранщины. Что такое «казачьи»? Это потенциальные предатели, способные стрелять нам в спину, — среагировал партийный секретарь на доклад представителя вермахта. — Кстати, меня поддерживают многие руководители рейха. На таких же позициях стоит и гауляйтер Украины Эрих Кох.

По совету друзей Паннвиц исключил прилагательное «казачья». После этого в официальных документах его воинская часть стала именоваться «кавалерийская группа Паннвица».

Такие понятия, как «казаки», «казачье», «казакия», еще долго не воспринимались руководством Третьего рейха, пока после «Сталинградского холодного душа» не стали активно формировать вспомогательные войска из выходцев — россиян.

Но сказалась сила не столько советских пропагандистов, сколько результаты наших побед на фронтах.

Так, по сведениям ветерана военной контрразведки генерал-майора С. З. Острякова, только за 1943 год на сторону партизан с оружием в руках перешли около 14 тысяч военнослужащих всех восточных формирований.

Эта тенденция внушала немцам самые серьезные опасения по поводу надежности остальных частей.

На одном из совещаний в ставке «Волчье логово» Гитлер, услышав из доклада шефа СС Гиммлера о случаях бегства личного состава из восточных формирований на сторону противника, взорвался:

— Кейтель, объясните своему генштабу, что надо проучить их раз и навсегда. Все русские части распустить немедленно. В качестве первого шага распустить 80 тысяч. Всех разоружить и отправить этот сброд на шахты во Францию. Пусть уголек копают. Мне русские предатели не нужны.

Гоголями ходили после этого спича фюрера его клевреты Борман и Кох.

К ним поспешил присоединиться и начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник Йодль, который на совещании 7 ноября 1943 года с участием функционеров НСДАП буквально выкрикнул:

— К использованию иностранцев в качестве солдат нужно относиться с величайшей осторожностью… Эксперименты были хороши, пока мы побеждали. Они стали плохи, когда ситуация изменилась и мы вынуждены отступать…

Но время — это ткань, из которой состоит жизнь. А жизнь фронтовая на тот период была такова, что Восточный вал приближался к Германии, а над всем западным побережьем Франции нависла угроза высадки союзников. Чисто германских войск, чтобы закрыть побережье, было недостаточно, и волей-неволей немецкие генералы соглашались брать добровольческие формирования, выдвигая их, как правило, на первую линию, особенно там, где угроза была максимальной, как это было с 14-й ваффен-гренадерской дивизией СС «Галичина», состоящей из украинских «добровольцев», под Бродами Львовской области.

Как говорится, чем больше времени, тем больше дел. И вот уже сам фюрер назначает командующего добровольческими формированиями при главкоме Западного фронта генерал-майора фон Вартенберга, неприкрытого русофоба, который на одном из совещаний сразу после назначения перед офицерским корпусом цинично заявил:

— Русскому солдату пропитание не требуется. Он питается древесной корой и корешками.

Но вернемся к Паннвицу.

Несмотря на свои особые взгляды на роль казачества, которых он считал, по бытовавшей тогда теории, потомками готов (а значит, они принадлежали не к славянской, а к арийской расе), он воевал с частями РККА на Северном Кавказе и под Сталинградом как подобает воину, давшему присягу, считая большевизм душителем свободы.

В марте 1943 года полковник фон Паннвиц получил приказ, в котором, в частности, говорилось:

«Сформировать из готовых к борьбе добровольцев —

донских, кубанских и терских казаков — отдельное казачье соединение».

Как писал Петр Крикунов в книге «Казаки»:

«21 апреля 1943 года был получен приказ за подписью начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Цейтцлера о формировании 1-й казачьей кавалерийской дивизии, а еще через три дня поступило распоряжение о переброске соединения фон Паннвица в Польшу на учебный полигон Млава (Милау), где еще с довоенных времен находились огромные склады снаряжения польской кавалерии».

В июне 1943 года он получает звание генерал-майора, а в апреле 1944 года — генерал-лейтенанта.

Его дивизия участвовала в боях в Хорватии против коммунистических партизан Тито.

В феврале 1945 года дивизия фон Паннвица была развернута в XV казачий кавалерийский корпус СС, в связи с чем командир получил чин группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС, а 20 апреля того же года соединение передается под командование КОНР и генерал избирается Всеказачьим кругом в Вировитице Верховным походным атаманом «Казачьего стана».

К концу войны корпус фон Паннвица насчитывал более 20 тысяч человек. Чтобы не допустить пленения казаков советскими войсками, он организует прорыв корпуса в Каринтию. Эта территория входила в британскую оккупационную зону.

Именно там 11 мая 1945 года в присутствии британских офицеров генерал принял парад Донского казачьего полка, после чего казаки сложили оружие.

Англичане обещали не выдавать советским властям казаков, но не сдержали своего слова и от 45 до 50 тысяч казаков, воевавших на стороне Германии, а также беженцев (женщин, детей и стариков), ушедших с немцами с Терека, Кубани и Дона в Лиенце и Юденбург, были выданы советским властям. Видя свою обреченность, многие казачьи семьи заканчивали жизнь самоубийством.

Командир корпуса генерал-лейтенант фон Паннвиц повел себя на предварительном следствии достойно и заявил следователям СМЕРШ, что хочет разделить участь своих бойцов в России, считая, что таков закон войны — побежденный отвечает и за себя, и за подчиненных, и вместе с подчиненными.

Паннвиц, несмотря на то что являлся гражданином Германии, был признан государственным преступником и осужден вместе с

Красновым, Шкуро, Султан-Гиреем, Клычом и Домановым к ВМН.

Его повесили 16 января 1947 года вместе с вышеперечисленными представителями оппозиционного казачества.

* * *

В газете «Русская жизнь», издаваемой в Сан-Франциско, 6 августа 1955 года была опубликована статья о генерале Гельмуте фон Паннвице — «Немец с русским сердцем». В ней говорилось:

> *«Гельмут фон Паннвиц, считавший своим величайшим отличием, счастью и честью право командовать казачьим корпусом на Балканах, в дни, когда всех нас и его судьба уже была предрешена на конференции в Ялте, тогда, когда уже не было надежды или, мягче сказать, испарялась надежда на победу здравого разума над безумством завоевателя, когда Розенберг и ему подобные проиграли свою игру у нас на родине, неся не освобождение, а новое вражеское жестокое закрепощение, когда исчезла надежда и вера в победу белой идеи над красным кошмаром. И тогда генерал фон Паннвиц был с нами, был наш, любил и ценил русского человека, казака, бойца и, дав клятву, остался ей верен и не ушел. Он отказался от права немца покинуть свой пост и своих людей, сохранить если не свободу, то, во всяком случае, жизнь. Он предпочел сохранить честь солдата и свое имя светлым в памяти всех тех, кто пережил катастрофу выдачи из Австрии 1945 года, всех тех, кто боролся с коммунистами под его командой, всех тех, кто хоть раз с ним встречался».*

Пройдет время, и в 1971 году белоэмигрант, ставший парижанином, И. И. Сагацкий напишет стихотворение, посвященное генералу фон Паннвицу. Там есть такие слова:

> *Ему сказали: «Вы свободны:*
> *Мы уважаем ваш мундир.*
> *Но казаки нам неугодны,*
> *К несчастью, Вы — их командир…»*
> *Шли поезда… Ему кричали:*
> *«Прощай, наш батько — генерал!»*
> *И он, как вылитый из стали,*
> *Один их молча пропускал…*
> *Когда ж на смерть и на страданья*

Ушел последний эшелон,
К своим врагам без колебанья
Вернулся сам спокойно он.
Сказал им: «Всюду с казаками
Я был, как с братьями в бою.
Хочу суда над всеми нами,
А не щадить судьбу мою».
И те, кто, видимо, не знали,
В чем смысл и сила слова «Честь»,
Его с презрением предали
На неминуемую смерть.

Английское руководство предало и русских казаков, и их немецкого предводителя генерала Гельмута фон Паннвица, потому что генетически ненавидело Россию и ее граждан.

Казачий коллаборационизм

Слово «коллаборационизм» происходит от французского collaboration — «сотрудничество». Что касается юридической трактовки международного права — это добровольное, осознанное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству. Этот термин чаще применяется в более узком смысле — как сотрудничество с захватчиками, оккупантами, поработителями. В уголовно-процессуальном законодательстве подавляющего большинства стран мира факт коллаборационизма определяется термином «преступление против своего государства» и квалифицируется как государственная измена.

Война 1941–1945 годов, как уже говорилось, всколыхнула казаков на чужбине. Многие верили своим идеологам — атаманам, командирам, вождям о необходимости идти в Россию и наводить там порядок вместе с «освободительницей от еврейского большевизма» немецкой армией — вермахтом. И «новый порядок» наводился на исконно казачьих местах и территориях — куренях, хуторах, станицах и волостях вместе с германским воинством.

Немецкая пунктуальность проводилась не столько в наведении того самого уже упоминаемого «нового порядка» на советской земле, сколько в истреблении славянского населения, которое считалось нацистскими идеологами недочеловеками, быдлом, унтерменшами.

Казаки не составляли исключения, хотя некоторые гиммлеровские «мудрецы» и причисляли вольных степных людей к ариям.

Коллаборационизм в период Второй мировой войны означал сотрудничество граждан Франции с немецкими властями во время оккупации осколков Третьей республики — так называемой территории трансальпийской Галлии. К сотрудничеству с нацистами призвал нацию глава режима Виши маршал Петен в 1940 году.

Затем этот позорный термин стал применяться к другим европейским правительствам, согласившимся сотрудничать с гитлеровскими оккупационными властями. Примеров таких много — взять хотя бы действия правительства Квислинга в Норвегии, Русскую освободительную армию Власова, национальные дивизии СС почти по всей Европе, на Украине — 14-ю ваффен-гренадерскую дивизию СС «Галичина» и др.

Может быть, самым интересным явлением в истории русского коллаборационизма был режим Локотской республики на

Орловщине (ныне это территория Брянской и Курской областей) во главе с местным предателем Каминским, организовавшим на базе местечковой милиции так называемую Русскую освободительную народную армию (РОНА). В это бандитское войско были вовлечены многие советские граждане, поверившие в силу немецкого оружия и избавление от ненавистных им большевиков, загнавших массы селян в колхозы и лишивших их паспортов, то есть сделавших крестьян, по существу, бесправными рабами.

Немецкие оккупационные власти и местное военное командование использовали их в борьбе против советских партизан. Надо отметить, что Локотская республика родилась при поддержке командования 2-й танковой армии, возглавляемой «отцом броневых войск вермахта» генералом Гейнцем Гудерианом.

Республика пользовалась благосклонностью преемника Гудериана — Рудольфа Шмидта и даже командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Ганса фон Клюге, который сменил заболевшего и потерпевшего поражение под Москвой фельдмаршала Федора фон Бока. Гитлеровский план «Тайфун» развеяли защитники советской столицы и погнали немца на Запад по заснеженному и морозному Подмосковью. Это была первая победа советского оружия. До этого мы только отступали, дойдя до Волги, где с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года шла Сталинградская битва, а впереди была Курская дуга и другие сражения.

* * *

Несмотря на первые успехи РККА под Москвой, Берлин был уверен, что Гитлер через свое Провидение найдет ключ к новым победам над большевиками. К сожалению, верила и определенная часть советских граждан, в том числе и казачества, обиженного репрессиями вождей — инородцев типа Троцкого и его ставленников.

Интересно в этом отношении письмо начальника Пролетарского районного управления Ростовской области Агапова старшине Буденовской волости того же района, приведенное Л. Решиным в статье «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ».

В нем говорилось:

«Районное управление Пролетарского района

Ростовской области

Старшине Буденовской волости

15.12.1942 г. № 9/364

Для несения внутренней службы по охране Родины и для помощи Германским Вооруженным силам под руководством Главного немецкого командования в борьбе с коммунизмом и сталинской жидовской сворой приказываю:

1. Завербовать не менее 7 человек добровольцев в Донской казачий полк.

2. Добровольцы в Донской казачий полк вербуются не только из казачьего, но и из коренного населения постоянных жителей степей, в том числе и военнопленных, вполне благонадежных политически.

3. Добровольцы должны быть снабжены паспортами и Вашими рекомендациями о политической благонадежности.

4. Добровольцы должны быть Вами обеспечены: 1. Строевой лошадью. 2. Седлом с амуницией. 3. Полушубком. 4. Сапогами.

5. Папахой. 6. Курткой. 7. Гимнастеркой. 8. Шароварами. 9. Двумя парами белья. 10. Шашкой. 11. Карманными деньгами — по 1000 рублей каждому.

5. Все перечисленное переходит в личную собственность добровольца за счет Вашей общины и изъятия у населения Вашего поселка обмундирования бывшего советского образца и казачьего снаряжения…

10. Завербованные и снаряженные добровольцы должны быть доставлены Вами лично в Районное Управление 23 декабря с.г. с недельным запасом продовольствия и фуража.

11. Доставленные Вами добровольцы будут направлены в город Новочеркасск для строевого обучения.

За точное выполнение данного распоряжения отвечаете Вы.

Старшине волости также явиться лично 23 декабря с.г. во главе старост и добровольцев волости. Районный начальник (Агапов) Начальник Агробюро (Копылов)».

Это ли не свидетельство неверия в победу Красной Армии над немецко-фашистским воинством и отсутствие мотивации в защите родного дома, семьи и края?!

Французский легион и русские

Одной из наиболее слабо изученных сторон жизни россиян в зарубежье являются масштабы и конкретика русского участия во французском Иностранном легионе. Материалов на эту тему мало в силу различных причин, основной из которых является строгое соблюдение режима секретности специальной службы, и, как правило, наши соотечественники, служившие в легионе, не были настроены на писательский лад, не до мемуаров им было. Это были «солдаты удачи», которые выполняли конкретные приказы и исполняли свой долг за деньги.

Арабы и туземные племена Африки покорялись французскими штыками — таким образом «диким народам» прививались «европейские ценности».

Французский Иностранный легион, учрежденный королем Луи-Филиппом Первым 9 марта 1831 года, существует и поныне. Он был создан для подавления восстаний в колониях и антиправительственных выступлений в самой метрополии.

Так как французы, привыкшие к спокойной, размеренной и комфортной жизни, служить в армии не стремились, особенно в заморских территориях, поэтому в вопросе формирования ставка делалась, как правило, на наемников из других стран и деклассированные элементы в самой Франции, которые искали возможность заработать деньги с оружием в руках.

Первые сведения о службе российских подданных во французском Иностранном легионе относятся к периоду XIX–XX веков. Как правило, это были малообеспеченные трудовые мигранты и переселенцы, устремившиеся на Запад за счастливой долей. В основе своей ими являлись жители западных губерний России — поляки, украинцы, немцы. Пытаясь изменить свою жизнь к лучшему, они охотно соглашались на условия любой контрактной службы, в том числе и в Иностранном легионе.

Военные власти не требовали удостоверений и паспортов от кандидатов. Их могли принимать даже по кличкам и псевдонимам. Легионеры, отслужившие срок по контракту, получали определенные льготы при устройстве на работу. Госчиновники считали, что они — легионеры — побывали на государственной службе и принесли Франции и обществу пользу.

Из-за того что дезертирство из Иностранного легиона было не таким уж редким явлением, оно каралось достаточно жестоко — беглец или уклонист обеспечивал себе тюремное заключение сроком до пяти лет. После отсидки он должен был продолжить службу, получая жалованье в два раза меньше положенного.

Кроме того, он не мог рассчитывать на получение гражданства Франции и после службы высылался из страны.

Исключение из этого правила, как писал Вилен Люлечник, составляли русские, которые попадали в эти формирования по совершенно иным причинам и которые выделялись своими качествами, возможно, присущими в то время только им. Ведь в легион попадали, как правило, опытные, бравые русские военные, имевшие за плечами долгий срок службы, участвовавшие в сражениях, отмеченные боевыми наградами.

Русские солдаты и офицеры стали наиболее дисциплинированной, боеспособной и наиболее ценимой частью французских формирований. На долю русских выпала тяжесть борьбы с рифянами, кабилами, туарегами, друзами и другими восставшими племенами в период 1925–1927 годов.

В раскаленных песках Марокко, на каменистых кряжах Сирии и Ливана, в душных ущельях Индокитая — всюду рассеяны русские кости.

Иностранный легион, как когда-то Римский, выполнял, кроме всего прочего, и задачи служения цивилизации. Везде, где проходили легионеры, прокладывались дороги, возводились дома, население обучалось обращению с современной тогда техникой. Во многом благодаря легионерам возникли новые города, а Рабат превратился в современный город, который в ту пору не уступал европейским.

Так что Иностранный легион сыграл и немалую положительную роль в жизни тех народов, среди которых он побывал.

Нужно отметить, что объектами оперативного внимания этой приличной военной силы, входившей в состав сухопутных войск Франции, были не только колонии. Что касается России, то солдаты легиона принимали активное участие в Крымской войне 1853–1856 годов.

И сегодня легион применяется там, где Французское государство защищает свои национальные интересы в рамках НАТО или Европейского союза.

* * *

Поражение Белого движения в Гражданской войне 1917–1922 годов обусловило массовый исход российских граждан за границу. По данным официальной статистики, за рубежами Отчизны оказалось около двух миллионов русских беженцев — военных и гражданских лиц. Примерно 100 тысяч из них были

казаки всех казачьих войск. Наибольшее число составляли донцы…

Это был настоящий исход русских граждан как реакция на процесс расказачивания. Многие пишущие на эту тему казаки подчеркивали, что покидают Родину не по своей воле, а по принуждению.

Не случайно расставание с хатой или избой, хутором или станицей, близкими и родной землей звучало неувядающим мотивом в их строчках:

Такое помню прощание с Крымом,
Все расставанье с родною землей.
И пароходов тяжелые дымы
Над голубой черноморской водой.

(Донской казак Н. Н. Евсеев)

Корабли, корабли, корабли,
Много вышло вас в синее море —
Это беженцы русской земли
На чужбину везут свое горе.

(Уссурийский казак В. А. Петрушевский)

Многие жены и родители казаков напутствовали покидавших родные края благородными наказами — беречь совесть и честь:

Ты ж иди, родной мой, на чужбину,
Честь свою казачью береги!

(Сибирская казачка М. В. Волкова)

Профессор В. Авилов подчеркивал, что:

«…войну против большевиков в 1917–1920 годах вели не отдельные казачьи группы и заинтересованные классы, а именно все казачество в его целом… Казачья эмиграция — это эмиграция народная. Казаки потеряли свою национальную свободу, а не свои ранги, титулы, поместья и привилегии. Не казаки изгнали казаков в эмиграцию, но чужими руками, внешнею силой были оторваны казаки от родных очагов и своих земель… Казаки эмигрировали общей массой; как главный военный кадр Белой армии, со

всей своей администрацией, законодательными органами (круг, рада) и представителями городского и станичного самоуправления… Уйдя за границу, казаки остались казаками… Казаки — народ порядка, с чувством чести, остались порядочными и в эмиграции. Если им не представляется возможность сейчас показать свой героизм на полях битвы, взамен его они смогли остаться героями среди нищеты изгнания…»

Вот почему руководство французского Иностранного легиона было заинтересовано в пополнении своих рядов русскими военнослужащими, в том числе в первую очередь казаками.

Интересны зарисовки тяжелой службы «на чужбине в квадрате» казака Николая Манина в «Воспоминаниях о службе в иностранном легионе в Алжире, Тунисе и Сирии». В своих мемуарах он писал, что после 1920 года положение российских беженцев на берегах Босфора было катастрофическим. Голод, осенняя сырость и холод, болезни и тоска по Родине были неизменными спутниками изгнанников. Осложнял положение и острый жилищный кризис. Многим приходилось ночевать прямо на улице — кусались цены на жилье. Частично спасала ночлежка, устроенная в бывших турецких казармах Мак-Магон и представлявшая собой огромный зал, освещенный тремя пятисвечовыми электрическими лампочками. Грязное, десятки лет не ремонтировавшиеся помещение, кое-где с потолка льется вода, выбитые и заклеенные картоном окна, грязный и изъеденный крысами пол с зияющими дырами.

Посредине и вдоль стен сплошные деревянные нары с тучами клопов и вшей. Намного тяжелее складывалась ситуация в беженских и военных лагерях. Помимо «обычных» проблем, связанных с питанием, жильем и нищетой, в лагерях часто вспыхивали эпидемии, уносящие жизни многих. Так, в Чилингирском лагере вспыхнула эпидемия азиатской холеры, приводящей к смертельному исходу в течение суток.

Ситуация осложнялась тем, что недалеко от Чилингира находилось озеро Деркос, которое питало водой Константинополь. Холера могла проникнуть в озерную воду и передаться по водопроводу в город. Чтобы изолировать очаг холеры и предохранить Константинополь, оккупационные французские, английские и итальянские власти объявили в Чилингирском лагере карантин и отрезали его от всего мира цепью часовых. Французы не позволяли вывозить в Константинополь тяжелобольных, которые на месте обрекались на смерть, где не было помещений под лазареты, лекарств и

инструментов.

Барак, приспособленный под лечебное заведение, представлял собой сырой каменный ящик, в котором валяются сотни заживо съедаемых вшами людей. Один в корчах умирает, рядом с ним корчится в последних муках роженица. Эпилептик судорожно бьет ногами по полу, задевая распухшие конечности ревматика, который неистово воет — плач и скрежет зубовный. Бывает, что пятеро умирают за день…

Хоронили в одной могиле всех, кто умирал за день. Кресты поначалу ставили, а потом перестали, так как их в первую же ночь воровали на дрова…

Лагеря были построены наспех. Французы давали понять, что русские на берегах Босфора — лишь никому не нужные приживалы. По периметру были установлены ряды круглых французских палаток — марабу на восемь человек…

Действительное положение легионера кратко охарактеризовал полковник Ф. И. Елисеев, служивший в легионе с 1939 по 1945 год. В частности, он писал:

> *«В Иностранном легионе Французской Армии всякий легионер-иностранец является существом «без рода и племени». Умрет ли он, или будет убит, он вычеркивается из списков «как номер» и только.*
>
> *Никаких родных и наследников у него нет и не должно быть. Его вещи продаются в роте с аукционного торга и поступают в роту или батальон. Это относится к офицерам-иностранцам. Все они считаются «салибатэр», то есть неженатыми, хотя бы и имели законных жен. В случае гибели — семья не получала ничего».*

* * *

Надо отметить, что наибольшую активность французские вербовщики проявляли на островах, где в лагерях беженцев русские солдаты и офицеры нередко доходили до отчаяния. Многие соглашались на вступление в легион, лишь бы вырваться из лагерного заточения. Так вербовщики пожали «добрую жатву» на острове Лемнос.

Только из одного Донского корпуса более тысячи человек оказались в рядах легионеров. Для многих русских солдат и офицеров служба в Иностранном легионе становилась альтернативой голодной смерти или самоубийству.

Трудно было врастать в гражданскую жизнь, потому что

навыки цивильных профессий, которые могли пригодиться в мирное время, многими были забыты, а потому и утрачены. Но это было не главное, — основным бичом большинства русских беженцев являлся психологический надлом.

Об это красноречиво и глубоко сказал В. Колупаев:

> *«Социальная адаптация этой категории эмигрантов, выходцев из среды кадровых военных, да и просто людей, многие годы проведших в состоянии войны, была крайне затруднена.*
>
> *С одной стороны, мало кому из них удавалось сохранить гражданские «прикладные» специальности, которые могли оказаться востребованными в условиях эмиграции. Но эта причина не являлась основной: наибольшие трудности представляла психологическая адаптация.*
>
> *Целый комплекс проблем вызывал состояние стресса, ставил человека на грань срыва, зачастую приводя к распаду личности или самоубийству. Среди психологических факторов, оказывавших наиболее разрушительное воздействие на сознание и духовный мир русских эмигрантов, были чувства утраты и тоски по Родине, понижение социального статуса, языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в чужом обществе, невозможность интеллектуальной и профессиональной самореализации».*

Но действовал еще один фактор, он был специфичен, — это боязнь оказаться вне воинского коллектива, столь понятного для любого военного, с победами и поражениями, единоначалием, с простой логикой приказания и подчинения, а также стабильности материального обеспечения. Такие люди боялись «расшнуровываться» — снимать военную форму с ремнем и портупеей. Эти условия деформировали человеческие отношения.

Только поэтому русское воинство во французском Иностранном легионе было особой, наиболее профессионально подготовленной его частью, что признавалось не только французским военным командованием, но и властными чиновниками высоких рангов.

В составе Иностранного легиона в разные годы служили интересные соотечественники, добившиеся высоких успехов в специфическом ратном труде. Пятеро русских офицеров дослужились до генеральских должностей: Андоленко, Нольде, Пешков, Румянцев и Фавицкий.

Послесловие

Люди и тайны серебряного века — эти два понятия связали лихие события Первой мировой войны и двух русских революций, стремительно перетекших в гражданскую бойню в России с поражением сторонников самодержавия. Именно эти события породили такое уникальное явление, как «русское белое зарубежье» или «русскую белую эмиграцию», активизация которого началась особенно после политической и физической смерти В. И. Ленина и продолжилась с приходом и утверждением во власти И. В. Сталина.

Надежды РОВС, как и других антисоветских организаций, на радикальные и кардинальные изменения курса социально-политического развития России постоянно рушились изза активного противодействия со стороны советской внешней разведки и контрразведки, а также признания другими странами СССР как состоявшейся державы, с которой Запад стал восстанавливать дипломатические и торговые отношения.

Эти обстоятельства не могли не отразиться на качестве антисоветских проявлений со стороны радикально настроенной белой эмиграции, почувствовавшей охлаждение к себе со стороны властей в странах пребывания, за исключением Германии в период существования Третьего рейха.

Именно этим можно объяснить то, что некоторая часть русской диаспоры за рубежом ошибочно поверила в идею возможности гитлеровской Германии разгромить Советскую Россию и вернуть монархическое прошлое. Горькое разочарование для многих пришло после Сталинграда и Курска, но инерция страха за содеянное, а для некоторых «стойких» органическое неприятие советской системы правления заставляли до последнего сражаться на стороне врага.

Сегодня забавно то, что в связи с событиями на Украине англосаксы вновь тащат Германию к русским граблям.

В то же время нищенское прозябание большинства белой эмиграции за рубежом позволило советским спецслужбам, используя материальную заинтересованность и финансовые издержки соотечественников, проводить прицельные вербовки даже до недавнего времени враждебно настроенных к Советской власти российских эмигрантов. Привлечением к сотрудничеству бывших граждан России занимались не только сотрудники ОГПУ — НКВД СССР, но и представители разведок других стран.

Итак, серебряный век в России выдвинул плеяду прекрасных мастеров слова и кисти, резца и танца, которым не нашлось места

на Родине после событий 1917 года. То же самое произошло и с русским воинством. Они, оставаясь патриотами своей страны, верные принятой когда-то присяге, уносили за рубеж «на подошвах своих сапог» частицу своей Отчизны.

Список литературы

Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М.: Вече, 2009.

Костин А. Л. Посеяли ветер — пожали бурю. М.: Гелиос АРВ, 2004.

Серебровская Е. Женщина с наганом // Чекисты Балтики. Сб./ Сост. В. В. Виноградов. Л.: Лениздат, 1984.

Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб. М.: Вече, 2003.

Устинов И.Л. На рубеже исторических перемен. М.: Кучково поле, 2008.

Стригин Е. Предавшие СССР. М.: Алгоритм, 2005.

Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. Ч. 2. М.: ТЕРРА, 1992.

Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012.

Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010.

Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

Краткий курс истории ВКП(б) 1938 г. // Репринт. воспр. изд. 1930–1940 гг. М.: Писатель, 1997.

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. С. 122.

О Вячеславе Менжинском. Воспоминания. Очерки. Статьи. М.: Политиздат, 1985.

Черкасов-Георгиевский В. Вожди белых армий. Смоленск: Русич, 2000. С. 326.

Рыбас С. Ю. Генерал Кутепов. М.: Олмапресс, 2000.

Старосадский В. Карающий меч революции // e-svr@gov.ru. Новости разведки и контрразведки. 18 нояб. 2005.

Дамаскин А.И. 100 великих разведчиков. М.: Вече, 2001.

Фест Иоахим К. Гитлер / Пер. с нем. Пермь: Культурный центр «Алетейа», 1993.

Абжаген Карл Хайнц. Адмирал Канарис. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

Деникин А.И. Судьба России важнее судеб эмиграции. Письмо // Родина. 1991. № 6–7. С. 104.

Стронгин В. Надежда Плевицкая. Великая певица и агент разведки. М.: АСТПресс Книга, 2005.

Слащев Яков Александрович // Сайт «Русская армия в Великой войне». 2013.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974.

Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.

Минск: Харвест, 2002. Т. 2.

Шенталинский В. Марина, Ариадна, Сергей // Новый мир. 1997. № 4.

Кудрова И. Последнее «дело» Эфрона // Звезда. 1992. № 10.

Стальные мускулы. Сер. Третий рейх. Трагедия народов / под общ. ред. В.Золотарева. М.: ТЕРРА — КНИЖНЫЙ КЛУБ, 1998.

Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992.

Решетников Л. А Родина милей… Белая эмиграция и Великая Отечественная война // Родина. 2010. № 5.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1947.

Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Документы и материалы // Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1995.

Крикунов П. Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. Сер. На стороне Третьего рейха. М.: Яуза; ЭКСМО, 2006.

Чуев С. Украинский легион. Сер. На стороне Третьего рейха. М.: Яуза; ЭКСМО, 2006.

Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха. Сер. На стороне Третьего рейха. М.: Яуза; ЭКСМО, 2006.

Квицинский Ю. Иуды. Сер. Досье. М.: ОЛМА — ПРЕСС, 2001.

Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение. М., 2000.

Казачий вестник. 1943. № 4. 15 февр.

Остряков С. З. Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979.

Немец с русским сердцем (Доброй памяти генерала Гельмута фон Паннвица) // Русская жизнь. Сан-Франциско, США. 1995. № 3422. 6 авг.

Сагацкий И.И. Фон Паннвиц // Родимый край. 1971. № 94. Май — июнь.

Решин Л. «Казаки» со свастикой. Документы из архивов КГБ // Родина. 1993. № 2. С. 74.

Широкорад А.Б. Русская Мата Хари — Тайны петербургского двора. М.: ЭКСМО — АЛГОРИТМ, 2011.

Колесниченко О. Взгляд на жизнь Матильды Кшесинской не из партера // Независимое военное обозрение. 2011. 21 окт.

Васильев А., Лопато Л. Царица парижских кабаре. М.: АНФ, 2011.

Климов А. Белое движение. Краткая история возникновения // Официальный сайт Центрального музея Вооруженных Сил. 2013. 23 март.

Макаров В.Г., Христофоров В. С. Пассажиры «философского

парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом — осенью 1922 г.) // Вопросы философии. 2003. № 7. С.113–137.

Дегтярев К., Колпакиди А. Энциклопедия спецслужб. Внешняя разведка СССР. ИНО ПГУ СВР. М.: ЭКСМО; ЯУЗА, 2009.

Быстролетов Д. Пир бессмертных. М.: Граница, 1993.

Дружников Ю. Новое русское слово. Нью-Йорк, 1989. 24 февр.

Есенин С. Железный Миргород // С. Есенин. Собр. соч.: в 3 т. М.: Правда, 1970.

Шварев Н. Нелегалы внешней разведки. М.: ИД Звонница — МГ, 2008.

Волкогонов Д. Троцкий. М., 1997. Т. 2. С.134.